

"Начало пути"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Ольга Мяхар, Дарья Ковальская

НАЧАЛО ПУТИ

ПРОЛОГ

Воскресенье

22:15

Глупо уже начинать вести дневник. В сотый раз, наверное. Ну да ладно. Так грустно и скучно, что хоть чем-то себя займу.

Сначала поною.

Меня зовут Сиггун, что в переводе означает «любящая побеждать». Родители увлекались в свое время... вот и нарекли дочурку. Друзья зовут просто Сиг. Не очень звучно, зато коротко.

Собственно, нитье... Непривычно как-то выкладывать проблемы на бумаге. Но Санька сказал, что это стопудово поможет, так что попытаюсь. Перечислю. Да, лучше все перечислить. Определенно. Итак:

1. Я некрасивая. И не надо говорить, что все женщины это говорят. Я в этом уверена. Знаете ли, когда каждый день видишь себя в зеркале, поневоле задумаешься. Нет, я не урод, не подумайте. Так, среднестатистическая внешность среднестатистической девчонки. Мышиного цвета волосы, слишком пухлые губы, чуть кривой нос... Пожалуй, единственное, что мне в себе точно нравится, — это глаза — серые, со стальным отливом, они так и напрашиваются на балладу о воинах... Далее.

2. Безработная. Ну нельзя же назвать работу школьной лаборантки достойной именоваться гордым званием профессия. Периодически подрабатываю то тут, то там, но нигде толком не задерживаюсь, так как... Но это уже пункт три.

3. Невезучая. Причем в максимальной степени. И тут уже хочется особо остановиться, отпить из кружки горячего чаю, сунуть в рот шоколадку и... продолжить. Мое невезение особого свойства, оно преследует меня с детства. Мне никогда не везло в игры, в карты, в учебе. Просыпалась я не с теми мужиками, дружила не с теми людьми и, давая в долг, никогда больше не видела тех денег. Вы скажете — фигня! Выше нос! Пессимизм — это хреново, оптимизм — наше все! Угу. Спасибо, плавали, знаем.

А что вы скажете на это:

а) Я всегда опаздываю на автобусы, маршрутки, поезда и прочее. Даже если и прихожу вовремя, они уходят без меня — не могу втиснуться, а если и удастся сесть, — попадают в аварию. Помню, как-то едва успела на самолет, так у него прямо в воздухе кончилось топливо, слава господу, экстренно сели, чуть ли не в джунглях, и я пропустила свадьбу двоюродной сестры, которая до сих пор на меня дует... А «скорая»! Как-то лежу я вся такая несчастная с приступом аппендицита. Врачи суется, мигалка ревет, машины расступаются, и... хрясь! Пробило три колеса из четырех. Мрак. Меня довозили на трех машинах, ломавшихся одна за другой. А все потому, что мне ну очень срочно надо было в больницу. Трагическое стечение обстоятельств, скажете? Ладно. А как вам это:

б) Ни на одной работе я не задерживаюсь дольше испытательного срока. Да-да, я понимаю. Жизнь такая. Столица — жестокий город, не надо щелкать клювом и уходить в себя. Но... даже получив «ответственную» должность полотерки в одном из банков и сумев отдраить оба этажа всего за полдня... я не приглянулась охране! Сказали: морда больно хитрая, не иначе как замышляет ограбить банк... Ведь нормальный человек так стараться за шесть тысяч рублей в месяц не будет. Идиоты! Нормальный — нет, но я-то другое дело. И вообще, как они это представляют — я проникаю в хранилище и, воровато сунув деньги в помойное ведро, покидаю банк? Н-да. Но факт остается фактом. Ни продавщицей (сломала морозильник), ни рабочим склада (обвалила стеллаж с вазами... там было до хрена ваз), ни актрисой, на которую училась шесть лет (не хочу вспоминать, это было ужасно), я продержаться дольше месяца не могла. И если это не невезение, тогда уж я не знаю что.

в) Да, и еще... Мне тотально не везет с мужиками. Каждый донжуан, которого я отлавливаю, или пытается учить меня жизни, или оказывается алкоголиком. Но чаще у меня прут из квартиры последнее, сматываясь уже после первой ночи «неземной любви»... У меня

комплексы на этой почве. Может, я парней не там ищу?

Короче, вы всё поняли. Жизнь моя беспросветна и уныла. Я даже к бабкам ходила. К специальным. Отдала последнее, чтобы только избавили от проклятия. Три из них при виде меня перекрестились и захлопнули дверь. Еще две долго чего-то там химичили над шариком, бубня себя под нос. В итоге — выдали мне какие-то мази и пару свечей с нистатином, окрашенных в черный цвет. Уверяли, что поможет. Я их же им же там чуть и не вставила. Последняя, правда, вменяемая оказалась. Долго так на меня смотрела, сидя на кухне и поедая принесенные мной конфеты. После чего просветила, что проклятие есть, но снять его нельзя, ибо оно материнское. На мой ошалевший взгляд и писк: «Мама меня любила» — бабка добавила, что и не проклятие вовсе, а благословение. Типа судьба ведет меня по нужному руслу, и будет мне в конце великое счастье. А пока во мне воспитывают это, как его... силу воли. И характер. Ну заодно подстраивают обстоятельства так, чтобы я в день Икс оказалась в месте N и нашла свое великое счастье. Я почесала в затылке, заплатила тысячу и смылась подобру-поздорову. Не знаю, права она или нет, но на душе стало чуть легче, и к неприятностям я с тех пор относилась стоически и с юморком.

23:36

Чай попила... телевизор поглядела. Показывали какой-то фильм, но на самом интересном месте его прервали. Педро как раз со слезами на глазах пытался признаться помирающей Марии в любви. Та, несмотря на жуткую боль от сорока огнестрельных ранений, обняла парня и начала петь об ответных чувствах, — редкое мужество или у девочки мозги поехали, не выдержав жестокостей сценария? Я не поленилась и полезла на крышу — узнать, в чем проблема. Благо живу как раз на последнем — пятом этаже. Ну и... все, хана антенне. Ее снесло сбитым ураганом деревом. Естественно, оказавшимся единственным настолько высоким деревом на всю округу. Теперь придется какое-то время пожить без телевизора. Обидно. А что делать?

Ладно. Я — спать. Вроде поныла достаточно. Внутри полегчало. Да и... на работу рано вставать. Даже будучи школьной лаборанткой, я работаю на другом конце города. Мрак... Но хватит о грустном. Спокойной ночи самой лучшей в мире мне...

А еще я туалеты мою. Не хотела писать, но чего уж там. Вряд ли кто еще это прочтет. По ночам... в школе. Круто, да? Днем стесняюсь, а ночью можно. А что, удобно! Еще и охраной можно подрабатывать: по понедельникам, средам и пятницам. На печенье хватает. На одежду нет. Все. Бай.

Понедельник

02:12

Сажу в туалете и драю его.
Терпеть не могу это больше всего.
Мне хочется есть, очень хочется спать.
Но, стиснув зубы, я не буду рыдать.

А ничего так стихи получились. Цепляют... Могла бы и поэтом стать. А что? Только лень — великое дело в наше время.

Так. Надо описать события сегодняшнего дня. Ну... я встала, увидела, что проспала, и вылетела без завтрака и зонта. На улице, понятно, лил дождь. С моим-то везением. На автобус я опоздала, маршрутка окатила водой из лужи, залив по самую шею, еще и молния ударила в рядом стоящий дуб. Мокрая, взвинченная и злая до школы я добежала в рекордные сроки, преодолев пять километров нашего небольшого городка, кстати, расположенного рядом со столицей. Не опоздала! Что показательно. Но эксперименты не клеились, химик при виде меня взвизгнул — я влетела в кабинет без стука, врезав по двери ногой, и с мокрыми, упавшими на лицо волосами... — так что его можно понять. А еще заходил директор и спросил: «Кто этот бомж?» — глядя на меня. Все еще немного бледный химик объяснял, что я — это я. Я как раз смогла снять грязный плащ и убрать с лица шевелюру. Протянутую руку директор почему-то не пожал. Ну и не очень-то и надо.

Я еще не надоела своим нытьем? Впрочем, неважно. Надо писать все! Только тогда стану ярким оптимистом и на хрен изменю всю свою жизнь.

У меня, кстати, послезавтра собеседование на должность помощника заместителя главного бухгалтера... Не спрашивайте, сама в шоке.

Ну а сейчас я сижу в подсобке, пью отдающий пластмассой чай и грею ноги у старенького обогревателя. Все вычистила, в школе спокойно. Можно и поспать... если бы живот еще так не бурчал. Через полчаса пойду на обход коридоров.

Да и еще... странный какой-то этот дневник. Я его нашла в старом бабушкином шкафу, вроде старинный какой-то, обложка — словно из кожи. Да, и... такое ощущение, словно некоторые записи он делает сам. Без меня. Пару предложений, которые писала вчера, — я в упор не узнаю. Не знаю, может, это банальный недосып. Я в последнее время сильно устаю и очень мало ем. Надо расслабиться и отдохнуть как-нибудь. Тогда и эти глупости из головы повывудет.

Посплю-ка я полчасака...

07:30

Н-да... полчасака-полчасака. Надеюсь, школа цела и хулиганы именно сегодня нас не навещали. Где мой плащ, вашу маха?!

09:21

Готовлю реактивы, зевая и мечтая умыться. Зубы бы почистить... Химик все бубнит, намекая на мою невнимательность и собственные нервы. Да-да. Я поняла. Синюю — в красную, желтую — в зеленую. И нагреть. До пятидесяти шести градусов... Как спать-то хочется!

09:25

Синюю все-таки в зеленую надо было. Вонь стоит такая, что ученики высунулись в окно. Мне угрожают потерей работы и линчеванием на ближайшем педсовете. Зажимаю нос рукой, кашляя и глотая слезы. Я поняла. Угу. А вы найдите еще идиота, который будет за такие копейки здесь работать, тогда и линчуйте. Главное — не сказать это в лицо. И не ржать! Чего я смешала-то хоть? Улыбка так и лезет на лицо.

11:34

Я изобрела новый вид наркотика. Ржут все, кто проходит мимо лаборантской. Химик счастлив и простил мне сразу все. Курю в коридоре, пока народ «дезинфицирует» школу. В окно видно, как счастливые дети срочно покидают здание, досрочно отпущенные с уроков. Ну хоть кому-то везет.

15:43

Тупо изучаю дневник. Строчки появляются сами по себе... а я ничего сегодня не писала. Какого хрена, мать вашу?!

21:12

Я дома. Изучаю бабушкины записи. Дневник лежит в кухне на столе. Курю пятую сигарету за последние полчаса, очень хочется выпить. Я схожу с ума? А чего так сразу вдруг? Не хочу в дурку.

22:10

Нашла в шкафу записку от бабушки в стиле: краткость — сестра таланта: «Дорогая внучка. Завещаю тебе все свое имущество и „волшебный дневник“. Он принесет тебе счастье, как когда-то принес мне. Я сама его зачаровала так, чтобы он записывал мысли своего хозяина. Не бойся. Помнишь, как мы духов вызывали? Ты же хотела стать волшебницей. Целую, твоя бабуля».

Ну... ммм... как духов вызывали — помню. Как тушили после этого кухню — тоже.

Глотаю водку прямо из бутылки, сидя на покосившейся табуретке и косясь на дневник. Тот продолжает писать даже сейчас, зараза мелкая. Может, его сжечь? Не люблю все эти фокусы и магию. С детства.

23:56

Он не горит, не тонет, не выкидывается, ибо сам возвращается назад, и еще — его нельзя порвать.

Прелестно. Пьяная и недовольная, иду спать. Кроватка... Хорошо, когда есть дом и кроватка.

Всем бай.

Вторник

15:24

Стою в дверях магазина с объявлением «Распродажа» на витрине, сжимая в кулаке последнюю тысячу. Мне позарез нужна куртка, ибо плащ не пережил той лужи. Хищно оглядываюсь по сторонам. И так... приступим!

16:09

Я ее нашла! Я нашла!

Йес!

Теплая серая курточка, с капюшоном и... браком. Мне снизили цену до тысячи и позволили ее купить. Все еще не веря удаче, с гордостью выхожу на улицу, сжимая пакет в руке. Солнце на улице... А может, прав Сашка и все невезение из-за моего настроения? А на самом деле...

16:34

На самом деле куртка принадлежала одной из покупательниц, забывшей ее в магазине, а ушлый продавец, не найдя ценника, — продал мне ее за тысячу... И если бы я не стала разглядывать ее на пороге магазина, радуясь обновке, — ее бы у меня не отобрали.

Полчаса выбивала деньги у продавца, стуча кулаком по прилавку и требуя справедливости. Девушка стояла рядом. Умоляя отдать куртку. Сначала деньги!

Деньги вернули, куртку отняли, а меня выставили из «бутика», душевно попросив больше не возвращаться. Я ответила, куда конкретно они могут пойти — магазин, продавцы и вся линия одежды... А вообще, страшно обидно. Ходить-то не в чем.

17:09

Ладно. Спокойно. Что я все ною да ною? Вообще с рождения у меня не такой уж вредный характер. Нет, не так. Характер у меня страшно вредный, но при этом веселый и жизнестойкий, что ли. На любую неприятность я отвечу прищуром серых глаз и усмешкой, которая способна насторожить даже матерого волка. Я никогда не сдаюсь и не унываю. Мне это в принципе вредно. Да и дневник в основном решила писать потому, что хочу потом как-нибудь сесть, лет этак в восемьдесят — девяносто, перечитать и посмеяться. Сидеть я, понятно дело, буду у окна в скрипучем кресле-качалке, вокруг будут резвиться внуки и внучки, дергающие бабушку за плед и с открытыми ртами ожидающие продолжения истории. Вот такие у меня планы. А пока...

А пока я сижу в канализационном люке, со сломанным каблуком, с парой синяков на пояснице и вывихнутыми пальцами правой руки (за крышку цеплялась, стараясь удержаться на поверхности). Н-да-а... и теперь жду, когда меня спасут, ибо сама я выберусь вряд ли. Тут еще и пары-тройки ступенек нет тоже из-за меня — сшибла, пока падала.

Так... описываю окружающее пространство. Темно. Влажно. Воняет... сверху падают лучи заходящего солнца и ездят машины. Пробовала орать, но меня, понятно, никто не услышал. А сорвать голос как-то не хочется. Вправо и влево отходят длинные туннели в неизвестность. Бродить по ним страшно не хочется, но придется, если меня здесь так никто и не найдет. А еще... еще у меня в сумке есть бутерброд, сосиска и пакетик сока. И я нагло жую бутерброд. А что делать — кушать-то хочется, да и успокаивает это как-то.

17:32

Я замерзла. Дневник что-то пишет самопроявляющимися чернилами. С интересом наблюдаю

за процессом, открыв на пустых страницах. Бабушка... вот именно сейчас мне почему-то не страшно. Даже если я сошла с ума и лежу в палате номер ...дцать — все равно не страшно. Помню, бабуля была горазда на выдумки. Каждую пятницу, сидя на кухне, она доставала старинную книгу заклинаний, расставляла везде оплывшие огарки свечей, зажигала их и готовила очередное волшебное зелье, которое должно было чуток изменить реальность на более сказочную. Мелкая сикозязка в моем лице ей в этом активно помогала. Нам никто не мешал, так как родители пропали, еще когда мне было три года. С тех пор я их не видела и помню смутно. Бабуля обещала, что однажды они вернуться. Я больше в это не верю.

Не суть. Интересно то, что в ходе всех этих манипуляций у нас и впрямь что-то выходило. То светлячки роем влетали в окно и рассаживались по стенам, перемигиваясь огоньками, то ложка с вилок начинали ходить по столу, оглядываясь и прижимаясь друг к другу. А однажды... однажды я принесла мертвого воробья и со слезами на глазах попросила его оживить. Бабуля долго отнекивалась, но мой трясущийся подбородок и зареванный вид мог разжалобить кого угодно. И мы совершили ритуал. Нарисовали пентаграмму, долго что-то бубнили, взявшись за руки. И минут через пять птичка зашевелилась, поднялась, громко чирикнула и вылетела в окно...

Сейчас я взрослая и в чудеса не верю. Наверняка тогда птичка не умерла, а просто потеряла сознание, светлячков привлек запах бабушкиных пирогов, между делом готовящихся в духовке, а вилка и ложка... магниты? Наверняка была хитрая система магнитов под столом.

Только вот... дневник упорно пишет эти строчки прямо перед моим носом. И как бы я ни отрицала все чудеса разом — не собирается останавливаться. Н-да, бабуля. А может, ты и впрямь была немножко волшебницей? Или ведьмой, как любили тебя называть окрестные кумушки. Не знаю. Но получается, что с твоей смертью дар перешел мне, и ведьма теперь я. Может, потому и сыплются на меня неприятности — сила не знает, куда себя деть, и бесится, устраивая мне приключения...

Неважно. Ой, кто-то идет!

18:10

Я замерзла. Охрипла. Телефон забыт дома, да и звонить мне особо некому. Гадство.

18:32

Пыталась забраться наверх самостоятельно. Упала и ушибла ногу... Помогите! Ну хоть кто-нибудь!

19:01

Темнеет. Развлекаю себя тем, что мысленно представляю собственное будущее. Лет так через пять... в этот люк заглянут, увидят вцепившийся в ступени скелет с отвисшей челюстью и... и похоронят с почестями, написав на надгробном камне: «Житель канализации, так и не выбравшийся на свет». А что? Будет круто.

Реву. И чего я реву? Ну когда же это все закончится! Я не хочу больше быть одна! Если есть это дурацкое волшебство, так пусть наконец сделает хоть что-то полезное! Пусть найдет кого-то... для меня.

20:17

Крыса. Здесь есть крысы. Мой визг потряс ее до глубины души. Пытаюсь встать, но скрюченные от долгого сидения на корточках ноги упорно не разгибаются.

20:22

А она не уходит... чует мою погибель! Небось и товарок приведет, дабы отведали свежего мяса. Хо-хо.

А вообще — защищаться буду до последнего. Я даже сумочку приготовила на манер метательного снаряда. А там у меня еще и консервы, купленные на вечер. Так что если что — мало не покажется.

О! У меня есть консервы и нож? Мням.

21:43

Смотрим с крысой друг на друга. Я ей тоже рыбки дала. Она съела. Что бы еще такого... придумать. Сказку ей, что ли, рассказать?

— Ты невинна?

— Мама!!!

22:14

Она говорит! Она говорит!!!

Это шиза, у меня съехала крыша, я все-таки сбрендил! В данный момент убиваю крысу сумкой, вопя, чтобы та свалила. Грызун неплохо уворачивается, сверкая красными глазками и шипя на сумку. Крысы шипят? Эта шипит.

— А ну стой!

Застываю, тяжело дыша и сжимая сумку в поднятой руке.

— Негоже ведьме так орать!

— Сам такой.

— Еще раз. Ты невинна?

— Я невиновна, — хриплым голосом, который все же сорвала, пытаюсь докричаться до поверхности.

— Не доводи меня, Сиггун. Ты невинна?

Внезапно я успокоилась. Самопишущий дневник, канализация, говорящая крыса, знающая мое имя. Либо я слишком сильно ударила головой, либо все же сбрендил, вдохнув новый вид веселящего газа в школе, либо... я ведьма. Последнее — столь маловероятно, что и думать не хочется. Ладно. Все в жизни надо принимать спокойно. Да и пугаться нет сил.

— Последний раз спрашиваю. — Крыса встала на задние лапы, уперлась плечом в стену и зло сощурила глаза. — Ты невинна?

— Нет, — мрачно.

— Отлично. Хочешь изменить свою жизнь?

— Мечтаю.

— Не язви. Я серьезно. Могу изменить все, раз и навсегда. Считаю... что я твой ангел-хранитель.

С ужасом рассматриваю личного ангела. То-то я смотрю, жизнь как-то не задалась.

— Короче, ты читала «Алису в стране чудес»?

— Да.

— Пойдешь за мной, как за белым кроликом, — приведу в другой мир. И будет тебе счастье.

— Спасибо.

— Это значит «да»?

— Это значит: пошел на...

— Хм. А если еще и мелкого подарю?

— Мелкого? — осторожно садясь обратно и доставая сигареты.

— По-вашему — эльфа. Маленького, с крылышками и советами. Будет всегда с тобой рядом и избавит от одиночества, которое ты так ненавидишь.

— А чего это он будет рядом?

— А ты не знаешь, что эльфы питаются кровью хозяев?

— Хозяев? Эльфы — кровью? А как же фрукты, овощи? Они вроде вегетарианцы?

— Так... Ты хоть какое-то образование получила? Тоже мне ведьма. Ни черта не знаешь. — Крыса сплюнула на пол, поразив меня до глубины души. — Дай прикурить.

Молча протягиваю сигарету, стараясь забить внутрь голос разума. Затянувшись, грызун успокоился и более-менее вменяемо объяснил:

— Кровные эльфы создаются из крови ведм. Потом ею же и питаются, плюс творят мелкое волшебство. Если должным образом воспитать — могут стать неплохими шпионами. Ты меня слушаешь?

— Да, — отвлекаясь от хвоста, который просто гипнотически подергивался.

— Так. Еще раз. Хочешь изменить свою жизнь?

— Да.

— А друга?

— Да.

— Любовь до гроба?

— Да. — Все увереннее и увереннее. На крысу я уже смотрела с надеждой, близкой к отчаянию.

— Отлично. Значит, тебе со мной. Пошли.

И крыс, затаившись в последний раз, щелчком отбросил окурочок в сторону и, развернувшись, побрел вниз по туннелю, не дожидаясь меня.

Смотрю наверх. Свет погас, сменившись ночью. Высоко-высоко мерцают редкие звезды, и тихо шуршат шины проезжающих мимо машин. Медленно встаю, морщусь от боли и покалывания в ногах и, упираясь рукой в склизкую стену, иду по туннелю вслед за крысой. И вы можете хоть сотню раз назвать меня дурой. Мне все равно. Сейчас, наверное, я поверю даже в Санта-Клауса.

Среда

02:31

Вы когда-нибудь мечтали, сидя ночью на подоконнике, потягивая горячий чай и задумчиво шурясь на свет фонаря? Ветви деревьев царапают окно, черный кот задумчиво проходит мимо по улице. А на душе спокойно, тихо... И мечты, оживающие перед глазами. Мечты о принцах, драконах, славных подвигах и любви до гроба... хрустального. Мечты о воздушных замках и великом богатстве. Мечты о том самом мужчине, женщине или, на худой конец, собаке. Мечтали ведь, не спорьте. По крайней мере, у меня в последнее время это стало почти ритуалом. Когда серые противные будни заканчиваются. Когда нервы хоть немного приходят в порядок, а в письменном столе спрятана небольшая шоколадка, садишься, прижимаясь виском к холодному стеклу, и мечтаешь, стараясь не плакать и улыбаясь уходящему дню.

К чему все это? Да, блин, мечты сбываются! И если бы меня заранее предупредили — как, я бы снесла подоконник, перешла на кофе и вкалывала по-черному. А то принцы, драконы и прочие сказочные чудики только на страницах книг такие милые и славные. В жизни это жуть кромешная, а главная героиня постоянно рискует свернуть шею, нарваться на ор любимого или быть сожженной заживо рептилией. Вам весело? Отлично! Айда за мной!

Я вот уже часа три как бреду по колону в нечистотах, зажимая грязной рукой нос и матерясь сквозь зубы. Что-то бежит по стенам, крыс плывет впереди, стараясь не зачерпнуть «это» ртом. Да еще и капает, а впереди шумит сток. Это ска-а-зочно «приятно». Это просто сказочно! Не знаю, когда там начнутся чудеса и приключения, но я теперь точно знаю, чего хочу. Домой. Крысу я это уже сообщила раз сто, не меньше, в разных формах и звуковой тональности. Тот молчит, чтобы не нахлебаться.

02:35

Я навернулась. — Без комментариев!

Ненавижу сказки.

03:15

— Кры-ыс... кры-ы-ы-ыс!!!

— Чего? — вылезая на каменный бордюр и поворачиваясь ко мне. Вид у него был тот еще.

— ...Я домой, — сквозь слезы и сопли. — Можно?

— Можно. Выход там.

Мне ткнули лапкой куда-то за спину.

— Там — это где? — Вся в страшных предчувствиях.

— Где спустилась, там и выйдешь. Хочешь — возвращайся. Ты меня уже достала, если честно. Все. Пока.

Холод скользнул по ногам и взобрался на макушку. Оборачиваюсь, глядя вслед убегающему проводнику.

— Я передумала! — рванув к бордюру и оскальзываясь на склизком дне.

Крыс, зараза, побежал дальше.

03:56

Я вот что думаю... Не так уж и плохо было наверху. А что? Квартира есть, работа какая-никакая есть, на жизнь хватало. На одежду — не очень, но это явно был не повод, чтобы так глубоко уходить в депресняк.

Зато сейчас я без дома, без работы и сижу в канализации — мокрая, грязная, вонючая, замерзшая и страшно одинокая. И ведь ныла... страдала... дура!

А знаете, если я когда-нибудь отсюда выберусь, вот клянусь, что никогда в жизни больше не буду ныть! Не буду бояться, буду улыбаться, чего бы мне это ни стоило, и идти напролом. Я... я домой хочу. Очень. В душ. Горячий. И булочку, и кровать с пледом, и родной подоконник. Э-эх!

Домой бы... Мама.

04:32

— Спишь?

Сонно смотрю на что-то шевелящееся прямо перед носом. Крыса. Взвизгнув, вскочила, стряхнув это что-то в воду. Булькнув, существо скрылось под водой.

04:33

Он утоп. Крыс утоп! Мама, мамочка. Мне что, лезть за ним?!

Да что ж такое!

04:35

Я его нашла!

Вытащила... Не дышит. Это чего... искусственное дыхание делать? Гадость какая! Так. Без паники. В сумке был шарик! Точно. Вот он. В пакете был, не намок. Отлично.

04:37

Надув шарик, вставила конец в пасть крысу, сжала мокрые челюсти и отпустила зажим. Шарик сдулся — крыс надулся, причем резко так. Пузико стало круглым, а глаза выпучились. Это значит, что он пришел в себя?

04:39

Кашляющий крыс стоит на карачках и силится выговорить — что он со мной сделает, если еще хоть раз...

Убираю шарик в сумку, внутренне ликуя. У меня снова есть проводник, и, значит, появились хорошие шансы выйти отсюда на свет белый. Я его теперь ни за что не отпущу. Скорее сдохну.

05:23

Идем по туннелю. Крыс молчит. Я молчу. Ну хоть не булькает вокруг, и запах вполне ничего себе, особенно по сравнению с тем, что было.

— Привал.

— А? — удивленно смотрю на проводника.

— Ты последние минут десять идешь по стенке, прижимаясь к ней, можно сказать, сроднилась со стеной. Привал.

— А.

Съезжаю вниз и благодарно улыбаюсь.

— Давай руку.

Недоверчиво смотрю на грязного крыса, севшего рядом со мной.

— Зачем?

— Сделаю эльфа. Обещал ведь.

— А.

У меня как-то слова закончились. Голова кружится и спать хочется. Молча протягиваю руку. Ее сильно кусают. Бли-ин! Кстати, крысы — разносчики заразы.

— Терпи.

Киваю, сжимая зубы. Кровь двумя ручейками стекает на пол.

Крыс начинает что-то чертить, окуная коготь в красную лужицу и расчистив пол хвостом. Устало за ним наблюдаю.

— А он будет большой?

— Кто?

— Эльф.

Мне бы на ручки... Вот появилось бы что-то высокое, сильное, блондинистое и по уши влюбленное. Как поднимет на руки, как вопьется в губы мои алые...

— Ты не могла бы думать потише? Сбиваешь.

— А?

— Я читаю мысли, не ясно? Да и то, что ты представила, — не эльф, а паладин. А у них обет безбрачия и мысли только о войне. Кстати, ведьм они размазывают по стене, после чего сжигают останки.

Хмуро представляю все того же блондина, со зверским оскалом бегущего со мной на руках к стене. Мне говорят, что вмажемся вместе и погибнем в один день. Крыс закашлялся, подергиваясь от смеха.

Обиженно отворачиваюсь. Тоже мне великий знаток чувств.

— Готово. Теперь повторяй за мной. Вдоу побрджтю аюбпърм...

— А?

— Ты другие звуки знаешь?

— Да.

— Тогда повторяй...

— Я не выговарю.

На меня злобно посмотрели, сверкнув черными глазками. Я поняла, что снова его довела.

— Знаешь... а я тебя выбрал абсолютно правильно! Ему именно такую дуру и надо.

Шипение крыса заставило вздрогнуть, а полыхнувший в зрачках алый огонек реально напугал. Я вдруг вспомнила, что говорящие большие крысы — вряд ли смешные пушистики из дамских романов. Этот еще и колдун к тому же, а я нарываюсь. Надо взять себя в руки...

06:21

Крыс колдует, заставляя повторять тарабарщину. Ломаю язык и не рыпаюсь. Пентаграмма то вспыхивает, то гаснет, причем местами. Мне сказали, что у меня хреновая кровь и

отвратительные гены. Предлагаю ему поделиться своей кровушкой. Крыс ответил, что тогда эффект будет жутким и непредсказуемым. Я заинтересовалась.

06:23

У него ничего не выходит, зато я заметила ранку на его хвосте. Пара капля крови упала как раз рядом с линиями моей крови. Незаметно смешиваю алые капли, пока он копается в сумке. Хм... у меня будет суперэльф?

6:28

Он сигареты искал, нашел три последние. Курит. Сажу у стены и внимательно за ним наблюдаю, ожидая магии и чувствуя, насколько мне жалко вот этих трех последних сигарет.

06:32

Пентаграмма вспыхнула разом, причем так ярко, что я чуть не ослепла. Крыс удивленно огляделся и договорил последние слова заклинания. Из центра тут же что-то начало вылезать. Хочется сбежать и не уходить — одновременно.

Полная тишина, потрескивание линий крови и шипение крыса, чтобы я молчала.

06:51

Сидим с ним рядом у стены, докуривая сигаретку. Лица подсвечивает алый свет, а из пентаграммы на нас смотрит «оно».

— Беру свои слова назад. Ты очень сильная колдунья, — задумчиво и с оттенком удивления.

— Спасибо.

Помолчали. Затянулись. У крыса, кстати, классно получается. Дымит через нос, привалившись спиной к стене.

— А у него и должны быть рубиновые глаза?

— Красные. Просто так сверкают. Нет, не должны.

Хмыкаю.

— А какие должны?

— Если бы ты была магом воды — синие, земли — коричневые, воздуха — серые.

— А алые?

— А ты мою кровь, случаем, не добавляла? — подозрительно.

— Нет, — фыркнув.

— Хм... хотя я бы заметил. Алые — цвет крови. А магия крови — древнейшая и сильнейшая.

Поздравляю, он тебя сожрет. Если сможет, конечно.

— Чего это?

— Да так. Был бы водным — много б пил, был бы воздушным — собирал бы энергию воздуха. А так... его теперь проще убить, чем прокормить.

Существо в барьере оскалилось, продемонстрировав крохотные клыки, блеснувшие словно иглы.

— Гм.

Раздумываю, чьей конкретно крови эта малявка хочет. Вряд ли жаждет моей. Смотрит он, по крайней мере, на крыса.

Сидим, курим. Интересно, сколько сейчас времени? Поспать бы... Крыс тоже зевнул.

— Хм, кстати, это первый эльф с клыками, когтями и крыльями, распадающимися на иглы.

— Говорить сможет?

— Это не попугай, — наставительно. Перебираясь ко мне на колени.

Ошалело на него смотрю.

— Тут теплее, — недовольно.

— Потерпишь. А-а... ладно. Это... спокойной ночи.

— Ага.

И как-то незаметно я тоже провалилась в сон, соскользнув по стене на жесткий холодный пол.

09:34

Меня безжалостно подняли и попросили выпустить эту заразу или убить. Эльф последний час занимался тем, что вытаскивал из спины иглы и прицельно метал их в крыса. Крыс был ранен в трех местах. Иглы каждый раз возвращались, как бумеранг, и эльф плотоядно слизывал с них кровь.

Изучаю облизывающего иголки эльфа. Крыс спросил — какого хрена стреляют именно в него? Нервно ржу, не зная, что сказать.

Крыс решил, что у меня нервный срыв, и отстал.

09:45

Стою у пентаграммы, глядя на мелкого духа. Размером с ладонь, он сидит в центре и с интересом изучает меня. Вздыхнув, стираю носком линию пентаграммы. Эльф тут же исчез, а ногу обдало ветром.

За спиной раздался вопль ужаса.

11:23

Идем по туннелю. Эльф сидит у меня на руках и кусает палец. Едва эта мелочь попробовала мою кровь — тут же отстала от крыса. Грызун хрипло матерится, хромает и вспоминает какого-то некроманта «добрым словом». Некромант должен ответить за все и сразу, после чего сдохнуть самой мучительной и жуткой смертью. А ничего себе выражается, надо запомнить парочку высказываний для потомков, так сказать...

13:34

Сказал, что мы дошли, ткнул лапой вверх и велел подниматься по скобам, впаянным в стену. Молча лезу следом, морщась от боли в распухшем пальце. Эльф сыто посапывает на макушке, царапаясь коготками и крыльями.

Крылья у него, кстати, словно металлические какие-то... Ему идет.

Яркий свет. Чужой голос, вихри перед глазами и... тяжелый, чугунный удар по голове.

Темно. Тихо. Наконец-то никуда не надо идти.

Часть первая

ЗНАКОМСТВО

День неизвестен. Время неизвестно. Мир неизвестен.

Идет перенастройка дневника. Пожалуйста, подождите.

...

Перенастройка закончена.

Спасибо, что пользуетесь дневниками фирмы «Ведьмак и Ко». «Ведьмак» — всегда на страже спокойствия ведьм.

Средница

08:31

Что-то мне нехорошо... бли-ин, как голова-то болит. Медленно открыть правый глаз, еще более медленно левый.

Кто гудит? А! О!

Рядом со мной стоит кто-то в черном балахоне, капюшон скрывает лицо, в руке нож. Я, кстати, привязана, точнее, прикована к какой-то каменюке посреди большой комнаты, отделанной деревом.

Нож держат над головой, бормоча что-то себе под нос. Мне... точно будет больно.

— В сердце целься. Промажешь.

Поворачиваю голову и вижу сидящего на спинке стула крыса. Стул скрипит, мужик бубнит, из окна дует.

— Заткнись. В живот надо. В книге четко написано: «В живот невинной девы».

— Я страшно не невинна! — хриплю, пытаюсь приподняться на локтях. — У меня были толпы мужиков, и я всю жизнь бегала за армией!

Нож замер. Капюшон мрачно повернулся к крысу.

— А что я? Ты просил ведьму? Это ведьма. Получи и распишись.

— А невинность!!!

Что ж так орать?

— Я не сказал, что доставлю девушку. Сказал, что ведьму.

— Ты кивнул! Бес!

— И что? Не ори, пожалуйста, что-нибудь отвалится.

Мужик, шатаясь, добрал до кресла и рухнул в него. При этом отвалилась рука, выпав из рукава и покотившись по полу. Круглыми глазами на нее смотрю. Сердце рвануло куда-то вбок и рухнуло вниз. А так бывает?

— Вот. Уже руки падают. Давно зелье пил?

— Неделю как.

— «Неделю как...» — передразнил крыс и спрыгнул на пол. Руку взял и, подтащили к стулу и вопросительно посмотрел на капюшон. Тот вздохнул.

— Это ведь месть, да?

— А нечего было меня заставлять задарма работать. Насильно вызвал, контракт подписать заставил. Теперь сам и выкручивайся. А я свободен. Дурень! — Крыс усмехнулся, взмахнул хвостом и исчез. Вместе с рукой.

— Эй!

Но мага уже никто не слышал.

— Вот ведь зараза мелкая. Руку отдай!

В комнате раздался противный хохот, и появилось маленькое облачко дыма. Принюхавшись, я опознала свои сигареты, которые этот гад спер.

Смотрим с «капюшоном» друг на друга. Стараюсь не шевелиться и не греметь цепями.

— Может, тебя все-таки убить? — с надеждой уточнил мужик. — Хлопот меньше, да и визгу не будет.

— Я готовить умею. — Пытаюсь улыбнуться и не трястись.

— Ну это мне необязательно. Я не ем.

— Убраться могу!

— Потерплю.

Кинжал подняли с пола и снова пошли ко мне. А у меня вся жизнь перед глазами замелькала. И так вдруг умирать расхотелось, хоть вой.

— Шить! Могу шить, стирать, гладить, убирать, готовить зелья, мыть полы, петь, читать, стонать...

Капюшон остановился, прислушиваясь. Я изо всех сил улыбалась, решив не сдаваться до конца.

— ...танцевать, летать, писать, считать...

— Ладно. Хватит. Эх! Вечно страдаю из-за своей доброты.

Оставшаяся рука с внушительными огрызками ногтей сделала какой-то странный пасс. В итоге цепи, звякнув, раскрылись, и я поняла, что свободна. Мужик же стянул с головы капюшон, и появился худощавый высокий маг с черными глазами, волосами и синим, покрытым трупными пятнами лицом. Нос был свернут чуть налево, ухо оттопырилось и опухло, справа в волосах сияла широкая плешь.

— А вы...

— Некромант. Не видно?

— Видно. — Я сейчас со всем согласна, лишь бы не убили.

— Ладно. Раз ведьма, будешь помогать с зельями... ну и помоешь, ототрешь и так далее. За зомби опять же глаз да глаз нужен.

Меня разглядывали без тени радости и с явной мукой на лице.

— Не любите женщин? — тихо.

— Таких — нет. Ты себя в зеркале видела?

Еще один. Мне что, все, что ли, будут рассказывать о моей... ой.

В углу как раз стояло пыльное зеркало, в котором отразилось нечто грязное, всклоченное, с опухшей правой половиной лица, в обрывках того, что еще утром называлось гордым словом «одежда».

— А не фиг было меня по голове бить.

— А не фиг на голове эльфов таскать, еще и кровных.

Какой у него голос противный. Хмуро смотрю исподлобья, почесывая синяк на ноге.

— Ну и? Где он?

— Кто?

— Эльф.

— Вон в банке сидит. Будешь слушаться — выпущу. Наверное. А нет — там и сдохнет. — С этими словами мужик развернулся, стряхнул с плеча еще один клочок волос и гордо вышел, шандарахнув дверью так, что посыпалась побелка с потолка.

Молча смотрю ему вслед.

Так. Из канализации выбралась. Это плюс. Познакомилась с озлобленным трупом — явный минус. Плюс труп теперь еще и мой шеф. Ну что ж, я обещала не сдаваться и не унывать. Вот и не подумая унывать.

09:15

Полчаса выковыривала беснующегося эльфа из трехлитровой банки. Он там метался словно угорелый и так пищал, что уши вянут. Открыть не смогла, разбить не получилось. Зато среди откровенного хлама и всеобщего бардака, накиданного повсеместно, нашла старый талмуд с надписью «Магия». Открыла, полистала. Нашла что-то про банки и попробовала прочитать пару строк.

Ну... эльф теперь свободен. А вот алтарем прошибло стену и кого-то убило внизу. Выглядываю через пролом и напряженно изучаю дергающиеся конечности, накрытые треснувшим камнем. К месту событий подтягивается народ. Все лысые, синие и редко целые — то уха нет, то пальцев, то еще чего не хватает. Некоторые и вовсе без головы. Подумав, решила пока не спускаться.

Эльф с наслаждением пьет мою кровь, присосавшись к пальцу.

Маленький, а такой прожорливый.

09:23

Меня нашел маг. И с воплем: «Какого хрена мой алтарь!..» — поскользнулся на осколках банки и рухнул в завалы книг. Пробираюсь к двери, вжимая голову в плечи, и даже и не думаю помочь. Тем более, судя по звукам, — жив.

Мне орут, что зарежут, как только догонят. Судорожно оглядываюсь по сторонам, ища выход.

Надо спрятаться. Некроманты люди суровые, сначала упокоят, потом успокоятся. А мне это на фиг не надо.

Эльф оторвался от пальца и влетел в какую-то комнату. Бегу следом, захлопнув за собой дверь. Сердце колотится где-то в горле, в глазах — шок и дикий ужас.

09:34

Некромант вынес дверь.

Лежу под кроватью, призывая знаками эльфа молчать. Тот ходит вокруг ночного горшка, с интересом к нему присматриваясь, игнорируя меня как личность. Гад.

Мимо прошагали обутые в дырявые носки страшно вонючие ноги. На правой ноге не было мизинца, левая сильно хромала. Надеюсь, это из-за меня.

— Выходи, хуже будет!

Угу. Лечу и падаю.

— Я знаю, что ты в шкафу. Ежели выйдешь — убью быстро и безболезненно. Даже воскрешать не стану.

По гроб жизни ему обязана.

— Ну же!

Заскрипели дверцы шкафа. Меня, понятно, там нет.

Рядом послышался тихий звон. Повернув голову, наблюдаю, как эльф тыкает иголкой в горшок, подняв крылья и тихо шипя.

Чего он к нему привязался? Горшок как горшок. Четыре ножки, черный и немного облупленный. Ну... ручка круглая.

Горшок звякнул еще раз и тихо передвинулся вправо. Вытаращив глаза, смотрю на него. Да нет, не может быть. Эльф просто сильно ткнул иголкой, вот он и...

— Ага!!!

Меня схватили за шкурку и рывком достали из-под кровати. Все, что успела сделать, — схватить тот самый горшок. Им мага и долбанула, приложив от всей души и с характерным звуком.

Маг взвыл и дернулся назад. Вырвавшись, улепетываю из комнаты, сжимая в руке погнутое орудие... убийства, кажется.

10:41

Я на чердаке. Сажу у небольшого заколоченного окна и пытаюсь восстановить дыхание. Маг битый час гонялся за мной по всему дому. Я опрокинула на него стеллаж с книгами, еще раз врезала горшком и пару раз ударила ногой в то самое место. Последний раз, когда я его видела, мужик летел с лестницы, пересчитывая ступени и пытаясь уцепиться оставшейся рукой за перила.

Я не знаю, что со мной сделают, когда найдут. Но скорее сдохну, чем пойду это выяснять.

Эльф сидит на коленке и смотрит на прижатый к моей груди горшок. И шипит на него, щуря рубиновые глазки.

Смотрю на мелкую пакость и невольно люблюсь тонкой изящной фигуркой и вечно вострепанными, чем-то похожими на ирокез волосами. Ну хоть не одна здесь. Это важно. Одна я бы давно сошла с ума.

11:21

— Ведьма! Выходи!

Просыпаюсь рывком, едва не завалившись набок. Коленку больно царапнули, недовольно перелезая на макушку.

— Да не трону я тебя! Все нормально! Я решил тебя простить!

Ори не ори, мне все равно.

— Кушать хочешь? Я котлеты пожарю!

В животе противно заурчало, а ноги начали мелко подрагивать. И попить бы...

— Спускайся давай! Незачем прятаться! Я злой, но отходчивый!

Медленно встаю и неуверенно смотрю на дверь, перед которой высится целая баррикада из стола, дивана, пары кресел и тюков не пойми с чем.

— Жду на кухне!

Голос стих, послышался звук, словно кто-то, сильно подволакивая ногу, удаляется по коридору.

Вздыхаю и подхожу к окну. Нет. Я ему не верю. Лучше дождусь ночи и вылезу в окно...

Предварительно выбив доски чем-нибудь тяжелым. Главное — все сделать тихо, как ветерок, хоть я и не вполне понимаю как.

12:07

Стою на пороге кухни и мрачно смотрю на некроманта. Тот сидит за столом и внимательно изучает зажатый в моей руке горшок.

— Помяла, — мрачно.

Киваю и угрожающе вскидываю его перед собой.

— Да ладно тебе. Садись. И поставь бяку, я его уже раза три использовал.

Фыркаю, вспоминая, где недавно бродила. Брезгливость — больше не про меня.

— Вот. Котлета. Как и обещал.

Смотрю на стол, приносиваясь и сглатывая слюни.

— А не отравишь? — тихо.

— Отравлю. Потом убью, повешу, сожгу и развею прах по ветру. Тебе легче?

Здрав нос, иду к столу, сажусь на стул и подвигаю к себе тарелку. Горшок поставила рядом, чтобы вовремя успеть схватить. Какой-то у него... ненормальный интерес к этому предмету.

— Ну и... как тебе тут?

Давлюсь котлеткой, пытаюсь вдохнуть. Мне налили бокал воды и вежливо пододвинули. Благодарно пью, одним глазом следя за горшком. Маг тоже не сводит с него взгляд.

— Что, — хрипло, пытаюсь выдавить смех, — в туалет хочешь?

Мужик фыркнул и перевел взгляд на меня.

— Даже ведьмы мне достаются ненормальные.

— Зато живучие, — гордо.

— Как тараканы. — Кивок.

Помолчали, продолжаю есть, стараясь запихнуть в рот побольше и наесться с запасом.

— Отдай горшок и иди себе куда хочешь. Вот честно.

Пододвигаю к себе реликвию.

— Ни за что! — мрачно.

— Так. А чего ты хочешь?

Думаю, стараясь не смотреть в его глаза. Мало ли — загипнотизирует.

— Работу! Хочу работу. Это ведь не Москва, да?

— Да. Это Златоуст.

— Как я и думала. Короче, даешь работу — возвращаю ночную вазу. И зарплату хочу! А еще еду и питье.

Маг привстал. Вскакиваю, сжимая металлическую ручку и расширив глаза.

— Да сиди ты. Я мантию поправить... Впивается, зараза.

Мантию поправили и снова сели. Тоже осторожно сажусь обратно.

— Понимаешь, не могу. Мне проще подсыпать тебе яду или зарезать во сне. Здесь, в Златоусте, живых нет.

Горшок неожиданно отодвинулся вбок и вновь застыл, словно ничего и не было. Молча на него смотрим.

— Он что, живой? — хриплю я, стараясь не рассмеяться. Впечатлений море!

— Нет.

— А.

— Не совсем. Дай сюда.

Предмет быта отобрали, прижали к груди и крайне злобно на меня уставились.

— Так. А теперь вали отсюда, пока я добрый. Ай!

Горшок затрещал, заискрился и задымился. Маг его не удержал и бросил обратно на стол. После чего железяка медленно и как-то рывками подползла обратно ко мне. Я даже жевать перестала.

— Мм... я ни при чем. — На всякий случай. Уж больно у мужика вид нервный.

— Так. Я передумал. Работаешь за еду и ночлег. Все. А ты... — В горшок ткнули пальцем, по которому тут же ударила молния.

— Уй!

— ...ты еще посмотришь, каково тебе будет без меня!

И маг, развернувшись, вылетел из кухни. Ошалело смотрю ему вслед, пытаюсь выгнать из головы образ скучающего по «ласке» хозяина ночного горшка.

15:56

Знаете, бывают в жизни ситуации, когда хочется отказаться делать что бы то ни было, а вместо этого лечь и умереть. И чтобы закопали под покосившимся крестиком у пруда. И ива качала бы листьями на ветру, оплакивая вашу жуткую участь. Мимо будут бегать зайцы, летать коршуны. Пара лягушек каждую ночь будет петь серенады, услаждая ваш слух. И звезды яркими хрусталиками украсят небо, сверкая и переливаясь в черноте. Может, даже мимо принц проедет в кои-то веки. Или даже два. Но поздно! Ни одному принцу не придет в голову выкапывать полусгнивший труп и целовать уста... если он их там отыщет. Н-да, такое в голову придет разве что злостному некрофилу с замашками садомазо.

Ну, короче, вы поняли. Сдаться можно всегда, а вот бонус за это будет вряд ли. Так что, посидев на чердаке, поплакав в платочек и старательно в него высморкавшись, я поняла, что унывать мне рановато. Да, другой мир, да, некромант, и по двору ходят зомби. Ну и что? Зато я изменила свою жизнь и морально готова к самому худшему.

Ай!

Эльфенок снова сидит на руке и радостно пьет кровь, зараза мелкая.

— Ты хоть говорить умеешь? Эй!

Алые глазки задумчиво сверкнули, меня укусили сильнее. Пытаюсь сообразить, сколько крови в сутки ему в среднем надо. Выходит, что много. Я столько не потяну.

— А давай тебя на диету посадим, а?

— Нет.

Мгм. Все-таки говорящий? И голосок такой писклявый. Как у комара.

— Ммм. Давай еще раз. Я — Сиггун.

От руки оторвались, перелетели на ближайший мешок и крайне недовольно на меня взглянули.

— Я знаю.

— Да? А, ну да. Ну и... давай говори свое имя, что ли.

Эльф не знает, как его зовут, — маленький еще. Также он очень крут и просит платить ему золотом за охрану. Из умений: он может травмировать психику взглядом, кусать противника по ночам, устраивать мелкие пакости и проклинать. Все это было сказано со значительным видом, пока эльф выхаживал по мешку вперед-назад, выпятив грудь и хлюпая носом.

— То есть ты ничего не умеешь, кроме как кусаться?

Меня укусили, страшно обидевшись. Я поняла, что на диету эту заразу все-таки посажу. А вообще молодой он еще: два дня от роду. Не стоит требовать от малыша слишком много. Авось со временем сможет и чего наколдовать.

— Ведьма!

Вопль мага заставил подпрыгнуть и схватить лежавший рядом горшок. Как он здесь оказался — понятия не имею. Поднималась я на чердак вроде бы без него.

Ступени жалобно заскрипели, а еще через минуту в комнату вошел некромант. Оглядевшись и крикнув, он подошел к окну и рывком выдрал огромную доску, сразив меня наповал. Да-а... хорошо, что я с ним в рукопашной не сцепилась, а то сейчас бы лежала с множественными переломами и перспективой смерти от инфаркта.

— Я так понял, тебе чердак больше всего нравится.

Хрясь! Вторая доска отлетела от рамы. Неуверенно киваю.

— Вот и замечательно. У меня все комнаты в доме заняты. Оборудование в них. — Хрясь. — Так что жить будешь здесь. Где горшок?

— А?

Но некромант уже сам нашел его взглядом, чему-то кивнул и рывком отодрал третью доску. И последнюю. В окно хлынул солнечный свет.

— Значит, так. Задание на сегодня, завтра и ближайшую седмицу: все убрать, привести замок в порядок. Три раза в день варить мне омолаживающее зелье и... Хватит с тебя пока. — На покосившуюся тумбочку бросили пыльный, местами оборванный фолиант. — Рецепт зелья здесь. Ты — ведьма, значит, разберешься. Еду возят из города раз в неделю. Договоришься о ее приеме с посыльным. Вода в колодце. Так... вроде все. А, нет. И никогда не трогай мои реактивы! Не беспокой меня во время работы! Не появляйся передо мной, если я не в духе и... И массаж! Каждый вечер массаж пяток! Все!

Рывнувшийся ценные указания маг развернулся и стремительно вышел в дверной проем.

— Массаж пяток? — ошарашенно.

На лестнице раздался стук, вопль и грохот падающего тела. Выходить я не рискнула. Судя по ругани, некромант уцелел.

Рядом хихикал эльф.

— Чего смеешься?

— Тили-тили-тесто. Жених и невеста! — пискнул мелкий.

Я опять чего-то недопоняла?

— Ты это к чему? Он меня на дух не переносит.

Мелкий перелетел на подоконник и показал мне язык. После чего вылетел в окно и пропал.

18:20

Изучаю «замок» некроманта. Три этажа, две башенки плюс чердак. Вокруг — двор и довольно высокая каменная стена по периметру. Само строение внешне каменное, изнутри деревянное. Странно, сгорит ведь при первом же пожаре подчистую.

По двору, кстати, ходят мертвецы. В прямом смысле — синие, с отваливающимися деталями, заторможенные и злые. На меня реагируют плохо: пытаются укусить. Удирала во все лопатки, едва успев закрыться в доме. Как я воду из колодца буду носить — не представляю.

Дальше о самом замке. Хотя, по мне, не замок, а просто очень большой загородный дом. Ну или строение, такое грязное, вонючее и захламленное дальше некуда. В каждой комнате бардак такой, что, уже открыв дверь, зачастую попадаю под завалы. Навалено причем все вперемешку — обломки мебели, осколки колб, покосившиеся шкафы, подушки, огрызки, дохлые мыши. И все опутывает паутина. Нос опух и перестал воспринимать какие-либо запахи вообще. На лестнице чуть не навернулась, поскользнувшись на кожуре какого-то фрукта. Впрочем, она была здесь не одна, так что пройти по ступеням и ни во что не вляпаться было практически нереально. Неудивительно, что некромант с нее постоянно летает.

Сейчас стою на кухне, изучаю содержимое шкафов и грущу. Это ж надо. Банки с пауками, солонка с личинками, рыбы глаза, кишечник жабы, икра птеродактиля. И среди всего этого, словно в насмешку, полголовки позеленевшего от соседства с такими ужасами сыра да маленький кусочек черного хлеба.

Но ведь он только недавно меня кормил вполне приличными котлетами. Ммм... а где картошка?

18:41

Влетаю в правую башню, взбираюсь по винтовой лестнице и с размаху врезаю ногой в дверь. За дверью — грохот, вспышки света, крики мага. Еще разок врезала от души, отбив пятку.

— Кто там?!

— Я!

— У меня работа, уходи!

Упорно ломаю дверь, нервничая все сильнее. В голове крутятся всякие ужасы, вроде того, что котлеты эта зараза наколдовала из щупалец осьминога или запчастей мертвяков, а картошку сделала из личинок червей. Меня сейчас стошнит...

Дверь загромыхала и медленно упала внутрь от очередного удара. Молча изучаю комнату, в которой стоит маг, склонившись над столом с реактивами, и громко что-то бормочет.

На меня не смотрели — были заняты.

— Из чего была картошка?!!

Маг отмахнулся, возвел глаза к небу, что-то тоненько провыл и хищно приник к ближайшей колбе. Вхожу, кашляя от дыма и запахов. Тоже склоняюсь к колбе.

— Не дыши! — грозно.

— А что это?

Внутри что-то клубится, вспыхивает и тут же гаснет разноцветными искрами.

— Эликсир жизни. В него надо добавить сердце девственницы и выпить на закате.

— Мгм?

— И я оживу, — напряженно.

— А-а.

— Дева должна быть ведьмой.

— О.

— А ты, зараза, не дева.

Из колбы начинает что-то лезть, цепляясь тонкими длинными щупальцами за края. Ни хрена себе.

— Так... и должно быть?

— Не уверен.

— А где дева? Потом поймаем?

— Поймал уже, — напряженно. — На подоконнике лежит.

Кошусь на подоконник, изучая невменяемые глаза посаженной в банку лягушки.

— Ты превратил ведьму в лягушку?!

— Дура, да?

— Нет.

— Да.

— Нет!

— Заткнись. Лови!!!

Черная склизкая гадость рванула вверх, прорвалась наружу и шмякнулась на стол, шустро отползая вбок. Некромант пытался ее схватить, но одной рукой сделать это было крайне

проблематично.

— Да лови ты! Чего встала?!

Кивнув, падаю на столешницу, сбив пару колб, но успев ухватить червяка за хвост. Ощущение извивающегося холодного тельца в руках дарило незабываемые ощущения.

— Только попробуй отпустить! — суетился некромант, прыгая вокруг. — Только попробуй! Я его пять лет выращивал. К жабе! Неси его к жабе! Живо!

Скуля от отвращения, иду к подоконнику. «Это» дергается все сильнее и сильнее. С рук капает слизь. Еще немного — и либо я его раздавлю, либо он выскочит.

— Так. Сюда! Давай.

К рукам подставили банку с жабой. Земноводное сидит у стенки, выпученными глазами изучая нового соседа. Сосед вырывается и лезть отказывается. Маг держит банку и ничем помочь не может, зато орет так, что уже я начинаю орать в ответ.

— Да пихай ты его!

— Он не лезет!

— Дави, дави!

— Скользкий!

— Это ты безрукая! Вот ведь связался с ведьмой-недоучкой. Ежели не запихнешь — сделаю девой и зарежу на месте!

У меня заклинило воображение. Но тут глиста все-таки оказалась в банке, маг тут же ее захлопнул, едва не оттяпав мне полпальца, и радостно прижал к груди, жмурясь и улыбаясь как идиот.

— Да! Моя... моя прелесь.

Лягушка орала не своим голосом, отбиваясь от червяка, который и сам метался как угорелый, пытаясь вылезти. По-моему, квакуша его испугала.

— А сейчас он съест ее сердце, и я... А чего он не ест?

Червь повис на крышке и слезать отказывался. Лягушка валялась в глубоком обмороке.

— Слазь, кому говорю!

Хмыкнув, стучу ногтем по банке.

— А ну убери руки. Разобьешь еще. Что делать тогда будем?

— Не знаю. — Пожав плечами, отхожу на шаг.

— Так. Ладно. Проголодается — съест. А пока...

Оглядевшись, маг посмотрел на выбитую дверь, на меня, снова на дверь.

— Чего заходила-то?

— Картошка. — Пытаюсь отвлечься от банки и вспомнить, зачем пришла. — Из чего ты сделал картошку? Из червей?

— Нет. Из картошки. — Маг вздохнул и пошел к столу. — Превращать что-то во что-то очень сложно и отнимает много сил. Ради тебя я бы так стараться не стал.

— Да? — немного успокаиваясь и приходя в себя. — А мясо чье?

— Не человечесь, успокойся. Кабан какой-то во двор забежал, вот мои ребятки его и забили. Ну часть сожрали, а то, что осталось, я тебе и поджарил.

Мне плохо... Я доедала за зомби?! О, жуть-то какая!

— Ты чего? Эй.

Но я уже сбежала, держась одной рукой за стену, второй — за живот.

22:15

Поджарила яичницу. Яйца я долго и пристально рассматривала, проверяя на цвет, запах и консистенцию. Вроде ничего, есть можно. На запах яичницы зашел маг, грустно постоял над сковородкой и вышел. Меня на миг обуяла жалость, и я предложила половину яичницы. Некромант меня послал и, хромя, удалился в лабораторию. Странный он какой-то. Зомби вон вроде бы едят (кабанов, к примеру). А этот только ходит да страдает.

23:14

Убираю чердак. Уборка у меня несложная и интересная: все, что мне не понадобится, выбрасываю из окна. Внизу во дворе собрались зомбики, провожающие взглядом каждую вылетевшую вещь, явно ждут, когда вылечу я. Голодные они вечно, вот и стонут под окном. И накормить-то нечем. Яйца тоже были последние.

— Ты чего творишь?!

О. Нарисовался, стоит, красавчик, в дверях, трясущийся от возмущения и с банкой в руках. В банке сидит лягушка и умирает в объятиях черной пиявки. Дышит ровно, иногда поглаживает лапкой скользящего по ней червя. Я, конечно, не специалист, но, судя по всему, квакуша не очень-то и страдает.

— Убираюсь.

— Это... это бабушкин сундук!

Сундук как раз вылетел в окно, бодро маша крышкой.

— Он развалился еще в прошлом веке.

— Не ври! — Некромант нервно огляделся и возмущенно насупился. — Где бутылки? В углу стояли, точно помню!

— С червями? Я эту мерзость выбросила первой.

Он аж пошатнулся, потом прислонился к косяку, глядя на меня с таким непередаваемым ужасом, словно был Кощеем Бессмертным, у которого в ходе уборки выбросили яйцо, иглу и прочие ненужные атрибуты. Кощей понял, что найдет их теперь вряд ли. А еще, что ежели на все это наступят...

— Я неделю вылавливал их в болотах эльфийских лесов! Лазал по канавам! Ловил на... на себя ловил! Ты хоть представляешь, сколько я... Только не тумбочку, стой!!!

Мужик успел схватить тумбу в последний момент, уронив банку на пол. Заволок мебель обратно, схватил треснувшую банку, зарычал.

Стою рядом, не мешаю беситься.

— Слушай, я, конечно, понимаю, что у тебя тут собрана обширная коллекция всякой фигни, которая необходима и важна для будущих заклинаний. Но... не мог бы ты сам тогда все вынести, пока это не сделала я?

Вроде мягко сказала. Надеюсь.

— Ты чуть не выбросили бабушкины кости! Скотина!

— Ась?

С ужасом смотрю на тумбочку. Он сохранил скелет бабули?

— Кости ведьмы сотого поколения бесценны! А ты... Всё, мое терпение лопнуло!

На всякий случай отхожу, поднимая руки перед собой.

— Да ладно, ну с кем не бывает. Ну выбросила не то, ну сделала не так. Так ты ж сам...

Некромант, сверкнув глазами, выбросил руку вперед и что-то пролаял на непонятном языке. Зажмурившись, жду наказания, испугавшись до одури. Зря я с ним так. Но у меня тоже нервы, стресс. А когда у женщины стресс — она всех на уши поставит. Неужели он этого не понимает?

— Вот в таком виде и ходи, — с чувством глубокого удовлетворения изрек маг.

Кряхтя, мужик встал, звякнул банкой и вышел, хмыкнув напоследок.

Осторожно открываю глаза — смотреть на себя совершенно не хочется. А вдруг я стала жабой? Или пауком?.. Мамочка!

Не, не жаба. Но этот некромант — извращенец.

Стою перед зеркалом и разглядываю длинные изогнутые рога, украшающие ноги копытца и черный гибкий хвост, покрытый чешуей. Что примечательно — на конце сердечко. Прелесть какая. А еще я не могу говорить. Вообще! Все, что вылетает из горла, одно сплошное: «Бе-э-э...» Ну зараза. Ты у меня попляшешь. Я тебе такое устрою — на всю свою вечность запомнишь ведьму Сиггун. Где тут валялась книга заклинаний?

Четверник

02:34

Спать хочется... Луна так умиротворяюще светит, волки воют где-то в лесу, ветер скрипит ставнями.

Сижу на полупустом чердаке и изучаю книгу заклинаний. Все, что не выбросила, — это кровать, стол у окна, покосившаяся табуретка, подсвечник и шкаф, который я хоть и с трудом, но поставила на ножки.

Вокруг меня разные колбочки, баночки, пять огарков свечей. Читать при свечах — занятие то еще, но эти горят ярко, и шрифт вполне себе различим.

Посмотрим...

Вот это, кажется, то, что мне нужно. Вожу когтистым пальцем по прыгающим строчкам. Кажется, их писали кровью. А может, и нет.

В окно залетел эльф, сгибаясь под тяжестью небольшого мешочка. Мешочек спрятал под кровать, после чего подошел ко мне и внимательно осмотрел.

— Крови дай.

Нервно кошусь на мелкого вампиреныша.

— Бе-э.

— Это «да»?

Он меня укусил. Сжимаю зубы, но терплю. Укусил, кстати, за шею. Сказал, что там кровь вкуснее. Ну-ну.

Та-ак... «заклятие обволосения». Или все-таки поноса? Есть еще стишок, который, судя по картинкам, должен превратить мертвеца в девушку — юную и прекрасную, как майская роза. Представляю некроманта, утром обнаружившего наличие груди и роскошной блондинистой шевелюры. Не, он меня потом точно в лягушку превратит. И сварит. Надо что-то попроще, и чтобы на меня не подумали.

04:34

Только что сообразила — выговорить заклинание не смогу. Мое «Бе-э» ничем помочь не может. Обиженно листаю книгу дальше, поглядывая на колбы и мешочки. Все подписаны. Авось из этого можно что-нибудь сделать.

05:14

Прокравшись в спальню мага, вылила ему в стакан с челюстями две ложки зелья. Рецепт чего-нибудь страшного я так и не нашла. Да и спать охота. Так что смешала все, что было, в разных пропорциях. Ну а что? Помереть уже не сможет — и так труп. Пусть хоть изжогой помучается, что ли.

На секунду залюбовалась спящим «трупом». В принципе... если не обращать внимания на цвет

кожи, сальные волосы и лицо, в целом — сложен он был неплохо. И мышцы есть... местами. Худоват только, откормить бы. Уж не знаю чем.

Снова кошусь на стакан с челюстями. А может... ладно? Ну не убил же он меня. Потом небось расколдует. Наверняка.

Вылила зелье из стакана, ополоснула челюсти в стоящем в углу ведре (налив воды из него же), и вернула все на место. Со спокойной совестью ушла, тихо цокая копытцами по деревянному полу.

09:57

Рев мага заставил нас с эльфом вскочить ни свет ни заря и метнуться к окну. Я при этом запуталась в одеяле и рухнула на полпути. Эльф — выпорхнул, вереща от ужаса.

10:12

На пороге стоит... «оно»! Высокое, страшное, волосатое... Там одни волосы, если честно. Нет ни кусочка, который ими бы не зарос. Из зарослей блестят знакомые глаза, руки сжимают стакан с челюстями.

— Ы!

— Бе-э.

Стараюсь улыбнуться. Существо посмотрело на стакан, вытащило челюсти и вставило в рот.

— Ты!

Молчу, выпутывая правое копыто из одеяла и старательно внимая.

— Ты что мне налила?!!

И не надо так орать.

— Бе-э-э.

— И хватит бляеть!

— Бе-э!

— Из ведра небось? Там стоял концентрат для роста волос! Ты сколько капель в стакан добавила?!

— Бе-э-э-э!!!

— Я... ты... да перестань бляеть, в конце концов!

Щелчок пальцами, какое-то слово, отползаю в угол, зажмурившись.

— А ну отвечай, зараза!

Меня схватили за шкурку и поволокли из комнаты. Пытаюсь встать хотя бы на четвереньки, ужасаясь его силе. Он так и грузовик бы, как пушинку, утащил. Ничего себе сила.

— Так! Вот ведро. Сколько налила?

— Я не наливала!

— А кто?!

Тычу пальцем в парящего за окном эльфа. Некромант злобно на него оглянулся. Глаза эльфа стали с пять копеек.

— Точно?

— Да! — глотая слезы и пытаюсь вывернуться.

Эльф куда-то рванул.

— Ну, кровный. Ну, погоди!

Меня отпустили и рванули к окну. Рухнув на пол, отбила локоть... Кое-как поднялась на ноги.

10:41

Маг открыл окно, стреляет в эльфа молниями. Тот уворачивается, пытаюсь куда-нибудь спрятаться. Соображаю, как помочь мелкому.

10:43

Вылила на злобствующего некрманта все ведро концентрата. Руки тут же стали пушистыми в тех местах, где плеснула жидкость на себя.

Маг закричал страшным голосом, и... я выбежала из комнаты.

10:45

Эльф кусает за ухо, поясняя, кто я есть. Слежу за тем, как некрмант в страшных муках превращается в один сплошной пук волос, заполнивших уже всю комнату. Орет как резаный, пытается найти меня на ощупь. Падает постоянно.

11:23

Выдохся. Дополз до стены — сидит, скулит.

Осторожно захожу и уверяю, что все будет хорошо. Меня далеко послали и велели принести нож.

— Для убийства?

— Для стрижки. И если через час я не буду таким же, как вчера... — Мрачное молчание еще более мрачного некрманта.

Киваю и ухожу.

Где-то у меня в сумке бритва была... подарю. Авось отойдет.

Часть вторая

И ЖИЛИ ОНИ...

Мне всегда говорили, что в мире не осталось волшебства. Что жить надо по разумению, прекратить мечтать и наконец-то понять, что взрослый мир и мир ребенка — разные вещи. Я кивала, слушала и при этом... мысленно побеждала драконов, восходила на трон, изучала новые звездные системы в галактике и дружила с разумными жабами. Через какое-то время человек отставал и с чувством выполненного долга шел по своим делам. В его скучном сером мире все мысли крутились вокруг цен на картошку, платья, которое хотелось купить, машины, которую пришлось заложить, и родственников, что вот-вот нагрянут в гости вместе с детьми, соленьями и большим куском говядины.

Скучно. Грустно. Да и зачем тратить столько сил на обдумывание очевидного — непонятно. Но... каждому свое. Постепенно меня прозвали чудачкой и отстали, позволив мечтать и дальше. Словно ребенку с дыркой в зубе позволили-таки грызть свою конфету, замусоленную, в яркой обертке, но такую вкусную и сладкую — куда лучше обычного пюре.

— А ну слазь оттуда!

Демонстрирую фигу и продолжаю сидеть на люстре, флегматично покачиваясь над полом.

А ведь если подумать... Почему детство так быстро кончается и в дальнейшем считается чем-то постыдным и глупым? Почему взрослым так многого нельзя? Ведь ребенок всегда считает, что вот вырасту — и буду допоздна смотреть мультики, заведу большую овчарку, прыгну с парашютом и обязательно съезжу в буддистский монастырь, чтобы стать как Джеки Чан.

А на деле — глупости все это, маленькие были, наивные. Куда? В Китай?! С ума сошла? И оставь ты идею с парашютом, разобьешься. А смысл? В чем тогда смысл взрослеть? Я этого так и не поняла. Зато прыгнула с парашютом; посетила пять разных стран; научилась есть палочками, смотрю допоздна мультики и ужастики, а еще... еще мне не стыдно верить в чудеса.

— Если слезешь — прощу. Вот честно!

Отвлекаюсь от грустных мыслей и смотрю на мага. Тот пытается улыбнуться, протягивая ко мне единственную руку. В двери ломятся посетители. А я все порчу. Маг сказал, если народ войдет и увидит даму с копытами и рогами на люстре — заказов не будет. Денег, кстати, тоже, а я умру в страшных муках. Из принципа решила не слезать, дабы наказать заразу.

Вот пусть копыта расколдует, а заодно рога уберет. Больше, чувствуется, мне его никак не заставить. Эльф сидит рядом, на потолочной балке, и изучает кусочек какой-то страницы. Явно из магической книги выдрал. Не колданул бы чего. Хотя...

— Сиггун! — Ну прямо крик души.

— Расколдовывай.

— Не могу! Это не дело пяти минут. Давай спускайся, я тебя вечером и... того, — с радостной

улыбкой.

Прирежет — догадалась я.

— Фигу! Впускай своих гостей, пока они дверь не вынесли, а я и тут посижу.

Маг помрачнел и сурово изучил мою довольную физиономию.

— Значит, не слезешь?

— Нет.

— Даже за деньги?

Эльф отвлекся от бумажки и заинтересованно покосился вниз. Меня тоже обуяла жадность.

— За сколько?

— Пять серебряшек!

От невиданной щедрости мага свело скулы. Во жмот!

— Пять золотых и ни медяшкой меньше!

Внизу задыхаются, пытаюсь выразить, насколько я неправа. Эльф фыркнул и вернулся к страничке, силясь выговорить какую-то околесицу.

— Эй, а что твой мелкий сейчас делает?

— Читает.

— Что читает? — с оттенком беспокойства.

— Книжку! — гордо.

— Это я понял. Ты только учти, если кровник прочтет заклинание, ударит оно по хозяину, так что очень советую бумажку отобрать.

Представила, как остаток жизни прыгаю пузатой жабой или — того хуже — мотыльком. Тянусь за бумажкой, свесившись вбок. Люстра натужно заскрипела, покачиваясь на крюке. Не рухнуть бы.

Эльф хмуро изучает тянущуюся к нему руку. За палец благосклонно укусили. Дернувшись, отшатнулась назад, покачиваясь под потолком и пытаюсь остановить кровь из пальца. Пара капель упала на мага, напряженно ждущего развязки. Маг вытер капли со лба и спросил: «Ну как?»

— Не дается!

— Ты сильно-то там не качайся. Потолок старый и...

И цепь все-таки лопнула, и тяжеленная люстра рухнула вниз, едва не убив мага и подняв целое облако пыли.

Сижу, чихаю, пытаюсь встать.

Из клубов пыли появилась знакомая рука, цапнула меня за локоть и резко дернула вбок.

— Эй!

Затыкаюсь, глядя в сощуренные злые глаза хозяина.

— Ты хоть знаешь, сколько лет этой люстре было?!

Но тут дверь все-таки выбили, и внутрь ворвались два великана под три метра ростом каждый. Ошарашенно их разглядываю, забыв о маге.

Меня дернули за рог, попросили свалить к грыге и, оправив мантию, гордо подошли к столу. Интересно, «грыга» — это кто или что?

— Некромант! Зелья! Ты обещал!

— Я обещал, я помню. Плата вперед...

Отползла вбок, пока эти трое общаются. Эльф что-то вдохновенно пищит с потолочной балки. Пыль почти полностью осела. Подумав, я решила, что свалить будет оптимально, да и не очень-то и хотелось присутствовать при продаже зелий населению. Хотя нет. Вру. Очень.

Интересно ведь, кто там еще стоит за дверью. Может, эльфы? Или гномы... или даже драконы!

Цокая копытами, подхожу к стене и нагло сажусь на пол, прислонившись к ней спиной. Некромант хмуро глянул на меня исподлобья, но промолчал, занятый клиентами. Вот и супер. А то чуть что — сразу нервы и истерики. Беречь себя надо. И меня заодно.

Великаны потребовали средство от облысения и при мне же им намазались. Ладони и лбы у этих остолопов тут же стали волосатыми, а рожи удивленно довольными. Каждый заплатил по монетке и ушел домой.

Сижу и вспоминаю, как некрмант утром, сидя в ванне, брил ноги моей бритвой. Зрелище было... незабываемым. Плюс я бегала рядом с ведрами, подогревая воду и давая советы в стиле «Как взять себя в руки и перестать психовать».

Вроде не помогло. И да, бреется он уже пятый день, с утра и целиком, после чего еще часа два ходит злой и все норовит по шее дать.

— Следующий!

Перевожу взгляд на дверь. Хоть бы эльф зашел. Всю жизнь увидеть мечтала.

Вошел кто-то длинный, в очках, постоянно съезжающих на кончик носа, и со злобными глазками, страдающими косоглазием.

У мага попросили предъявить бумаги и добавили, что он сильно задолжал за тот год. Некромант кивнул и полез в стол. Косоглазие сместилось в сторону меня, изучая рога, копыта и мою безмятежную рожу.

— Это что? Гомункулус? Это запрещено! — Гость аж подскочил, нервничая и сжимая в руках

потрепанную папку.

— Нет. Человек.

— С рогами?

— У нее редкая болезнь. Вот, лечу.

Фыркаю и отворачиваюсь, изучая болтающего ножками эльфа.

— Хм. Что ж, дело благое. Но не забудьте отчисления в казну! Я за всем прослежу лично.

Маг таки вытащил из стола пухлую стопку бумаг, сумрачно кивнул и передал ее очкарику.

Сидим, слушаем шуршание страниц, ждем.

Писк на потолке усиливался. Эльф явно злится, что у него ничего не выходит.

Спустя полчаса бумаги вернули.

Маг передал мужику звякнувший мешочек, и ребята тепло попрощались сквозь зубы.

Зря, кстати, он мешочком звякнул. Эльф отвлекся от чтения околесицы, оставил листик и резко спикировал вниз.

В итоге... следующий час некромант носился по этажам, пытаясь догнать мелкую заразу, а мы с дядей сидели в комнате и прислушивались к грохоту и ругани на этажах. Изредка их перебивал злобный писк недовольного существа. Эльф очень не любил расставаться с наворованным добром. У меня под кроватью, к примеру, уже целый склад. Причем лично мне лезть туда нельзя — покусают, да еще и молнией шандарахнут. Так что...

— Какое у вас заболевание?

Перевожу взгляд на очкарика, отвлекаясь от дум.

— А?

— Болеешь чем? — пристально изучая рога и поправляя очки, съехавшие на кончик носа.

— Рогатокопытостью. Редкое и страшно заразное заболевание.

Главное — оставаться серьезной. Мужик занервничал и отошел к обломкам двери.

— А-а... сильно заразное?

— Сильно. Но вы не беспокойтесь, маг изобрел лекарство и даже испытал его на мышах.

— Н-да?

— Ага. Мыши сдохли, но рога отвалились у всех.

Какие все тут мнительные. Вон побледнел-то как. Явно просчитывает, каково ему будет с рогами и копытами бегать дань собирать. А что? Забавно получится.

— Ну... я, пожалуй, пойду.

— А деньги? Уверена, маг отнимет их у эльфа. Надо просто подождать еще чу...

Сверху особенно сильно грохнуло, и послышался тонкий визг, переходящий в ультразвук. Судя по всему — они на чердаке, и маг покусился на сокровищницу... Я ему не завидую. Эта мелочь крылатая может быть очень убедительной, если захочет сохранить свое. Там наверняка сейчас бой насмерть идет.

— Я... потом зайду. До свидания.

И мужик быстро вышел, поправляя капюшон и сжимая в бледных руках свою папочку.

Грустно смотрю ему вслед, скупно улыбаясь. Я так плохо выгляжу?

Маг вернулся встрепанный, злой, с эльфом под мышкой. В руках он держал обгорелый мешочек с деньгами. Глазами поискал посетителя.

— Он сказал, что зайдет попозже.

— Да? — недоверчиво. — И что ты такого ему сказала, что он так запросто ушел? Помнится, я как-то создал целого дракона, так он и его проигнорировал, зараза.

— Круто! Покажешь?

На меня очень злобно посмотрели.

— Ладно, не нервничай. Сказала, что рога — симптом страшно заразной болезни. Он и свалил.

Лицо некроманта посветлело, он мечтательно улыбнулся.

— Надо же, как все просто. Чувствую, у меня теперь будут сплошные эпидемии! А что? Уй! Зараза.

Довольный эльф, вереща что-то гневное, улетел обратно на потолок, прижимая к груди черный мешочек. Маг потер покусанную руку и погрозил тому кулаком.

Сверху пискнули и показали язык. Гм. Так и живем. Эльф снова закопошился с листиком.

— Следующий!

Я обняла колени и приготовилась ждать. Надеюсь, в конце сегодняшнего дня и меня расколдуют. Маг обещал.

Следующий посетитель был маленьким, пузатеньким и с нарывом на пол-лица.

Некромант достал нож и предложил вскрыть нарыв. Посетитель расписовался и потребовал, чтобы «оно само прошло». В меня ткнули пальцем и объяснили, что такое само не проходит.

Так, я не поняла, я тут кто? Главное пугало, что ли?

Нарыв вскрыли, помазали страшно вонючей гадостью и получили серебрушку за труды.

Маг моет руки. Я ору, чтоб заходил следующий.

Прыщавый высокий подросток просит избавить его от прыщей и каких-то туманных проблем, связанных с девушками. Маг потребовал золотой, юнца сдуло. Хихикаю, представляя некроманта на месте нашего участкового венеролога. Однорукий, покрытый трупными пятнами, со злобным взглядом — он производил бы неизгладимое впечатление на больных.

— Следующий!

Ой... эльф. Настоящий! Мамочки, а такое бывает?

Высокий, изящный, грациозный и манерный, он словно плывет по воздуху, одаривая присутствующих лишь мимолетным взглядом из-под пушистых ресниц.

Пускаю слюни, приглаживая рога. На меня посмотрели с легким отвращением, сморщили носик и отвернулись. Хмурюсь, понимая, что очарование как-то сходит на нет.

— Что вам?

Магу явно плевать, кто перед ним: эльф — не эльф, лишь бы платили.

— Как обычно. Отворотное зелье.

— Хм. Кто на этот раз?

— Королевская дочь, — с мучительным вздохом. — Влюбилась и бежит следом, как собачонка. Мешает, путается под ногами, рыдает по ночам в подушку.

— Я предупреждал. Такая внешность специфична. Хотите — шрам сделаю?

— Нет, спасибо! — Голубые глаза гневно сверкнули.

С трудом соображаю, анализируя услышанное. Так это маг ему такой фейс забабахал? А... мне так можно? Ну только поженственнее и губки попухлее. Или мне только рога можно припендюрить?

— Вот. Три серебряшки.

— Благодарю.

И эльф вышел, выпрямив спинку и задрал нос.

Сижу, думаю, поглядывая на мага, сортирующего склянки на столе.

— А мне так можешь? Ну... с внешностью.

— Нет.

— Почему? — Я так и знала. Жлоб! Гад! Ну я тебе отомщу, даже не сомневайся.

— А зачем тебе? Хочешь всю жизнь отбиваться от мужиков? Или загреметь в дома разврата? Нет, не то чтобы я был против, но наказать тебя могу и менее изошренно.

— Хм. Ну-у можно несильно... губки там надуть или носик... потоньше, ножки подлиннее опять же, грудь...

— Еще одно слово о ножках, попках и груди...

Фыркаю и замолкаю.

— Рога вечером удалю. Уймись.

— Да пошел ты.

Суровый взгляд, тяжелое сопение.

— Ладно-ладно, подожду до вечера.

Вздых.

— Я не понимаю. Ну вот... никто и никогда со мной еще так не говорил, да еще и чтобы остаться после этого в живых. Ты же дерзишь, ругаешься, весь дом поставила на уши, еще и твой эльф постоянно таскает мое золото. Не понимаю, и чего я тебя терплю?

— Бывает хуже. Поверь.

— Да? Это как?

— Полное одиночество. Вот уйду отсюда — взвоешь. Представь: снова один, никому не нужный. Среди мертвецов...

Некромант мечтательно улыбнулся.

Хмуро изучаю его лицо, не понимая, чему это он так радуется.

— Да-да. Это было бы чудесно. А ты скоро уйдешь?

— Нет. Считаю, что это твоя кара небесная и я тут навсегда.

Улыбка мага померкла, меня попытались убить взглядом.

— Следующий!!!

Морщусь, пытаюсь понять: оглохла я или еще нет. В дверь робко заглянул высокий молодой человек и радостно нам улыбнулся.

— Можно? — тихо и очень вежливо.

— Входите! — рявкнул маг, и мужик зашел.

Фыркаю и отворачиваюсь. Некоторые просто не в состоянии понять свое счастье. Ничего. Вот проживу тут, он ко мне привяжется, а потом я его мстительно брошу! И пусть хоть обрывается — я и глазом не моргну, уйду, вся такая красивая, в закат и показав средний пальчик напоследок. Да!

Парень попросил краску для волос. Сказал, что он — будущий бард, а все барды блондины.

Маг вздохнул и выдал пузырек краски, стоивший всего пять медяков. Требую и себе такой же.

Мне скрутили фигу и вызвали следующего.

Недовольно соплю, заметив пузырек и надпись на нем. Потом сама найду.

Потом вошли четыре бугая, встали по углам комнаты, следом проник кто-то пузатый и с красным носом. Смотрел свысока, говорил пискляво, за ним следовало еще человек пять охраны — трое остались снаружи, двое встали по обе стороны пузана. С интересом смотрю на мага, пытающегося обуздать свой нрав и говорить предельно вежливо.

— Что будет угодно милорду?

— То же, что и в прошлый раз. Олух.

Маг скрипнул зубами, но полез рыться среди скляночек.

На потолке эльф уныло перечитывал заклинание, уже отчаявшись получить результат.

— Вот. Средство от...

— Ашшшш!

Маг вздохнул и кивнул. На меня подозрительно покосились. Причем сразу все. Неуверенно улыбаюсь, делая ручкой.

— Она... знает? — подозрительно.

— Ну что вы, ваше сиятельство. Это... коза.

Ась?

— Я пытался превратить ее в человека для... гхм... ну чтобы баба была в доме.

На меня посмотрели спокойнее и с оттенком любопытства. Маг за спиной сиятельства делал отчаянные знаки, чтобы я молчала.

Злобно на него смотрю, чувствуя, что еще немного — и взорвусь. Сам козел!

— Хм. Любопытно получилось. И что? Говорит?

— Блеет только, но мне говорящую и не надо.

Все тихо поржали, соглашаясь. Стискиваю зубы, чтоб не высказаться.

— А из кошки бабу сделать сможешь? Есть у меня одна киска...

— К сожалению, нет. Рецепт зелья превращения сгорел в пожаре и утерян навеки.

Сверху снова пискнули, повышая голос.

Толстопуз икнул, легонько засветился, и... у него резко выросла грудь и убралось брюхо. Стоим, смотрим. Сиятельство щупает приобретение, синяя на глазах. Охрана растерянно достала клинки, задрал головы и изучая свесившегося вниз эльфа. Тот был счастлив, насколько

я могу судить по широкой довольной улыбке.

— Маг, — хрипло. — Это... чего это? Грудь, что ли?

— Вы не волнуйтесь. Сейчас мы все исправим... Сиггун!

Я и ухом не повела. Коза не обязана отвечать на кличку. Вы вообще видели где-нибудь козу, которая бы бежала, виляя хвостиком, по первому зову хозяина? Я — нет.

— Ах ты... Ладно. Сам достану!

Нда. Следующие полчаса маг ползал по потолочным балкам, пытаясь поймать эльфа, а точнее, страницу с заклинанием, которую мелкий никак не хотел выпускать из рук. В итоге некромант еще и навернулся, не успев уцепиться за крюк, оставшийся от люстры.

Смотрим на распростертое на полу тело, ждем. На плечо медленно спикировал эльф, сунул листочек в руку и радостно ее же укусил. Морщусь, но не возражаю. Иначе укусит потом исподтишка, и туда, на что приличные дамы садятся.

Маг очнулся через полминуты. Отобрал у меня листик и, хромая, пошел к столу, изучая заклинание на ходу. Бывший пузан напряженно за ним наблюдал, сжимая грудь и словно предъявляя ее укором окружающим.

Пузана расколдовали. Не сразу, правда, но расколдовали. Живот, кстати, в итоге тоже исчез, чему мужичок был страшно рад. На радостях решили мага не трогать и даже заплатили серебрушку за лечение.

После чего мужик с охраной удалился, гордо задрал нос.

Маг устало посмотрел на меня, садясь на край стола.

— А что я?

— Да ничего. — На меня махнули рукой. — Следующий!

Фыркаю и иду на кухню. Там его зелье поспекает... Маг первый день как научил меня его варить. Так что будем пробовать, испытывать и кашеварить. Надеюсь, тот факт, что в вареве затонули два таракана и перепутаны мышьяк с содой, — на качество не сильно повлияет.

Я надеюсь. Сильно надеюсь.

Когда я вернулась, маг как раз вправлял зубы какой-то дурочке в платье до пят. Грудь ее при этом была обнажена так, что даже я заинтересованно на нее уставилась. Любое колыхание окружающего воздуха грозило стать последней каплей и спровоцировать ее выпасть из корсажа. Во как завернула! Маг, по крайней мере, вправляет зубы спокойно, и даже не покосился на соблазнительные округлости. Меня это почему-то порадовало.

— Давай.

— А?

— Чего встала у дверей со стаканом? У меня скоро пальцы отваливаться начнут. Зелье давай.

Киваю и подхожу с напитком.

Маг долго принюхивается, изучает консистенцию, запах и... всплывшего таракана.

— Он сам. Подошел и покончил жизнь самоубийством. Я ничего не успела сделать.

Следом всплыл второй, тихо булькнув и покачиваясь на поверхности. Маг очень хмуро на меня посмотрел.

— Это друг. Полез спасать и тоже того... Мне их выловить?

— Не надо. Сам.

Тараканов брезгливо вытащили и поднесли напиток к губам. С интересом наблюдаем с девчонкой за некромантом.

Выпил!

Стоит, думает, прислушивается.

— Ну как? — Я волнуюсь. Все же в первый раз варила. Мало ли... сода даст о себе знать.

— Лапки паука положила?

— Да.

— Глаза кобры?

— Четыре штуки.

— Хм... а мышьяк? — крайне вредным голосом.

Улыбаюсь, стараясь всем своим видом показать: типа да, положила. Эта зараза классно чувствует ложь в голосе.

— Не положила? — хмуро.

— Ну... я соды сыпанула.

Маг икнул.

— А чего? Тоже белая, а мышьяк вреден.

Маг начал зеленеть, причем в прямом смысле этого слова.

— Ой! — пискнула девушка и отошла на шаг назад.

— Мышьяк. Быстрей!

Несусь на кухню, опасаясь не успеть. Нет, ну если что, он наверняка оживет. Но в каком настроении — это еще вопрос. Упокоит не глядя за такие шутки. Блин!

Мышьяк нашла, схватила всю банку и рванула обратно. Маг уже сидел, причем весь коричневый и без носа. Девушки не было. Никого не было. Маг хмуро сказал: «Сбежала».

Киваю, сую ему банку. Запрокинув голову, съел почти половину. С ужасом за ним наблюдаю.

Зато цвет стал возвращаться, белый, с синими пятнами, как и положено.

Неуверенно улыбаюсь.

Маг отставил банку, тяжело вздохнул, поднял с пола нос и молча вышел.

Смотрю ему вслед и прикидываю, стоит ли идти следом.

Решила — не стоит. Он и так уже меня терпит лишь одним усилием воли.

Вышла во двор, сказала, что приема больше не будет. Разочарованный народ свалил, расталкивая щелкающих челюстями зомби. Кстати, мертвецы оказались не такими уж и страшными. Все приходящие просто приносили что-нибудь мясное и скармливали трупам. Те ели, радовались и отваливали, пропуская всех кого ни попадя. Я тоже наострилась бегать к колодцу, прихватив кусок мяса или, на худой конец, палку колбасы, залежи которой нашлись в подвале.

— А позже прийти можно?

Изучаю хмурую физиономию высокого господина, по самый нос завернутого в черные шелковые тряпки.

— Я могу подождать столько, сколько будет нужно.

Мне в руку сунули серебрушку и многозначительно сощурились.

Чешу затылок и киваю. Ладно, хрен с ним, пусть на кухне подождет. С одной стороны, интересно, что у него там за проблема, чего он до самого носа закутался, а с другой... мне бы поговорить с кем-нибудь живым. Скучно же.

— Пошли. Только тихо. И если увидите некроманта, пока к нему не лезьте.

Мужик кивнул и пошел следом. Остальные потянулись к воротам, ругаясь и жалуясь друг дружке.

— А что с ним? — тихо поинтересовался спутник.

Пожимаю плечами, нервно улыбаюсь и пытаюсь перевести все в шутку:

— Да какая-то зараза ему нос отгрызла. Пришивает.

Мужик кивнул и больше ничего не спрашивал. Понимаю, что шутка не удалась. Ну и ладно.

19:41

Маг вышел, принял гостя, кивнул мне и скрылся за дверью лаборатории.

Меня туда, к слову, не пустили. Пришлось лезть на дерево и подсматривать через щелку в

шторах.

Увиденное зрелище оставило неизгладимый след в моей душе, у мужика на лице росли... щупальца! Шевелящиеся. Маг полчаса их удалял заклинаниями при свете одной-единственной свечки.

Удалил. Попросил прийти через месяц, когда отрастут заново.

Мужика мне даже жаль. Вроде какой-то богатый и известный. Заплатил золотом и, снова натянув платок на нос, вышел через черный ход. Зомбяки от него почему-то шарахались. Проводив его взглядом, сползла с дерева и пошла в дом.

Надо эльфа найти. Мало ли — опять еще чего-нибудь ворует.

— Сиггун, зайди ко мне.

Блин. Ну чего я опять не так сделала?

22:01

Жизнь — штука сложная. Иногда забавная, иногда не очень. Лежу на кровати, уткнувшись лбом в подушку, и скриплю зубами. По спине пробегает холодок от ветерка, задувавшегося из оставленного открытым окна. Во дворе раздаётся скрип и гырчание зомби, которые не спят ни днем ни ночью. И ворочается эльф на тумбочке.

Мне, кстати, убрали рога. Круто, да? Но за то, что я навернула люстру, перепутала состав зелья и вообще родилась на свет, маг добавил мне длинные крылья, похожие на нетопыринные, которые теперь мешают спать на спине и сильно чешутся. Глотаю слезы, хлюпая носом. То, что отражается в зеркале, пугает до коллик. Ребенку ночью покажешься — реветь до утра будет, гарантированно. А я теперь такая до тех пор, пока маг не смилостивится и не расколдует обратно.

— Не реви. — Эльф поморщился и сел на тумбочке.

— Спать мешаешь.

— Отстань, — фыркаю и отворачиваюсь к стенке.

— Подумаешь, крылья. У меня они всегда были.

Ему не понять. С тоской смотрю на желтые разводы на стене. Он счастливчик. Родился таким, какой есть, и им же и помрет. А вот я... я неудачница. И отрицать сей факт явно не стоит... Попала неизвестно куда, связалась с буйным некромантом, превратилась в копытное крылатое чудовище. Хвост еще этот... Ай!

За руку укусили и довольно хлюпают кровью.

Хмуро на него смотрю. Рубиновые глазки не менее хмуро изучают меня.

— Кровосос.

Эльф не отреагировал, глотая кровь.

В носу защекотало, мне стало страшно себя жаль. И я в голос разрыдалась, лежа на шаткой кровати в чужом мире, чужом доме, в окружении мертвецов и одного эгоистичного мелкого эльфа, который, вместо того чтобы меня защищать, только и делает, что сосет кровь.

— Может, вы уже там замолчите ненадолго! Тут кое-кто спать пытается!

Затыкаюсь, всхлипнув, с ужасом поворачиваю голову к двери. Но голос явно шел из-под моей кровати. Там же никого нет? Или есть?

— А?

— Бэ! Спи давай!

Точно, из-под кровати. Кое-как сажусь, морщась от боли в спине и едва не поломав какую-то косточку в правом крыле. Пристально смотрю на пол, не решаясь опустить ноги.

— Ты кто?

Под кроватью завозились, тяжело вздохнули, чем-то грохнули и полезли наружу. У меня в тот момент вся жизнь перед глазами пронеслась. Я даже на секунду поверила, что там спрятался некромант в поисках покоя и уединения. Или даже так: он решил передо мной извиниться, но долго не мог понять как... Вот и схоронился, испугавшись, что я увижу его неподготовленным. Н-да. Бред.

Мама.

— Ну что? Довольна? Вот он я.

Хмуро изучаю выдвинувшийся из-под кровати ночной горшок.

— Маг, вылезай. Я знаю, что ты там. И это не смешно. Я не буду говорить с твоим ночным горшком!

Нет, ну он как ребенок.

Горшок отодвинулся еще дальше, и я увидела, что его никто не держит. Задумчиво его изучаю. Эльф перелетел на плечо и облизывает алые пальчики. Рука в месте укуса страшно болит.

— Ну чего уставились? Дар речи потеряли? Я, между прочим, душа мага! А точнее — ее временное хранилище.

Ля-ля-ля-ля-ля, я сошла с ума.

— Не веришь? Вот и никто не верит! Поэтому я — самое надежное место.

Улыбаюсь, киваю и осторожно ложусь на кровать. Мне бы поспать.

— Эй, ты чего?

Горшок припрыгал по полу к кровати и возмущенно перед ней остановился. Закрываю глаза и пытаюсь отсечь сознание от этого мира, пока окончательно не спятила.

— Я и кусаться могу. Не поговоришь, так за ногу цапну. Всю жизнь хромать будешь!

«Ночной горшок, поедающий ноги спящих девушек! — Впервые в кино. Не пропустите! Этот ужас вы не забудете никогда!»

Сажусь, открываю глаза и хмуро изучаю его металлический бок с ручкой.

— Ладно. Хочешь поговорить? Отлично. Я начну.

Седмица

02:03

— ...А еще мне жутко не везет с парнями. Вот только найду приличного мальчика, как — рраз! — и либо он — гад последний, — всхлип, — либо я ему неинтересна ни под каким соусом. А я и так, и эдак стараюсь... Ты слушаешь?

Эльф в обнимку с горшком лежат на подушке и чуть слышно похрапывают. Чувствую себя обиженной до глубины души. Я им тут полночи душу изливаю, а они!

— Горшок!

— Хррр... А? Что? Где?!

Ручка поворачивается ко мне, на металлическом боку с трудом, но начинают проступать очертания немного кривоватого глаза и щели — типа рта.

— Я здесь. Ну и о чем я только что говорила?

Бурча что-то наподобие: «С меня хватит», горшок подполз к краю, упал на пол и закатился под кровать.

Вздыхаю и ложусь спать. За окном на небе высыпали звезды, прохлада заставляет кутаться в плед до самого носа, а глаза слипаются сами собой.

— Меня, кстати, Ксериус зовут. По-простому — Сёма, — сообщили снизу и затихли.

Фыркаю и закрываю глаза. Вот только Сёмы мне и не хватало.

03:31

Горшок ползает по полу и чего-то ищет. Накрыв голову подушкой, мечтаю досмотреть сон.

04:15

Горшок прыгает на подоконнике, встречая рассвет. Запулила в него подушкой, метко сбив во двор. Радостно поворачиваюсь на другой бок, проваливаюсь в сон.

04:24

Он вернулся! Помятый, грязный и злой. Забрался на кровать и облил меня грязью из лужи. Холодной, кстати.

На ощупь, схватив за ручку, долбанула его о стену, прошипев все, что думаю. После этого пришлось встать и поменять матрас. Благо был запасной. Плед я утащила из библиотеки, сбегав в нее по-быстрому.

Чуть помятый горшок лежал кверху донцем на полу и признаков жизни не подавал.

05:00

Из-под кровати загробным голосом пообещали зверски отомстить. Запускаю туда руку и демонстрирую кулак. Внизу затихли, обдумывая увиденное.

05:15

Я убью этот горшок. Он еще и поет! Да что ж это такое?!

06:18

Злой эльф и я изловили вредителя, вытащили и выставили за дверь. Дверь закрыли, окно занавесили плотной тканью, похожей на саван. Комната погрузилась во мрак. Рухнув на постель, спим, мгновенно отрубившись.

В дверь тихо скребутся, пытаюсь войти. Мне уже все равно. Я сплю.

17:12

Жарю колбасу, отгоняя эльфа от сковородки. Маг уехал по делам в город. Пообещал снять заклинания копыт и крыльев, если не найдет меня по возвращении. Я ответила, что мне и так неплохо. Маг взгрустнул и умотал на телеге, запряженной скелетами коней. Зрелище было то еще. До сих пор вспоминаю, как красиво они встали на дыбы и... развалились пополам. Он их полчаса чинил, ругаясь сквозь зубы и отпихиваясь от лезущих со своей помощью зомби.

— Уже готово?

Кошусь на эльфа, стоящего у плиты.

— Нет. А ты уверен, что тебе можно есть колбасу? Ты ж вроде кровь пьешь.

— Мало. Хочу больше, а ты не даешь.

Угу. Семь раз в день терять кровь — для меня как-то слишком. Вот и гоняю его от себя, угрожая пришибить, если постоянно будет присасываться к шее.

На кухню медленно вполз помятый горшок. Припрыгал под стол и там затаился.

Недоуменно на него смотрим.

— Ты тоже колбасы хочешь?

Меня послали, повернув ручку к двери. Я уже поняла, что ручкой он смотрит. Или говорит? Неважно. Главное, куда повернута ручка, туда он и смотрит. Забавно.

— Ладно, я выпалась и больше не злюсь. Давай колись, за что тебя так?

— Горит! — пискнул мелкий, прыгая на столе.

А? Переворачиваю колбасу, отдирая ее от сковородки. Эльф довольно принохивается, щуря глазки. Усмехаюсь и прикидываю, как здорово будет, если он и впрямь станет питаться не только кровью.

17:24

Сажусь за стол, ставлю кипяток, сковородку с колбасой и ем, задумчиво глядя в окно. За ним столпились, привлеченные запахом мяса, зомби. Хорошо, что заклятие не пускает их в дом, а то давно бы стала такой же.

Эльф жует колбасу, сидя по-турецки и прислушиваясь к ощущениям. Заинтересованно за ним наблюдаю.

Сказал, что вкусно, и взял еще. В ногу недовольно ткнулись.

— Только не говори, что ночные горшки питаются колбасой. — Смотрю в окно, изучая рожу одного из самых сильных и противных мертвецов. При жизни ему, кажется, свернули шею. Надеюсь, их всех убил не маг.

— А чем я еще должен питаться?!

От вопля зазвенело в ухе. Изучаю горшок, подпрыгивающий на полу, и пытаюсь понять, когда же мир сошел с ума.

Я ему дала колбасы. Половину, кстати, прямо так, внутрь, и бросила. И он съел. Я в шоке от местной живности.

18:32

— А теперь куда? — прыгая за мной по ступеням и звякая каждый раз. Эльфа мы оставили на кухне. Мелкий на радостях переел и временно летать не может.

— В библиотеку. Хочу почитать умные книги и начать осваивать магию. Ты что, против?

— Да нет. Я даже могу тебе помочь, стать... сэнсэем!

Фантазия зависла, выдав следующую картинку:

Я, вся такая модная, в черном открытом платье, танцую на балу с принцем.

«Вы великая волшебница, миледи. Кто был вашим учителем?»

«Ночной горшок», — улыбаясь, смущаясь и краснея.

И что-то мне подсказывает, что восхищение в глазах принца после этого резко пойдет на спад.

— Чего это вдруг ты решил мне помогать? Ты же вроде с магом. Кстати, может, расскажешь,

кем раньше был? Ну до того, как тебя так зверски преобразили.

Горшок застыл на верхней ступени, задумавшись.

— Эмм... не понял?

Открываю дверь в библиотеку, пропуская его вперед, и объясняю еще раз:

— Прошлую жизнь помнишь? Кем ты был до того, как встретился с некромантом? Ну там заколдованный принц или дракон? Возможно, бард. Типа немного не то спел, а маг озверел и сделал тебя... вот этим.

— Принц? Ну а что! Может, я и принцем был. — Горшок заерзал, явно радуясь новой идее. — Красивым, мужественным и с чистыми помыслами... как в книжках.

Плюхаюсь на диван, беру книгу и киваю, чтобы продолжал.

— И вот как-то подъезжаю к замку — бить проклятого некромансера! Знамена развеваются. Принцесса ждет. Цепной дракон, на спине которого я прибыл, полыхает огнем, послушный каждому моему слову. И выходит он. Некромант! Одет во все черное, с адскими, пылающими глазами и со зловещей улыбкой на злобном лице.

Жую семечки, стараясь ничего не пропустить.

— Он поднял руку и прочитал жуткое заклинание! Но я увернулся и поджарил его в пламени дракона! После чего прыгнул, достал меч и сошелся в рукопашной. Магия против стали. Клинок и сила! Мудрость и отвага скрестились с хитростью, коварством и волшебством.

— Круто.

Горшок попрыгал направо, затем налево, задумавшись. После чего мрачно закончил:

— И я убил его. Поразил в самое сердце! Сразил так быстро и чисто, что ни один судья в мире не смог бы найти победы убедительней. Но на последнем издыхании этот гад вбил магией в землю пентаграмму и упал в ее центр, испуская дух.

Пауза. Я аж отвлеклась от семечек. В окно влетел эльф и плюхнулся рядом, зевая и устраиваясь поудобней.

— И что? Ну не томи! Что дальше-то было?

— Дальше? — Звук прыгающего по полу горшка. Он остановился у стены и отвернулся ручкой к окну, словно глядя на него. — Он воскрес. Наложил на меня жуткие чары, превратил... вот в это, а сам стал личем. А я теперь его филактерия — вместилище души и гарантия воскрешения, если что случится с телом.

— Бедняга, — пискнул эльф, зевая и прикрывая глазки. — Я бы так не смог.

— Я уже тоже не могу, — угрюмо. — Он сказал, что так точно никто не догадается и ни одному вору в мире не придет в голову украсть именно меня, чтобы досадить ему. Хорошо хоть, не пытался использовать по прямому назначению... Я бы его тогда точно во сне загрыз.

Икаю, нервно улыбаясь.

— Да-да, ты такой герой... А давай мы тебе прозвище придумаем.

— Зови меня — горшок, — обреченно, тоном, от которого хочется повеситься. Столько депрессии сразу я никогда не ощущала.

— Да ну. Тогда уж — рыцарь! Ты же был рыцарем?

— И как ты себе это представляешь? Ты кричишь: «Рыцарь!» — и вылетаю я, легко скользя по ступеням и сея ужас среди врагов?

— Не язви. Тогда Сёма.

— Запомнила, да?

— Да. Доволен?

— Нет. Ладно, Сёма так Сёма. Вынесу и это.

— Хм. ОК! Теперь ты.

Эльф не сразу понял, что я о нем, и продолжал посапывать, положив руки на живот и довольно улыбаясь. Кажется, он впервые в жизни вдоволь поел.

— Имя есть? Хотя откуда, тебе всего-то неделя от роду. Так. Ладно. Будешь зваться... Кнопопупс! Ну? Как тебе?

Пискнули, что согласны, и попросили отстать. Угу. Отлично. Осталось представиться самой.

Что я и сделала.

Часа два я изучала различные свитки, заклинания и пророчества. Библиотека, как и весь дом, находилась не в самом лучшем состоянии. Паутина, пыль, завалы когда-то рухнувших шкафов и дыры в стенах живописно ее украшали. Руки чесались убрать этот дом, с чердака до подвалов, но, как представляю, сколько сил в это надо вложить, мне становится дурно. Крылья еще эти. Ни сесть, ни лечь нормально нельзя. Обдумываю идею о том, чтобы научиться летать.

21:15

Горшок спросил, зачем я стою на крыше и сжимаю его в руках.

Распахиваю крылья и смотрю в пропасть. К воротам как раз подъезжает маг и орет, чтобы зомби открыли. Те не торопятся, с интересом наблюдая за фигуркой на крыше. Еще бы. Если я разобьюсь, у них будет вволю мяса на прокорм.

— Ты же не собираешься шагнуть туда? — тихо и сильно неуверенно.

— Именно это я и собираюсь сделать. Если что — не поминай лихом. Судьба так судьба.

— Это не судьба, это идиоти-и-и-и...

Лечу, точнее, падаю. Развернув крылья, визжа и отчаянно пытаюсь ими махать.

Во двор я все-таки не упала — сшибла пару мертвецов, врезалась в ворота и, распахнув их,

рухнула к ногам мага.

Тот буркнул: «Ну наконец-то», переступил через мою тушку и зашел в замок, захлопнув за собой ворота.

Я и горшок остались лежать в пыли.

22:41

Перелезла через стену, точнее, смогла по воздуху перелететь (еще точнее — перескакать, высоко поднимаясь над землей) до окон первого этажа и влезть на кухню. Там сидел эльф и отковыривал остатки колбасы от сковородки.

— Где эта сволочь? — Мое шипение напугало даже меня.

— Какая? — пискнул эльф.

— Некромант. Гад! Оставил меня умирать. А если я руку или ногу бы сломала? Козел прямоходящий!

— Он в лаборатории. У него сегодня новый эксперимент.

Злобно смотрю на дверь, соображая, как именно буду мстить. Ну некромант, ну погоди! Мало, что меня в родной школе гнобили, из универа вытурили, в очередях оттирали, так еще и тут!.. Ноги вытирают.

Он что, думает, раз разрешил жить, значит, буду лапочкой! Все уберу, везде подмету, всего оближу? А вот фигвам! Русская национальная изба. Мы еще посмотрим, кого тут можно в грязь втоптать, а кого не стоит. Я ведьма или где? Вот и буду поступать по-ведьмински.

— Мне не нравится выражение твоего лица. С таким идут на расстрел, зажав гранату в руке, — поделился впечатлением эльф.

— Ты отомстить хочешь? — со зверской улыбкой.

— За что? — Ушастик уселся на столе поудобнее и склонил головку набок. Ушки его забавно шевелились.

— За все! — патетически.

— Ну... да. Это я завсегда рад.

— Отлично! Тогда так. Я расскажу тебе, что делать, и вместе мы устроим некроманту незабываемый вечер.

— Хм... А мне за это заплатят?

— Ну...

— Хорошо. Перефразирую вопрос. Я смогу взять из лаборатории то, что мне хочется? У него там столько интересного, а меня не пускают даже посмотреть.

Киваю, пояснив, что лично перетащу все, что понравится ушастому, к нам под кровать. Кноп

доволен и готов действовать. Рассказываю свой коварный план.

А на полу рядом с окном валяется сплюснутый горшок и тихо покачивается из стороны в сторону.

Первинник

00:15

Достали из подвала веревки, крючья, пару банок с непонятными надписями и двух визжащих летучих мышей.

Я изучила рецепт в книге заклинаний и попыталась смешать все согласно ему. Особенно трудно пришлось с надписями: странные иероглифы я прочитать не могла, эльф — тем более. Пришлось идти за горшком и приводить его в чувство молотком и зубилом. Худо-бедно, но прежнюю форму мы ему вернули. Нам высказали, кто мы есть, и согласились помочь.

00:41

Зелье готово! Шипит на огне, изредка вспыхивая то красным, то зеленым цветом. В печную трубу вылетают разноцветные клубы дыма. Чувствую себя заправской ведьмой, даже балахон соответствующий нашла и радостно в него переоделась. Моя прежняя одежда пришла в полную негодность после канализации. А то, что выдал маг, одежду напоминало отдаленно. К примеру, юбка, смахивающая на мешок, представляла собой выстиранную половую тряпку, намотанную с одного конца на резинку. Мрак. А я в этом ходила. Теперь на мне черный балахон с капюшоном. Подозреваю, что это — парадная мантия некроманта. Уж больно чистая.

00:56

Есть!

Снимаю зелье с огня, изучаю бледно-золотистый оттенок. Горшок, прочитавший рецепт, консистенцией, цветом и запахом остался доволен. Меня похвалили и предрекли великое будущее. Слегка напуганная, но жутко довольная, переливаю зелье в баночку и закручиваю крышку. Эльф радостно летит проверять, где маг.

01:12

Стоим под дверью, из-за которой доносятся зловещий хохот и вопли о скором воцарении над миром.

Он точно свихнулся. Хотя все некроманты психи.

— Трещите, черви! Ибо приду я и пожру сокровища ваши!

— Чего это он? — удивился эльф, прислушиваясь, при этом он с комфортом расположился на моем плече.

— Юморит. Повелитель червей — это ж так забавно.

— А чего он у них отнимет?

— Яйца, наверное. — Неуверенно кошусь на горшок.

— Черви яйца не высиживают, — авторитетно ответил тот. — Они размножаются делением, и еще, если кто наступит.

— От боли, что ли?

— А черт их знает. Бросай давай бутылку, пока он не объявил себя повелителем мух. Не догоним.

Киваю, открываю дверь пошире, изо всех своих сил зашвыриваю банку и тут же дверь захлопываю. В памяти запечатлелось удивленное лицо мага, в которое эта банка летела.

Послышался глухой удар, вскрик и звон стекла.

— Разбилась! — подпрыгнул эльф.

— Она разбилась!

— Куда бросила? — уточнил горшок.

— Ну... в лицо.

— В чье? — ошарашенно.

— Мага. Как считаете, он мне это припомнит?

За дверью нарастал рев и вой сворачивающегося в жгуты воздуха.

— Это неважно. Подопри дверь чем-нибудь тяжелым. Да не диваном! Не дотащишь! Не трогай комод! Что ты мечешься, как дух убийцы. Давай стул!

— Вот... Готово. Ну как?

В дверь глухо ударили, едва не выбив стул из рук.

— Держи! — психовал Сёма, подпрыгивая на месте. — Да не меня! Стул держи!

Киваю, налегая всем весом.

За дверью же творилось что-то жуткое. Там ревело, выло, бились предметы и мебель. Потолок, кажется, проломило чем-то тяжелым. И сквозь весь этот шум едва слышно доносился рев мага, требовавшего открыть дверь.

— Не открывай, — заволновался эльф.

— Убьет.

— Это точно, — вздохнул Сёма.

— Или превратит во что-нибудь.

Дверь резко стала каменной, потом золотой, после — алмазной. Сквозь прозрачный камень мы

разглядели черный вихрь, летающие по комнате предметы. И мага, повисшего параллельно полу и вцепившегося руками в дверную ручку.

— Эмм... А что за заклинание-то было?

Смотрим на горшок, который изучает комнату с неменьшим удивлением, чем мы.

— Ну... э-э... я думал, это заклинание грозы.

В воронке сверкнула молния, и грохнул гром. Маг орал не переставая, колтыхаясь, как тряпочка на ветру. Пальцы несчастного начали соскальзывать с ручки.

— Может, откроем? — прошептал эльф.

Я удивленно на него покосилась. Ну если даже он пожалел мага...

— А то все блестяшки засосет, и мне ничего не останется.

Ну да. Чтобы он кого пожалел — как минимум небо должно грохнуться на землю.

— Ну что, открываем? — Смотрю на горшок.

— Гм. Ну попробуй. Но он в алмаз не только дверь, но и косяк с испугу превратил. Ее теперь заело прочно, ее даже зомби хрен откроет.

Переглядываемся. Смотрим на мага. Тот смотрит на нас, умоляя взглядом выпустить его оттуда.

— А... что будет, если не откроем? Воронка будет расти?

— Она еще и растет? — впечатлился Сёма и куда-то ускакал.

Смотрю ему вслед, прикидывая, что делать. Эльф требует спасти хоть что-то, а то «он так не играет». Соглашаюсь, отодвигаю стул и берусь за ручку двери.

Смотрю в глаза мага. Решительно ему киваю. Он кивнул в ответ и попытался дотянуться ногами до пола. Я — дернула дверь на себя, чувствуя себя чуть ли не супергероем.

02:15

Все еще дергаю ручку двери, упираясь ногой в косяк. Глаза мага полны трагизма и ужаса. Он явно не верит, что я стараюсь.

Зато горшок прискакал обратно. Сказал, что заклинание будет работать еще полчаса. И если маг продержится, все утихнет и будет все нормально.

— А если не-эт? — с натугой поворачивая ручку и чувствуя, как хрустят колени.

— Ну... тогда его убьет молнией и разорвет сильными потоками воздуха. Это заклинание еще называется «мясорубка»... Я просто сначала немного не так перевел иероглиф «мясо».

— Супер!

Падаю назад, со стоном двигая пальцами рук и глядя на мага. Тот продолжает висеть на одной

руке. Закрыв глаза и сжав зубы. Полчаса протянет вряд ли.

— Есть еще один выход!

Изучаю довольную рожицу эльфа, сидящего на спинке дивана.

— Какой?

— Динамит! Я нашел пару штукovin наверху. По запаху — внутри порох и еще что-то.

— И откуда ты такой умный? Я тебе про порох не рассказывала, — уже поднимаясь и шагая следом.

— Я из твоей крови, не забывай. Так что знаю ровно столько же, сколько и ты!

Киваю и затыкаюсь. Это я уже слышала.

02:21

И впрямь динамит. Раскладываю шашки под дверь. Маг устало открыл глаза и присмотрелся к тому, что мы делаем. Глаза его медленно выпучились, а сам он изо всех сил попытался снова уцепиться за дверь обеими руками. Надо же... и рук у него снова две. Только заметила.

— По-моему, он против. — Внимательно изучаю губы мага, который силится произнести: «Не надо!»

— А мне кажется, он пытается нас поторопить, — подполз ближе горшок.

— Явно ведь орет: «Давай!»

— Нда? Ладно. Поджигаю!

Лицо мага, и без того синюшное, быстро начало зеленеть. Подношу к шашкам эльфа, который радостно выпускает из рук первую молнию.

— Есть! Горит! Бежим!

И мы умотали.

А еще через пару секунд в комнате грохнуло так, что я временно потеряла слух. Мимо нас пролетел вопящий маг верхом на алмазной двери, пробил телом перила лестницы и рухнул вниз, грохнув дверью об пол.

Тишина. Сумрак. Звезды испуганно перемигиваются в окне, и только мы сидим на полу и слушаем, как мелкие камушки падают на пол.

— Круто! — восхитился Кноп, вылезая у меня из-за пазухи.

— Наверное, когда взрывом мага вбило внутрь, он влетел в вихрь, а тот сдетонировал и разнес все на фиг... Ну и мага с дверью швырнул обратно.

Задумчиво киваю.

Горшок попрыгал к краю лестницы и задумчиво посмотрел вниз.

— Как он? — Мне что-то не хочется вставать и проверять самой.

— Лежит. Под дверью. Кажется, мертв.

— Так и должно быть. — Пытаюсь улыбнуться.

— Да, но сейчас он как-то сильно мертв. Не шевелится. Еще и рука с ногой отвалились. Ухо... нос опять набок. Думаешь, очнется?

— Это ты должен знать. Ты же хранилище его души.

— Ну... такие заклинания славятся побочными эффектами. Понятия не имею, когда он там воскреснет.

Подползаю к краю лестницы и тоже смотрю вниз. Расплющенный маг радуется глаз и греет душу, с другой стороны, я в шоке.

— Хм... а выглядит ничего так. Завораживающе.

Сёма и эльф похихикали и предложили пойти посмотреть, что там от комнаты осталось. С тем и убежали. Я же осталась сидеть на краю деревянной ступеньки, болтать ногами над пропастью и обдумывать варианты того, что именно стоит сказать магу, когда он очнется. Наверняка ведь будет не в духе. Мало того что он более не властелин червей, так еще и сплющен, поломан и убит как авторитет в наших глазах.

02:56

Народ роется в завалах. Эльф нашел горшочек с какими-то мелкими камушками, сверкающими даже в темноте. Доволен, счастлив, попросил подержать горшочек, пока он еще чего-нибудь найдет.

Сиж у единственной уцелевшей стены, прислушиваясь к тишине. Всё кажется, вот-вот подойдет некромант и загробным голосом скажет, что именно он со мной сотворит за такое.

Горшок подполз ближе и повернулся ручкой ко мне. Смотрю в плохо прорисованные глаза, то проявляющиеся, то исчезающие на металлическом боку.

— Не грусти. Часа два у нас есть. Потом он будет пришивать ногу, приклеивать нос. А там, глядишь, и отойдет.

— Хм. Успокоил. Слушай, а ты-то за что его так не любишь? В тебе же его душа. Неужели не сопротивляется?

— Да нет. Она у него мелкая, тихая и спокойная. Хорошая, кстати. Местами даже забавная — щекочется внутри.

Мне такое представить слабо.

— Думаю, он рад был от нее избавиться на время. Кстати, ты ей нравишься.

— Кому? — с ужасом.

— Душе некроманта. Потому и меня к тебе сразу потянуло.

— Хм... И что это означает?

— Да ничего особенного. Разве что, когда он воскреснет, будет относиться чуть лучше.

— Обнадежил, нечего сказать. Лично мне до сего светлого мига еще дожить надо.

Сёма фыркнул и повернулся к эльфу, азартно летавшему среди завалов. В проломе стены виднелись звезды и краешек полной луны.

— Слушай, а как так получилось, что этот мир так похож на мой собственный? Луна одна... в сутках двадцать четыре часа, да еще и все на русском языке разговаривают.

— На каком?

— На русском.

— Не знаю такого. Здесь все говорят на человеческом (едином), иногда на эльфийском или гномьем, но в основном в городе живут люди, так что и говорят по-людски.

— Гм.

— Да все просто. Смотри. Этот мир — не единственный. Существуют тысячи миров, которые развиваются одновременно в одной и той же точке пространства. Я не слишком заумно объясняю? Просто я сейчас говорю то, что говорит душа мага, а она страшно начитанная и все лезет тебе помочь, что-то объяснить, показать.

— Какая удивительная душа. Я ее хозяйина по полу размазала, а она с помощью лезет.

— Ну... ты никогда не делала того, за что потом бывает стыдно?

— Э-э-э...

— Вот и она сейчас очень стыдится того, что творит ее непутевое тело. Ладно, ты слушать будешь или так и станешь пререкаться?

— Слушаю.

— Ну так вот... Этот мир называется Теана. Он состоит из четырех материков и кучи островов: разноцветных, странных, иногда нелогичных. Огромные реки, берущие начало на вершинах самых высоких гор, чередуются с океанами, глубоко врезающимися в пологие берега. Три материка осуществляют между собой товарно-рыночные отношения и открыты для посещения. Четвертый — самый большой — закрыт от всех магическим пологом. Почему — никто уже и не помнит. В древности там что-то произошло, и маги закрылись от всего мира. А жаль, говорят, там много чего интересного было. Волшебные твари, радужные замки, драконы, темные эльфы, бессмертные... Да и маги там в разы сильнее, чем здешние, но оно и понятно: в тех землях, говорят, серьезный источник магической энергии был.

В данный момент мы находимся на материке земли. Есть еще огненный, воздушный и серый. Серый материк закрыт, а об огненном и воздушном мне обещали рассказать чуть позже. Я так поняла, что на огненном — больше магов огня, а на воздушном — воздуха. Дом мага расположен на территории великой империи Бордана, здесь в основном живут люди. Также есть Лавандор, Долина огненной руды, Йаманга и прочие королевства, границы которых строго блюдутся и защищаются вот уже пару сотен лет. А вообще кроме людей здесь можно встретить

эльфов, фэйри, троллей, гномов, орков и многих других. А сколько у нас нежити... Ну это ты в «Нежитеведение» посмотри, всех и не перечислить.

Рядом с домом мага, кстати, есть город, из которого посыльный раз в неделю доставляет нам еду и все необходимое. Горшок там когда-то был, но помнит смутно. Память вообще сильно его подводит в последнее время. Все воспоминания начинаются с того места, когда он стал горшком, но иногда... есть проблески. И о них он говорит с удовольствием, описывая в красках то, что не до конца стерлось из памяти.

— Там огромные-преогромные дома. И странные кони с огненными гривами. Дворец! Вот ты когда-нибудь видела дворцы?

— Воочию? Нет. Все хотела съездить в Египет или Китай, но не довелось. — С удовольствием заворачиваюсь в грязный плед, вытянутый из ближайшей кучи. Прохладно стало, да и сквозняк... Спать охота.

— И не надо. Тут красивее. Огромные колонны, вышколенные слуги, вкусные яства...

— Точно принцем был.

— А я о чем! Я же помню.

Сёма заволновался и пару раз подпрыгнул, после чего перебрался ко мне на колени и уткнулся ручкой в живот.

— Ты меня заберешь?

— Круче. Я тебя расколдую. — Погладить его или обидится?

Осторожно провожу кончиками пальцев по боку. Прохладный.

— Да? Угу. Ну даже если и нет, все равно спасибо. Мне такого лет сто не говорили.

— Ничего себе.

— А ты думала! Расколдовать меня может только маг, но он для этого сначала ожить должен и забрать свою душу. А для его оживления нужно столько всяких совпадений, что он уже лет триста как носится с вычислениями, подгадывая выгодный момент.

— Гм. И как, подгадал? Я так поняла, что нужный момент был тогда, когда я появилась. Мне еще сердце хотели вырезать.

— А? Да нет. Это так, приготовления. По-настоящему ритуал будет исполнен через три дня... Если он очнется и ингредиенты уцелели, конечно.

Оглядываем разруху.

— А если нет? — осторожно уточняю я.

— Тогда нам хана.

05:51

В коридоре что-то грохнуло. Послышался вопль и стон боли.

Выныриваю из дремы и с ужасом кошусь на дверной проем. Горшок вздохнул и пожелал мне удачи, после чего бодро куда-то упрыгал.

Эльф тоже пропал. Чувствую себя страшно одинокой и никому не нужной.

06:10

Светает. Ко мне приближаются шаги. Пытаюсь сообразить, куда мне умотать, пока не поздно. На чердак. Надо срочно на чердак! Там дверь хоть на запор закрывается.

06:12

Пробегаю мимо одноногого чудовища, ползущего по коридору. Маг воет что-то мне вслед и пытается встать хотя бы на четвереньки. Хотя... с одной рукой и одной ногой — это сложно. Тем более в руке он зажал вторую ногу, которую даже мой случайный пинок не выбил из его цепких пальцев.

Разочарованно бегу вверх по лестнице, слушая проклятия вслед и угрозы убить меня при первой же возможности.

Ты сначала поймай. Мечтатель!

06:23

Забаррикадировалась на чердаке, прочтя «заклинание магического замка». Теперь сюда не сможет проникнуть не то что маг, а и сам бы Терминатор растерялся перед таким препятствием. Гордая и довольная собой, падаю на кровать и мгновенно отрубаясь.

12:41

Некромант стоял над кроватью девы, слушая ее уютное сопение. Ногу он пришил суровыми нитками, нос приклеил специальным составом, а глаза вставил обратно пальцами. И теперь смотрел на нее... на ту, что едва не доломала это мертвое тело, которое служило ему верой и правдой последние триста лет.

Он скривился в жутком подобии улыбки и вытащил из-за пояса тесак. Высоко подняв его над головой, он почти с нежностью посмотрел на тонкие черты и тихо, утробно зарычал.

Глаза девы распахнулись, расширились от страха, и она прикрылась белой ручкой, как бы моля о пощаде.

— Умри, несчастная! — с пафосом прошипел некромант и опустил руку.

Но дева выскользнула из-под удара, вскочила легкой ланью, пнула его под зад с силой, вбившей мага головой в стену. И... ускользнула. Легка и невесома, как призрак, мелькнувший в ночи.

— Сиггун!!! — взревел некромант, выбираясь из стены. — Сиггун!!!

Но только звонкий смех был ему ответом, словно издеваясь над нервами мертвого мага, который потерял сегодня всё(!) — книги, травы, камни и рецепт зелья, который два часа назад мог бы превратить его в сверхсущество, повелевающее миром. Но... в тот момент, когда смесь окрасилась в правильный розовый цвет, ему запустили в лабораторию вихрь, подорвали дверь и оторвали ногу, руку и нос. Остались руины, дыра в стене. И воспоминание о том, как он почти попробовал то, что повторить уже не сможет.

И все из-за этой ведьмы!

Бегу по коридору, нервно хихикая. Меня всегда, когда очень страшно, тянет на «ха-ха». Ничего не могу с собой поделать. Каждый раз, как начальство вызывало меня на ковер, я от страха постоянно улыбалась и смеялась в самых страшных местах. За это я получила кличку «Бесстрашная» и... семь увольнений подряд.

Маг воеет и бежит следом, широко расставляя ноги и сжимая в пальцах огромный нож. Где он только его откопал? Мачете, блин. Я как его увидела — мгновенно проснулась и поняла, что пора линять. Хорошо, с утра реакция хорошая. И чего он так взбеленился? Подумаешь, сорвала дурацкий опыт.

Мама...

12:49

В пятый раз пробегаем по третьему этажу, воя от ужаса и злобы. Он — от злобы, я, понятно дело, от ужаса.

— Стой!

Он себя слышит? Таким голосом только и уговаривать замереть ненадолго.

— Стой, скотина!

— Сам урод! — И кто меня за язык постоянно тянет?

Перепрыгиваю через перила, едва не сломав ногу и больно ударившись плечом об ступеньку.

Маг не рискнул прыгать, оберегая пришитую ногу. Бежит по лестнице, громяхая костями и надсадно дыша. Странно, что мертвые умеют дышать. Может, по привычке?

12:55

Влетаю в подвал, оглядываю катакомбы, понимаю, что заблудиться здесь как не фиг делать. Сплошной лабиринт и камеры повсюду. И зачем ему столько камер?

13:12

Бегаем по катакомбам.

Темно.

13:20

Я устала!

Сижу в какой-то камере рядом со скелетом, слушаю вопли мага, уговаривающего меня выйти.

Ага. Спешу и падаю. Расчешусь только, а то страшна как первородный грех. Испугается еще, бедолага.

13:40

Проползаю мимо камеры, в которой бродит маг. Он открывает каждую и с криком: «Ага!» — пытается меня найти.

Есть! Выход, кажется, там.

А с другой стороны...

13:43

Я заперла мага! В камере.

Но он вынес дверь плечом и с визгом побежал за мной, теряя последнее достоинство. Орет, что я не просто умру, а мучительно, страшно и много раз подряд.

Верю на слово, уматывая по коридору.

14:20

Мы заблудились.

Стоим, смотрим друг на друга. Оба еле держимся на ногах.

У меня даже пугаться не получается. Крысы еще бегают. Кто-то рычит в темноте, ползая неподалеку.

— Ты... знаешь... где... выход? — Я задыхаюсь, так что говорю с трудом.

— Для тебя — на том свете! — злобно, обнимая ближайший угол. У него нитка на ноге порвалась, и теперь ходить маг может только с большим трудом.

— Да пошел ты. — Ковыляю прочь, ругаясь сквозь зубы.

— Эй! Ты куда?!

Грохот упавшего тела.

— Я ногу потерял!

Поздравляю. Просто счастлива.

— Сиггун, стой! Стой, кому говорю!

Останавливаюсь и медленно оборачиваюсь назад.

— Ну?

Долгий внимательный взгляд черных глаз.

— Ладно. Помоги мне встать, и я покажу, где выход.

— А не прирежешь?

Мне показывают отвалившуюся ногу.

— Нож брось. Дальше. Еще дальше. Ты что, издеваешься?

— Он от стены отскакивает, вот и возвращается.

Тяжело соплю.

Нож бросили в меня, едва не убив. Прожигаю некроманта самым страшным и многообещающим взглядом. Ему все равно — мужик пытается встать.

Ладно. В конце концов, я так здесь заплутала, что найти выход сама теперь точно не смогу.

Подошла, подставила плечо, поморщилась от жуткого запаха, и мы поковыляли обратно. Надеюсь, он помнит, где выход. Ибо смерть в объятиях настолько изувеченного трупа мне не улыбается ни разу. Вряд ли кто через сто лет поверит, что он был принцем, который пришел меня спасать.

А мне очень и очень важно, что именно подумают обо мне потомки. Нда.

— Рот закрой. Я задохнусь от вони.

— Сама не ромашками пахнешь.

— Козел.

— Дура.

Фыркаю и бреду дальше. Тоже мне, принц.

14:41

Сидим в башне мага — в единственной лаборатории, которая уцелела во всем доме. Маг роется на полках, шипя сквозь зубы и что-то разыскивая. Я сижу на табуретке и заинтересованно за ним наблюдаю.

— Может, помочь?

Меня попросили не шевелиться, не дышать и, если получится, вообще покончить жизнь самоубийством. Фыркаю и объясняю магу, как он неправ.

Некромант не реагирует. Он мешает снадобья, прислонив к столу ногу и хмурия лоб.

— Принеси руку.

— А?

— Я вчера сделал себе новую руку. Ее оторвало дверью. В холле валяется. Принеси, — терпеливо и внятно.

Киваю и убегаю, свернув по пути табуретку. Слышу тяжелый вздох мага.

В холле вокруг руки уже собрались эльф с горшком. Сёма что-то объясняет мелкому, ползая вокруг и делая умный вид.

— Я это заберу. Спасибо.

— Жива! — Горшок аж подпрыгнул, тут же забыв о находке. — Ну и как он?

— Кто?

— Хозяин. Хотя понятно, что нормально. Ты лучше скажи: что именно ты такого сделала, что тебя до сих пор ни во что не превратили и даже в живых оставили?!

Задумчиво смотрю на горшок.

— Да так... ничего. Побегала немного.

— Я знал, что он к тебе равнодушен! Знал! Других он превращал в табуретки всего лишь за косые взгляды. А ты... ты особенная.

— Думаешь, еще могу пригодиться для ритуала?

— Для чего? А, нет... Ты ж не невинная дева, так что ритуал в полете.

— Угу. Ладно. Я пошла.

— Погоди!

— А?

Оборачиваюсь и смотрю на постоянно меняющееся нечеткое лицо горшка, который никак не может заставить появиться сразу оба глаза и рот.

— Ты... это... Если он так подобрел — попроси и меня... ну того, расколдовать. А?

Вздыхаю, понимая, как именно маг ответит на такую просьбу.

— Просто ритуал уже завтра. Орбита Солнца совпадет с эклиптической орбитой магического ветра, и он заберет из меня душу обратно. А я... очень не хочу на всю жизнь превратиться в безмолвный ночной горшок.

Киваю и бегу обратно в лабораторию, откуда уже доносится вопль мага, зовущего меня по имени.

15:01

Задумчиво изучаю табуретку, пока маг намазывает смесью руку и приживляет ее обратно к плечу. Мертвые ткани начинают шевелиться, сосуды, нервы и кожа вытягиваются, словно черви, соединяясь друг с другом. Зрелище то еще, но рука прирастает крепко... Намертво, я бы сказала.

— А эта табуретка была кем-нибудь... ну до того, как стала табуреткой?

Маг метнул на меня злобный взгляд.

— Да.

— Кем? — с ужасом.

— Деревом!

Мгм.

— А есть в доме табуретки, которые раньше были людьми?

Маг с удовольствием согнул и разогнул приросшую руку, балансируя на одной ноге.

— Есть.

— И... как их отличить?

— Если за зад укусят, значит, люди.

Маг снова занялся ногой.

— Ха-ха. Очень смешно.

Фыркаю, встаю и иду к двери.

— Куда? А ну стоять!

Стою. Кстати, вот что странно. Внутри нет и тени того ужаса, который я испытывала к магу всего четыре часа назад. Теперь мне его иногда... даже жалко, что ли. А еще никак не выходят из головы слова горшка о том, что маг ко мне неровно дышит. Кто его знает, может, он и влюбился в меня на старости лет. Просто сам еще не поймет глубину чувств.

— Что? — Мысленно улыбаюсь, представляя, как он сейчас будет орать, а после отпустит на уборку дома и кормежку зомби.

— Я еще не поблагодарил тебя за то, что ты сотворила с моим телом, лабораторией и результатом эксперимента, который я обдумывал годами.

— Не стоит благодарности! Да и не за что... — Не сориентировалась я.

— Да нет уж. Есть за что. Короче, будешь теперь ходить в таком виде... И благодари хранителя за то, что я не превратил тебя в табуретку!

15:10

Крыша едет не спеша, тихо шифером шурша.

А за нею еду я, тоже очень не спеша.

Стою и изучаю свои конечности. Спокойствие, только спокойствие. Я стала тараканом.

Какая гадость!

— Нет, я просто не могу отказать себе в удовольствии.

Оборачиваюсь на голос и изучаю приближающуюся ко мне огромную тапку и огромное безносое лицо за ним.

Меня сдуло вбок воздушной волной, после чего я резко рванула к стене и забились в щель. Сажу внутри, дрожа от ужаса и отвращения к самой себе.

— Вот теперь мы квиты, а то на душе как-то... не так было. Ну и где моя нога?

Топот огромных ног постепенно удалялся. Я же осталась сидеть в темноте, среди пыли и крошек, каждая из которых представлялась огромным валуном.

И мне было очень и очень страшно.

Вспомнились слова Сёмы. Ага, любит он меня. По уши втрескался! Держи карман шире! Может, душа у него и не такая злобная, но сам он — просто образец отвратительного характера, крайней озлобленности и... и вообще козел редкий.

Ладно. Спокойно! Только спокойно, Сиггун. Подумаешь, таракан. Это ничего. Бывало и хуже. Намного хуже. Правда, я не помню, когда именно...

Меня трясет и хочется плакать. Но плакать не получается. Как представлю, что теперь всегда буду такой...

А дома было так хорошо. Своя квартира, работа, телевизор по вечерам, с шоколадкой и чашкой горячего чая. Друзей не было, ну и не надо. Их всегда можно попробовать завести.

А теперь... Что теперь? Я попала в другой мир, кардинально изменилась и превратилась в мерзкое ползающее насекомое, которое всю жизнь должно питаться крошками и убегать от людей.

А я даже то, что сюда попала, не пережила еще до конца.

Словно мозг отказывается воспринимать информацию и посылает ее по кругу. У меня постоянно ощущение, что вот-вот все это закончится, и я вернусь домой. А это все — сон. Длинный дурацкий сон Алисы в стране чудес. И таракан — это часть сна. Вот придумаю, как стать прежней, скажу волшебные слова, топну серебряными башмачками. И — вуаля! Я дома. А на следующий день иду на птичий рынок покупать кота...

Выбраться. Надо выбраться. Главное — не сдаваться.

16:41

Ползаю по страницам книги. Мне их не перевернуть! Рядом приземлилось огромное крылатое существо с рубиновыми глазами и хищной клыкастой улыбкой.

— Сиг?

Смотрю на него, из последних сил глуша инстинкты и оставаясь на месте. Хотя убежать, конечно, хочется. Очень.

— Это он тебя так, да?

Меня узнали? Надо же... ничего себе.

Подползаю ближе и усиленно стучу лапкой по странице книги заклинаний.

— Тебе ее перевернуть?

Я бы кивнула, но шеи нет.

— Ладно. Отойди.

Шустро отползаю. Эльф же с усилием поднимает край огромного листа и медленно его переворачивает.

— Ну как? Здесь? Или листаем дальше?

Здесь-здесь. Книга была открыта как раз на заклинании превращения человека в таракана, так что контрзаклинание было написано прямо на следующей странице.

Ползаю по строкам, пытаюсь их прочитать. Только вот рта у меня нет, и говорить я не умею. А еще буквы такие огромные...

На меня снова рухнула депрессия, придавив к бумаге. Смотрю на эльфа, понимая, что это конец.

— Не можешь прочитать, да?

Н-да.

— Ладно. Отойди, я сам прочту. В конце концов, если ты так и останешься тараканом — не видать мне твоей крови как своих ушей.

Отползаю, с надеждой наблюдая за ушастиком. Вокруг высятся огромные, упирающиеся сводом в потолок колбы. Книга километровым камнем лежит на ребристой поверхности стола. А у самого его края начинается воистину огромная пропасть с темнеющим где-то в глубине полом.

Слова древнего заклинания разносятся по комнате, подхватываемые ветром.

Чувствую, как сила переполняет мое тельце, меняя его и заставляя расти.

Уже могу улыбнуться, чувствуя, как по щекам текут соленые слезы. А губы повторяют снова и снова: «Это сон, просто сон».

19:32

Эльф не так произнес заклинание или результат зависит от того, кто его произносит?

Нет, я, конечно, выросла и теперь похожа на человека куда больше. Но дело в том, что я... стала эльфом! Круто? А вот мне как-то нерадостно.

Ростом с палец, чуть ниже Кнопа, я изучаю свое отражение в стенке одной из колб. Золотистые волосы, пушистым облаком укрывающие плечи, постоянно норовят взлететь вверх. Ярко-алые глазки недовольно сощурены, а когтистые ручки уперты в бока.

Кноп подходит ближе и ошарашенно на меня смотрит.

— И чего дальше? — пискляво уточнила я.

— Не знаю. Но мне ты, такая, очень даже нравишься.

Изучаю счастливую клыкастую улыбку, понимая, что мне как-то нехорошо.

20:41

Учусь летать. Это не так уж сложно, если летал всю жизнь. Эльф постоянно рядом. Изучает, заглядывает в глаза, носит мне колбасу, блестяшки, перышки и прочие сокровища, которые копил все эти дни у меня под кроватью.

Странно, но я теперь резко равнодушна к блестяшкам. А еще у меня испортился характер. Требую больше поклонения, даров, драгоценных камней и колбасы. Кноп все терпит, кивает, носит колбасу с кухни и смотрит с таким восхищением... что нос не задрать выше просто невозможно.

Шухер! В лабораторию зашел маг. Садится у стены, стучит пальцем по полу и просит вылезать. Это он кому?

— Хватит дуться. Давай вылазь. Тараканом нельзя бегать больше суток. А мне завтра твоя помощь будет нужна.

Эльф дернул за руку и уволок к колбам, заставив там спрятаться.

— Ты чего? — Отбиваюсь, кусая за руку.

Кноп зашипел, но рот мне все равно заткнул.

— Сиггун! Неужели раздавил? Предупреждаю, не вылезешь сейчас — такой и останешься.

Фыркаю и порываюсь что-то сказать, но рот упорно затыкают когтистыми пальчиками, не давая его даже открыть.

Маг нахмурился, что-то пробормотал. По всему «замку» прошел вихрь, и в комнату влетело великое множество тараканов, выстроившихся в ровные паникующие ряды.

— Сиггун!

Тараканы зашелестели, пытаюсь разбежаться, но заклятие держало цепко.

— Так... так-так. Ее здесь нет. Неужто из дома сбежала? Вот ведь... не хватало еще ночью за ней по лужайке бегать.

Маг махнул рукой, и все тараканы обратились в пыль, осыпались на пол, покрыв его тонким слоем серого налета.

Мне расхотелось высовываться. Чувствую, как бешено стучится сердечко сжимающего меня в руках эльфа.

Маг вышел. Руку от моих губ убрали.

— А ты чего боишься?

Он нахмурился, но не ответил и снова потянул меня за собой. Я вырвалась и уперла руки в бока, решив ни за что не двигаться с места.

— Пошли.

Смотрю на протянутую руку и отрицательно качаю головой.

— Я должна расколдоваться!

— Зачем?

Удивленно его изучаю.

— Ты же не сможешь жить без моей крови. А сейчас...

— Я наколдую кровь! Я умею создавать еду из колбасы. Хочешь попробовать?

Колбасы я уже переела.

— Нет.

— Тебе не надо обратно. И так хорошо! — И, подумав, он тихо добавил: — Ты очень красивая.

Ошарашенно его разглядываю, понимая, что являюсь первой девчонкой в его жизни. Причем еще и красивой.

Маг снова вошел в комнату, ругаясь и протягивая руку к книге. Талмуд забрал и вышел, захлопнув за собой дверь.

— Пошли. Надо торопиться! Что-то мне подсказывает, что расколдоваться лучше побыстрее.

Кноп грустно кивнул и полетел за мной следом. Больше он мне не перечил.

21:14

Чтобы отобрать у мага книгу, мы сделали следующее:

1. Притащили с кухни бутылек масла и намазали ступеньки лестницы.

2. Подпилили крюк от люстры в его комнате.

3. Вырезали слово «Мутация» на мантии некроманта. Прямо на пятой точке.

4. Подмешали в настой, стоявший на его тумбочке, каких-то порошков. Порошки нашли в лаборатории и несли бережно, стараясь не вымазаться самим.

— Уверена, что все это необходимо?

Удивленно смотрю на эльфенка, хмуро стоящего на подушке некроманта. Я как раз мыла руки в капельке, найденной на подоконнике.

— Тебе не нравится?

— Нравится, но он так тебя найдет.

— Ну и что?

Рубиновые глазки зло сощурились, а сам он сжал руки в кулачки.

— И снова превратит в таракана!

— Ну а ты расколдуешь. Заклинание мы сейчас отнимем.

В коридоре послышался треск, грохот и вопль боли.

— Вот видишь. С ним не так уж сложно справиться.

Кноп перелетел на подоконник и подошел так близко, что я почувствовала его дыхание на щеках. Он, кстати, симпатичный. Все эльфы выглядят странно и нестандартно по человеческим меркам эльфов. Я как-то листала альбом в библиотеке, где их фотографий было предостаточно. Этот экземпляр мне нравился больше остальных. Черные волосы у этой расы вообще редкость. Рубиновые глазки тем более.

А еще он умный, что даже странно для такой крохи.

Когтистые пальцы осторожно провели по волосам, скользя и убирая их в сторону.

Мне даже на секунду показалось, что он меня поцелует, но он просто стоял и смотрел мне в глаза. Напряженно и прямо.

— Что?

— Если...

В комнату вошел некромант, выругался, прошел к столу и отодвинул стул в сторону. Цепь, которую стул прижимал до этого, резко пошла вверх, послышался звон, на поднявшего голову некроманта рухнула люстра.

Некромант затих.

Мы с эльфенком с интересом на него смотрели.

— Смешно, — улыбнулась я.

Кноп кивнул, отвернулся и полетел прочь из комнаты.

Пришлось лететь следом, ибо мою руку никто отпускать не собирался.

22:15

Мы нашли книгу заклинаний в сумке, лежавшей у основания лестницы.

Перетащив все на чердак, положили книгу на стол. И пока я листала страницы, пытаюсь найти нужную, эльф слетал на кухню за спичками и даже сумел зажечь свечку.

Медленно читаю строки заклинания, пока он ходит по столу, заложив руки за спину. Если честно... мне его даже жалко. Он явно очень хочет, чтобы я осталась вот такой и везде летала только с ним. Жаль, но для меня это неприемлемо. Я свихнусь.

— Хочешь, создам тебе подружку, когда стану человеком.

— Нет.

— ?!

— Не надо подружку, — пробурчал Кноп и вылетел из комнаты.

Ну не надо так не надо. Хмуро смотрю ему вслед.

О, я нашла заклинание! Вдумчиво его читаю, взлетев над столом и стараясь не сбиться.

Хоть бы получилось, хоть бы получилось!

И тут дверь распахнулась, в нее снова вошел маг, пред глазами мелькнуло что-то большое и прозрачное, а в следующий момент я уже сидела в банке и смотрела на искривленное лицо некроманта.

— Попалась! Так и знал, что эльф тебя не оставит. Кровник, что с него взять. А ну говори, что подмешала в настой!

Банку встряхнули, заставив больно удариться о стенки. Падаю на дно, глотая слезы и крепко стиснув зубы.

— Сиггун! У меня тело разлагается! Что! Ты! Подмешала в настой!

Поднимаю голову и с ненавистью смотрю на мага.

— Ой.

Кожа слезает лоскутами, мышцы медленно синеют, превращаясь в тонкие полоски гниющего мяса. И запах... он просто ужасен.

— Вон то.

Показываю на стол с единственным пузырьком синего цвета. Банку ставят рядом, берут пузырек и стремительно выходят из комнаты.

Смотрю ему вслед, понимая, что переборщила.

Мне бы крышку отвинтить... только вот как?

Вторница

15:41

Сплю на постели, обняв подушку и укрывшись чистым одеялом.

Вчера эльф влетел в комнату и помог мне вылезти из банки. Вместе мы прочитали заклинание, я снова человек. Ура! Маг успел спастись, сумев выпить нужное противоядие вовремя. Когда я вошла в его комнату, он только махнул рукой и попросил меня выйти.

В принципе я и сама не горела желанием проводить рядом с некромантом всю ночь. Так что мы с Кнопом поднялись на чердак и уснули практически сразу, как только легли на кровать.

Дверь я при этом заперла на три засова и подкрепила «заклинанием магического замка» — все, что я выучила на сегодняшний день.

Ну хоть что-то.

В дверь тактично постучали, попросив впустить.

Сонно поворачиваюсь, натягивая одеяло повыше и пытаюсь сообразить, кто это может быть. И зачем я снова нужна некроманту.

— Ты кубок не видала?

— Какой?

— Дверь открой — скажу, — хмуро.

— Нет. Ты вчера перенервничал. Не хочу снова впасть в немилость.

— Кубок большой такой... с камушками. Он очень важен!

— Не видела.

— Если не найду — вернусь, — пригрозили из-за двери.

— Я не брала!

За дверью выругались, потом слышались удаляющиеся шаги.

— Чуть что, так сразу я.

Хмуро смотрю на эльфа, хмуро сидящего на моем колене. И как-то так внезапно меня осенило.

Ага! Кубок оказался под кроватью. Эта мелкая зараза мне все руки искусала, пока я посудину вытаскивала. И куда только вчерашняя любовь делась? Сегодня он снова жадный мелкий дух, который не умеет делиться.

17:21

Маг знает, кто упер кубок, и громко сообщает это, стоя за дверью. Изучаю чуть погнутый трофей, не спеша осчастливливать некроманта его возвращением. Он мне вчера все нервы измотал. Психика, правда, уже подернула воспоминания пеленой, не дав всласть ими насладиться. Ощущение, словно все это было в кошмарном сне. И не со мной. И тараканом я не была, и по дому не летала в виде маленького эльфа. И маслом ступени не мазала...

Вздыхаю и откидываюсь назад, прислонившись спиной к стенке и поставив ногу на кровать.

— ...и если вы не вернете мне кубок!..

Кошусь на дверь, мрачно улыбаясь. Снова угрозы. Как надоело...

Подхожу к двери, резко ее открываю, с размаху кидаю кубок в мага и захлопываю дверь обратно.

Там тихо матерятся, сползая на пол. Сажусь на кровать, складываю руки на груди и хмуро смотрю в окно.

— С ума сошла?!

Дверь выбили, и некромант ворвался на чердак. Черт, совсем забыла поставить «заклинание замка» обратно.

— Иди к черту! Достал. Вот твой кубок. Можешь попрыгать от счастья и идти воскрешаться. Я хоть убить тебя смогу потом.

Шок в глазах усопшего.

— А?

Все. Я довела его до крайности. Не удивлюсь, если раньше мужику вообще никто и никогда не грубил. Все боялись, трепетали и блеяли слова благодарности, даже если их резали на ленточки.

— Я сказала: иди к черту! — Злобно щурюсь, чувствуя, что меня уже трясет.

Психика не справляется с потоком событий. Новый мир, ходячий труп, превращение в таракана, мои неудачи... Нет, ну мне и раньше не везло, но сейчас это просто какое-то цунами из невезения. Ощущение, словно я сижу в дурдоме, в белом халате, со связанными за спиной рукавами, и ору на санитаря: «Пошел вон!»

Санитар в шоке.

Но даже если это и так, психовать и ломать голову не стану. В депрессию не уйду. Вешаться не буду. Я решила. Живу на всю катушку, а там будь что будет. Да и потом, если я все же приду в себя и очнусь в палате среди капельниц и Наполеонов — вряд ли мне будет легче. Скорее наоборот, я окончательно съеду с катушек.

— Хм. У тебя стресс.

Ошарашенно смотрю на некроманта. А где громы, молнии и превращение меня в улитку, рыбку или зайца? На худой конец, в табуретку.

— Это бывает. Ты же только что здесь появилась, а тут я еще... Ладно. Успокойся. Сегодня

ночью ты мне будешь очень нужна.

— А потом? Убьешь и закопаешь на ближайшем кладбище?

— Сиггун, не нервируй меня. До твоего появления я искренне считал, что бессмертен. Сейчас я сильно в этом сомневаюсь. Тело буквально за каких-то несколько суток пришло в полную негодность! То рука отвалится, то нос, то я начинаю разлагаться. Тебе самой-то не стыдно?

На меня зло посмотрели.

— Вся извелась. Ночами не сплю — рыдаю и думаю, как там ты.

— Издеваешься. Ну-ну. Короче, так. Ты мне ночью помогаешь, я оживаю и утром выдаю тебе некую сумму денег и рекомендации в академию магии. Она находится в Лавандоре, и людей туда берут редко, но эльфы в принципе существа наиболее близкие к магии, так что в академию берут всех, у кого есть магические способности.

— Не хочу.

Удивленный взгляд.

— Меня не примут, или исключат, или я что-то не то наколдую и подорву все на фиг.

Маг задумчиво поднял глаза вверх, представляя картину атомного взрыва на месте стоявшей до этого веками академии. И меня... чумазую, встрепанную и со слезами на глазах, доказывающую, что не виновата я — оно само.

— Н-да... такое возможно. Хоть я и не понимаю — почему.

— У меня с детства везение отсутствует как класс. Мне всегда и во всем не везет, проще говоря.

— Я заметил, — кисло. — Причем, когда ты рядом, окружающим тоже несладко.

Киваю и уныло смотрю в окно. Там как раз дождь начинается, шелестя падающими вниз каплями.

— Хм... а ты представь, что твое невезение — это дар. И его можно использовать, а не только проклипать.

— Это как? — хмурюсь. — Насылать на других? Не этично как-то.

Маг встал и пошел к двери.

— Пошли. Покажу как. Только держись на расстоянии двух шагов! Мое тело не выдержит еще одного падения с лестницы.

Киваю, встаю и иду следом.

— А чего это ты такой добрый сегодня? Еще вчера мечтал меня убить.

— Говорю же: ты мне нужна для эксперимента. Причем вменяемая, а не в состоянии тотальной депрессии. Депрессия во время такого заклинания вообще может убить все мои попытки в зародыше. Мне этого не надо.

— А, понятно. — Хмыкаю и сбегаю по ступеням следом.

— Два шага!

Отпрыгиваю назад и кивком показываю, что я готова поддерживать дистанцию. Маг нервно приглаживает остатки волос и идет дальше. Надеюсь, он знает, что делает.

17:40

— Вот, к примеру, давай испытаем твой дар на кухне. Оглядись. И не подходи ко мне!!!

Фыркаю и обхожу кухню по периметру.

— И что?

— Так. Теперь попытайся что-нибудь сделать и представь, что это очень важно для тебя... К примеру, поджарь мне яичницу.

— Прости, но страшно важным для меня это станет вряд ли.

— Сделаешь плохо — превращу в муху. — В голосе некроманта не было и тени тепла, только холод и прямая угроза.

Сжимаю зубы и берусь за сковородку. Яичницу так яичницу. Интересно, а он догадывается, что с готовкой у меня не очень?

18:18

Я убила мага яичницей! Новый способ убийства какой-то.

Он ее только попробовал, как сразу схватился за горло, посинел и рухнул на пол.

Изучаю яйца, сковородку, масло и солонку. Что я на этот раз сделала не так-то?

На солонке мелкими буквами написано: «Опасно! Яд!» ...Н-да. Хорошо, что я себе никогда ничего не солю. Да и вообще соль недолюбиваю. Задумчиво изучаю дергающегося в конвульсиях мага. Авось очнется.

18:21

Очнулся! Попытался убить меня сковородкой, но я увернулась — и чугунок попала в стену, пробив ее насквозь. Стоим, тяжело дыша и удивленно глядя на пролом.

— Уйди. Пока я тебя не убил.

Киваю и сматываюсь к двери. Маг же подошел к полкам, взял какой-то пузырек, выпил и, тяжело упершись руками о край раковины, стоял так минут двадцать, ожидая, пока подействует противоядие.

Изучает пролом, ковыряя дырку в стене. Предложила помочь, стоя в коридоре и все еще не решаясь входить.

Маг оглянулся, подумал и попросил принести лом.

Пока маг ковыряет ломом эту стену, и у него отваливается то нога, то рука — я же хочу подумать о... прекрасном.

А почему нет? Помогать мне не разрешают. В кухне стоит такой мат-перемат, что уши завяли бы даже у портового грузчика. Да и... хочется отвлечься. Подумать о чем-то прекрасном, воздушном, а то целыми днями только и делаем, что бегаем друг за другом да доказываем — кто прав, кто неправ и куда с этим всем нужно идти.

Надоело.

— Маг, а ты поэзию любишь?

По стене долбанули особенно мощно, сковородка проломила толстый слой кирпичей и ушла вглубь наполовину. Это надолго. Он уже полчаса долбит, а дыра стала всего в полтора раза шире.

— А я люблю. Хочешь, почитаю?

— Иди в...

— Сам иди. А еще подумай: ты ведь хочешь, чтобы я не лезла и не мешала?

— Да! — врезав в стену ногой и сильно ее отбив. Стена стояла крепко, маня дырочкой и осыпаясь штукатуркой вперемешку с засохшими мошками и парой не успевших сбежать пауков.

— Отлично! Для этого всего-то и нужно — не материться часа два и слушать все, что я скажу.

Маг устало выдохнул, отступил на шаг, обозрел размеры дырки и сплюнул на пол.

— А это обязательно? Лично мне — легче тебя в комара превратить.

— Угу. Уже допревращался. И поверь, в следующий раз я не буду так снисходительна и таки скажу кровному эльфу: «Фас!»

Некромант нахмурился, огляделся. Но кровника нигде не нашел и немного успокоился.

— Это не шутки, ведьма. Кровники... Ты просто не знаешь, на что они способны.

— А ты расскажи.

Маг отвернулся, взял наперевес сковородку и снова шагнул к стене. Вид у него был... угрожающий.

— Ну и не надо. Сама все узнаю. Короче, слушай!

Хрясь! Удар заглушил мою следующую фразу и поднял целое облако пыли в кухне. Надо же... сковородка старая, а чугун еще хоть куда. Хошь — яйца жарь, хошь — стены круши.

— Поэзия! Есть один стих, тебе точно понравится. Сочинила, правда, не я. Но уж больно хочется продекламировать...

Хрясь!

— Кх-кх. Итак.

Однажды в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел. Был страшный мороз!
Гляжу, поднимается медленно в гору
Наш маг-некромансер и тащит навоз!

— Откуда ты, старче?

— Из лесу, вестимо.

— А где ты так много надыбал гов...

Мне сунули под нос сковородку. И медленно покачали ею из стороны в сторону.

— Я знаю еще один способ, как быстро тебя заткнуть и при этом избежать помощи ведьмы в разрушении дома. — Сказано было тихо и зловеще.

Сглотнув, я пискнула, что все поняла.

Сковородку убрали, закинули на плечо и снова подошли к стене. Стена, кажется, немного прогнулась, не выдерживая энтузиазма мага. Тому, если что действительно было нужно, лучше было не перечить и на пути не стоять. Он, как и я, пробьет лбом любую преграду, но получит то, что хотел. А за кухней вроде бы есть целая комната. И, судя по всему, в ней целая куча старинных артефактов, книг с заклятиями и прочей чепухи, которая нашему магу до боли необходима.

— Ладно. Не хочешь поэзию, могу спеть.

— Нет!

В голосе мага мне слышались панические нотки.

— Что «нет»? Я не могу просто сидеть и молчать.

Маг вытер пыль с лица и грустно обернулся ко мне.

— Могу помочь.

— Ага. Щас!

Вздых... и еще один мощный удар по стене.

— Если я не сломаю ее в ближайшие полчаса — точно свихнусь.

— А? Что ты там шепчешь?

— Достала, говорю!

— Сам козел. Итак... баллада. Да, точно: баллада о прекрасном некромансере.

Сковородка повисла в воздухе, ко мне медленно обернулись.

— О ком?

— Даже и не мечтай. Не о тебе, это точно. Ты себя в зеркале видел? Ночью девушку разбудишь — вмиг лишишься остатков достоинства, ибо орать она будет страшно, а отбиваться еще страшнее.

Маг отмахнулся и снова занес сковородку.

— Так чего, петь?

Он задумался и с силой опустил чугунок на стену.

— Кх-кх. Пой. Все равно тебя хрен заткнешь.

Это он явно зря, в школе наша училка по музыке ставила мне тройку, лишь бы я не пела, ибо мое пение было — как ногтями по стеклу, собаки начинали выть, а коты орать, в общем, вы поняли.

Приободрившись, я устроилась поудобнее и довольно расправила плечи.

— Итак. Баллада о прекрасном некроманте! Часть первая.

— Их там еще и несколько?! — с ужасом.

— Помолчи. Сам ведь потом будешь выпрашивать прощенья. А я вот возьму и обижусь...

Хрясь!

— И не дам!

— Я раздавлен.

— Н-да? Вот-вот. Так. Не отвлекай! О чем я? Ах да. Слушай!

Маг кивнул и снова занес сковородку над головой.

Я же прикрыла глаза и старательно запела, пытаюсь хоть немного попадать в такт:

Жил-был на свете прекрасный маг!
Он с детства слыл как большой чудак!
Хоть был красив он, и росл, и мил,
Но очень уж кладбища любил.
И лишь гаснет заря за холмом,
Как к могилам вставал он и шел.
Вот странный маг, вот маг-чудак.
Ходил на кладбища просто так.
Ну что там делает маг-чудак?
Копает ямы и чертит знак.
Взывает к силе подземных гор
И заключает с ней договор.
Вот странный маг, вот маг-чудак.
Ходил на кладбища просто так.
Удача! Зелье сварил наш маг!
И сила стала его за так!
Он воскрешает погост костей!

И ожидает своих гостей.
Вот странный маг, вот маг-чудак.
Никто не даст тебе все за так.
И ведьмы пришли, поднявшись со дна
Большого мрачного пруда.
Скелеты стоят перед ним все в ряд,
Уставив на мага горящий взгляд.
Вот странный маг, вот маг-чудак.
Кормить ты мертвых собрался как?
Собрались все, даже те, кто жил,
Русалки, лешие, и вампир,
И страшный дикий ночной кошмар —
Все ждут, когда маг даст условный знак.
Все ждут, когда будет пир горой.
А маг доволен своей игрой.
Он ходит, смеется, кричит, что крут.
А после его мертвецы сожрут...
Вот странный маг... вот маг-чудак.
Умрет, как жил. Ни за что. За так.

Некромант стоит у стены и задумчиво на меня смотрит.

— Ну как? — Улыбаюсь, отходя от песни и возвращаясь в нашу брентную серую реальность.
Впрочем, мертвый одноногий некромант, стоящий напротив со сковородкой, которой уже час
как прорубает путь к тайнику... это не такая уж и серость. Так что сойдет пока.

— Кто ее сочинил?

— А что?

— ...я знал этого мага.

Слышу, как челюсть со стуком падает на пол и закатывается под стол. Щупаю подбородок,
закрываю рот.

— Ась?

— Я говорю, что знал этого некроманта. Не знал только, что про него балладу сочинили. Хм, он
и впрямь был немного... придурковатый, что ли.

— О мертвых — либо ничего, либо только хорошее, — на автомате ляпнула я.

Некромант удивленно на меня воззрился.

— То есть я у тебя вызываю только теплые чувства?

— А?

— Ну я вроде как мертвый... в каком-то смысле, — пытаюсь приладить ногу на место и заливая
ее клейкой массой из пузырька.

Нога упорно отваливалась.

— Да уж... Да нет. Я не о том. Слушай, а как его звали?

— Кого? А, мага, что ли? Себастьян, кажется. Он был наполовину вампиром, потому и бегал на кладбища. Семья это его увлечение не одобряла. Обычные вампиры по ночам должны бегать по городу, забираться в окна к юным девам и пить их молодую свежую кровь. А этот... этот был не от мира сего. Все в земле копался, чего-то все искал. Говорил, что однажды все узнают, как он велик, но будет поздно. Ну и... в итоге и впрямь оказалось поздно. На разрытом кладбище нашли только шапочку и трость, которую он всюду таскал с собой.

— Мгм.

— Так. На чем я остановился? Ах да. Стена.

Некромант замахнулся и с сосредоточенным видом опустил сковородку на стену. Послышался жуткий грохот, стена пошла трещинами, опасно прогнулась и... рухнула внутрь, подняв кучу пыли, известки и прочей гадости, мгновенно наполнившей воздух.

Сижу, кашляю, пытаюсь протереть хотя бы глаза. И слышу сквозь весь этот шум счастливый захлебывающийся смех мага, уже залезшего внутрь «сокровищницы» и теперь радостно изучающего ее содержимое.

— Зараза! Кх-кх. Мог бы и предупредить.

Маг не ответил. Именно сейчас он был счастлив.

21:32

Маг ушел готовить все для ритуала. Под мышкой он сжимал две книги, скипетр и старую колбу с чем-то кошмарным внутри. Самое жуткое, что «это» все еще было живо! И оно смотрело по сторонам своим единственным черным глазом.

Морщусь и сама лезу сквозь завалы, чтобы изучить содержимое потайной комнаты.

— Заберешься в сокровищницу — убью! — грозно сообщили из-за двери кухни, после чего протопали по ступеням вверх.

Удивленно оглядываюсь и смотрю на дверь. Не поняла. Это он мне сейчас?

21:37

Изучаю какие-то странные бусы, которые светятся в темноте. Правда, только если их перед этим сильно встряхнуть, но ведь светятся! Сижу, трясу. Забавляюсь.

В кухню врывается некромант, орет что-то нечленораздельное, влетает в сокровищницу и со зверским видом склоняется надо мной.

С сине-зеленым лицом протягиваю ему бусы, пискнув, что больше ничего не трогала. Вот честно-честно.

— ГДЕ?!

Еще немного, и у меня бы лопнула барабанная перепонка. Пытаюсь отдать бусы, убеждая, что

это я не со зла. Просто они блестели очень...

— Где медальон?!!

— А? Н-не видела. К-какой?

Мама, он меня точно сейчас убьет, шею возьмет и свернет. Я его таким бешеным еще никогда не видела. Далась ему эти бусы. Ну подумаешь, взяла. Так не сломала же.

— ГДЕ? МЕДАЛЬОН! СИЛЫ?!

— Не знаю!!!

Он скрипнул зубами и изо всех сил ударил кулаком в стену у моего уха. Кожу обожгло камнями, в голове словно взорвалась бомба. Сажу, плотно зажмурившись и хрипя от ужаса. В руках сжимаю порванные бусы. Дернула... нечаянно. Мама, мамочка, ну когда же все это кончится?

— Где медальон силы?

Всклипываю и не открываю глаз. Он отошел назад и сел передо мной на корточки, с разбитого в кровь кулака на пол капают тягучие капли крови.

— Открой глаза, Сиггун.

— Я не брала!

— Не реви. И открой глаза.

Киваю, сжимаю кулаки крепче и приоткрываю правый глаз. Смотрю на него. Стараясь не дышать.

— Медальон. Небольшой. Золотой. С черным камушком в центре. Он мне позарез нужен для «заклинания воскрешения».

Смотрю в его глаза и медленно отхожу от шока. В голове начали мелькать какие-то образы. Не подумав, я сказала первое, что вспомнила:

— Так ведь... его эльф вроде таскал вчера...

Осекаюсь, глядя, как алое пламя расцветает в центре зрачков. Мне снова хочется сбежать как можно дальше.

— Эльф, — тихо. — Я должен был догадаться. Пошли.

Дернувшуюся меня схватили за руку и куда-то потащили. И если бы я не сумела встать — так бы и протаскивали по полу до второго этажа.

Потом мы вошли в башню, прошли по ступеням вниз. Маг что-то нажал... на какие-то камни, и перед нами медленно открылся проход вниз, под землю. И мне очень сильно не хотелось туда спускаться.

— Давай я здесь постою, а? Мне и тут неплохо. Как считаешь?

Но за руку дернули с такой силой, что я едва в этот проем не ухнула.

— Скотина.

Маг не отреагировал.

— Вот. Смотри!

— Куда? Тут темно!

По стене тихо чиркнули, и подземную комнату осветил неяркий огонек спички. Ну или чего-то сильно на нее похожего.

Оглядываюсь, пытаюсь одновременно вырвать уже покрытую синяками руку и понимая, насколько это бесполезно.

— Ну?

— Что «ну»?

— Что ты видишь?

— Ничего! Вон горка монет в углу. Золотых вроде.

— Серебряных.

— И что?! Мне по барабану!

— А мне нет! Тут лежали сокровища, которые я ДЕСЯТИЛЕТИЯМИ КОПИЛ!!!

Рухнув на колени, пытаюсь хотя бы не сжиматься в комок. Блин, он сам-то понимает, какое именно впечатление производит его голос? Сомневаюсь.

— А я при чем?!

Главное — не реветь. Вот. Так. Молодец. Все просто чудесно.

Маг сел передо мной на корточки и отвел руку от моего лица.

— А притом, что твой мелкий комнатный зверек нашел черный ход и перетащил все сокровища отсюда... В лес, я так полагаю. Вряд ли они смогли бы поместиться у тебя под кроватью.

Отворачиваюсь, отпихиваясь от его рук. Он схватил за подбородок и рывком повернул лицом к себе. Морщусь от боли, глядя в пылающие алыми искрами черные глаза.

— А я при чем?

— Это твой эльф.

— Он мне не докладывается.

— Ты хозяйка, — терпеливо.

— И что?

— И то. Либо он вернет мне медальон и я завершу ритуал, либо вы оба сильно пожалеете, что когда-то вообще появились на свет.

— И что ты сделаешь? — Щурюсь, пытаюсь засунуть поглубже крик и стискивая зубы до скрежета.

Он замолчал и посмотрел на меня так, что сердце словно начало покрываться ледяной коркой. И это с ним я шутила? Он же... монстр.

— Ты так жаждешь это узнать?

— Иди в ж...! — Вот. Я собой страшно горжусь. Главное — успела это сказать до того, как горло пережал ужас. Я... я умру счастливой от осознания того факта, что послала этого жуткого некроманта в неприличное место. Да. Я храбрая.

А теперь можно и зажмуриться.

...

Ну чего он ждет? Я готова к боли и превращениям. Или снова издевается, оттягивая момент?

— Знаешь... я впервые встречаю кого-то вроде тебя.

— Таких больше нет, — сквозь зубы.

Круто. Я снова могу говорить.

— От меня всю жизнь бежали. Даже демоны и те не спешили оставаться рядом. Родители бросили в костер, еще когда я был младенцем, брат попытался убить ножом в спину. Король созвал армию, дабы вздернуть того, кто накануне уничтожил войска его врага... всего одним заклинанием. — Его голос понизился, переходя в шепот, от которого на затылке зашевелились волосы, а сердце окончательно затихло в груди.

— Но ты... даже когда я дал тебе полную свободу воли, не сбежала. Осталась. Я превращал тебя в таракана, наградил рогами и копытами, сделал чудовищем. А ты сидела на кухне и смеялась. Пела какие-то глупые баллады и упорно не хотела сбежать...

Мама. Мамочка. Ну пусть он убьет меня быстро. Раз, и всё. Вода где-то капает... мне бы... мне бы выбраться. И я бы никогда больше не пыталась... да ладно, пыталась бы. Но это сейчас неважно.

— И даже сейчас. Стоишь, дрожишь, плачешь... но не боишься по-настоящему. Нет страха. Почему?

Тишина. Вода продолжает капать, нервируя. Руку упорно не убирали с подбородка, не давая спархнуться назад. Так прошла минута, другая. Некромант ждал. А я все никак не решалась поверить, что выживу, что меня не убить пытаются, а о чем-то поговорить. Видели бы вы его... Ни в одном ужастике я не видела таких глаз. Не слышала таких интонаций, словно у существа, стоявшего передо мной, не осталось в целом мире ничего близкого и родного. И он не просто смирился — он давно понял, что это норма и по-другому быть не может.

— Потому, что ты такой же, как я.

Молчу. Подбородок упорно не хотят отпускать. А может, он обо мне забыл? Осторожно открываю правый глаз и тут же зажимаюсь обратно.

Смотрит. Внимательно так. Словно на новый вид пиявки, нагло появившейся прямо из ниоткуда.

— Продолжай.

— У меня тоже никого нет. Не было. И не будет. Я невезучая, если ты не заметил. Всех и всегда подставляю. Делаю все не так. Постоянно попадаю в переделки... Не каждый выдержит источник неприятностей у себя под боком. Меня не выдерживал еще никто, кроме бабушки, но она умерла. Вот и всё. Доволен?

— Нет.

Возмущенно распахиваю глаза и хмуро на него смотрю.

— Чего еще?

— Сироты обычно пугливы, всегда стоят только за себя и никогда не лезут с помощью просто так. Они отгрызут руку, которая им подаст, и добьют упавшего. В этом мире — это закон выживания. В твоём иначе?

— Слушай. Пусти!

Подбородок сжали сильнее, еще немного — и кость треснет. Из глаз против воли брызнули слезы.

— Что тебе от меня надо? Что такого тебе нужно, что ты готова терпеть меня так долго и рисковать собственной шкурой?

— Да ничего! Иди на хрен! Сдался ты мне, герой-одиночка! Гниешь, вот и подыхай один! Тоже мне великое сокровище нации! Шпион я! Подослана высшими силами, дабы добить, прикарманить знания, войти в доверие и покорить мир с твоей помощью! Придурок!

Подбородок отпустили. Я брякнулась на пятую точку и, уже не сдерживая слез, продолжила:

— Думаешь, ты такой уникальный, что без тебя не протяну? Да хоть сейчас свалю! Просто... ты единственный, кого знаю в этом мире, и... и всё! А теперь отстань от меня или убей уже! Надел со своими истериками брошенного ребенка.

Некромант стоял и молча на меня смотрел. Потом поднял голову, сощурился и полез по лестнице обратно.

— Эй. Ты куда?

— За твоим эльфом. Он мне кучу всего должен.

— А... а я?

— А что ты? — Маг остановился и на секунду оглянулся. Жуткое выражение глаз пропало. Голос снова стал нормальным.

Я даже опешила, не понимая, чего именно только что боялась до судорог.

— Ну... убить ведь обещал.

— Перебьешься.

И он полез дальше, более не обращая на меня никакого внимания.

— Козел.

Фыркаю и складываю чуть дрожащие руки на груди, в которой бешено мечется сердце.

— От козы слышу.

Не выдержав, высунула язык и подняла лицо вверх, но реакции так и не дождалась.

23:01

Эльфа поймали, применили на нем сыворотку правды и вызнали про медальон. После чего извлекли у меня из-под кровати пыльную старую коричневую сумку, в которой, как оказалось, и хранились все сокровища мага.

Я впервые в жизни видела безразмерную суму. На вид обычная переметная сума, только с длинным ремнем — кожаная, местами очень сильно потертая. Маг же минут десять рылся в ней, засунув руку по локоть и разыскивая нужный медальон.

Нашел, после чего стремительно вышел с чердака и побежал в лабораторию.

Мне, кстати, не сказали при этом ни слова. Раньше вечно что-нибудь да брякнет обидное. А тут... то ли он все еще в шоке, то ли ему банально некогда.

23:25

Меня позвали на ритуал! Сказали, что все начнется минут через десять. И что сам ритуал пройдет послезавтра. А сегодня — что-то вроде обязательной подготовки.

Ну подготовка так подготовка. Сжимаю в руках банку с жабой и нервно оглядываюсь по сторонам.

Эмм... Я точно должна стоять в центре пентаграммы? А где эльф? Что-то я его с тех пор, как маг вернул медальон, не видела.

Как бы не случилось чего.

Ладно. Маг вошел. Начинаем?

Начинаем. Сейчас, я только банку поудобнее перехвачу, а то эта жаба меня нервирует. И червяк на ней... как живой. Лежит, дышит, страдает. Гадость какая. Надеюсь, некроманту это действительно поможет. А то повторение эксперимента я выдержу вряд ли.

Средница

01:28

Стою на пронизывающем ветру, слушаю завывания мага. Окно бы закрыть...

Банка в руках мешает думать. Пиявка распласталась по дну и тихо пульсирует. Свечи горят неровно и постоянно гаснут под порывами холодного воздуха. Впрочем, они тут же зажигаются снова, не нарушая рисунок пентаграммы и нервируя меня до крайности.

— Еще долго?

— Абрмед, гибривурхазиускомп! Нэрээ!

Вздыхаю и оглядываюсь по сторонам. Потом сажусь в центр пентаграммы и сонно закрываю глаза. Маг упорно не обращает на меня никакого внимания, мне бы поспать... чуть-чуть. Спать-то как хочется.

— Ирэведеркуло... встань.

— Не-а. Какая разница, в какой позе я буду сидеть внутри твоей пентаграммы. Подушечку бы...

— Сиггун! — В голосе прорезались стальные нотки.

— Отвали. — Закрываю глаза и сонно прижимаю к себе банку. — Меня нет. Я сплю. Можешь продолжать ритуал.

Тишина, и только треск вспыхнувшего рядом фитиля нарушил ее зыбкие грани.

— Так. Ладно, на чем я остановился? Мергиу...

01:42

— ...И ногу втяни!!

Сонно открываю глаза и смотрю на мага.

— А?

— Ты ногой дернула. Немедленно втяни ее обратно.

Вокруг по стенам ползают какие-то тени. Одна из них как раз примеряется к моей конечности, беспечно выставленной за границы рисунка.

Ногу втянула, да еще и зажмурилась покрепче, вот только сон из головы выдуло напрочь.

— Вот так и лежи. А ну прочь! Не узнали? Так я напомню, кто я такой!

03:16

Маг всех прогнал, продолжает читать. Сказал — бубнить будет до первых петухов.

Пригрозила покинуть круг, ежели не кинет мне хотя бы подушечку.

Возмущенный некромант едва не убил меня ею, швырнув изо всех сил.

03:23

На подоконник взлетела ворона и крайне хмуро огляделась по сторонам. Лежу, смотрю на нее. Из тесного угла на меня пялятся красные огоньки голодных глаз, что-то воет в трубе, заползая в комнату ключьями седого тумана. Маг встрепан, одухотворен и явно счастлив. Продолжает петь свои заклятия, стоя ко мне спиной и подняв руки ввысь. Ну то есть к потолку.

Тихо требую одеяло. Ну а что? Тут жестко. С подушкой, конечно, повеселей, но реально холодно стало, то ли из-за магии, то ли из-за собирающейся грозы.

Маг выдал мне и одеяло, попросив не трогать только края пентаграммы и ни в коем случае не разбить банку. Ну как попросил — сказал, что убьет, если это случится.

Киваю, заворачиваюсь в одеяло получше и сонно облизываю губы.

Спать. Спа-ать. Наконец-то. И пусть весь мир... подождет.

03:41

Тихо. Вода капает из крана умывальника. Маг тормошит меня за плечо и говорит, чтобы я шла спать на чердак.

Сонно киваю, поднимаюсь, беру подушку и бреду наверх. Ему лучше знать, куда мне надо идти.

На макушку перелетела ворона и громко пронзительно каркнула. По коже царапнули грязными когтями.

— Отвали.

— Карр!

Спихиваю птицу и падаю в кровать. Все. Меня нет... Такое ощущение, что всю ночь разгружала вагоны, а не спала. Маг явно переборщил с использованием силы... моей, кстати. Ведьминской.

Ну и ладно, отосплюсь до послезавтра.

13:15

Ворона каркнула в ухо и отлетела на подоконник. Сидит, ждет, когда я встану, вышвырну ее вон.

Показываю ей средний палец и зарываюсь под подушку с головой. Иди к черту.

14:49

По мне прыгают, что-то ворча и пытаются клонуть. Больно, обидно, но спать упорно продолжаю. Блин... а я еще раньше на комаров грешила. Да эти мелкие сикозявки в принципе неспособны нарушить чей бы то ни было сон.

16:05

И снова ворона. Как она меня...

Встала, врезала по летающей птице подушкой, вышвырнула ее в окно и захлопнула ставни. Огляделась. Комната погрузилась во мрак. Улыбаюсь и сонно бреду к кровати. За окном визгливо каркнули и долбанули клювом по деревянной раме. Стучи-стучи, все равно не продолбишь.

Меня ни для кого нет.

21:14

Стемнело за окном. Медленно открываю глаза и смотрю на ставни. Сумрачно, холодно, маг стучит в дверь и просит выйти.

— Зачем?

— Ты ворону не видела?

Хмуро смотрю на дверь.

— Она меня заколебала. За окном небось сидит. Сердцем чую.

— Ага.

Послышался звук удаляющихся шагов. Мне стало любопытно, и, пересилив лень, я таки села, изучая косо прижатые друг к другу ставни окна.

А за окном сидит мокрая, встрепанная ворона и хмуро смотрит куда-то на восток.

Стою, изучаю чудо в перьях. Мне почему-то стыдно.

— Ну и кто ты? — Неужели маг Сёму переколдовал.

— Я тут.

Оборачиваюсь к кровати и смотрю на выступившую из тени чуть кривоватую ручку.

— Карр!

Птица слетела со своего насеста и скользнула в комнату, описывая по периметру круг почета.

— Ее здесь нет!

Кошусь вниз, смотрю на мага.

— Улетела, наверное.

— Куда?

Без зазрения совести показываю пальцем на стену.

— В лес? — ужаснулся маг.

— Ага, причем спешила, что-то каркала и явно куда-то не успевала.

Большей дурусти придумать я, понятное дело, не могла, но мага проняло. Он тут же развернулся и побежал к воротам, на ходу подзывая к себе скелеты мертвых коней. Из ворот маг вылетел с гиканьем и свистом.

— Ну и чем ты ему так дорога?

— Карр.

Оборачиваюсь и смотрю на птицу, склонившую голову набок и взирающую на меня бусинками немигающих черных глаз.

— Жаль, говорить не умеешь. Ну да ладно. Есть пойдешь? Лично я проголодалась.

Ворона еще раз каркнула и улетела обратно в окно.

Пожимаю плечами и выхожу из комнаты.

Знаете, если у вас в жизни много неприятностей, помните — их всегда можно заесть. Придите домой, наберите из холодильника чего-нибудь вкусного, завернитесь в плед и сидите у окна хоть всю ночь, оплакивая свою брэнную судьбу и заедая горечь кремом.

Лишний вес, проблемная кожа, оплывшие формы, угри... забейте. И так все плохо. Никто не любит, никому не нужна, собака ушла к соседу и не вернулась, тараканы... тараканы празднуют свадьбу на кухне и вежливо попросили не мешать.

И это еще далеко не все проблемы. Их много. Так много, что в одном пирожном они не умещаются. Вы берете второе, третье, вас уже тошнит от сладостей, а плед не греет душу. Но все равно... все равно вы будете сидеть на подоконнике, у телевизора или у пруда и жалеть себя, потому что никто больше в целом мире в период великой депрессии не поймет и не пожалеет вас.

Принц не приедет. Свадьбы не будет. Сказки, кстати, тоже.

Вместо этого к вам придет злобный старый некромант, превратит вас в козу и будет грозиться убить самыми изощренными и жуткими методами, если только не...

А дальше идет удивительно длинный список — о ваших обязанностях, о положении в доме и словах, которые вы должны говорить, приветствуя его.

Н-да-а... И неразгаданная душа принцессы так и останется непонятой, зато плита и швабра всегда рядом. Чем не прекрасная замена?

— Карр!

Эта ворона меня реально достала. Ну чего ей еще надо? Колбасы дала, у огня обогрела, полотенцем вытерла. Что еще? И куда подевался эльф, когда он так мне нужен?

22:15

Вернулся некромант. Злой, недовольный. От меня отмахнулся и пошел наверх.

— Ты Кнопа не видел? С утра не могу найти!

— Отстань.

И маг скрылся из глаз, а после донесся грохот захлопывающейся двери. Задумчиво смотрю ему вслед. И так вдруг обидно стало... так одиноко.

Н-да... рано или поздно это должно было произойти. Ежусь и оглядываюсь по сторонам. Я наконец-то начинаю приходить в себя, больше не бьет адреналиновая дрожь, не дергаюсь, не пытаюсь выжить, не думаю только о том, как бы не попасться на глаза магу... И мне холодно, мне очень холодно, потому что маг не закрыл дверь — и в нее заглядывают полуразложившиеся лица вечно голодных мертвецов. Классная компания, да? А я тут живу.

Хорошо хоть в дом зайти не могут.

Подошла, захлопнула дверь, вернулась в холл и посмотрела на лестницу.

Надо уходить. Некроманта вот оживлю. Помогу там... типа в благодарность за все хорошее. И свалю. Не люблю быть ненужной. Это бесит и выводит из себя. Не могу, когда меня терпят. Хуже нет. Я сама-то себя... не всегда выношу.

Что-то я расклеилась. Как бы взбодриться... Так и до депресняка недалеко.

— Карр!

Оборачиваюсь и смотрю на цокающую когтями по паркету ворону. Встала на пороге кухни и смотрит так, словно я редкий дебил и не понимаю очевидного факта. Даже голову набок наклонила.

— Странная ты... Чего?

— Карр.

— Да иди ты! Маг!!!

И я пошла наверх. Мне плевать, что у некроманта был тяжелый день, невменяемая ночь и жуткие прошлые сутки. У меня депрессия, и я хочу высказаться. Ежели убьет — его право.

Позади уныло каркнули и заткнулись. Вот и хорошо, а на кухне окно открыто, авось сама догадается смыться.

22:41

Маг лежит на кровати, в сапогах, с которых стекают потоки грязи, в черном мокром плаще, и молча смотрит на стену.

Захожу, беру плед с кресла и нагло в него заворачиваюсь, морщась от запаха гнили. Впрочем, тут всегда так пахнет. А что делать? Мертвец он и в Африке мертвец.

— Пошла вон, — хмуро и холодно.

— Бегу и падаю, — обиженно.

Подхожу, встаю напротив и, прищурившись, смотрю в его глаза.

Маг вздохнул.

— Значит, так. Свершилось чудо!

— Ворона нашлась? — с легким энтузиазмом.

— Нет.

Энтузиазм угас. На меня посмотрели еще более холодно, чем до этого.

— Я ухожу от тебя.

Маг мигнул и нахмурился, изучающим взором рассматривает меня с ног до головы. Кутаюсь в плед плотнее, стиснув зубы и ожидая криков радости.

— Чего вдруг?

— Сегодня ж ночью ритуал?

— Завтра.

— А, ну да. Вот помогу и свалю. В эту, как ее... академию магии, ты ж мне обещал, что денег дашь.

— Хм.

Обиженно на него смотрю, ожидая, что он хоть что-нибудь скажет. Ну например: «Мне будет немного одиноко...», а лучше: «Скучаю...», в смысле — «Буду скучать». Ну хоть немножко. Скотина.

— То есть ты уходишь после того, как я оживу?

— Да, — мрачно.

— Ну тогда ты тут надолго.

И тишина. Стою, жду продолжения, пытаюсь понять, что именно мне сейчас сказали.

— Э-э... не поняла.

— Ворона! — В голосе было столько трагизма, а зубы так заскрежетали, что я прониклась.

— Далась тебе эта ворона. Ну умотала и умотала. Тебе-то что?

— Это эльф!

— ?!!

Стою, смотрю. Думаю. Что?!

— Кто эльф? Ворона — эльф?

— Да. Твой эльф, гаденыш, спер у меня всю сокровищницу. Я его расцеловать должен был? Или

грамоту подарить? Вот пусть вороной полетает. Небось с клювом не поколдуешь. Еще и не ворон, а ворона. — Маг хрипло засмеялся.

Кошусь на дверной проем, в котором мерцают две черные пуговики.

— Мгм.

— А только этот гад... Я сегодня днем рылся в сокровищнице и нашел древнее удивительное заклинание, оно позволит мне воскреснуть полностью, еще и душу к телу обратно привяжет. И при этом не надо будет платить такую цену... — Он осекся, покосился на меня и, подумав, продолжил: — Короче, я имел неосторожность выкрикнуть «Аллилуйя» и помахать свитком в воздухе.

Стою, пытаюсь понять, что делать и как реагировать. Молчу.

— Через минуту у меня была только половина свитка, а этот гаденыш с карканьем улетел на улицу. И ведь... ведь так все хорошо складывалось! Я уже все ингредиенты по списку в зелье засунул, успел помешать, а теперь у меня нет конца заклинания, а старый вариант — с простым оживлением свежего трупа — уже не получится. Зелье-то другое... я в него столько редких составляющих сыпанул.

Хмыкаю и выхожу.

— Эй. Ты куда? Уже уходишь от меня?

— ...Не дожدهшься.

— Хм. Тогда ладно.

— А что, — остановившись в коридоре и задумчиво изучая ворону, — ты бы скучал?

— Не дожدهшься.

— Зараза.

— От заразы слышу.

Вздыхаю и иду вниз по лестнице, зову ворону. Та медленно кивнула мне и молча вошла в комнату... Мага мне почему-то жаль.

Хотя ну что ему сделает ворона? Даже если в душе она — эльф.

22:54

Да-а, оказывается, вариантов много. Крики, доносящиеся сверху, напрягают. Такое ощущение, что маг бегаёт по комнате и пытается убить сапогом огромного таракана, который бегаёт по стенам, полу и потолку. Сил у мага много, но таракан, зараза, юркий. Так что... убил? Не слышу вопля счастья.

— Отдай палец!!!

— Карр!

И в этом «карр» было столько торжества и готовности идти до конца, аж дух перехватило.

Пью чаек и ковыряюсь в тарелке с колбасой. Я к ним не пойду. Они мужики, вот пусть сами и разбираются. И вообще некроманта давно пора на место поставить. А то как ребенок: хочу — убью, хочу — превращу. Сёма опять же куда-то делся... Ах да, он у меня под кроватью, на что-то крепко обижен и на контакт не идет.

Хм... а ведь, если подумать, наверняка просто напуган тем, что душу скоро отнимут и маг будет жив. Бойтся, что так и останется горшком, только уже говорить и шевелиться не сможет, и будет он жить... в полном дерьме. Успокоить его, что ли? С другой стороны, мне все еще самой хреново. Потом схожу.

— А ну стой, скотина!

— Карр!

— В железку превращу!

— Карр!!!

— Ну... абраварда... уй.

— Карр.

Не выдержав, иду наверх, взглянуть на это хоть одним глазком.

На пороге спальни вытаращила глаза. Некромант сидел на полу, правая часть его тела была полностью из железа. Это как же он так... промахнулся, что ли?

— Ну чего встала?! Лови его!

Показываю средний палец и подставляю вороне руку, на которую она радостно и села, сердито каркая, ероша перья и подпрыгивая от возбуждения. В глазах ее сияло пламя битвы.

— Ну что? Расколдуешь?

— Кого? — Пытается встать, но упорно заваливается на стену. Тяжелый теперь... Одно неверное движение, и мага порвет на две половинки.

— Его. — Тычу пальцем в пушистое брюхо птички.

Птичка мне палец едва не оттапала, но вовремя сообразила, кто я, и только сердито каркнула.

— Пускай свиток сначала вернет!

Некромант рухнул на пол, перевернулся на живот и шустро пополз к шкафу.

— Помоги. Чего встала? Подай вон тот пузырек.

— Сначала расколдуй.

— Слушай... ты давно с рогами не бегала? Дашь пузырек — уберу копыта.

Скрутив фигу, уматываю из комнаты. Ворона слетела с плеча и осталась в комнате.

Обернувшись, напоследок увидела незабываемую картинку: некромант лежит на полу и смотрит на ворону, а та, щелкая клювом, медленно идет к нему. По-моему, магу все-таки страшно, пусть немного, но это факт.

23:30

Забираюсь с ногами на кровать, расплетаю волосы. Ежусь от холода — ночи тут холодные... Или я такая мерзлячая?

На жутком подобии прикроватной тумбочки стоит палка с пульсаром на конце. Получилось что-то вроде лампы. Я этот пульсар училась зажигать дней пять. Просто не писала об этом — а вдруг не получится? Но сейчас получилось. Я все-таки, наверное, ведьма. Пусть и совсем немножко.

Беру в руки огромный том с удивительным названием «Страсть в тумане», осторожно открываю первую страницу — желтый, потрепанный жизнью и временем пергамент. На нем идут прыгающие строчки. Рассказчик с первых строк погружает читателя в темную, мрачную ночь, полную грома и молний, хлещущего ветра, стонущих под ударами хлыста коней, несущихся по краю обрыва, и... огромного черного замка, дорога к которому ведет тем самым горным серпантинном.

Четверник

00:12

Зашел маг. Сунул мне в руки недовольного Кнопа. Ушел.

Читаю дальше, не отвлекаясь на мелочи. Только крикнула ему, чтоб дверь за собой закрыл, а то ходят тут... всякие.

Маг от моего вопля аж об порог споткнулся, не ожидав таких децибел, но дверь прикрыл.

Эльфа я посадила рядом с собой на подушку.

— Я ему отдал. Он... сказал, что иначе так и буду вечно вороной. Вот, — тихо сообщили с подушки.

Киваю и перелистываю страницу. Начинается самое интересное. Она встретила... Его.

На подушке завозились, устраиваясь поудобнее и подтягивая к себе краешек одеяла.

00:32

— Мне свет мешает.

— Угу.

— Чего «угу»? Спать давай!

— Угу.

Переворачиваю страницу слегка подрагивающими руками. Ничего себе чувства! Вот это я понимаю — любовь! Я бы вот не смогла убить... из ревности к кактусу. А он вот... очень старается и орет при этом, что любит. Какой мужчина!

— Ну и ладно. Буду спать так.

— Угу.

01:45

— А-а-а-а!!!

Эльф с перепугу влетел в окно, врезался в ставни и рухнул на подоконник, отрубаясь. Дверь снесло мощным ударом плеча, на пороге застыл вздыбленный маг с горящими глазами, молнией в каждой руке и с торчащими во все стороны патлами редких волос.

— Кто?!

Его рык даже меня пронял.

Вытираю слезы, сморкаюсь в край ночной сорочки и вою навзрыд.

Маг еще раз оглянулся, медленно погасил пульсары и подошел ближе.

— Чего случилось-то? Я думал, убивает кто.

— Да-а не убива-а-ет... а наси-илуе-э-эт... — Не выдерживаю и падаю на подушку, скуля сквозь зубы и содрогаясь в рыданиях.

Меня гладят по спине, вводя в состояние ступора. Я даже чуть не забыла, чего так редела.

— Кто насилует? Это кошмар приснился. Просто... кошмар. У меня тоже иногда бывает, вот вчера глаза закрыл и вдруг решил, что надо мной ты стоишь... с топором и колом осиновым. Так жутко стало. Не поверишь.

Отмахиваюсь и сажусь, вытирая слезы с покрасневшего лица. На подоконнике вяло зашевелились.

— Что это было?

— Вы все ничего не понимаете. Он ее бросил! А ее изнасиловали! А она... а она люби-ила!

— Кто? — хором.

— Ы-ы-ы...

Показываю книжку, пытаюсь выговорить имя главной героини.

Маг брезгливо ее разглядывает.

— Это чего?

— Рома-ан.

Роман попытались отобрать, заявив, что не фиг такое на ночь читать. Но я заорала, врезала ногой ему в челюсть, книгу вырвала, едва ли не с пальцами, и послала туда, куда приличные девушки даже не заглядывают.

Маг лежит на полу, пытается вправить челюсть и тихо матерится. Эльф сидит на подоконнике и за нами наблюдает. Фыркаю, вытираю сопли и слезы, открываю книгу и читаю дальше, сунув в зубы краешек одеяла.

— Н-да. Дожил. В смысле помер. Уже успокаиваю каких-то истеричек, вместо того чтобы превратить в куст в горшке или в лягушку. Чего там хоть случилось-то? Хочу знать, что может довести ведьму до такого состояния. У меня явно хранится не книга, а мощное оружие массового поражения.

— Она выжила, — прерывисто вздыхаю и переворачиваю страницу. — Идет в замок, оборванная, заплаканная, со следами насилия на лице.

Хмыкнув, некромант мудро промолчал.

Зато Кноп высказался, но я его не слушала.

02:15

— Он ее встретил. На пороге... в трусах. Возбужден, рвется отомстить.

— В трусах? — сонно, с кровати.

Кошусь на мага, который почему-то решил, что может спать здесь. Спихиваю его ногой на пол и киваю.

— Настоящий мужчина не будет ждать, когда его девушка нуждается в спасении! Ему не до мелочей.

— Ну да... трусы, оно, конечно... убойно. Насильники явно посрамятся.

Киваю, переворачивая страницу. Эльф тоненько похрапывает на подушке.

03:23

— Йес!

Оба вскакивают, маг — с кресла у двери, эльф — с подушки. На меня смотрят, ожидая объяснений. Маг вообще, по-моему, только заснул. Гордо улыбаюсь и многозначительно тыкаю пальцем в книгу.

— Сиггун, ты...

— Он ее спас!

Мне хочется прыгать и бегать. Мне хочется летать. Улыбаюсь так, что даже маг перестает бурчать и только отворачивается к стенке, натягивая на плечи кусок плаща.

— Он нашел ее и спас! А ведь никто не сказал ему, что она в туалете. Никто! А он знал. Она

как раз повеситься хотела от бесчестья! А он ей сказал, что и такую ее любит! Прикинь. Маг!

Некромант дернулся и все-таки рухнул с кресла, на которое пытался забраться с ногами.

— Что?!

— Да ты послушай! А то сколько тебе уже лет — и все с мертвецами да с покойниками бегаешь. Хватит в детство играть, бабу искать надо!

— Ага.

— Не «ага», а учись, пока я тут.

Маг в шоке обернулся, после чего посмотрел на Кнопа. Тот покрутил пальчиком у виска и попытался лечь обратно на подушку. Но я, в порыве энтузиазма, схватила ее в руки и крепко прижала к себе.

— Там... эльф был, — неуверенно сообщил маг.

— Что? А, ой, прости.

Эльф, задыхаясь, взмыл в воздух и рывками полетел к окну, но на пути передумал и перелетел на спинку кресла, садясь рядом с удивленным магом.

— Так вот! Тебе надо учиться романтике, некромант, а то так и помрешь... в смысле уже помер бобылем.

Некромант не нашелся что сказать.

— Тебя, кстати, как звать-то? А то всё маг да маг...

— Ланцелот я, — хмуро.

— Это за что тебя так? Ну Ланс так Ланс, всё, не нервничай.

— Ланцелот! И попрошу не сокращать!

Фыркаю и пожимаю плечами.

— Да ладно. Ты лучше послушай!

«Он подходил медленно, рывками, уперев в нее взгляд и оскалившись в хищной улыбке...» — Дыхание перехватило. Беру стакан с тумбочки, пью воду.

— Рывками подходил? Я вот тоже, когда ногу оторвало, а потом я ее приклеил, но она все равно отваливалась... рывками ходил.

— Помолчи. Ща, где это. А, да...

Маг тяжело вздохнул.

— «Их губы встретились. Ее — нежные и трепетные, как крылышки стрекозы...»

— Она ими трепетала, что ли? Не понимаю, что хорошего в трясущихся губах?

Эльф кивнул и махнул рукой. Читаю дальше, не отвлекаясь на идиотов.

— «...и его — сильные, стальные и чуть квадратные. Они медленно шевелились, перекатываясь валунами и охватывая ее всю...»

— А, я вспомнил, зачем эту книгу приобрел. Я ее на рынке, помню, открыл и решил, что это книга ужасов. Очень ужастики люблю читать... Всегда познавательно, что творится в головах простых людей.

Кноп кивнул и показал большой палец.

— Ну и я о том же. Там дальше — еще круче. Она так орать будет...

— Тихо!

Молчание. Хмуро на них смотрю, слюнявлю пальчик и переворачиваю страницу. Эльф с магом замороженно за мной наблюдают.

— Это надолго, — пискнул эльф.

— Я тоже вот этого опасаясь...

Фыркаю и продолжаю читать, решив, что это произведение рано или поздно проймет даже этих черствых... идиотов.

— «Он застонал ей в рот, давясь от чувств и ощущая, как что-то восстает... что-то...»

Тихий смешок с кресла.

— «...что называется любовью!»

Повышаю голос. Смех становится громче.

— «Он сжал ее сильнее, стискивая так, что она начала задыхаться, синела на глазах. Но он впивался всё жестче, впитывая каждый ее вздох и пытаюсь осушить всю... одним огромным глотком».

Кноп позеленел. Маг усмехнулся и начал рассказывать, что вот он как-то делал искусственное дыхание жабе... Было мерзко... Жаба, открыв глаза и увидев крепко присосавшегося к ней некроманта, затрепетала... как крылышки стрекозы, и сдохла от чувств, вывалив язык и выпучив глаза.

Так, спокойно, Сиггун, спокойно... ты сможешь.

— «В его глазах была бесконечность... Она трепетала, а он — такой сильный и надежный — смотрел на нее так, как никто и никогда не смотрел еще ни на одну женщину в мире».

— С ужасом? — предположил эльф.

— Он просто глаза закрыл, вот и получилось, что никто и никогда... — предположил маг, прикрывая глаза рукой.

Повышаю голос, дабы услышали.

— «И тогда он простонал: „Люблю!“ — и это маленькое слово сделало их счастливыми навеки».

— Все? — обрадовался маг.

— Нет. Я отрывки зачитываю.

Вздыхаю и откладываю книгу. Ладно, я сдаюсь. Даже мне уже прочитанное начало казаться слегка бредовым. Хотя... по туману они неплохо бегали от разбойников. Он ее при этом нес на руках и приговаривал, дескать, не тяжело, совсем не тяжело, но последний бутерброд был явно лишним...

— И почему ты такой черствый? — хмуро смотрю на некроманта.

— Я не черствый. Я спать хочу.

Эльф кивнул и потянулся, попискивая от удовольствия.

— А ты чего там сидишь?

— Ты ж меня с подушки выгнала.

На меня посмотрели самые несчастные алые глазки в мире.

— Я не выгоняла... я была немного на нервах.

— Угу.

— Иди сюда.

Желтая искорка довольно слетела с кресла и плюхнулась ко мне на подушку.

— А то он так воняет, — страшным шепотом сообщили мне, с интересом глядя на задохнувшегося от возмущения некроманта.

— Я знаю. Его бы постирать... что ли?

— Он разлагается, что ты там стирать собралась?

— Ну одежду.

— Так! — Маг встал и очень грозно на нас посмотрел. Открыл рот, поднял руку... — Да ну вас! — Махнул рукой и ушел, пнув куски двери и ругаясь сквозь зубы.

— Хм... я думала, что хоть молнией засветит. Что-то он добрень начал. — Задумчиво чешу затылок — не к добру это. Неужели так за ритуал переживает?

Под кроватью завозились, и на свет божий медленно вылез белый, как молоко, горшок.

— Ой. Он тебя что, перекрасил?

Сёма подполз к останкам двери, осторожно выглянул в коридор. Потом пополз обратно под кровать и затих там. Было ощущение, что его основательно так трясет.

Удивленно переглядываемся с Кнопом.

Горшок вытащен и допрошен. Оказывается, ночные горшки умеют кусаться. А еще стрелять молниями. У меня уже волосы посверкивают, но упорно не отпускаю эту гадость. Эльф сидит на подушке и сонно зевает, зараза.

Сёма сказал, что завтра ночью превратится в обыкновенный горшок. Ему на этой почве очень плохо, потому и сидит в моей комнате. А побелел... — так он бы посмотрел, какого я стала бы цвета от перспективы всю жизнь... Ну и далее по тексту.

Положила его на кровать, накрыла подушкой с эльфом и легла спать, попросив не замораживаться. Еще сказала, что лично поговорю с магом и решу вопрос. Он, кажется, мне поверил. И даже всхлипнул, ворочаясь на кровати.

12:41

Зашел маг, высокий, бледный, с трупными пятнами, он переделался в новую мантию — черную, как ночное небо в безлунную ночь. Ходит осторожно, сжимает в руках папочку с заклинаниями, постоянно что-то бубнит под нос, заучивая.

Сплю дальше, махнув рукой, чтоб уходил. Если что, я — сова и просто ненавижу вставать раньше середины дня, равно как и спать по ночам.

13:10

Он меня все-таки поднял. Гад. Вылил кружку холодной воды и в ответ на мой вопль очень даже бодро отпрыгнул от кровати, увернувшись от молнии. Молнию, кстати, выпустил эльф: если меня только слегка залило, то его вообще с той подушки смыло. Так что он теперь матерится, прыгает по кровати и обещает отомстить сразу за все — и за ворону, и за холодный душ, и за...

13:25

Маг спер сокровища Кнопа, в смысле свои сокровища, конечно.

Короче, сижу, дурею, наблюдаю, как эти двое выясняют отношения. Эльф орал на мага, тот посмел тонко улыбнуться в ответ на фразу: «И деньги не верну». Кноп напрягся и полез под кровать, где валялась безразмерная сума. Ну что ж, сумы нет, денег нет... Он снова нищий.

Кажется, для мелкого это удар. Я его таким еще никогда не видела. Прыгает, кричит, чуть ли не плачет, объясняя довольному некроманту, кто он есть.

Маг ответил, что это все равно были его деньги и сума его. Эльф что-то прокричал, стрельнул молнией и вылетел из комнаты. Смотрю ему вслед, переживаю. Этот мелкий любит в мире всего три вещи. Себя, деньги и, наверное, меня. Причем деньги я явно зря поставила на предпоследнее место.

— Ну что, пошли есть?

Смотрю на некроманта, пожимаю плечами и медленно сползаю с кровати. Почему бы и нет. Я тоже проголодалась.

Сёма вылезать отказался.

Часть третья

РИТУАЛ

Эта часть моего дневника заслуживает отдельной главы. Так что писать буду по-особому. Как настоящую книжку. А что? Чем я хуже?

Ну ладно-ладно, просто поменяла настройки дневника. Теперь он пишет сам по себе, не дожидаясь мысленной команды от меня лично. Все. Я побежала. Надеюсь, потом почитаем — посмеемся.

Маг ходил по дому, вдумчиво читал записанное каракулями заклинание в тетрадке, долго его проговаривал, нервничал. Нос его был свернут чуть набок и наскоро пришит черными нитками, рука так и не приросла до конца и периодически отваливалась, но он надеялся, что прирастет наконец, и очень даже скоро.

Сиггун бродила от кладбища к лаборатории и обратно, распихивая зомбиков и ругаясь сквозь зубы. Ей была доверена самая ответственная часть ночной операции — добыча костей, дров, определенных ингредиентов, рисунки которых она получила вместе с корзинкой для костей... Ей же было поручено наполнить водой большой котел, который уже был установлен в центре лаборатории. Когда девушка увидела котел впервые, ее даже кашель пробил. Еще бы. Края котла как раз достигали ее плеч, а значит, набирать воду ей придется весь день.

Маг сказал, мол, это ничего, зато мышцы накачает, а то спит полдня, а потом ходит никакая. И вообще он ей добра желает, а если что не так — может превратить на денек в гнома. Вот у этих никогда проблем с силовыми нагрузками не было.

Сиггун спросила, кто такой гном. Ей описали мелкого коренастого бородатого человечка с интеллектом обезьяны и замашками гориллы. Девушка отказалась и, подхватив ведра, молча вышла из комнаты. При этом она очень крепко сжимала зубы, чтоб не выругаться. Маг с умилением смотрел ей вслед, вспоминая, как сам таскал воду в прошлый раз. У него еще постоянно рука отваливалась от тяжести, да и вторая скрипела мертвыми сухожилиями, отказываясь держаться на месте уже после сорокового ведра. Сейчас его тело было в еще более плачевном состоянии, и потому он был очень доволен, что от ведьмы есть хоть какой-то прок.

Да... в прошлый раз, как вы поняли, заклинание сорвалось. Маг тогда еще сильно горевал и выгнал из дома всех слуг, кошек, собак, попугая и даже сына. Перспектива еще десять лет быть мертвецом довела его до нервного срыва. С тех пор и живет вот так, как говорит Сиггун, бобылем.

Маленький эльф задумчиво стоял у входа в сокровищницу. Уже часа три как стоял. Он испробовал всё: молнии, динамит, заклинания на крови — всё без толку. Заперто. Маг очень и очень постарался, чтобы его магические игрушки более никто не спер. Охранные заклинания остановили бы даже великих магов древности, ибо обещали боли в пояснице, сильное несварение и четырехчасовой кашель. А кашель плюс несварение, да еще и четыре часа в скрюченной позе, — это круто. Далеко не каждый пойдет на такие жертвы.

Кноп возмущенно подпрыгнул и сжал маленькие кулачки. Глаза его воинственно горели алым светом. Маг поплатится за это. Ох как поплатится! Никто не смеет воровать у Кнопо-пупса.

19:08

— Темнеет уже! А ты все с ведрами возишься. Быстрее нельзя?

Взмыленная шатающаяся девушка остановилась у основания лестницы и зло посмотрела вверх.

Там стоял он. Маг. В сиянии заходящего солнца, что освещало его через дыры в стене, он был... неотразим.

Она сощурилась и побрела наверх, решив не реагировать на подколки.

— Учти. Не успеешь наполнить котел до полуночи, засуну и тебя туда. У тебя в жилах воды много, ее и вытащу.

Сиггун и ухом не повела, проходя мимо мага и вползая в комнату.

— Эй. Ты меня слышишь?

— Отвали.

И хоть сказала она это тихо и стоя к нему спиной, некромант впервые за многие годы почувствовал рой ледяных мурашек, пробежавших по его спине.

— Ммм... ладно, таскай давай. Сколько там тебе осталось? Потом чаю попьем.

Сиггун молча медленно прошла обратно, неся пустые ведра.

Некромант нахмурился, загибая пальцы и мысленно подсчитывая, сколько ведер она уже принесла. Выходило, что около пятидесяти. А надо было где-то двести... Вздохнув, маг почесал затылок и побрел вниз — ставить чай. Помочь он ей не мог никак, ибо сам рассыпался, магию берег на вечер. Ну хоть на глаза ей больше попадаться не будет.

— А чего ты зомби на это дело не подрядишь? Они бы воду быстрее перетаскали. — Горшок, снова синий, сидел на столе и смотрел на входящего на кухню мага.

— Нельзя. Дом, в котором идет воскрешение, должен быть чист от энергии смерти. Я его лет десять вычищал, зомби даже на порог не пуская. А теперь все испортить из-за какой-то воды? Нельзя. В крайнем случае сам натаскаю. Надеюсь только, что руки не отвалятся. А то будет нечем мешать вареву.

— Хм.

На землю мягко опускалась ночь. Первые звезды загорались искрящимися точками, рассыпанными среди черного бархата. Луна медленно и вальяжно выходила из-за туч, освещая свои владения и стыдливо прикрываясь туманом, клочья которого разорванной ночнушкой летали над землей, то скрывая, то обнажая ее изгибы и впадины.

Свет гас в окнах домов огромного старого города. Люди, гномы и фэйри гасили свечи и забирались в свои или чужие уютные кровати. И только один дом, который стоял у самого леса, рядом с городским кладбищем, огороженный высокой каменной стеной, наоборот, оживал. В нем зажигались огни, открывались ставни, двери, сновали большие и маленькие тени жильцов. Это был дом некроманта, с двумя башенками, с кучей мертвецов, разгуливающих во дворе, и, собственно, самим владельцем. Единственным, кто не побоялся жить по соседству с погостом,

был именно он — некромант, маг и немного провидец — Ланцелот, слуга короны и его величества короля Астрогномиуса Седьмого.

Зомби столпились во дворе и чего-то ждут. Лес, предчувствуя недоброе, притих, стараясь даже не шелестеть листвой в преддверии магии, которая свершится этой ночью в особняке.

В окне кухни появился силуэт ночного горшка. Он покрутил ручкой из стороны в сторону, поерзал и спрыгнул обратно на пол. Следом влетела фигурка золотистого эльфа. А в окне спальни появилась встрепанная фигура мага, стоящего рядом с огромным котлом и пытающегося разжечь под ним огонь.

И только одно живое существо все еще бродило снаружи — девушка, набравшая воду из колодца.

Бледная, осунувшаяся, с трясущимися от перегруза руками, она снова и снова пыталась прокрутить ручку колодца и достать ведро с чистой водой. Руки соскальзывали, она хлюпала носом, крепче стискивала зубы и снова бралась за ручку, пытаясь достать ведро. Зомби на нее не реагировали. Они привыкли к ней и больше никогда не нападали. Есть, правда, просили постоянно. Но она уже не обращала на это ровным счетом никого внимания.

Ведро готовы. Подхватив, она прицепила их к концам найденной в сарае палки и на манер коромысел закинула себе на плечи. Потом, шатаясь, пошла к дому. Это была ее семидесятая ходка к колодцу.

— Чего так долго? У меня вот-вот закипит! — Маг высунулся в окно и прикрикнул на бредущую к дому фигурку.

И тут же фигурка споткнулась о чью-то бедренную кость и рухнула в пыль, расплескав ведро. Маг крикнул, что она дура, и побежал обратно к котлу.

Фигурка на земле не шевелилась. Просто лежала, отдыхая в грязной от пролившейся воды луже.

— Так. Пентаграмма есть. Ведьма... есть. Заклинание? Где заклинание?! А, вот же оно. Есть... гм... котел. Может, еще пару ведер? А то я как-то переживаю.

Ведьма лежала в углу и смотрела в одну точку.

Маг сам ее туда и бросил со словами:

— Ладно, лежи уж. Надеюсь только, что моя доброта заклятию не навредит.

Ведьма не отреагировала.

— Жаба! Где жаба? Где невинная жаба?!

— Тут.

Маг обернулся к горшку и задумчиво изучил банку, стоящую в нем.

— Хм. Решил все-таки помочь?

— Ну... рано или поздно это все равно должно было бы случиться. А ты на кухне обещал, что

после меня расколдуешь.

— Угу. Обещал. Так. Ладно. Отойди. Сейчас стол отодвинем... Лучше его вообще из комнаты вынести... И нарисуем пентаграмму.

Скрежет мела по доскам пола заставил ведьму очнуться. Она приоткрыла глаза и обнаружила задницу мага, которая вихляла из стороны в сторону, пока сам некромант старательно чертил символы.

— Ма-аг... — хрипло и с неприятным бульканьем в груди.

— Чего? А, очнулась? Вставай, нечего лежать, помогай.

— Кажется, я... не чувствую рук.

— Поздравляю. Ноги чувствуешь?

— ...да.

— Вот и вставай, иди вниз и дуй на кухню. Возьми из крайнего левого шкафчика с зубами стрихнин и тащи сюда.

Возмущенный взгляд и попытка пнуть мага под зад.

— Во-от. Вот видишь, ноги очень даже шевелятся. — Маг улыбался, выпрямившись и нависая прямо над ней. — Давай вставай. Если сегодня все получится, я тебя отдам в академию магии, а через пару лет заберу к себе в ученицы.

Горшок как-то странно звякнул, подпрыгнув у стены.

— Зачем я тебе? — Даже не думая шевелиться и с наслаждением проваливаясь в новую глобальную депрессию. — Я бездарна. Все, что умею, — это попадать в неприятности или вовлекать в них других. И вообще — домой хочу!

— Вот это и будем развивать. Твоя феноменальная невезучесть — это именно то, что я искал. Будешь со мной по кладбищам ходить и насыпать на мертвых свое невезение. А то я так и буду помирать... периодически.

Фыркнув, ведьма прикрыла глаза, но ее довольно чувствительно пнули по пятой точке.

— Я кому говорю, вставай. Время уже позднее, скоро полночь, а из-за твоей медлительности котел только через полчаса закипит. А ну встала, живо!

Ведьма зарычала и попыталась подняться хотя бы на четвереньки. Руки подламывались и отказывались повиноваться, словно чужие.

У мага еще и ведра какие-то ненормальные были, росли с каждой ходкой, в итоге увеличившись вдвое... И вот сейчас, сидя на полу и изучая орудия сегодняшней пытки, Сиггун запоздало сообразила, что утром они были значительно меньше. Эдак раза в два...

— Не поняла...

Маг выгнул дугой бровь, покосился на ведра, побледнел и с воплями и криками выставил ведьму за дверь, едва не навернув ее с лестницы.

— Ты... ты увеличил ведра! Урод! — Сиггун вцепилась в перила и с трудом устояла на ногах. Душа просила мести, руки — горла некроманта.

— Устала, вот тебе и кажется. Вали за ингредиентами. На! — В руки девушки сунули список из пятнадцати вещей, снабженный рисунками.

— Я тебе зверски отомщу, — прошипела ведьма.

— Я понял. Только потом, ладно? Сейчас мне реально некогда.

И маг утопал обратно в комнату.

Уж полночь близка, погасли огни,
С тобою остались мы в лабе одни.
Я близко стою, смотрю тебе в глаз,
И вижу его словно в первый я раз.
А ты улыбаешься, тихо шипя,
Ведь ты, дорогая, подопытная.

Маг фыркнул, никак не комментируя стихи ведьмы. Та же сидела на высокой табуретке, болтая ногами и задумчиво оглядываясь по сторонам. Спросила — зачем две пентаграммы? Некромант, бегая от котла к столу с ингредиентами и обратно, пояснил, что в одной будет стоять она с банкой. Во второй — он с горшком. А то, что он вызовет, чтобы снова ожить, не сможет пролезть через начерченные мелом линии и будет ползать по всей комнате разом... а может, и по всему дому.

— Долго ползать-то будет?

— Не знаю. Отстань. Я белладонну положил или нет? Беленькая такая.

— Положил.

— Спасибо. Продолжим.

А маленький эльф стоял на шкафу, морщился от запаха, который заполнил уже весь дом, и щурил алые глазки. Рожица его была перемазана кровью. Он только что поел, и в уме у Кнопа были очень и очень нехорошие мысли под общим заголовком «Страшная месть».

Некромант еще узнает, как плохо обижать маленьких. Уж он-то об этом позаботится.

21:43

Пентаграммы начерчены. Свечки горят в каждом углу, на каждой полке, высаятся огарками на столе и украшают вершины пентаграмм. Ведьма зевает и сонно сидит на стуле, положив голову на стол и из последних сил пытаясь держать глаза открытыми. Некромант сыпанул слишком много сонника, и теперь даже его клонило в сон.

— Ничего-ничего, зато надежней будет. Вставай в пентаграмму. Где банка? А, вот. Держи.

Кивок. Прижатая к груди банка.

— И помни: нельзя выходить за линии! Что бы ты ни увидела, даже если это будут мама с

папой или любимая бабушка... Не вылезать! Поняла?

Еще один кивок.

— Даже если я орать буду — не вылезать. Мало ли, слуховые галлюцинации вещь такая, еще решишь, что я тебе в любви объясняюсь, прискачешь и все сорвешь.

Ведьма фыркнула и покорно встала на свое место. С удовольствием отметив, что его не так уж мало, и в случае чего можно и посидеть, и даже полежать.

— Возьми сразу... Сонника в котле до фига, а ритуал долгий. Еще уснешь ненароком. — Маг всунул в руки удивленной девушки подушку и небольшой плед. — Ты на меня так не смотри. Я не от доброты душевной. Просто вчера ты порывалась вылезти из круга и достать подушку во что бы то ни стало. Мне сегодня такие эксцессы не нужны. Убью лично.

Сиггун кивнула и бросила подушку на пол, с комфортом на ней устроившись.

Новая жаба, пойманная еще сегодня утром и магически проверенная на невинность, сидела в банке и с недоверием обзревала черную слизь, покрывающую одну из ее стенок. Иногда по слизи проходила рябь, а пару раз ей показалось, что она на нее смотрит. Но так ли это, она еще не поняла.

Маг стоит в центре пентаграммы и зачитывает заклинание тихим торжественным голосом. Ставни окон открыты, ветер тихо завывает в трубе, вырываясь через камин и придавливая пламя огня под котлом к полу. Девушка сидит и задумчиво смотрит прямо перед собой, прижав колени к груди и завернувшись в плед. В котле что-то булькает...

— Сиггун.

— А?

— Сейчас начнет происходить невероятное. Не засни.

— Ладно.

Свет резко погас. Влетевший порыв ветра задул все свечи разом, а небо словно заволочла невидимая пелена, скрыв тени, очертания и контуры предметов.

— Маг! — страшным шепотом.

— Что?

— Все по плану? Темно как-то.

— Сиггун, помолчи, я пытаюсь сосредоточиться. Куда?!

— Что такое? — испуганно.

— Да горшок чуть не уполз. Ему, видите ли, страшно, и он передумал.

— Хм.

— Пусти!

В центре комнаты вспыхнула свечка. Всего одна, но она осветила бледные лица участников эксперимента и заставила горшок замереть в руках мага.

— Так и должно быть? — нервно уточнила ведьма.

— Понятия не имею. Я не каждый день себя воскрешаю, да будет тебе известно.

Лицо мага, подсвеченное снизу, и без того не самое красивое, стало попросту жутким. Нос все еще был свернут набок, трупные пятна расплзлись по щекам и подбородку, глаза горели черным, жгучим огнем.

— Оттуда что-то лезет!

— Ну и не ори.

Ведьма зло сощурилась, но промолчала, наблюдая за центром комнаты, из которого как раз начало вылезать нечто. Прямо рядом с горящей свечой та капелька тени, что лежала у основания, вдруг расплзлась, начала расширяться, достигла размеров футбольного мяча, и... из нее медленно вылезла чешуйчатая рука, впившаяся когтями в доски паркета.

После первой появилась вторая. Затем третья. Что-то лезло вверх. Шипя и пытаясь подтянуть невидимое тело.

— Ты это видишь? Оно же сейчас вылезет.

— Я знаю... так, наверное, и должно быть.

Ведьма недоверчиво хмыкнула, но промолчала. На всякий случай она встала и внимательно осмотрела линии, начерченные мелом на полу, — ни одна не стерлась. Вот и ладушки. Она сжала в руках банку с жабой и внимательно посмотрела на дыру в полу, из которой на нее взирали огромные сферо-сетчатые глаза, словно плавающие изнутри алым цветом. Голова существа была чуть продолговатая, рот напоминал кошмар дантиста, а вместо волос на макушке топорщились и изгибались на концах черные острые рожки.

Рывок. Существо выскочило из дыры и огляделось по сторонам. Невысокое и гибкое, оно двигалось так, словно каждый его сустав гнулся во все стороны разом. И от него исходила такая сильная вонь, что даже маг поморщился. Пахло гарью, пеплом, серой и кровью. С него что-то постоянно стекало на пол. Что-то, что тут же его прожигало, оставляя следы.

— Кто призвал? — прошипел монстр, оглядываясь по сторонам и прижав кисти рук к груди. Он был как бы наполовину согнут и приплюснулся, словно не видел. Оглядывался по сторонам, искал...

— Я.

Монстр замер и медленно обернулся к пентаграмме с магом. Маг сжал зубы и выдержал его взгляд.

— Некромант... — прошипел пришелец и широко, клыкасто улыбнулся.

Впервые в жизни ведьме не хотелось говорить. Бледная и напряженная, она переводила взгляд с существа на некроманта и обратно. И существо ей очень и очень не нравилось.

— Мне нужно кое-что от тебя. А точнее, от твоего господина.

— Воскрешение! — усмехнулся пришелец. — Всем некромантам нужно воскрешение... рано или поздно.

— Я — не все! — отрезал маг.

— Они тоже так говорили. И что же ты дашшь моему госсподину взамен?

— Ее.

Существо обернулось и уставилось на ведьму, буквально прожигая ее взглядом. Ведьма ошарашенно смотрела на мага, а точнее — на палец, указывающий на нее.

— Хм... ее... хорошо...

И существо пошло обратно к дыре.

— Я позову хозззяина... но ты подпишешшь договор.

— Нет.

Монстр замер и недовольно оглянулся.

— Никаких договоров. Мне нужна жизнь, только тогда я отдам вам жертву.

Визг заставил закрыть руками уши и заорать в ответ. Существо раззявило свою клыкастую пасть и орало так, что сердце бешено врезалось в ребра, а волны дрожи били не переставая. Визг поднимался все выше и выше, переходя на высокие частоты. Стекло посуды с треском рассыпалась на столах и шкафах, пол дрожал под ногами, по стенам пошли трещины.

В следующий миг все оборвалось. Крик затих, существо осторожно село на пол, сложило ноги в немислимой позе и осторожно опустило руки, скользя черными когтями по дереву.

Ведьма лежала на полу, из ее носа и ушей шла кровь.

Маг молча на нее смотрел, сжимая в руках книгу заклинаний, которую подобрал с пола.

— Давай поторгуюсь, маг, — предложило существо и улыбнулось, обнажая половину клыков. — Что скажешь?

— Она жива? — тихо и хрипло.

— Пока да. Но если мы не сойдемся в уссловиях... она умрет. Как видишшь, я могу убивать, не прикасясь.

Маг перевел взгляд с ведьмы на монстра и крепче стиснул зубы, чтобы не сказать то, что хотел.

— Тебе она дорога? — Монстр склонил голову чуть набок, прожигая мага углями глаз.

— Нет.

— Врешшшь.

— Нет.

И маг открыл книгу на заранее заложенной странице.

— Что ж, давай поторгуюемся.

Они торговались долго. Некромант перешел на язык древних колдунов. Сотканный из шипящих и гласных звуков, он был непонятен и неведом дневнику, излагавшему все эти события.

Шли часы. Существо никуда не спешило. Лишь изредка поглядывало на лежащую без сознания ведьму. Оно явно ею заинтересовалось, хоть и пыталось не подавать виду.

— Не ссогласен. Сслишшшком выссокая цена.

Маг устало прикрыл глаза и объяснил в сотый раз подряд:

— Либо так, либо ничего. И если ты не призовешь хозяина, я найду способ рассказать о том, какую жертву он потерял.

Существо взвизгнуло. Большая колба, стоявшая на шкафу, взорвалась, разлетаясь на сотни осколков. Маг поморщился и посмотрел на ведьму. Та дышала ровно, но до сих пор не пришла в себя.

— Ладно, некрманссер. Как знаешь.

И на подламывающихся когтистых конечностях существо подползло к свече и забралось обратно в лаз. Отвратительно выгибая суставы под самыми невероятными углами. Это было... омерзительно. Оно и само было омерзительным. Но его хозяин... он был намного хуже.

Ведьма застонала и села, держась за голову и удивленно оглядываясь по сторонам. Увидела мага, замерла и попыталась сфокусировать взгляд.

— Что это было?

— Ничего. Ты просто отрубилась. Будь внимательна, сейчас сюда явится то, что попытается тебя обмануть.

— Обмануть?

— Да. Он не захочет платить и будет выманивать тебя хитростью. Что бы ни увидела — оставайся в круге. Поняла? Или я сам потом найду тебя и медленно вырежу сердце, которое скормлю горшку.

В голосе мага не было и тени юмора. Ведьма повернула голову к центру комнаты и посмотрел на дыру в полу.

— Ты меня поняла?!

— Да. Не ори. У меня до сих пор уши болят... от криков. Черт, опять что-то лезет. Маг!

— Тихо! Не ори. Он не должен тебя заметить. Молчи, поняла?

Ведьма кивнула и закрыла глаза.

То, что лезло из дыры, на взгляд любого живого существа, было отвратительным, безобразным и пошлым, как бы странно это ни звучало.

— Маг, — простонало существо, поднимаясь во весь рост и упираясь плечами в потолок. — Опять ты!

Маг криво улыбнулся и поднял голову, заглядывая в черные, как у него самого, глаза.

— И снова сделка, да? — От голоса вибрировала мебель, ходили ходуном уцелевшие банки и склянки в покосившемся шкафу, а по нервам то и дело проходили адреналиновые волны.

— Да.

Существо загромыхало, затряслось и разразилось оглушающим хохотом, откуда-то в комнате поднялся ветер, и мерзко потянуло вонью из его рта.

— Да. Он сказал «да»! Какой смелый мальчик... Ну хорошо! Что за сделка?

Ведьма подпрыгнула, когда монстр рухнул на пол, сложив ноги по-турецки и упершись в них локтями. Он находился так близко от пентаграммы мага, что оба едва не касались друг друга. Но... линии не нарушал, словно лишь пугая некроманта и показывая, как близко он может быть.

— Все просто. Мне нужно бессмертие. Тебе — душа ведьмы. Так?

— Да.

— Прекрасно. Я привел тебе невинную ведьму и хочу получить бессмертие. Это и есть сделка. — Некромант говорил медленно, спокойно, глядя прямо в черные провалы огромных круглых глаз.

— Хм... в прошлый раз, когда ты вызывал меня, это оказалась не ведьма.

— Издержки производства. Ее соблазнил мой... слуга.

— Ха-ха... Да, я помню. — От хохота нежити, прервавшей мага, стены затряслись как пергамент, ведьма заорала, хватаясь за голову, а черные тела все сотрясались и сотрясались, пока демон бил себя рукой по колену.

— Неплохой горшок ты из него сделал. Ночной вроде, да?

— Да, — мрачно.

Ведьма в шоке привстала, нашла взглядом горшок и с ужасом на него посмотрела.

— Так вы что... это твой ученик, что ли?

Нежить медленно обернулась и с интересом посмотрела на маленькую ведьму.

— Говорящая, — с удовольствием констатировал монстр. — Всё как я люблю.

Маг кивнул. Ведьма побледнела и отвернулась.

— Не нравится мой облик? Хм... А так?

Громадное тело начало сжиматься, из многочисленных щелей и пор выходил газ, все сильнее и сильнее съеживался демон, пока и вовсе не исчез в клубах черного дыма.

— Кх-кх. Маг!

— Что?

— Ты... кх-кх-кх, да что же это... кх...

— Ну здравствуй, ведьма.

Девушка замерла, вытерла выступившие слезы и недоверчиво посмотрела на центр комнаты. Дым потихоньку рассеялся, а на его месте возник высокий, стройный юноша с до боли знакомой физиономией. Он мягко улыбался и, склонив голову набок, изучающе смотрел на нее.

Ведьма застыла, изумленно раскрыв глаза и не шевелясь. На лицо ее медленно начала выползать улыбка.

— Сиггун, не вздумай к нему выходить! Кто бы это ни был, это не человек из твоего прошлого, это...

— Ди Каприо... Это Ди Каприо... Надо же... как в «Титанике».

Юноша ослепительно улыбнулся и протянул к ней руку.

— Блин, как живой! И не постарел совсем.

Черная бровь юноши взмыла вверх, демон понял, что перестарался.

— Хм. Это был самый яркий образ в твоём сознании. Этот человек уже умер?

— Нет, — радостно. — Но ему точно больше шестнадцати. Да ты не тушуйся. Пройдись, ну пройди-ись... Бли-ин... так бы и попросила... обнять меня! И на «Титаник».

— За чем же дело стало? — прошептал парень, сузив глаза и хищно улыбаясь. — Всего два шага, и я тебя не то что на «Титаник» — на Луну унесу.

Ведьма тяжело вздохнула, вытерла последнюю слезинку, высморкалась в платочек и отрицательно тряхнула головой:

— Не. Под воду не хочу. На Луне холодно и дышать нечем. Да и ты... ненастоящий.

— Мгм. А так? — И очертания парня, изменяясь, опять поплыли.

На время небольшой дымок загородил обзор, ведьма снова закашлялась, но, едва протерла глаза от дыма, тут же с интересом посмотрела вперед, пытаясь понять, что ей покажут на этот раз.

— Вашу маху, какая прелесть! — ахнула она, едва не перейдя границу белых линий. Но вовремя остановилась.

Бледный маг с ужасом смотрел прямо перед собой, силясь что-то сказать.

А там... на втором этаже каменного дома, в центре лаборатории черной магии и оккультизма, стоял и бил копытом шикарный белый единорог с роскошной гривой, белоснежным рогом и длинным красивым хвостом. Но не это чуть не сразило ведьму наповал и едва не заставило бросить все и выйти навстречу — на спине (да-да, на спине единорога) сидел Он. Тот, кого она долгими вечерами последние лет двадцать представляла в своих мечтах и видела в снах.

Принц! Блондин! Высокий, изящный, накачанный, сильный... Голубые глаза метали молнии, тонкие губы были упрямо сжаты. В ухе поблескивала серьга в виде крестика, а на шее висел кулон с фотографией любимой девушки. Он был не просто прекрасен, он был ослепителен! В лучших традициях аниме. Длинные пушистые ресницы, разметавшиеся по плечам сияющие волосы и взгляд... Да за один такой взгляд половина девушек этого мира пойдет на всё. Вторая половина пойдет гораздо дальше.

— Иди ко мне.

Бархатный голос обволакивал, протянутая рука с тонкими пальцами манила, словно сыр голодную крысу. И крыса шла. Стонала, сглатывала слюну и шла.

Но тут отмер некромант.

— А ну хорош изображать Прозерпина! Меня сейчас стошнит! Я его не затем из дома с боем выгонял, чтобы опять смотреть и корчиться. Изображай вон ангелов. Ей все равно, я тебя уверяю.

Ведьма застыла и перевела затуманенный взгляд на мага.

— А кто такой, — прерывистый вздох. — Прозерпин?

— Мой сын, — отрезал некромант и зло, упрямо сощурился. — И не дай судьба снова с ним свидеться. Либо я его убью, либо он меня прибьет.

Ведьма мотнула головой и с большим интересом взглянула на мага.

— У тебя есть сын? Да еще и та-акой?

— Это ты по внешности судишь. — Маг сплюнул и поморщился.

— Что... бабник?

— Нет. Девственник, — мрачно.

— Импотент? — пытаюсь угадать.

— Хуже. Ждет ту единственную и неповторимую. Носится с какой-то каракулей, которую сам как-то утром нарисовал. Дескать, ночью приснилась, найду — женюсь. А так как рисовать не

умеет, изобразил он красного дикобраза с выпученными глазами. Я даже за бедняжку попереживал чуток.

— Ммм... а за нее-то почему?

— Ты бы с ним пообщалась — не спрашивала бы. Ты думаешь, кто меня в гроб едва не вогнал? И то вон сопротивляюсь из последних сил.

— О. Что, ночью нож в спину?

— Нет. Поединок чести! Чтоб он неладен. Вызвал, залез на коня, поднял пику и, пока я ржал, пронзил насквозь. Гаденыш.

Брови ведьмы поднялись уже до половины лба. Обиженного юношу, застывшего на нервничающем единороге, все игнорировали.

— Э... мм... а за что?

Маг махнул рукой и отвернулся, явно переживая заново то, что произошло давным-давно.

— Маг. Ну маг... ну за что? — Ведьма даже подпрыгнула, так было любопытно.

Юноша на единороге откашлялся. Всем было по фиг.

— Я некромант, не видно?!

Ведьма оценивающе огляделась по сторонам, заценила снова отвалившийся нос и булькающее варево в котле, из которого как раз всплыл очередной скелетик.

— Заметно.

— Во-от. А он решил податься в паладины! Какие паладины?! Откуда у него гены-то такие только выискались. Мать — ведьма, я — некромант, а сын — паладин. Надо мной до сих пор вся черная месса за глаза смеется.

Ведьма закашлялась в руку, делая вид, что страшно сочувствует.

— Говорит, я — за добро! А потому помирать тебе пора, папка. Или отказывайся от чар своих жутких и закапывай всех мертвяков обратно, а сам вступай на путь света и добра. Ага. Щас! Я закопаю, а на следующий день ко мне нахлынет ворье и утащит все, что плохо лежит? Ну уж нет, не для того всю жизнь... да что там, поколениями(!) все это собиралось, чтобы потом один идиот так вот разом установил добро и справедливость в моем доме.

Ведьма смеялась уже в открытую, согнувшись пополам и вытирая слезы.

— Да-а-а... Теперь понимаю, чего ты тут один сидишь.

— Ничего ты не понимаешь!..

— Так! — Блондин сощурил глаза и зло оскалился, резко увеличиваясь в размерах. Единорог грустно заржал, но тело распухало прямо на глазах, чернея, вываливалось из рванувшей по швам одежды, заполняя почти все пространство комнаты.

Ведьма с магом притихли, вспомнив, где они и что творят.

— Прости, я был... неправ. — Некромант сухо кивнул озлобленному шипящему существу и показал рукой на ведьму. — Так ты берешь? Товар отменный. Расстаюсь с болью в сердце.

— Ха! — сообщили из круга.

Ведьму все проигнорировали.

— Беру! — прогромыхал монстр, клыкасто улыбаясь. — Беру. На, жри свое бессмертие.

И с одной из конечностей монстра медленно сползла огромная черная капля слизи, размером с волейбольный мяч, и, рухнув на пол, чмокнув, быстро прожгла почерневшие доски.

Маг внимательно следил за ней, не шевелясь. Ноздри его едва заметно трепетали, и только потому можно было понять, что некроманту сейчас не до шуток. Он ждал этого так долго, что ошибки позволить себе не мог.

Темнота медленно отступала. Слизь расплзлась. И на месте черной капли в центре дымящейся вмятины на полу оказался... маленький золотой кирпичик, размером с ладонь новорожденного ребенка.

Некромант сел на колени и протянул руку к кирпичу. Но у самой границы круга... остановился.

— Что же ты не берешь, некромант? — прогромыхало чудовище, усмехаясь клыкастой пастью, из которой на доски стекала зловонная слюна.

— Ты знаешь почему. Границы круга.

— А ты палочкой, — посоветовала ведьма.

Монстр хмыкнул и одобрительно кивнул.

— Забавная она у тебя.

— Куда уж больше.

— Хм... ладно. Давай сюда ведьму и забирай свое бессмертие.

— Откуда я знаю, что ты не заберешь его вместе ней?

— Ну... я пообещаю, — довольно щурясь. — Неужели не поверишь?

— Нет.

Взгляд монстра стал злобным, а ведьма вдруг поняла, что чем монстр больше, тем тупее. Вот сейчас он едва помещался в комнате. Но все же... был чуть туповат. А вот в облике Ди Каприо был лучше и... соображал хорошо. Или это стереотип?

— Хорошо. Твое предложение?

— Контракт. И ты знал, что я это скажу.

Демон громко рыкнул, зло зашипел и долбанул лапой по полу так, что даже маг на миг поверил, что пол не выдержит, и они провалятся вниз.

— Ненавижу твои контракты.

На ведьму снова посмотрели, и черный взгляд круглых, как плоски, глаз той очень и очень не понравился.

— Ладно. Хороша... Люблю веселых и невлюбленных. С ними весело. Но контракт составлю сам. Согласен?

Некромант тоже внимательно смотрел на ведьму, делая ей какие-то тайные знаки.

— Согласен. Давай.

Полчетвертого утра.

Контракт подписан. После долгих препираний, зачеркиваний, воплей и обещаний оживить и прибить некроманта заново контракт все же был подписан. Обеими сторонами.

Монстр должно улыбнулся и громко и торжественно зачитал его пункты. Ведьма, бледная, как пергамент, их слушала, не понимая, что хочет ей сказать отчаянно жестикулирующий за спиной монстра некромант.

«Пункт 1. Маг Ланцелот отдает невинную ведьму демону и... (тут цензура).

Пункт 2. Демон принимает дар и позволяет ничтожному червю в лице мага Ланцелота съесть отходы его жизнедеятельности и обрести новую жизнь. (Здесь они спорили особенно долго, маг все еще не хотел под этим подписываться).

Пункт 3. В случае нарушения пунктов контракта потерпевшая сторона съедает обидевшую».

— Я фигею от вашего контракта! — сказала ведьма.

Но тут к ней придвинулась тонна черного вонючего нечто с двумя глазами, клыкасто-слюнявым ртом и довольной похотливой улыбкой.

— Иди ко мне. Ты моя по контракту.

И монстр обрушился вниз. Погребая под собой магический круг, ведьму и все, что было с ней связано.

Некромант едва успел выхватить золотой кирпич и сунуть себе в карман, после чего отскочил от вонючей жижи и вылетел в коридор, плотно запирая дверь.

И не зря. За дверь уже вопили и стонали, перейдя на такие частоты, что билось уже все, даже котел треснул. Маг прижался к двери плечом и застонал от натуги, дверь вместе со стеной ходила ходуном.

— Держись, Сиггун, — прошептал некромант и буквально прокаркал последнее заклинание.

В комнате грохнуло. У мага заложило уши, стена справа и слева от двери фонтаном кирпичей обрушилась на лестницу, и... все стихло. Пыль тихо оседала на грязный пол. Маг медленно отлипал от двери, дрожа и чувствуя, как рука снова отделяется от тела.

А в комнате постепенно затихал горестный стон исчезающего с первыми лучами солнца монстра:

— Обману-у-ул. Ты меня обману-у-ул. Ведьма-а-а...

Некромант нервно усмехнулся и истерически захихикал, прислонясь лбом к едва держащейся двери и сотрясаясь всем телом. Он смеялся и смеялся, пытаясь хоть немного успокоиться. Последние три дня он был на таких нервах, что мог бы разнести весь дом. Когда пришел тот, кого он вызвал, маг искренне верил, что сам он живым из комнаты не выйдет и на этом все и закончится. Но все каким-то чудом получилось. Он получил жизнь! Он смог... смог...

— Сиггун... — позвал, закашлявшись, маг, отлип от двери и отошел на шаг назад.

Дверь медленно упала вниз, подняв облако пыли и нехило грохнув при этом.

— Сиг.

Он вошел в комнату, огляделся по сторонам, прижимая здоровой рукой ту, что упорно вылезала из рукава в попытках отвалиться.

— Сиггун!

Он застыл и очень внимательно осмотрелся по сторонам. Ну и где? Должна же быть где-то здесь, но где?

В углу послышался стук падающих камней. Он обернулся и быстро пошел туда. Наклонившись, он начал расшвыривать камни, хмурясь и вглядываясь в щели между ними.

— Помоги, — прошептали снизу.

— Щас.

Обломок, размером с голову тролля, некромант швырнул так, словно это был обычный картон. Что-то блеснуло. Маг, засунув внутрь ободранные пальцы, нащупал что-то гладкое и резко потянул это наверх.

В руке его оказалась ручка горшка, ну и сам горшок соответственно.

— Спасибо, кх-кх, хозяин. Я знал, что ты меня...

Горшок бросили обратно и обернулись.

— Сиггун!

— Она здесь. — Маленький эльфенок влетел в комнату и сел неподалеку на один из камней. — Осторожней. Ей очень больно.

Маг кивнул и подошел ближе, после чего с новыми силами начал расшвыривать камни, вглядываясь внутрь и забыв о том, что левая рука осталась лежать рядом с горшком, все еще сжимая его помятую ручку.

Ведьму вытащили из каменного завала, осторожно переложили на плащ, брошенный

неподалеку.

— Дышит?

Эльф пожал плечами и перелетел на грудь девушки.

— Дышит, но слабо.

— Не помрет? — нахмурился некромант.

— Нет.

Эльф сел на ключицу ведьмы и осторожно погладил ее по лицу.

— Она еще тебя переживет, обещаю.

— Я не нарочно, — тихо.

— А мне плевать, — с улыбкой.

Некромант пожал плечами и пошел приделывать руку обратно. Надо было готовиться к последней части ритуала — самому воскрешению. Кирпич есть, заклинания есть, осталось найти место, жертву, начертить символы и приготовить зелье, которое и вернет его к жизни.

Только вот, приделав руку обратно, он не пошел, как ожидал, сразу готовить все для ритуала, а вернулся обратно, поднял на руки так и не пришедшую в сознание девушку и вышел, не сказав ни слова.

Впрочем, эльф тоже молчал.

Девушка очнулась уже ближе к ночи. Голова гудела, и она никак не могла понять, где находится.

— Не шевелись. — Золотистая тень мелькнула перед носом и взмыла вверх, внимательно глядя на девушку алыми глазками и сильно хмурясь.

— Почему? Что случи...? Моя голова...

Ведьма легла обратно и со стоном сжала зубы. Перед глазами все плыло и двоилось. Боль, до этого просто пульсировавшая в голове, теперь взялась за нее по полной программе, вспыхнув так, словно в затылке взорвали маленькую гранату.

— Все нормально. Если полежишь спокойно — я все расскажу.

— Крови хочешь?

Эльф задумался и медленно покачал головой:

— Не надо. То, что мне надо было, я взял, пока ты спала. Потерплю.

Губ девушки коснулась легкая улыбка.

— Как знаешь.

Эльф фыркнул и спрыгнул к ней на грудь, сложив крылышки за спиной.

— Так мне рассказывать?

— Валяй. Все равно последнее, что я помню, — меня продали этому чудовищу... Только не говори, что некромант потом дрался, как лев, победил монстра и весь в слезах признавался мне в вечной любви. Я не переживу.

— Такого не было.

— Я так и знала.

— Юмористка.

— Угу. Так что там было?

— Он убежал.

— Н-да-а... как хорошо я о нем думала.

— Н-да.

Эльф рассказал ведьме все. И как монстр поглотил ее, и как маг сбежал, прижав дверь плечом. И как метнул после в комнату заклинание, подорвавшее монстра вместе с лабораторией. И как смеялся потом, радуясь, что его миновало происходившее там.

— Скотина. А как я тогда выбралась?

— Ну он вернулся, откопал горшок, потом я показал, где закопана ты, и уговорил откопать и тебя.

— Спасибо.

— Да не за что, просто помни, что без меня ты пропадешь.

— Буду помнить.

Эльф довольно сверкнул зубками и уселся поудобнее, поглаживая ее по ключице.

— И все же я кое-чего не понимаю. Я ведь... жива. Хотя меня сожрали, подорвали и завалили, но я жива, и вряд ли это оттого, что я — суперкрутая ведьма со стажем. Так круто колдовать я точно не умею. Или это ты?

Эльф на секундочку задумался, но потом решил, что так нагло врать все-таки не стоит.

— Нет. Это «заклинание защиты». Помнишь червячка в банке?

— С жабой?

— Да.

— А, ну он еще что-то с ней делал, пока я разговаривала с Ди Каприо, кажется.

— Вот-вот. Этот червячок тебя и спас.

— Хм. Каким образом?

— Да все просто. Он наделил жабу магическими свойствами и стал больше не нужен, но и сам по себе он является мощнейшим заклинанием, оставшимся с древнейших времен. Помнишь ту штуку, что маг вытаскивал из сокровищницы? Он еще туда лаз сделал, пробив стену на кухне.

— А, ну та. Глаз в банке, да?

— Да, червячок и его поглотил. И стал — мегачервячком, который, едва на него начала падать эта громада, — сдетонировал и закрыл собой все, что только можно, лишь бы выжить.

— Мм... не поняла.

Тяжелый вздох и угрюмое сопение эльфа.

— Как с тобой сложно. побыстрее бы уж тебя маг и вправду отправил учиться. Необразованная ведьма — это ужасно.

— Ты рассказывай давай, а не объясняй мне мои минусы.

— Я и рассказываю! Червячок хотел выжить. Для этого нужно было переселиться в живой организм. Он нашел единственный рядом с собой и спас его от монстра, закрыв от взрыва своим телом, для чего ему пришлось сильно растянуться в длину и в ширину. Поняла?

Квадратные глаза ведьмы.

— Во-от... Короче, поздравляю, ты жива.

— Э?..

— Да, в тебе теперь червяк с даром мегазаклинаний.

Ужас, переходящий в панику.

— Не переживай. Они сделают твою магию более управляемой и вылупятся в пять симпатичных заклинаний, которые тебе в будущем очень помогут. Считай, что у вас симбиоз. Ты будешь жить, чтобы делиться с ними силой, которой, кстати, у тебя много, просто вся она тратится на обеспечение несчастий. Ну а они... они будут за это тебя защищать, как умеют. Круто, да?

— Нет, — хрипло.

— Тебе все не так. Да даже некромант продал бы душу еще разок за такой подарок! Просто ну не мог он в тот момент оказаться на твоём месте и заставить червячка переселиться в него.

— Меня сейчас стошнит.

— Ты это... спокойней. Хочешь расскажу, что случилось с монстром? Он ведь от тебя отстал. Заодно отвлечешься.

Бледно-зеленая ведьма неуверенно на него посмотрела.

— И перестань себя ощупывать. Ты все равно ничего не ощутишь. Извращенка.

— Да ты...

— Лягушка! Спокойнее, спокойнее. Итак, лягушка. Все было просто и гениально. Лягушка была невинна. — Многозначительное молчание.

— Я тоже! — трагически. — В меня еще никогда червяки не переселялись.

— Да успокойся ты, не верещи. — Короче, лягушка... она невинна — это раз. И червяк наделил ее магией — это два. Ну? Поняла?

— Нет, — злобно.

— По контракту он должен был получить невинную ведьму! Ну он ее и получил.

Бровь ведьмы выгнулась дугой.

— Ага, наконец-то хоть какой-то проблеск мысли на лице. Круто маг его уделал, да? Уверен, теперь ему жить осталось недолго, но зато проживет он свой срок интересно.

— Хм.

— Ладно, вставай давай. Маг полчаса назад заходил, сказал, что скоро начнется заключительная часть ритуала: будем воскрешать его тело и связывать с душой обратно, как положено.

— А я при чем? — все еще пытаюсь нащупать того червяка, который теперь жил внутри. Гадость какая.

— А притом. Ты думаешь, почему ты так плохо себя чувствуешь, если червяк тебя спас?

— Ну?

— Силы для заклинания. Их может дать только живое существо. Ну хотя бы и ведьма.

Вздых.

— Вот-вот. Так что вставай и пошли, хоть на четвереньках, хоть ползком. А только маг теперь от тебя не отвяжется.

— Чего это ты вдруг так о нем заботишься?

Эльф дернул худеньким плечиком и зло усмехнулся:

— Да так... должок у меня к нему есть. За тебя и за сокровища... Должен оплатить.

— После воскрешения?

— Там увидишь. Пошли.

Ведьма вздохнула и медленно начала подниматься со старого пыльного дивана, стоявшего в библиотеке.

— Пошли. Охламон. Но только... по стеночке. Н-да.

Маг ждал внизу.

Облаченный в новый плащ, с рукой на перевязи, он смотрел, как ведьма почти сползает с лестницы в усыпанный известкой и камнями зал.

— Что убиралась, что не убиралась, — пробурчала девушка и едва не навернулась с очередной ступени.

Маг рванул вперед и подставил руку, но ведьма, держась за перила, удивленно смотрела на руку мага.

— С чего такая забота? — подозрительно.

— Ты мне нужна для заклинания, причем в полном сознании, — пробурчал маг, стянул ее за руку с лестницы и поволок вниз.

— Гм. Чудеса, да и только!

— Заткнись.

Близится полночь. На небе расцветает полная луна. Кошка воет в подвале, неизвестно как туда забравшись, и совершенно не стремится выходить обратно на поверхность к радостно ожидающим ее мертвецам.

— Свечи зажги.

— Уже, — ползая по полу и старательно зажигая одну свечу за другой.

Зал приобретал все более гротескный вид, напоминая не то разрушенный немцами склеп, не то декорации к фильму ужасов. Черные тени танцевали на стенах, изображая пламя огня, а маг, скрючившись, рисовал оставшейся рукой символы заклинания и перечеркивая их единой линией, замыкающейся в круг.

— Готово.

Некромант кивнул и сосредоточенно помешал пузырящееся варево в котле.

— Когда все будет готово, мы встанем в пентаграмму, и я прочту заклинание, после этого ни шагу за пределы своего рисунка. Поняла?

— Да.

— Я буду в этом круге... сюда тоже не вставай. Не знаю, что будет.

— Угу. Кирпичик ты когда бросишь?

— Потом. Сначала замкну круг и прочту оберег. Потом проклятия силы, потом тринадцать... ну неважно. И только потом, как завершающий штрих, надо будет кинуть в котел кирпич.

— Из пентаграммы?

— Да.

— Глупость какая. А пить как?

— Потом выпью. Как все закончится, так и выпью. Лишь бы вышло.

Ведьма пожалала плечами и поползла в свою пентаграмму. Ей в принципе было все равно, лишь бы все наконец закончилось и можно было пойти спать. Как бы не сдохнуть... н-да.

— Итак... Почему вон та свеча не горит?

— Отвали.

— Сиггун! Если сейчас все не будет идеально, то следующего момента я буду ждать не десять, а сто лет. Ты это понимаешь?!

— Блин...

Ведьма кое-как перевернулась на бок и поползла.

— Что, встать совсем не можешь?

— Слушай, ты!..

— Ладно-ладно. Побыстрее только. Луна почти взошла.

Свечу зажгли. Ведьма повернулась обратно и мрачно посмотрела на пентаграмму. Казалось, что она не доползет. Так далеко... и так безнадежно.

— Ты мел не видела? Вот тут линия чуть стерлась.

— Нет.

— Черт. Где мел?!

— Вот. Держи. — Эльф парил напротив мага с белым кусочком мела и вежливо улыбался.

Маг с крайним подозрением этот кусочек осмотрел.

— Отравленный?

— Нет.

— Тогда что?

— Ну... я решил помириться. Ты слишком крут для меня, куда такой мелочи, как я, с тобой тягаться, — потупив глазки, сообщил эльф.

Маг крикнул и кивнул, забирая мел.

— Смотри-ка, даже такие, как ты, умнеют иногда.

Хорошо, что он при этом не видел мордашку Кнопа. А вот ведьма видела, и ее аж передернуло.

— Так. Пентаграммы есть, ведьма е... Сиггун!

— Ползу я, ползу.

— Ты не ползешь, а лежишь.

— Я просто очень медленно ползу.

Некромант выругался, подошел к девушке, сгреб ее за шкуру и протащил до пентаграммы, где и бросил.

— Спасибо, — пытаюсь лечь поудобнее и довольно улыбаясь.

Больше не надо было куда ползти и вообще двигаться.

— Ногу правую согни в колене, а то оттяпают.

Ногу согнули.

— Так. Зелье закипело. Круги готовы, символы тоже. Заклинание! А, спасибо.

Эльфенок вежливо улыбнулся и пискнул что-то вроде: «Не стоит». Маг с сомнением кивнул, но ему было не до странного поведения мелкого духа.

— Ну что ж, начнем. Сиггун, ты готова?

— Готова.

— Где горшок?!

— Тут.

В комнату спрыгнул горшок, все это время стоявший на подоконнике и молча за всем наблюдавший.

— А меня потом точно расколдуют?

— Точно.

— Тогда ладно... Ну будь осторожнее.

Некромант что-то проскрипел, поднял горшок, прижал к груди и гордо выпрямился в центре пентаграммы. Глаза его пылали надеждой, во всей фигуре читалось отчаяние и рывок. Ведьма скосила глаза и с интересом на него смотрела, чувствуя, что эта картина застрянет в памяти надолго.

Далее некромант прочел заклинание.

Воздух сгустился до состояния киселя, и только в зонах, очерченных мелом, еще можно было дышать.

Что-то выло, гроыхало, открывались и закрывались двери в соседние реальности, измерения, сны и кошмары.

Ведьма спала, ей было плевать на все. Поток энергии лился из нее к некроманту, давая силы заклинанию и забирая последние у нее, к счастью, не все. Когда девушка начала задыхаться и

бледнеть... было сказано последнее слово. Вокруг взвыло, и взвыло так, что трещины пошли по полу и стенам. Туман и жуткие тени, нависавшие над полом, всосались в распахнутые окна. Все резко стихло. Одна за другой захлопнулись двери в другие миры. Остался открытым только один проход. Черный. С рваными краями, он не радовал ни взгляд, ни слух доносившимися из него воплями и криками.

— Так... есть. Осталось последнее. Кинуть золотой кирпич моей новой жизни в котел и... А где он?

Маг засунул руку в один карман, затем в другой. На лбу его прорезалась глубокая морщина... гораздо глубже, чем все остальные, бывшие до нее.

— Что-то потерял? — Эльф был сама невинность. Как раз стоял на краю котла и с любопытством за магом наблюдал.

— А? Да... это... кристалл. — Некромант уже стягивал с себя мантию, выворачивая карманы и исследуя каждый на предмет кирпичика. В тот момент на него было просто страшно смотреть.

— Я говорю, ты что-то потерял? — повторил эльф, с интересом рассматривая желтый квадратик, зажатый в руках.

— Да отстань ты, я занят.

Эльф удивленно на него посмотрел, приподнимая бровь.

— Не это ли?! — подкидывая квадратик вверх и явно начиная злиться.

— Чего? — оборачиваясь и раздраженно щуря глаза.

Потом некромант увидел кирпич. И понял, у кого он. Потом открыл рот... и довольно улыбавшегося эльфа сшибла огромная молния. И только два серебристых крыла остались парить в воздухе.

— Ах ты... зараза мелкая!

Некромант рванул к котлу, но буквально врезался в невидимую стену и замер. Он огляделся, вспомнил, что ритуал не закончился, и крепко сжал кулаки. Посмотрел на котел, валяющийся неподалеку кирпич и дымящегося эльфа.

— Не думал, что когда-нибудь скажу это, — прошептал маг, закрывая глаза и стискивая зубы, — но хорошо бы, чтобы ты оказался... жив.

Прошло два часа.

Ведьма сумела прийти в себя и даже открыла глаза. Первое, что она увидела: некроманта, сидевшего на корточках в центре пентаграммы. Маг чертил мелом какие-то знаки и хмуро их стирал пяткой. Все еще мертвый, все еще в жутком состоянии, он производил довольно удручающее впечатление.

— Что, не удалось? — прокаркала Сиггун, пытаясь усмехнуться.

Маг ткнул пальцем в сторону котла, около которого все еще лежал дымящийся эльф.

— Он артефакт спер. И решил со мной торговаться. А я существо нервное и в критические

моменты неменяемое. — Все это было сказано с убийственной серьезностью, словно и не для ведьмы, а для себя, что ли.

— Хм.

— Н-да.

Помолчали. В зал заполз удивленный зомби. Принюхался, что-то гыркнул товарищам и умотал на кухню. Товарищи не заставили себя ждать, шумной толпой ломанув следом. Мага с ведьмой они словно и не заметили.

Зато маг их заметил, ошарашенно глядя вслед своему войску.

— Кранты колбасе, — флегматично заметила ведьма. — А ты все жадничал: много отрезаешь, много отрезаешь... Мне не хватит, когда воскресну. Теперь точно не хватит.

Маг, весь этот месяц представлявший, как после воскрешения первым делом отрежет себе колбасы, ничего не сказал. Зато его глаза говорили о многом.

На полу завозился эльф.

— О. Смотри-ка, жив! Мой эльф неубиваем, понял?

Маг взбодрился и быстро встал на ноги, с надеждой глядя на стонущее матерящееся существо.

Кноп кое-как встал, распрямился и с трудом сунул руку за спину, пытаясь нащупать крылья.

— Ты теперь нелетучий, как и я, зато живой, — довольно заявила ведьма.

Эльф очень грязно выругался.

— Он так не извернется, поверь. Даже мертвый. Хотя... если кое-что оторвать и нужным образом подтолкнуть...

— Ведьма, заткнись!

Сиггун фыркнула, но промолчала. Не потому что маг снова был на нервах, а потому что даже говорить было лень и требовало ну просто грандиозных затрат энергии.

— Итак... здравствуй, эльф!

Малыш стремительно повернул голову и прожег мага прищуром льдисто-алых глаз.

— Ты!..

Маг сглотнул, но терять ему было и вправду нечего — к ноге жался валявшийся кверху донцем горшок. Круг не выпустит, если не закончить обряд. В этом теле прожить еще сто лет... Он тогда потом вообще ничего не сможет устроить, не то что ритуал сообразить. Это конец... если не уговорить эльфа.

— Я. Давай только по делу, ладно? Я понял, что ты меня ненавидишь, никогда не простишь и вообще страшно на меня зол. Может, опустим эту часть и перейдем сразу к делу? Что хочешь за артефакт?

Эльф ответил. Эмоционально, с экспрессией и извращениями.

Маг побурел и начал покрываться зелеными пятнами, но промолчал, что, с точки зрения ошарашенной Сиггун, было просто верхом самоконтроля.

— Так... А по делу?

— Ладно. — Кноп медленно похромал к кругу, в котором был заключен некромант. — Давай по существу.

Маг кивнул.

— Хочешь получить это? — Когтистый пальчик ткнул в сторону валявшегося неподалеку кирпичика.

— Да. Только у меня всего полчаса на это «хочу». Потом огонь под котлом погаснет, вход закроется — и хана заклятию и всем стараниям.

— Я понял. Итак, первое. Вернешь мне крылья!

— Да хоть сейчас.

Эльф застонал, из его спины медленно прорастали новые крылья, прорываясь сквозь кожу и мгновенно покрываясь алыми каплями.

— Ой, прости. Не подумал.

Кноп рухнул и потерял сознание, не выдержав болевого шока.

Маг с ужасом на него смотрел.

— Эй! Эльф? Кноп, вставай, ну ты чего? Полчаса же осталось...

Из соседнего круга раздался каркающий смех ведьмы.

— Теперь жди, пока очнется. Маг хренов.

Маг беспомощно на нее посмотрел и сел обратно. В груди у него было пусто и страшно. Только что сердце оторвалось от главных сосудов и ухнуло куда-то вниз.

Эльф очнулся ровно через двадцать четыре минуты. Некромант уже и дул на него, и мантией обмахивал, благо упал мелкий недалеко от границы круга. Ну... откачал, кажись.

Кноп сел, с удивлением огляделся по сторонам и тихо заскулил от боли.

— Блин, шесть минут осталось. Бросай кирпич, кому говорю! А то потом выйду, и смерть тебе сказкой покажется!

Эльф с трудом сфокусировал взгляд на маге и мотнул светлой головкой.

— Почему шесть? Как — шесть? А, да, желание... Хочу артефакт, который разорвет мою связь с ней.

Ведьма удивленно повернула голову и, сощурившись, посмотрела на эльфа.

— Зачем? — опешил некромант. — Вы же вроде неплохо ладите, да и ее кровь даст тебе столько силы, сколько не даст ни одна другая.

— Ща я тебе расскажу длинную нудную историю о том, как пришел к этому нелегкому для меня решению. А ты послушаешь минут сорок. Согласен?

— Понял. Артефакт. Что еще?

— Перенесешь его из сокровищницы прямо сейчас сюда и бросишь мне.

— Угу. Щас. А если соврешь?

— Ну сам подумай, зачем мне врать? Тебя живого убить гораздо легче, чем добить мертвого.

Маг подумал и быстро кивнул. После чего сделал пасс рукой, закатил глаза, что-то подсчитывая, напрягся... Левый глаз при этом страшно выпучился, а после и вовсе выпал, рухнув на пол.

Эльф и ведьма с ужасом на него посмотрели. Маг заскрипел зубами, поднял глаз и вставил его на место.

— Рассыпаюсь, — извиняющим тоном сообщил он.

Эльф недоверчиво кивнул, пытаясь принять менее офигевший вид.

— Ага... ладно. Ну где артефакт?

Маг сунул руку куда-то в воздух и вынул из него черный сверкающий кристалл размером с булавочную головку. Но блестел он знатно.

— Отлично! Кидай!

Маг с сомнением посмотрел на эльфенка.

— Три минуты осталось.

Артефакт кинули, угодив в эльфа и едва не сбив его с ног.

— Ско... тина.

— Я случайно. Бросай артефакт в котел! Не успею же.

— Ага, ща.

Маг завис, стремительно бледнея до синевы, как отметила ведьма.

— Второе желание, рыбка ты моя золотая. И в твоих интересах выполнить его быстро.

Маг только кивнул, едва не прыгая от ярости. В его глазах читалась ярая ненависть ко всем эльфам разом.

— Итак, хочу...

— Быстрее, — со страшным напрягом в голосе.

— Я хочу-у... хочу, чтобы зомби подчинялись мне!

Маг щелкнул, плюнул и кивнул.

— Готово.

— Так... уверен? Мне точно не стоит проверять?

На мага было страшно смотреть. Ведьма даже хихикать не решилась.

— Ладно, чего уж там... поверю. Ну тогда третье. Хочу, чтобы Сиггун снова стала маленькой... и с крылышками, — чуть тише и с застенчивой улыбкой.

— С ума сошел?! Я даже не знаю, как у нее в прошлый раз это получилось.

— Ага, как в таракана, так запросто, а как во что-то с крылышками... — возмутилась ведьма.

— У тараканов тоже есть крылья! — отбрил маг.

— Что?!

— Одна минута. Маг, ты уверен, что спор с ведьмой стоит жизни?

Маг заткнулся и снова уставился на эльфа.

— Не могу. Честно, не могу. Не за минуту.

— Хм... ладно. Тогда блестяшки.

— Чего?

— Подари мне блестяшки! Все! Скажи слово, передающее сокровища в дар волшебному существу, и все твои блестяшки станут моими.

— Что?!

Маг сказал слово. За последние пятнадцать секунд эльф успел подлететь к котлу, подхватить кирпичик и бросить его внутрь. Зелье булькнуло, покрылось легкой рябью... Повисла тишина.

И только маг все еще стоял в круге и с отчаянной надеждой смотрел в котел.

— Кх-кх, — зашевелилась ведьма. — Жаль.

Маг не ответил. Он стоял и смотрел туда, где только что утонула его великая мечта жить дальше.

— Может, я его как-то не так кинул? — Эльф задумчиво сидел на ручке котла и смотрел внутрь. — Может, надо было как-то по-особому. Ну не знаю, с воплем там... или с жутким выражением лица...

Маг всхлипнул и отвернулся. Рука его дрожала и сама собой сжималась в кулак. Ведьма поняла, что эльфа сегодня убьют точно.

— А чего это она не закрывается?

Все посмотрели вверх, где все еще сиял проход в зловонный алый горячий мир, тонувший среди мрака.

— Не знаю. Сломался, наверное, — предположил эльф.

Сиггун открыла было рот, чтобы сказать что-то еще, но тут проход начал расти. Причем не просто расти, а рывками увеличиваться в размерах, словно кто-то огромный взял его за края и рванул в разные стороны. Края трепыхались, изнутри доносились поистине жуткие звуки, и кто-то мелкий сновал внутри из стороны в сторону, клацая коготками и тихо гадостно пища.

— Закрой это, — попросила ведьма. — Слышишь, маг? Закрой!

Маг не ответил. Он сел на пол, а точнее, рухнул и закрыл глаза. Ему было все равно.

— А может, подействовало? — заволновался эльф, тоже глядя на все увеличивающийся провал. Встречаться с обитателями параллельного мира ему не улыбалось ни разу.

Он зачерпнул зелья в поварешку и, с натугой ее подняв, полетел к магу, раскачивая посудиною из стороны в сторону и едва не падая на лету.

— На! Да, блин... ну хоть попробуй? Что, обязательно должен был быть фейерверк и иллюминация?

Маг вздохнул, протянул руку, благо эльф залетел в круг, и пригубил напиток. После чего бросил половник на пол и закрыл глаза рукой.

— Ну как? — заволновалась ведьма, ибо из параллельного мира все же кто-то лез. И был он немелким. Совсем не мелким. Скорее наоборот. Огромным, красным, извивающимся, с липким щупальцем на конце.

— Иди ты!

— Хм... а мне кажется, ты блееешь, — протянул эльф.

Монстр в проходе внезапно взвыл, заглушая все звуки разом, пол заходил ходуном так, что ведьма с воплем вылетела из круга, маг вскочил, попытался было что-то сделать, но тут потолок обвалился, и из дыры в некроманта ударила длинная ветвистая молния, пронизывая визжащего мага насквозь и уходя в пол.

Минута — и все было кончено. Монстр убрался обратно. Проход медленно и неохотно затягивался над головой ведьмы, а из дыр в потолке хлынул дождь.

Сиггун с трудом кое-как встала, опираясь рукой о стену и пытаясь собрать в кучу ноги, потом все же рухнула обратно, прикусив губу и взвыв от боли. Оглядевшись, грязная, усталая ведьмочка застонала и снова попыталась встать.

Разруха. Обломки камня и штукатурки. Обломки мебели... От дома остались одни руины.

И в центре руин лежал поверженный молнией некромант.

— Зато он понял, каково было мне, — улыбнулся эльф, сидя на одном из камней и глядя на

черный дымящийся плащ. — Мы квиты, да, Сиггун?

Ведьма снова оперлась грязной рукой о стену, кое-как уцепилась за торчащий обломок и со стоном, сжав зубы, подтянула себя наверх.

— Эй, ты что? Лежи. Ему уже не помочь. Да куда ты?

Девушка с трудом отцепилась от опоры и медленно побрела к магу. Зачем? Хороший вопрос. Жаль только, ответ на этот вопрос она не совсем понимала.

— Сиг...

Эльф махнул рукой и отвернулся. Некроманта было почему-то жалко, зато в руке он сжимал маленький черный кристалл, который вовремя успел сунуть в карман.

— Неважно. Вот оклемаешься, проведу заклинание и сделаю тебя своей эльфой. А с кристаллом связь порву и смогу питаться кровью других людей. И будем мы счастливы.

Тонкие крылышки мягко трепетали, ловя дуновения ветра. Брызги от струй падающего в пролом дождя долетали до эльфа, вымочив его штанишки и курточку. Нос был измазан в сажу, на лице кровь, нога не сгибается, но он все равно улыбался, смотрел на кристалл и был почти счастлив.

Ведьма стояла у тела некроманта и очень старалась не упасть сама. Дождь лил как из ведра. Струи хлестали, прибывая дым к полу и образуя лужу вокруг черного плаща.

— Вставай, — каркнула Сиггун и попыталась наклониться. Удалось только с третьей попытки — до этого оба раза едва не рухнула. — Вставай же!

Совместными усилиями они с эльфом сдернули капюшон, открыв лицо некроманта. Синий, страшный, безносый, он лежал неподвижно среди камней — по всем признакам мертв, но это ведь не показатель.

— Хорош притворяться. Подумаешь, не вышло. Ничего. Подлатаем, заштопаем, еще пару сотен лет точно протянешь.

Эльф тихо захихикал, ведьма на него злобно зыркнула, предлагая тем самым заткнуться, а сама затрясла мужчину за плечо с невероятной силой.

— Да встава-а-ай же!

Он не пошевелился. Просто лежал лицом кверху, глаза его были закрыты, зубы стиснуты, а капли дождя били по бровям, лбу, щекам...

Ведьма всхлипнула и глухо застонала.

— Сиггун, ты чего? — удивился эльфенок.

— Отвали!

Эльф притих.

Она же прикрыла глаза, вытирая их тыльной стороной ладони и пытаясь не реветь, но сама мысль о том, что теперь в этом огромном, абсолютно чужом мире она осталась одна, — эта

мысль пугала до дрожи. Очень хотелось, чтобы тот, кого так ругала, над кем столько издевалась и кого ненавидела, оказался жив.

— ВСТАВАЙ! ВСТАВАЙ!!! — истерично.

Некромант кашлянул, напрягся и начал кашлять снова.

Задыхаясь, повернувшись на бок и скорчившись, словно от боли.

— Эй... ты чего, жив, что ли? — Ведьма всхлипнула и радостно улыбнулась. — Вот и молодец... Ой!

С магом происходило что-то странное. Кожа начала слезать клочьями, повсюду открывались жуткого вида раны, лилась кровь. Его трясло и било в конвульсиях, он пытался орать, но у него ничего не получалось.

Не видя и не слыша, он вцепился в ее руку, рывком притянул к себе и сжал так, что кость ощутимо хрустнула. Ведьма заорала, но вырваться не смогла — содрогающийся в конвульсиях некромант держал крепко. Сквозь сплошной, все нарастающий крик боли она с трудом разобрала свое имя, которое он повторял беспрестанно, перемежая при этом нецензурными выражениями.

— Ну какая ж ты... — Тут последовали такие грязные ругательства и эпитеты, адресованные ей лично, что Сиггун остолбенела. — Как... больно. — Некромант рывком подполз ближе, положил голову ей на колени и зажмурился.

Ведьма тоже закрыла глаза, не в силах видеть того, что с ним происходит. От такого разум мог помутиться и у более спокойного человека. А она и так давно была на грани помешательства.

Три часа некромант орал.

Крик то нарастал, то сходил на нет. Он охрип и не мог говорить. Ткани, кости, сосуды, нервы — все перестраивалось и менялось. Старое, мертвое, вылилось из него как из мешка. Новое же возникало словно из ниоткуда.

Через час белый череп некроманта покрыли первые нити сосудов, скользящих между мышцами. Глаза его страшно вращались в глазницах, ничего не видя и не различая. Но он крепко держал Сиггун одной рукой, пока вторая — маленькая и корявая — постепенно вырастала из второго плеча.

Через два часа появилось сердце и начало медленно биться, все ускоряя темп и гоня кровь по новым ветвям сосудов.

Через три... начала появляться кожа. Медленно, осторожно она скользила, покрывая обнаженные мышцы и прорастая сеткой капилляров, которые словно нитки плотно пришивали ее к телу.

Маг затих только к концу третьего часа. Он лежал, тяжело дыша, глядя в никуда и крепко сжимая руку ведьмы.

Сама ведьма то отключалась, то снова приходила в себя. В месте, где был перелом, болело нещадно, и при каждой конвульсии мага обломки кости впивались в мясо, заставляя ведьму

кричать и дергаться. Боль была просто нестерпимой, и она потеряла сознание.

Сейчас она сидела, тяжело дыша, стиснув зубы и смотря куда-то вверх. Спиной она прислонилась к одному из обломков. На руках лежал маг, не подавая признаков жизни. И она очень надеялась, что этих признаков не будет еще долго. Рука... опухла, посинела, в одном месте кожу прорвал острый обломок кости, а он не отпускал руку и только все сильнее и сильнее ее сжимал.

Было даже не паршиво. Было гадостно. От осознания того, что сделать она больше ничего не может.

Так они и сидели, пока занимался рассвет. Медленно стихал дождь, и солнце пыталось вылезти из-за горизонта.

— Ты как? Жива? — Хриплый голос некроманта разбудил, заставив вздрогнуть и тихо заскулить от боли. Стальные пальцы медленно и очень осторожно разжались, освобождая то, что еще утром называлось рукой. — Я тоже... Мне... хуже. Поверь.

Она не ответила, закрыв глаза и пытаясь притерпеться к тому, что сейчас творилось с ее рукой.

— Мне... ну знаешь... поговори со мной. Пожалуйста. Такое жуткое ощущение, что я сошел с ума.

— Ну ты и гад!

Некромант хрипло рассмеялся и попытался повернуть к ней голову. Но не смог. Не решился. Было очень страшно двигаться. А вдруг... опять.

— Не ругайся.

— Я не ругаюсь.

Некромант затих, хрипло дыша и прикрыв глаза. Ведьма тоже начала впадать в какое-то забытие, но ее снова разбудил скрипучий голос:

— А как... как я выгляжу? Это важно, Сиггун.

Ведьма открыла глаза, фокусируя взгляд на каком-то пятне, двигающемся по потолку, попыталась собраться с мыслями.

— А?

— Как. Я. Выгляжу, — рискнув немного скосить глаза, чтобы взглянуть на нее.

Все, что удалось увидеть магу, — это край серых волос и большой кровоподтек на щеке. Это почему-то успокоило и заставило почувствовать себя едва ли не в безопасности. Он не знал почему, но все равно был страшно рад, что Сиггун сейчас здесь, с ним.словно эта ведьма-недоучка может его защитить хоть от чего-то и ей не все равно, что с ним.

Девушка повернула голову и взглянула на лицо некроманта. Тот не шевелился, изучая ее.

— Страшный, — сообщила она, хмыкнув. — На принца точно не тянешь.

— Нос есть? — требовательно.

— Есть... и рука. Рад?

— Очень.

Если бы могла — она бы сейчас расхохоталась, но смеяться было больно, так же как и дышать и вообще делать хоть что-то, что тревожило руку.

— Еще цвет волос...

— Рыжие. Темно-рыжие. Или светло. Не знаю, грязный ты.

— Как раньше. — Улыбка некроманта была чуть перекошена с непривычки. Отвык улыбаться, давно отвык.

— Глаза?

Ведьма сощурилась, вглядываясь. Маг страшился шевельнуть хоть одной ресничкой.

— Не черные. Они... желтые. Не... янтарные. Как мед. И с искорками в глубине. Даже, знаешь...

— Что? Ну что, говори.

— Хм... такое ощущение, что это лучшее, что есть в тебе.

Некромант слабо улыбнулся и остро пожалел, что не может встать и сам подойти к зеркалу.

— Н-да-а. Считай, что косметический хирург не подкачал. Тебя буквально вытащили с того света.

— Не язви. Продолжай.

— Чего?

— Говори. Какой я. Мне важно все. Каждая деталь. Я... очень хочу знать. Пожалуйста.

Ведьма вздохнула и продолжила, по крайней мере, разговор помогал отвлечься от боли.

А некромант лежал и слушал. Ловя каждое ее слово и следя за движением губ. На душу медленно снисходил такой непривычный покой. От нее веяло теплом. Впервые за десять последних лет он чувствовал тепло. Всегда был только холод. А еще с ней было хорошо, уютно так, словно у родного человека на руках.

С этой мыслью маг и уснул, повернув голову набок и вдыхая запах кожи ведьмы.

Спал он, правда, недолго. Через полчаса ведьма его растолкала, умудрилась встать, перекинуть его руку через плечо и потащила наверх. Это было нелегко, пушинкой маг никогда не был. Но ведьма не сдавалась, понимая, что тут они пропадут точно, а вот наверху у них есть шанс забаррикадироваться на чердаке, куда зомбики точно не пройдут. Видела она уже парочку в дверях кухни, явно колбасу дожирают и думают, чем бы еще поживиться. Они ж вечно голодные. Не понимают, глупые, что мертвые и переваривать пищу больше не могут. Вот жрут

и жрут все подряд, лишь бы набить брюхо. Когда кончаются продукты, идут за живым мясом. Только друг друга не трогают. Брезгуют, наверное.

— Ты можешь хотя бы сделать вид, что переставляешь ноги?

— Нет.

— Черт, маг, ты тяжелый!

— Прости.

— Щас. Без крупы каши не сварить. И, слушай, если я тебя не удержу, ты сломаешь шею и больше не воскреснешь. Хорош на мне висеть!

Маг стиснул зубы, напрягся и пошевелил ногой. Это движение отозвалось дикой болью в каждой мышце. Он застонал и едва не рухнул в провал. Ибо перила с лестницы слетели уже давно.

— Куда?! А ну стой!

Тяжело дыша и с трудом удерживая мага, ведьма со стоном затащила его обратно и рухнула на остатки деревянных ступеней.

— Вот ведь... козел моральный.

Внизу завозились зомбики, начав выходить из кухни и принюхиваясь к окружающему воздуху, почуяв запах крови.

— Блин, учуют. Вставай, — прошипела ведьма, схватила его за шкурку и с натугой потащила вверх.

Спина едва не лопнула от перегруза, но оставалось всего две ступени...

После чего она затащила его в комнату и, пиная ногами, докатила на середину комнаты. Рванула к двери, захлопнув ее буквально перед носом забравшегося следом мертвеца. За дверью взвыли и глухо взвизгнули, получив сильный удар по голове. Ведьме было все равно. Она спешила наложить чары и закрыть дверь на все запоры.

В дверь грохнуло так, что задрожала мебель. Сиггун натужно улыбнулась и сделала шаг назад. Грохот повторился, за дверью взвыли уже в два голоса.

— Орите не орите, а только дверь тут прочная. И стены ничего так... проверяла. А на подоконник с вашими-то мозгами вам ни в жисть не забраться.

Некромант закрыл глаза и положил голову на доски пола. Он тоже был очень рад, что его не съели.

Позже ведьма заволокла некроманта на кровать в обмен на болеутоляющее заклинание для руки. Маг был никаким. Магия практически на нуле, но на анестезию его хватило. И по руке Сиггун медленно растеклась приятная прохлада, а боль, до этого рвавшая острыми и тупыми зубами несчастную конечность, утихла, забившись в угол подсознания и злобно сверкая оттуда маленькими глазками.

Ведьма упала рядом, стараясь не травмировать руку и утыкаясь носом в плечо некроманту. На кровати было трудно развернуться вдвоем, так что частично пришлось еще и на него лезть. Он временно не возражал, привыкая к мысли о том, что теперь надо дышать.

Наконец-то все закончилось. Ритуалы, паника, крики, монстры, бегающие по дому зомби, злокозненные эльфы, говорящие горшки...

Тишина. За окном тихо воют волки, им подвывают мертвецы, слоняясь по опустевшему дому. Некромант и ведьма устало лежат на чердаке в одной кровати и медленно погружаются в долгожданный сон. Так хорошо и уютно... Ни одному из них так хорошо еще никогда не было и, возможно, никогда не будет.

— Спасибо.

— За что? — вдыхая его запах и сквозь вонищу чувствуя отголоски мяты и корицы.

— За помощь... могла ведь сбежать.

— Не могла.

— Почему? — поворачивая к ней голову и борясь с желанием дотронуться до ее волос.

Не такая уж она и некрасивая. Худая, невысокая. Волосы, нос, грудь — все на месте. И глаза ее серебристые... иногда словно сталью наполнены. Завораживает.

Маг всегда любил серебро.

— Домой хочу.

Маг сжал зубы и хмуро усмехнулся, переводя оборвавшееся дыхание. Что это с ним? Странное чувство... словно нож в сердце вставили. Еще раз.

— Да, хочу домой. Там меня... никто не превращал в таракана, не проклинал, не продавал демонам в сексуальное рабство, не ломал руки... Домой хочу. Очень.

— Хм.

Тишина. И только ветер завывает где-то в трубе да прорываясь сквозь неплотно закрытые ставни.

— Так как? Ты ведь и сам хочешь от меня отделаться. Чего молчишь?

Зачем тогда в плечо уткнулась? И дышит так тихо... теплая такая... родная.

— Хочу. Но не могу.

— Чего не можешь?

— Догадайся, — хмуро.

— Чего опять злишься? Можешь толком объяснить, а то ведь встану и оборву твою новую счастливую жизнь ударом... табуретки по башке, скотина.

Маг хмыкнул и прикрыл глаза, осторожно обнимая ее едва обретшей чувствительность рукой. Ведьма замерла, но вырваться не стала. Во-первых, некуда, кровать маленькая, и спать на полу не хочется, а во-вторых... подумаешь, рука. Маг тоже так считал.

— Да все просто. Когда ты сюда вломилась из своего мира вместе с крысом, проход в твой мир захлопнулся. Его только крысы-демоны открывать и могут. Но только один раз, и только по приказу мага. Конкретно этот уже забыл даже, куда ходил, и, если что, откроет тебе лаз максимум в соседнее измерение. Где живет другая ты.

— Засада, хотя нет, все познается в сравнении.

Маг улыбнулся, с удовольствием ощущая ее талию под своей рукой.

— Так это что означает... я теперь вообще, что ли, никогда домой не попаду? И что же мне делать? — Ведьма даже привстала, но некромант не пустил, заставив ее лечь обратно, за что нарвался на пару-тройку нелестных эпитетов.

— Ну... мне бы ученик не помешал. Мой прежний ученик вроде как не справился с работой. Ищу нового.

Сиггун удивленно на него посмотрела.

— А?

— Н-да. Что ж мне ученики-то все такие тупые попадают. Будешь, говорю, у меня жить. Обучу высшей магии, только до этого поедешь в академию магии и годика три-четыре там отучишься. У меня нервов не хватит тебя с нуля учить. А им там за это платят, иногда посмертно.

— О!

— Н-да. И горшок возьмешь. Он мне пока без надобности, а там с ним поговорят, сделают человеком... хотя человек из него уже получится вряд ли. Внешне — возможно, но не внутренне.

— Хм.

— Ну как тебе идея?

Некромант замолчал, стараясь ничем не показать, что ответ на этот вопрос его хоть как-то интересует.

— А чего это ты такой добренький? То выгонял, а то с распростертыми объятиями ждешь навеки назад.

— Ну тут все просто. Я теперь живой...

— Извращенец!

— Да нет. Да погоди ты, Сиггун! Уймись! Повариха мне нужна, дура!

Ведьма затихла, тяжело дыша и едва не воя от проснувшейся боли в руке.

— Давай сюда руку. Терпи! Вот так лучше?

Ведьма неуверенно кивнула, глотая вопли и слезы.

— Эх ты! Ведьма фигова.

— От некроманта слышу.

— ...оно, конечно, да... в некотором смысле.

Помолчали. Глаза ведьмы снова начали слипаться, и она легла обратно на его плечо, тут же почувствовав руку на своей талии.

— И все же я не понимаю, — зевнув, прошептала она. — Ты же так мечтал от меня избавиться.

— А ты меня оживила. Да и дома... бардак. Как уедешь, займись починкой. Как раз восстановлю к твоему возвращению.

— Хм.

— Только ты мне его не разнеси сразу, как приедешь.

— Я постараюсь, — улыбнулась ведьма и закрыла глаза, окончательно проваливаясь в сон.

Некромант хмыкнул и посмотрел на нее, чувствуя, как ровно бьется сердце в груди и стало так тепло где-то внутри. Там, где, по уверениям лекарей, находится душа.

— Спи. Я постерегу... Н-да.

На небе светили звезды. Ветер продолжал завывать в печной трубе. По двору бродили голодные мертвецы. А на подоконнике сидел маленький грязный эльф и хмуро смотрел, как злобный некромант обнимает его девушку.

В кармане его лежал черный кристалл. Он уже нашел в книге заклинаний нужный листок, который смело вырвал себе. Осталось... собрать некоторые ингредиенты, сварить зелье и заставить Сиггун его выпить. И тогда они будут вместе навсегда. А маг... он еще свое получит. За все.

И главным образом за то, что украл его Сиггун.

Конец записи дневника в режиме авто. Благодарим за внимание. Фирма «Ведьмак и Ко» готова с вами сотрудничать в любое время дня, ночи и тысячелетия.

Часть четвертая

ЭТОТ МИР ТАКОЙ БОЛЬШОЙ...

Вторница

11:40

Утро.

Н-да-а... вот если подумать... какое фиговое утро. Солнце проникает даже сквозь плотно сомкнутые зудящие веки. Все тело разламывается от боли, тошнит так, словно вчера пила не

переставая, а рука... нет. Я лучше пока не буду думать о руке и обо все остальном. Просто полежу, представлю, что я дома, на тумбочке горит циферблат старых часов с отбитой крышкой, в ванне капает вода из так и не починенного крана. Вот-вот прозвенит будильник, который я ставлю даже на выходные, чтобы не проспять до вечера. И... все нормально. Скучно, обыденно, но так нормально. У меня нет перелома, я не боюсь окружающего мира. Я точно знаю, что меня не съедят, если я выйду из дома. Или... не превратят в наложницу, рабыню, служанку и прочее по выбору...

Тут рядом застонали, отвлекая от размышлений, и шевельнули рукой, моей, между прочим, той самой.

Вопль, который вырвался из моего горла, лучше всяких слов сказал, как счастлива я была наконец проснуться.

— Да тихо ты!

— Сам тихо! Ты... гад, ты когда-нибудь вообще повязки накладывал?! А гипс?!

— Не ори. Мне оно было без надобности, лет десять. Нитки в зубы — и вперед.

— Это ко-о-ость... — Всхлипы, переходящие в стон.

— Я понял. Я буду... осторожнее.

— Иди ты в...

Маг только вздохнул.

Сижу, смотрю на него и злюсь. Мне же больно... очень. Неужели нет вообще никакой мази, чтобы меня вылечить? Ланс сказал, что все мази погибли под обвалом. Да и все равно у них срок годности давно истек. Сам он при этом сидел передо мной желтовато-зеленый, и его шатало.

Кстати... о внешности. Я ж так его и не описала.

Ну, худ, даже очень. Впрочем, дело поправимое. Сутул, костляв. Или это я уже говорила? Волосы рыжие и торчат во все стороны разом, глаза только красивые... словно мед, в котором играют лучи солнца. Этакое расплавленное волшебство. Маг сказал, что такие глаза — редкость даже среди некромантов, обычно черные.

Крепче сжимаю зубы на палке (что заменяет наркоз), зажмуриваюсь. Больно... очень больно, хоть бы сознание потерять, что ли, а то пока он меня перебинтует — сдохну.

16:32

Спустилась вниз, пошла на кухню. На шее болтается прядь рыжих волос мага. Зомби, завидев ее, шарахаются, как слоны от мыши. Роюсь на полках в поисках еды. Маг сказал, что готов съесть абсолютно все, лишь бы дали, и бодро отправил меня на кухню.

На вопль: «У меня рука!» — мне ответили кратко и емко: «Так ведь не нога». Гад. Вот если бы сама есть не хотела, точно оставила б его там умирать от истощения. Еще и издевалась бы. Н-

да.

Да где ж эта колбаса?!

17:12

И это все? Полпалки, обжаренные с одного конца? Из всего подвала с тоннами снеди? Ничего себе аппетитец у мертвецов.

Сумрачно рассматриваю палку слегка пожеванной колбасы, соображая, будет ли это есть маг. Я буду точно, ибо у меня даже не голод, у меня последняя стадия истощения. Маг вчера все силы вытянул.

Так... ниче-ниче, сойдет на первый раз. Отрежу только этот кусочек... Ну вот, вполне съедобно.

Надо бы... магу оставить. Ам. Н-да, надо бы оставить.

Не забыть бы.

Сажу на кухне в позе лотоса, скрестив ноги, оглядываюсь на столпившихся вокруг зомби и облизываю жирные пальцы. Вокруг разруха, грязь, но это единственное помещение, которое пережило ночь.

— Чего вылупились, уроды?

Уроды зашипели, застонали и потянули гнилые ручонки. Показываю им рыжую прядь, лично отрезанную с головы некроманта. Руки тянуть перестали, на меня смотрят злобно, не подходят. Вот и ладошки. Встаю и иду обратно наверх, похлопывая себя по пузу. Так... маг. А что я ему скормлю? Задумчиво оглядываюсь.

О! Еще колбаса! Прямо под столом валяется. Правда, еще более замызганная и обкусанная, ну да он же сам сказал, что готов съесть все. Вот пусть и ест. Ножик только захвачу, а то мало ли... вдруг захочет кое-что срезать.

Маг лежит на кровати и задумчиво изучает то, что я притащила.

— Это точно последняя? — пытаюсь стереть комок слизи с колбасы. Комок растянулся в длинную белесую ниточку и повис, покачиваясь из стороны в сторону. Меня замутило. Мага, кажется, тоже.

— Ага. От сердца оторвала.

— А чего тогда такая довольная? — изучая крошки колбасы на моей груди.

Я пожала плечами и сыто улыбнулась.

— Н-да. Ну ладно, давай сюда... нож. Я десять лет ничего не ел.

Киваю и бережно передаю ему тупое орудие пыток. Лично я им свой кусок пилила минут десять. В итоге просто оторвала. Что будет делать маг, который даже руками с трудом шевелит, я себе не очень представляла.

Маг кое-как сел, прислонился спиной к стене, накрыл ножки одеялом и торжественно водрузил на них палку колбасы.

Морщусь. Мне это одеяло стирать потом придется.

— Гм. Может, ты? — с надеждой.

— Нет-нет. Не могу лишиться тебя удовольствия. Столько ждал... не напрасно же.

Маг растерянно кивнул и занес нож.

Час спустя.

Чавк...

Бледно-синяя, сижу в кресле и наблюдаю, как маг ест колбасу. Он так и не порезал, так, обтер рукавом и... ест! Вот что голод с людьми делает. Он тоже не выглядит счастливым. Давится, но ест. Чувствую себя садистом, вытаскиваю из кармана острое лезвие и кидаю ему. Маг остановился и зло уставился на нож, потом перевел взгляд на меня, крайне недобрый взгляд. Если б мог убивать взглядом — убил бы точно. Радуюсь отсутствию у него магии.

— Только... слизь не ешь. Мало ли... заболеешь, — буркнула я и умотала из комнаты.

Вслед мне полетел тупой нож.

19:19

— Не развалишься!

Прямо семейная жизнь какая-то, не успел воскреснуть, как уже на меня орет. И, главное, сам даже с постели встать не может, а туда же, командовать!

— Не пойду, — хмуро, плюхаясь в кресло и складывая ноги по-турецки. — Там дождь!

— Он вот-вот закончится, и вообще слегка моросит. Сиггун, ты точно хочешь вылечить перелом или так, нервы мне мотаешь?

— Точно.

— Вот и вали на кладбище. Тут недалеко. Куртку на голову натянешь — и вперед!

— Не хочу. Я кладбищ боюсь.

— Блин, чего его бояться! Все мертвецы здесь! Причем живые! Я бы на твоём месте в дом заходить боялся! — разорвался маг, багровея от ярости.

Я уже говорила, что терпение и спокойствие — это не про него? Сообщаю.

— Все равно! Вдруг... там кто-нибудь остался?

— Разве что скелеты, у которых нет и намека на мышцы и связки, чтобы шевелиться!

— Вот я приду, наклонюсь, и вдруг — раз, из земли рука вылезет...

Маг молча на меня смотрел, сдерживаясь из последних сил. Стою, думаю, что это и впрямь будет уж точно не страшнее похода на кухню, где зомби рядами стоят, желая получить хоть немного мяса.

— Н-да.

— Вали на кладбище!!! — сорвался великий и ужасный, швырнул в меня подушку.

Пришлось встать и сбежать. А то он уже подсвечником прицеливался.

— И без желтой травы не возвращайся! Она там одна такая! Не перепутаешь!

Фыркаю и натягиваю капюшон на голову. Зря он сомневается в моих способностях найти новый вид желтой травы. Очень, очень зря.

Блин, рука...

Ладно, пойду на кладбище. Иначе до утра я не доживу. Она уже и чернеть начала, опухает местами, а там, где касаюсь, еще долго остаются небольшие вмятинки. Маг предположил, что еще немного, и начнется гангрена. Я... не хочу быть одорукой идиоткой, бегущей по чужим мирам. Мне и с двумя-то рукам непросто, а с одной... Ладно, что там за трава-то? Два пучка уж как-нибудь нарву.

Сбегаю по почти обвалившейся лестнице, расталкивая замешкавшихся зомби и крепко стиснув зубы. Страшно. Жуть. А что делать?

20:01

Темно-то как, и вся трава черная! А я даже свечку не взяла! Идиотка.

Стою, оглядываюсь, щурюсь. Луна, зараза, снова скрылась за тучами. Хочется взвыть и послать все далеко и надолго. Нет, ну почему это должна быть именно я?

Вокруг разрытые могилы, покосившиеся оградки, волки воют подозрительно близко. Стою под дождем, с рукой на перевязи, и, сложившись пополам, разглядываю траву, которая растет мелкими кустиками то тут, то там.

Может, побольше нарвать? Дома увижу, чего это я насобирила.

Интересно, когда это дом некроманта стал и моим домом.

Так-с... вот это...

Позади меня что-то затрещало и заскрипело. Я попыталась было обернуться, но за ногу с силой схватили и дернули так... — никто бы не устоял.

Вторая нога подломилась, и я рухнула на землю. Удар отрезвил, отозвавшись такой болью в поломанной конечности, что впрямь было выть. Мокрая почва подо мной задрожала, потекла куда-то вниз, заставляя меня скользить. Я попыталась было ухватиться за траву, но она мокрая, никак толком не удаётся. А потом подо мной разверзлась пустота, и я с визгом рухнула в открытую могилу, подняв целый фонтан брызг и с головой скрывшись в жиже, которую намешал из земли дождь.

Весело? Не очень. Пока выбралась из воды, постоянно оскальзываясь и падая обратно на колени, пока откашлялась, задыхаясь, пока смогла встать на ноги... — Я думала, там и останусь навечно. Ан нет. Стою. Меня трясет. Руку я просто не чувствую, а глаза как раз на уровне края могилки.

И такое холодное, жуткое ощущение внутри, что с одной рукой я из этой ловушки не выберусь. Больно стены скользкие, а уцепиться не за что. И звать некого. В округе только зомби бродят, да и ночью на кладбище в дождь... ни один идиот, кроме меня, бродить точно не будет. Это факт. Живой, по крайней мере, точно.

Закусив губу, прислонилась здоровым плечом к земляной стене и зажмурилась, глотая слезы. Что-то я... часто плакать стала. Видать, нервы сдают. Не выдерживаю.

— А ты уверен, что здесь остался хоть один закопанный?

— Да нам закопанного мертвяка и не надо. Слышал, что рассказывали: их тутошний некромант призвал, а монеты они оставили, когда вылезали. Сколько раз тебе еще повторять?

Застыв, смотрю наверх, еще не веря. Здесь люди? А что они тут... да какая разница! Так, надо позвать...

Нет, если бы меня ночью позвали из могилы, при этом подпрыгивая и выглядя так, как я сейчас... я бы рванула на первой скорости, теряя пятки, достоинство и желание идти помогать.

— А здесь? — Голоса постепенно приближались. Я затаилась, чувствуя, как бешено колотится сердце в груди.

— Вот сам и лезь. А я посмотрю, как ты потом родителям будешь доказывать, что упал с кровати в очень грязную лужу...

Всхлип и громкий пронзительный рев был ему ответом.

— Ладно, только заткнись!

Рев мгновенно оборвался.

— Я иногда тебя просто ненавижу, ты в курсе?

— Угу. Лезь давай, а то мокро и холодно.

— Не наглей, мелкий!

Я приподнялась на цыпочки и осторожно выглянула из могилы. Рядом с соседней стоял паренек, на вид лет пяти, и с интересом смотрел, как парень плотного телосложения, упершись рукой о ее край, готовится спрыгнуть вниз.

Короче, я не выдержала. Вроде не пугливые.

— Э... мм... извините, а что конкретно вы ищете?

Парни замерли. Малыша затрясло, но он не обернулся. Зато обернулся старшенький и, увидев только включенную грязную макушку и ярко горящие глаза как раз на уровне земли, заорал, рванул вбок, поскользнулся и рухнул в могилу. В соседнюю. Ребенка затрясло еще сильнее.

— М-мама... А-арчи-и-и...

Из могилы донесся тихий, но очень эмоциональный мат.

— Ммм... я очень извиняюсь, что напугала. Но ты понимаешь...

Взвизгнувший ребенок рванул вперед и тоже прыгнул в соседнюю могилу. А я всего-то за пяточку его потрогала. Нервный какой. А чего тогда на кладбище поперся?

Тоже мне герой!

20:32

— Не... получается. Ух! Блин...

Стою, наблюдаю за тем, как периодически над могилой появляется голова паренька, он подтягивается, цепляясь за скользящие комья земли вперемешку с травой, и... падает обратно, срываясь.

Мальчик притих и не орет. Он вообще с тех пор, как я голос подала, разговаривал мало и тихо, но я все слышала. Дождь, кстати, стихать начал.

— Я, может, конечно, лезу не в свое дело, но так ты только выбьешься из сил...

— Заткнись! — расхрабрился тот, что поменьше, подпрыгнув, чтобы меня увидеть. — Без тебя разберемся.

Глаза, правда, у него были круглые и сильно испуганные.

— Н-да. Ладно, тогда без сантиментов.

— И не колдуй! — В меня чем-то бросили. Судя по ощущениям, это ком земли. Зато как точно, прямо в глаз засветил.

Скриплю зубами, шлю проклятия, в соседней могилке притихли, испугавшись последствий собственной храбрости.

— Вот щас как в тараканов превращу! — рявкнула я, счищая с лица мокрые потеки грязи. — Нет, одного в таракана, второго в гусеницу! И посмотрю, как вы там, сволочи мелкие, выбираться будете.

— Не надо в тараканов. Мы... все сделаем. Мы ж не знали... что ты колдующее... умертвие.

— Сам ты «умертвие»! Ведьма я!

Снова тихое шушуканье.

— Ага, ври больше! Ведьмам по ночам делать больше нечего, как в могилах сидеть и вампиров пугать!

— Каких вампиров?

Удивленное молчание.

— То есть ты даже не в курсе, на кого посмела голос поднять? — уточнил тоненький детский голосок.

— Нет. Не до того было.

— Подними меня.

Встаю на цыпочки, чтобы увидеть. Над соседней могилкой показалась встрепанная грязная голова мелкого.

— Я, между прочим, принц! Чистокровный вампир в сто сороковом поколении, — сообщил ребенок, злобно сверкая глазками. — А ты меня напугать пыталась!

— Я не пыталась, я напугала. Слушайте, мы так и будем ругаться или начнем искать выход из ситуации? Лично я замерзла, сломала руку и...

— А у нас мазь есть! — радостно сообщили из недр могилы. Видать, подросток. Арчибальд вроде его зовут.

— Какая мазь? — заинтересовалась я.

— Классная. Все повреждения заживляет. Хочешь?

Киваю, забыв, что меня не видно.

— Кивает, — сообщил принц другу.

— Тогда вытащи нас! Ты же ведьма. Тебе это как нечего делать.

— Гм. У меня рука сломана. Мне теперь есть что тут делать.

— Да? — разочарованно. — Сильно?

— В трех... нет, уже в четырех местах, — соврала я.

— О как... больно небось.

— Ты даже не представляешь как.

— Да поставь ты меня. На землю поставь! Я за помощью сбегаю. Нет, не боюсь. Да найду я куда бежать!

Мелкого с трудом, но выпихнули наверх. Над могилкой показалось лицо подпрыгнувшего паренька. Оба с надеждой смотрим на пытающегося отряхнуться малыша.

— Всё, я пошел. Скоро вернусь.

Я заволновалась. Это он за вампирами, получается, пошел? Хрен их знает, может, тут и вампиры есть. После говорящего трупа с претензиями я уже ничему не удивлюсь.

— Погодь! А чего искал-то?

Паренек обернулся, вытер рукавом нос, тут же ставший таким же грязным, как и рукав, задумался.

— Монету, — крикнули из могилы. — Ему, видите ли, нужна неразменная монета.

— А чего это?

— Мертвым в рот кладут, — пояснил малыш и вздохнул. — Ее потом трать не трать, все равно вернется. А у них серебро было... Кладбище больно богатое, с медяками не хоронили. А я так лошадку хотел...

Ошарашенно на него смотрю. Так это чего, те монеты, которые из наших зомби постоянно сыплются? Они их поднимают, суют в рот, но монеты все равно сыплются. Дыр-то много. Щеки есть не у всех. И тем более... некоторые и вовсе без головы бродят.

Залезаю здоровой рукой в мокрый слипшийся карман, с остервенением там копаюсь. Да где же это? Где?!

— Ну ладно, Арчи. Не скучай, я скоро.

— Осторожно там, мало ли, вдруг оборотни на охоту вышли.

Тут еще и оборотни есть? Я придушу мага. Он теперь смертный, его должно пронять.

— Подумаешь, я принц! Они от одного моего запаха передохнут.

Хихикаю. Это нервное. О, вот она!

— А... у меня есть монета! Неразменная!

Гордо демонстрирую погнутую почерневшую металлическую штуквину, которую один из зомбиков так и не поднял, ибо рухнул рядом и рассыпался на составляющие. Маг сказал, что срок вышел.

Малыш обернулся и, сощурившись, присмотрелся к тому, что я так бодро сжимала в руке.

— Ну что, она?!

— Гм... меня вообще-то обмануть сложно. Я магию такого рода чую... — Подходя ближе и вытягивая от любопытства шею.

Еще чуть-чуть, и смогу его схватить и уволочь к себе. Мысль мелькнула и с ужасом огляделась в пустом пространстве черепа. Ее никто не поддержал.

— Она! — радостно. — Точно, она! Я эту магию завсегда узнаю. Арчи, рычи, я монету нашел! А ты говорил, что зря идем.

Прячу монету обратно, буквально выскальзывая из хватки ребенка. Ребенок едва не ухнул следом, растерявшись оттого, что приз убрали.

— Эй, — обиженно, — отдай мою монету!

Как у детей все просто. Едва что-то увидели, и всё, это уже их собственность. Или это только у принцев так принято?

— Только в обмен на мазь, — категорически. — Пока мазь не дашь, фигурки тебе, а не монетка.

— Ага, а ты потом вылезешь и ничего не дашь! — возмущенно.

— Дам. Слово ведьмы! Только дай мазь, а?

Перед глазами, к слову, уже все плыло. Рука уже не болела, зато пульсировала вся правая половина тела. Было плохо, бросало то в жар, то в холод. Все происходящее стало казаться непрекращающимся ночным кошмаром, от которого невозможно сбежать. Хотелось проснуться дома, в своей кровати, выпить горячего чая и...

— Блин. Арчи!

— Не дам. Она обманет!

— Ну дай ей мазь.

— Нет.

— Ну дай-дай. — Голосом, который предвещал близкую детскую истерику.

— С ума сошел?! Это мама на крайний случай дала — а вдруг коленку поцарапаешь?

— А-а-арчи-и-и-и...

Даже меня перекосило от рева его королевского высочества. Избаловали его вампиры. Арчи небось что-то вроде слуги и телохранителя в одном флаконе. Старшие братья так младшим не потакают.

— На.

В могилу упало что-то мелкое, булькнув и мгновенно уйдя на дно. Падаю на колени, судорожно это что-то разыскивая. Лишь бы не затонула, лишь бы не затонула, лишь бы не зато... Есть. Вот она! Ой, это череп. А где баночка? О, вот!

Бросаю черепушку, открываю баночку зубами и зажимаю горлышко во рту.

Так... теперь стянуть куртку с больной руки. Блин, как больно-то... уй, елки.

Застываю, глотая слезы и стараясь не реветь.

— Монету дай, — потребовали сверху.

— Сначала проверю, действует ли мазь.

— Хм. Ну проверь, только мы других-то и не брали.

Мне плевать. Изучаю обломки костей, грязный, сбившийся бинт и стекающую вниз кровь. Сколько у меня ее? Видать, много.

Бинт тоже сняла не сразу, но сняла. От боли перед глазами летают звездочки, стены могилы изгибаются, как в фильме ужасов. Такое ощущение, что я нашла свою могилу. Если потеряю сознание и рухну, то утону и не воскресну. В этой жиже вообще выжить сложно. Так что...

Так.

Вываливаю содержимое на рану, стараясь не обращать внимания на острое ощущение жжения в тех местах, где мазь касалась раны.

— Все вымазывай, а то не подействует, — сообщили сверху.

Устало киваю и размазываю остатки по всей руке. Она у меня уже наполовину черная. Офигенный мне переломчик маг организовал. Главный сосуд порвала, что ли?

— Ну как?

— Шиплет. — Сажусь в грязь, ибо ноги не держат.

Жжение охватило всю руку и становилось все сильнее, словно опустила ее в таз с горящими углями. Боль стала еще сильнее и обдала адским огнем. Затем, с громким чмоком, разошлись края раны, и вонючий гной хлынул оттуда наружу.

— Так и должно быть. Мертвое отомрет, живое оживет. Давай монету, пока еще жива.

— А то что?

Удивленная мордашка, свесившаяся с края могилы.

Из последних сил встаю, выбрасываю руку вверх и утягиваю принца в могилу.

Визг ребенка, крик паренька, застрявшего неподалеку, и всплеск от двух тел.

— Эй, ты чего? Пусти!

Меня укусили за руку... больную, малолетний гад. Больно, наверное, но она горит, и я временно не могу оценивать степень боли.

— Говори, что за дрянь ты мне дал. Я подыхаю?

На меня страшно смотреть. Я почти не соображаю, стараясь только не орать. Да что ж это такое! Когда ж все это закончится?!

— Да нормальную я мазь дал! Все сейчас пройдет, потерпи!

— Угу. А если сдохну — тебя никто не посадит. Вы оба здесь и останетесь. Вода-то не убывает. Сколько в холоде можешь пробыть? А потом рассвет — и капут. От солнца умеешь прятаться?

— С чего ты взяла, что я должен бояться солнца? — с огромным интересом спросил ребенок.

— Ну как же, все знают, чего боятся вампиры: солнце, чеснок и святая вода...

Меня перебил детский смех.

— Говори, что за мазь.

— Не скажу! — Обиженно.

— Как ты думаешь, что сделают с тобой и твоим другом местные жители, когда придут проведать могилки горячо любимых усопших родственничков, а тут вампиры?

Ребенок побледнел.

— Арчи! Кинь мазь, Арчи!

В воздухе что-то мелькнуло. Я сползла по стенке, сжимая зубы до хруста и воя на одной ноте. Было даже не больно, было очень горячо.

— Потерпи! — Мне опять что-то намазывали на руку. — Просто две мази. Одна омертвляет умершее, вторая оживляет живое. Блин, ты много намазала! Ну потерпи.

Ребенок всхлипнул, вытер рукавом нос и продолжил намазывать мне руку серебристой слизью.

Закрываю глаза и пытаюсь дышать.

Вроде... вроде отступает. Не знаю, я уже не соображаю. Темно как-то вокруг... Кажется, я все-таки потеряю сознание.

23:41

Просыпалась медленно, урывками. Было очень холодно, рядом кто-то тихо дышал.

Руку сильно дергало, но боли не было совсем, такое ощущение, словно я умерла или ее ампутировали.

В голове проклюнулась новая мысль: «Бывает ли мир без боли?» Я ее осмотрела и затолкала обратно. Только философии недоделанной мне сейчас и не хватало.

— Ну? Ты как? Живая?

Поворачиваю голову и открываю глаза, стараясь сфокусировать взгляд. Рядом сидит грязный ребенок, дрожит, но смотрит внимательно и с любопытством. Глаза черные, сам симпатичный... но грязный. Очень. И мокрый.

— Да.

— Она жива!

— Отлично! Как рука, ведьма? — Голос доносился откуда-то сбоку, приглушенно как-то. Кое-как вспомнила, что вообще случилось. Пытаюсь сесть, чувствуя, как онемели ноги. Лежала-то я в воде. Только грудь и голова наружу. И то только потому, что ребенок держал. Боялся, что, если утону, его уже никто не вытащит. Молодец... соображает.

Помог мне встать, едва сам не рухнув в грязь.

— Нормально. — Сжимаю и разжимаю пальцы. Надо же... и впрямь ничего. Дергает только!

— Так и должно быть. Скоро пройдет. Не все же сразу.

Киваю и внимательно смотрю на край могилы. Смогу или нет забраться?

— Сначала я. — Меня подергали за куртку и требовательно уставились черными, как сапфиры, глазами.

— Обойдешься. Поможешь мне вылезти, вытащу тебя.

— Не нарывайся, ведьма. Я тебя укусил. А я вампир, тоже ведь утром умрешь. А потом воскреснешь и мне служить будешь.

Я только пожала плечами и демонстративно сложила руки на груди, ребенок нахмурился и тоже сложил руки на груди. Выглядело забавно.

— А мне наплевать. Поможешь подняться — вытащу и тебя. Нет — останемся оба. И мне все равно, что там со мной утром произойдет. Устала я, не представляешь как.

— Делай, что она говорит, — посоветовали из соседней могилы. — Не бойся, я ее потом найду и убью, если обманет.

Ребенок тяжело задышал и посмотрел еще более грозно. Явно не привык, когда все идет не так, как он хочет.

Стою, жду, если он не согласен, то торопиться мне некуда.

Короче, ребенок спину подставил. Мне, конечно, странно опираться ногой на такое хрупкое существо, но вампиренок... не то чтобы сильнее, скорее крепче. Это я почувствовала, еще когда утягивала его вниз. Он и так стоял на краю, соскальзывал, но рванул от меня так, что едва оба не улетели обратно.

А это... это сила не пятилетнего ребенка.

Есть. Свобода. Стою, покачиваюсь, оглядываюсь, хочется материться и смеяться одновременно. Снизу напоминают о данных мною обещаниях и угрожают страшным будущим, если свалю.

Киваю и иду к лесу. Что они орали и как орали... я таких перлов из уст детей вообще никогда не слышала. Точно принц. Только принц может так легко и незаметно перейти со светского языка на речь стопроцентного висельника. Усмехаюсь и, шатаюсь, бреду среди деревьев, уже не чувствуя ног от холода и тела от усталости.

Вот... это подойдет. Наклоняюсь, поднимаю длинную толстую палку и волоку ее обратно.

Эх ты ж, блин, какого хрена, я опять пошла налево... песня была классная. Всей общагой пели... пока меня не выгнали. Н-да. Подруга там была, а после того как меня отчислили, и вовсе перестала меня навещать. У нее другая жизнь вырисовалась, а со мной каши не сварить. Сходила за травкой, блин... за желтенькой.

Хихикаю и бреду назад, раскачиваясь из стороны в сторону. Как говорится, если нельзя изменить реальность, расслабься и получай удовольствие. Не можешь? Твои проблемы, противный.

Кинула бревно в яму с Арчибальдом. Тот вылетел чуть ли не до того, как бревно коснулось дна. Там, кстати, все еще веселее было, стены могилы были выгнуты в стороны, а край свешивался склизким концом. Короче, выбраться можно было только на руках, но так как они скользили... идеальная ловушка даже для очень сильного человека.

Бревно схватили, меня подвинули и бросились к соседней могиле. Пока он вытаскивал паренька, отошла к оградке и осторожно присела. Хорошо... мокро, зябко, все болит, руку дергает, но по сравнению с той адской болью, которая еще недавно прожигала мне мышцы, мне сейчас хорошо. Даже больше того — отлично. Улыбаюсь и закрываю глаза.

— Эй, ты.

Надо открыть глаза. Невежливо сидеть, улыбаться и не смотреть на собеседника.

Открываю правый глаз, наводя его на объект. Фокусировка... н-да. Грязный какой.

— Да?

— Спасибо.

От неожиданности открыла оба глаза.

— За что?

— За то, что вытащила, — пояснил старший. — Ты бы хоть на колени встала. Все же принц вампиров благодарит.

Я только отмахнулась. Субординация всегда плакала по мне кровавыми слезами.

— Тебя как хоть зовут?

Мальчик переглянулся со старшим. Тот отрицательно качнул головой.

— Я тут инкогнито, — нашелся ребенок. — И ты меня никогда не видела, поняла?

Киваю. Мне в принципе все равно.

— Не переживай, я же тебя укусил, а значит, найду всегда, когда захочу.

Да я и не трепыхаюсь, собственно.

— Вот... монету отдашь?

Ах да, сую руку в карман и под напряженными взглядами двух мальчишек вытаскиваю грязную помятую монету, предположительно из серебра.

Монету забрали и довольно засопели, разглядывая.

— Ну теперь ты доволен? Домой можно идти?

Малый кивнул и даже дал взять себя за руку.

Так они и ушли. Держась рядом друг с другом, грязные, мокрые и буквально никакие. А я еще подумала — и чего это про травку не спросила? Про желтую-то? Но так и не окликнула, глядя им вслед.

Травы нарвала первой попавшейся. Желтая — не желтая. Мне уже по барабану. Лично мне эта трава больше не нужна, а укрепляющее зелье маг себе пусть варит из того, что принесу. В крайнем случае получится неплохой чаек.

И только подойдя к дому и увидев дружную толпу мертвецов, бегущих ко мне, я вспомнила о прядке волос мага.

Не поверите, но я ее потеряла.

Н-да... смотрю на мертвецов, оцениваю собственные силы и реально понимаю, что это конец. Ну не прорвусь... и убежать не хочется, в смысле — не получится.

Все, что смогла, — это зажмуриться как можно крепче и сжать в руках нарванную траву. Пучки ее виднелись из карманов куртки и штанов. Мокрая, грязная, несчастная... я не дошла каких-то триста метров до почти родного дома.

Стою, жду. Они, кстати, тоже стоят. Остановились и стоят рядышком, значит.

Мне уже плохо, я уже и сама хочу, чтобы меня убили. Сколько можно издеваться-то над человеком?

Меня, кажется, обнюхивают.

Может, запах некроманта на мне остался, все-таки вместе лежали. Правда, не знала, что у мертвецов такие чувствительные носы, но тут вообще логика встречается редко.

Открываю один глаз, оглядываюсь и робко делаю шаг вперед. Второй.

Мертвяки расступаются с неохотой, рычат, скулят, жадно вдыхают мой запах. Мне уже и самой интересно, чем я там таким могу вонять, что даже их коробит.

Через десять шагов не выдержала и побежала. И силы откуда-то взялись. Зомби... не догоняли, наверное, пошли в лес, искать несчастных зверьков, коим не повезло упасть на дорогу или голову этих неповоротливых существ.

Надеюсь, вампиреныши уже далеко. Впрочем, мне-то какое дело?

Вспоминаю черноглазого кроху-принца, неуверенно улыбаюсь и хромаю дальше. Нет, пуцай живет. Редкой красоты и стервозности парень ведь получится. Вот я бы на него посмотрела...

Так за размышлениями о несбыточном я и добрела до дома. Уже войдя на порог, услышала крик некроманта, который выяснял, что так долго.

— Иду! — Все, на что меня хватило. Очень хотелось лечь и уснуть. Каждый угол буквально светился уютом и притягательностью.

— Ты что там, три часа ползала, выискивая траву нужного оттенка?! — надрывалась эта зараза.

— Да! Мне темно-желтый не понравился, блин.

Кстати, а что я набрала-то? Разжимаю скрюченные пальцы, изучая то, что притащила. Гм... грязи столько, что цвет не различишь. Но если потерять...

Бурый. Явно бурый цвет.

Закрываю глаза и тяжело вздыхаю. Обратно не пойду.

Средница

01:12

Это не та трава.

Говорить не хочу. Все плывет перед глазами от потрясения. Сейчас вот дойду до кресла и...

— Иди на кладбище!

Так далеко меня даже директор школы не посылал. А он был мужик продвинутый, с фантазией извращенной. Помню, любимая шутка у него была: «У Семенова стоит „хорошо“... Н-да. „Хорошо“ стоит у Семенова. А вот у Борисова не очень... „удовлетворительно“ у него стоит. Но вот кто действительно радуется...»

Дальше не буду, и так все ясно. Весь учительский состав, заслышав эту шутку, обязан был ржать, вытирая слезы. Одна я вечно стояла, хлопая глазами и соображая: что это только что было?

— Сиггун!

Он меня забодал. Падаю в кресло.

— Хорошо. Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому.

Ну да, а что ты мне сделаешь? Съешь? Руки короткие. Ты сейчас не то что колдовать, ты и встать-то не можешь. Некромант хренов.

— Я знаю, что ты думаешь. И я не беспомощен, — хмуро.

Закрываю глаза, блаженно улыбаясь, штаны бы снять. Холодные. Да и вообще замерзла страшно.

— Я просто... временно не могу подойти и прибить тебя лично. Но зато зомби — другое дело. Они это как раз таки могут.

Хмурюсь и открываю глаза, пытаюсь сфокусировать взгляд.

— Ты это о чем?

— А о том. Подумай сама, собирать траву можно только раз в неделю — в ночь на средницу, то есть до следующей недели отвара мне не видать как своих ушей. Я так быстро не восстановлюсь. Мне еще и есть надо, а из-за мертвецов и общего внешнего вида моего дома, напоминающего в данный момент... ммм, руины... ни один поставщик еды к дому и близко на километр не подойдет. Я понятно изъясняюсь? У тебя вид больно глупый.

Пытаюсь сесть, цепляясь за спинку кресла. Та-ак.

— Ну так вот. — Маг повернулся, взбил себе подушку и довольно лег обратно. — Меня они не тронут, так как я их хозяин. А вот тебя... думаешь, мазь будет тебя защищать и дальше?

— Мазь?

— Мазь, мазь... Не знаю, где ты достала живую и мертвую мазь, но ее запах я узнаю сразу,

небось в комнате той новой стырила... гм. Ладно, прощаю.

Фыркаю и отворачиваюсь. До слез не хочется вставать и идти обратно. Мне холодно, я устала, замерзла, голова стала как чугунная и болит, меня знобит! И сил нет вообще никаких.

— Пока она на тебе — мертвецы не тронут. Уж больно они полынь не любят. Но утром эффект пройдет и тебя сожрут. Круто, да?

Офигенно.

— Так ты идешь или тут побудешь? Траву можно сорвать строго до рассвета. Сварить зелье можно и позже, но сорвать...

— Как она хоть выглядит?

Я на грани отчаяния. Не представляю, как встану-то, а уж как пойду...

— Желтая! — Маг задержал дыхание и мысленно сосчитал до десяти, чтоб не сорваться. Ну и характер у него.

— Я в курсе, что не синяя. Где растет, как искать? Там темно, между прочим.

— Растет на кладбище! Искать молча! Цвет ЖЕЛТЫЙ!

Выметаюсь из комнаты, дабы не нарваться. Мне вслед полетела подушка.

Да-да, я в курсе, что больные мужики невыносимы. Но этот... он наихудший из всех.

01:17

Стою напротив мертвецов, устало их разглядываю. Те расступаться не спешат, пытаюсь понять, с чего я такая наглая сегодня. Блин, надо было у мага прядь взять! Точно.

Уматываю обратно в дом.

01:23

Нож тупой попался... я прядь в итоге не срезала, а выдрала. Что сказал маг, приводить не буду, тем более что кроме предлогов там был даже не мат, там был сплошной ор.

Я даже чуть не оглохла на одно ухо.

С другой стороны... я испытала ни с чем не сравнимое удовольствие, выдирая эту жалкую прядочку.

01:25

И снова мертвецы. Глаза настороженные, воют в унисон. Явно договорились сожрать, плюнув на мазь. Демонстрирую всем прядку, гордо прохожу сквозь толпу. Мертвяки расступаются, принохиваясь и морщась.

Что, не нравится? Терпите! Я ведь его терплю... хозяина вашего и уже моего по ходу... Нет, не

хозяин он мне. Эксплуататор чертов.

01:31

Вот, если думать о чем-то отвлеченном, переставлять ноги не так мучительно трудно. Глаза периодически закрываются, тело слабеет и просит отдохнуть. Замерзла так, что уже даже дрожать не тянет.

Вот я о чем подумала. Н-да.

Люди! Не верьте в сказки! Не бывает сказок! Бывает суровая, жуткая реальность, к которой можно относиться с юмором. Ибо когда не остается ни сил, ни решимости, ни даже капельки храбрости — только ужас и бессилие — начинаешь юморить. Вроде защитного механизма. Если поржешь, авось и не страшно будет. А вообще, прежде чем мечтать оказаться на месте главной героини, понятно, что на моем месте не хотела б оказаться ни одна живая душа, но все же... я ж себя отвлекаю. Продолжим.

Гм. Упала. Встаю и ползу дальше... не, надо на ноги встать. Так несолидно. Мертвецы эти еще следом бредут, изучая мой филей и перерывкаясь. Процессия из нас, кстати, прикольная получилась. Я еле плетусь, вот и они, кучкой, крадутся следом, переговариваясь и вздыхая по кускам мяса на моих костях. Н-да.

Ну так вот, о сказках!

Вот давайте возьмем... какая там самая позитивная? О! «Спящая красавица». Значица, жила принцесса, потом соснула на пару сотен лет и... проснулась замужем за прекрасным принцем. Вся трагедия в том, что уколола палец, кажется. Ну типа это мы потянем.

Ага. А теперь представьте. Вы на месте принцессы за неделю до укола. Дворец. Средневековье. Вы в корсаже бродите по продуваемому всеми ветрами замку в поисках свободного горшка в углу. Ибо удобства, извиняйте, в виде личной канализации не предусмотрены. Ну это о наболевшем. Далее. Принцесса! А это значит: рано вставать, с мужиками не болтать, учить весь день этику-эстетику или тупо лежать на постели и трагически разглядывать потолок. А что вы думали? Погулять нельзя, телика нет, книжки... только грамматика да математика, если повезет. Если нет — нет и того. Вокруг престарелые прислужницы, дабы не затмевали красоту миледи. И... все! И десять дней вы сидите в комнате, помираете от скуки, пытаетесь уколоть палец хоть обо что-нибудь.

Пункт два. Злая волшебница наконец-то пришла. Поздравляю, вы ее дождались и не померли от скуки. Подсовываете палец, отбираете веретено, орете, какого хрена так задержалась. Злая ведьма в шоке отчаливает, пытаетесь сообразить, где так промахнулась в воспитании крестницы. Но это не столь важно, палец уколот — заражение, гангрена, ампутация руки, вечный сон...

Не нравится? Ладно, укололи, спиртом обработали, зевнули, уснули. Нравится? Идем дальше. Да, а как она там в туалет ходила за сто лет-то... небось сложно было терпеть. Ладно, неважно. Принцессы такие существа, которые даже пукать не умеют. Я где-то читала. Там клинический случай.

Далее пришел он! И поцелова-а-ал!!!

Вы медленно открываете глаза, задыхаясь от вони из его рта (некогда зубы чистить было — спешил спасти и подвиги свершить, дабы устоять перед драконом), смешанной со стойким

жутким запахом пота и еще чего-то, чего вам распознавать не хочется. Вся его красота заключается в том, что мужик в славных боях сохранил главное украшение мужского тела... нос. Зубы не все, но он вам улыбается, огромный, как горилла, и такой же волосатый. А потом... первая брачная ночь! Кто сказал, что эта горилла будет терпеть? Она три дня скакала как заведенная, убила дракона, порубила кустарник, одолела злые чары и чуть не сдохла, вскрывая дверь в замурованную спальню. Это вы потерпите, он — нет. Поздравляю... романтика...

Н-да, а потом он хлопнет зареванную принцессу по заду, довольно справит нужду в углу, схватит за руку и выволочет из спальни, чтобы, значит, отвезти в свое королевство. Где вот эта брачная ночь... без изысков и вопросов: «Тебе было хорошо?» — станет вашим постоянным спутником. Вы будете его ублажать, есть жирную пищу, покрываться прыщами, получать фингалы под глаз, ежели вам улыбнется кто-то из его друзей, и терпеть, терпеть, терпеть. Супер, да? Отличная сказка. Лично меня радует. Думаю, конец у нее был эпический. Что-то вроде: «И родила она сорок детей, радуя папу каждый год тройней».

Ржу, опираясь рукой на оградку. О. Я дошла! В смысле мы дошли. Оглядываюсь на зомби и задумчиво их разглядываю. Те заволновались, зарычали, кто-то кинул в меня тазом... ну который из костей, хорошо — уклонилась.

— Пошли вон.

Меня не слушали. Им бы пожрать...

Устало вздыхаю и бреду дальше, я, кстати, свечку взяла на этот раз. Умная стала, аж жуть. Спички ща достану... во-от.

Теперь странная полудохлая ведьма бродит по кладбищу с зажженной свечкой и ищет желтую травку. Все правильно, так и должно быть. Это ж я. И мое гениальное невезение.

02:13

Все... достало. Сажусь на оградку и пытаюсь хоть немного прийти в себя, дыхание вырывается из груди со свистом. В трясущейся руке горит зажженная свечка.

Зомби стоят за оградой и внимательно наблюдают. Прядь мага... я съела. Н-да, а что? Видели бы вы их рожи. И если со своим феноменальным «везением» я опять ее потеряю, мне точно хана. Так что съела. Я бы еще и не то съела, лишь бы не бояться. Кстати... едва не стошнило. Волосы глотать удовольствие то еще, особенно если запить нечем... Хорошо, аппендицит удалили.

Ладно, проехали.

Уныло оглядываюсь, чуть не плача. Ну и где? Желтенькая... Я ее ни в жисть не найду.

Маг, чувствуется, тут меня и найдет... где-нибудь через месяц... буду лежать, прижав к груди какой-нибудь крестик... синяя, страшная, с мукой на лице.

Интересно... воскресит? Ага, и буду я ходить, завывая по ночам и постоянно роняя свою монетку. Буду подбирать и ронять, подбирать и ронять...

— Я сам!

— Ты уже все сам сделал. И где она может быть?!

— О. Мертвые.

— Не обращай внимания. Вон кто-то сидит. Они явно ждут, когда помрет. Судя по позе... довольно скоро.

— А они нас не укусят?

— Они мертвых не кусают. А мы с тобой не совсем живые.

— Думаешь, они об этом знают?

— Не знаю...

— Хм... ну тогда ла-адно. А как мы ее найдем?

— Не знаю, меня твоя монета, если честно, уже задолбала. Она ж неразменная! Какого хрена ты ее потерял? Чего тогда она не вернулась?

— Глупый. Если ею заплатить — она вернется. Но я-то не заплатил. — Тяжелое сопение. — Смотри-ка, а это ж вроде та ведьма.

— Не смотри на умирающих — дурной знак.

— Она шевелится. Средний палец зачем-то показывает. Тебе, кажется.

— Мало ли что она показывает. Ну поколдует и отойдет... в мир иной.

— Хм. А больно не будет? О, перестала показывать. Плачет.

— Слушай, либо мы ищем твою монету, либо всю ночь бегаем с этой ведьмой, придавая ей физических и моральных сил для ускорения! Я, кстати, помогать не буду. Вот сам с ней и бегай.

— Гм.

— Вот, давай ищи.

— Ребя-а-га.

— О, нас зовет! Ну Арчи...

— Нет.

Сижу, хлюпаю носом, смотрю на детей. Монету ищут, кажется. Что ж делать... я эту траву сама никогда не найду. А домой возвращаться — один фиг сдохну. Да и... съесть-то я волосы мага съела, а вдруг они переварятся? Гадость, конечно, но мне тогда точно хана. Думай, Сиггун, думай. Бабушка всегда говорила, что у меня светлая голова, а если мне что надо — не кочан капусты.

— Ребят... вам ведь монета нужна.

Две мордашки тут же повернулись ко мне. У того, что поменьше, заблестели глазки.

— А у тебя еще одна есть?

— Нет. Но вот у них — до фи́га. Каждый во рту носит.

Зомби изучали указывающий на них палец, размышляя: это приглашение его откусить или просто руками машу?

— Хм... у каждого, говоришь. — Арчи поднялся, заинтересованно оглядываясь. Проводить всю ночь на кладбище в поисках грязной монетки, которую и днем-то фиг сыщешь, ему тоже совсем не улыбалось.

— У каждого, говоришь?

— Ага. Они без этих монет не ходят. Берегут их... все в рот пихают. Или в живот запихивают. Только просто так они их вам не отдадут.

— А кто их будет спрашивать? — сощурился молодой вампир и засучил рукава. — Я и не таких уделывал.

Радостно наблюдаю, как паренек рванул к мертвецам, сжав руки в кулаки... и тут же их разжав... Только теперь на конце каждого пальца блестело по когтю.

— Зацарапает? — удивилась я.

— Не. Когти волшебные. — Рядом на оградку забирался мелкий вампиреныш, пыхтя и пытаясь устроиться поудобнее.

Помогаю, подтягивая его за шкурку. Мне кивнули и довольно уселись.

— Вот увидишь, щас он их ка-ак... он однажды с почти здоровым оборотнем дрался. И выжил!

— Оборотень?

— Не, Арчи. Он очень сильный.

— А.

Сидим, смотрим... наблюдаем. Раздаются вопли, визг, мат и рев молодого вампира. Мертвые двигаются молча, изредка перерываясь и пытаясь схватить верткую добычу.

— А неплохо у него получается, неплохо... для пацана.

Мелкий промолчал, внимательно наблюдая за... другом, наверное. Не знаю.

— Он тебе кто?

— Кто? Арчи? Ну... он за мной присматривает. Так как его кровь чистая только наполовину. Вот.

— Ага.

— Он сильный. Но я буду сильнее.

— Ну да.

— Смотри, смотри! Как он ему глаз выбил!

Сумрачно наблюдаю, как парень зверски расцарапывает мертвецов. Кто-то что-то говорил о магии? Я пока вижу только когти. Может, я чего не понимаю? Но вот зомби, к примеру, уже звереют.

— У него под когтями яд?

— Нет. Зачем? Они и так убойные.

— Ага. А что за магия тогда?

— А?

— Ну ты говорил, что в когтях у него магия.

— Магия силы воли! Высшая магия. Еще немного духа самурая, — улыбнулся малец и довольно засопел.

Изучаю самурая под новым углом. Под углом... дебилизма, что ли. Получилось любопытно. Это чего... он бьет их силой духа? Маг их морально не сломил за десять лет своим характером, а этот решил выстоять за счет силы духа? Н-да-а... парень идиот.

— Хана твоему Арчи. Ладно, я поползу траву собирать.

— Опять? Ты ж набрала вроде.

— Оказалась не та. Нужна желтая, а я набрала бурой.

Грустно смотрю на догоревший огарок свечи, который до этого мяла в пальцах. Достая из кармана вторую, хмуро поджигаю фитиль. Или чего это у нее?

— Ой. Его ударил. Вон тот ударил! И пнули. Арчи!

Ловлю мальчика за шкирку, не отвлекаясь от свечки. То, что пареньку хана, — было понятно сразу. Не хрен с силой воли лезть на реальную нежить. Еще и голодную. Даже если ты вампир.

— Арчи!

Паренек рванул так, что я рухнула на землю и даже немного по ней пробороздила носом.

Правда, он тоже упал.

— Стой. — Плююсь, шиплю. И вообще... где свечка?! Как я без свечки траву искать-то буду! Блин. И дался мне этот мелкий — пусть бы бежал и погибал вместе с братцем. Вдвоем оно всегда веселее.

— Пусти!

Отпускаю. Мне уже плевать. Это неправильный мир с неправильными людьми и неправильными мертвецами. Сажусь, наблюдая за тем, как ребенок бежит к брату. Очень хочется плюнуть вслед. Идиоты. Что один, что другой.

Где моя свечка?

02:56

Не поверите, я в гуще событий. Вытаскиваю из свалки дергающихся тел обоих вампирят. Причем мелкий брыкается, решив, что я его от друга забираю, а старший не подает признаков жизни.

Зомби все еще от меня шарахаются, но уже доведены до точки кипения. Как оказалось, она есть даже у мертвых.

Получив по уху, в живот и под ребра — чувствую себя как никогда здоровой, злой и бодрой. У меня, оказывается, еще куча сил. Рывком вытягиваю обоих и оттаскиваю от мертвых, пытающихся встать на склизкой мокрой земле.

Блин, они сюда ползут. И их от меня уже не так шарахает. Так оголодали? Или малыш их реально довел?

Вот была бы умной — встала бы и отошла. Но я, кажется, дура. Заслоняю детей своим не сильно внушительным телом и ору что есть силы... Надеюсь, запах волос мага из моего рта они почувствуют... Ну пожалуйста. Ну пожа-а...

Все. Достало. Ща организую пульсар и урою тут всех и вся. Сдохну, правда, от истощения... ну и плевать.

Как же задолбало... все.

Ведьма стояла перед группой вампиров, что-то шепча и проводя одной рукой над другой. Воздух между пальцами потрескивал. Иногда мелькали небольшие разряды, коловшие пальцы. Глаза ее стали абсолютно черными, без белков. Бледная и сгорбленная, она держалась только лишь усилием воли, пока за ее спиной вампиреныш лет пяти плакал над телом подростка, не подававшего признаков жизни. Оттащить он его не мог, как ни пытался. Его тоже покусали, и действовала только правая рука. Собственно, поэтому ведьма и вмешалась. Он заорал. А когда орут пятилетние дети...

Ведьма закрыла глаза, усмехнулась и что-то шепнула. Мертвые шли на нее, вытянув руки и скуля от голода.

Мимо мелькнула тень, врезалась в толпу, как раз когда первый из группы сжал пальцы на шее девушки. И... мертвые рассыпались в разные стороны, словно их разнесло взрывом. Падая и вереща, они кое-как вставали на четвереньки и уползали кто куда. Ведьма открыла глаза, моргнув и ничего не понимая. Но уже через пять секунд после того, как она решила умереть, нежить уматывала по кладбищу от чего-то, что напугало их едва ли не сильнее самого некроманта.

— Стой, где стоишь, и деактивируй заклинание.

Ведьма обернулась и посмотрела на парня. Когда и откуда он взялся... Словно всегда тут и стоял.

Высокий, смуглый, с белыми волосами и бирюзового цвета глазами... он стоял напротив,

засунув руки в карманы куртки и глядя прямо в ее глаза. И этот взгляд ей не нравился... настолько холодный и озлобленный, словно она только что совершила последнюю ошибку в своей жизни.

— Я... спасала ребят, — шепнула она, разводя руками.

Молнии вспыхнули и с треском погасли, так и не сформировав пульсар. Впрочем, у нее он и раньше не очень-то получался.

— Потому ты еще жива.

Старший паренек завозился и с трудом сел. Зареванный мелкий прижимался к нему худеньким тельцем и орал, что он больше так не будет.

— Арчибальд, ты как? — Холодный голос резал слух, мешая думать. Девушка поморщилась и отвела взгляд, сил смотреть в его глаза у нее не было.

— Нормально... рука только... и... нога.

— Понятно. Дома с тобой поговорит отец. Вряд ли ты теперь сможешь сопровождать господина.

— Не надо, это все я!.. Я монету искал, Владлен!

Вампир повернул голову и посмотрел на принца, тот всхлипнул, зажав себе руками рот. Ведьма мрачно подумала, что она здесь не одна такая, кто не может выдержать этот взгляд.

И все же... вампир был просто невысказанно красив. Он не производил впечатления слабака. Крепкий, сильный... двигался, словно за спиной были крылья. Воздух расходился слоями перед ним, пропуская это чудо. Она невольно залюбовалась... Уши чуть острые, из-под верхней губы виднеются кончики белоснежных клыков. И глаза... эта бирюза способна было сводить с ума. Если хотела.

Он снова посмотрел на нее. Она попыталась выдержать взгляд, но не сумела и отвела глаза.

— Принц укусил тебя. За что?

— Откуда...

— Почуял. За что?

— Она меня испугала! Но потом вытащила из могилы, куда... я сам упал, — подал голос ребенок.

В этот раз он говорил тихо, без истерик и явно очень старался себя контролировать. Вампир кивнул и прошел мимо. Девушку обдала волна воздуха, а вампир уже наклонился, чтобы поднять на руки ребенка.

— Арчибальд, пойдешь сам.

— Хорошо. — Паренек попытался встать, но, стиснув зубы, рухнул обратно, едва слышно застонав.

Владлен даже не обернулся, продолжая идти обратно к лесу, неся на руках мелкого, который

не решался даже пискнуть что-то об Арчи. И так тому влетит. И так придется очень постараться, чтобы их не разлучили. А Владлен на нервах... его сейчас трогать опасно — начнет убивать. Хотя бы и ту же самую ведьму.

Он видел, как бьется жилка на виске молодого вампира. Он в ярости. Что пришлось его искать.

Принц зажмурился и промолчал. Там осталась ведьма. Ведьма почему-то оказалась доброй. Она поможет Арчи. По крайней мере, он в это верил.

— Прости меня, Владлен. Это все я, — тихо прошептал он.

Вампир не ответил, а вскоре мимо засвистел воздух и замелькали ветви деревьев. Прижимая к груди свою ношу, вампир с бешеной скоростью скользил между деревьев, отталкиваясь ногами от веток и глядя только вперед.

Стою, смотрю им вслед и пытаюсь перестать дрожать. Ни хрена себе энергетика смерти, маг рядом с ним — пушистый котенок с претензиями.

Я... хочу еще раз его увидеть. Но чтобы он смотрел на меня как на равную. Без презрения. Очень хочу.

— Не сможешь встать?

Оглядываюсь на парня и молча протягиваю ему руку.

— Молодец, что не растерялась перед Владленом. Убил бы, если б побежала или стала лебезить. Он у нас... ладно, неважно.

— А кто он?

— Ну брат принца, кто ж еще, старший. Чистокровный вампир.

— Будущий король? — задумчиво.

Парень усмехнулся и попытался допрыгать на одной ноге до ограды. Но по дороге не удержал равновесия и все-таки рухнул в грязь. Подхожу, помогая подняться. Едва дышит от боли, на глазах слезы.

— Давай руку.

— Я сам.

Пожимаю плечами и отхожу. Мне тоже несладко. Только что поняла, что я тут вроде как помирать от бессилия собиралась. Да-а... высокие дозы адреналина порой творят чудеса.

— Мне еще повезло, что Арчи заступился. Он за брата убьет как нечего делать. У-у-у. Нога.

Сажусь на оградку, жду, когда туда же сядет он.

— Все так плохо?

— Да не бери в голову. Уф. Уже затягивается вроде.

Изучаю его раны, присвистывая от удивления. Реально затягиваются прямо на глазах. Медленно только, но за час затянутся точно.

— А ты чего здесь опять бродишь? Понравилось? — Парень хихикнул, пытаюсь съюморить.

— Не меньше, чем тебе.

Улыбка погасла, он отвернулся.

— Трава нужна. Магу. Вот и брожу.

— Какому магу?

— Неважно.

— Хм... а какая? Ее вроде тут много. Ну не то чтобы очень, но хватает, на мой взгляд.

— Мне желтая трава нужна.

— Жженая?

— Желтая!

— Желтая кладбищенская трава называется «жженой», — терпеливо объяснил подросток.

— Н-да. Может, ты еще и знаешь, где она растет?

— Конечно. Только в могилах, причем очень старых, из которых мертвецы уже вылупились, там остались останки их душ, вот они траву и отравляют, делая ее желтой.

Молча на него смотрю, вспоминая, как еще совсем недавно барахталась в воде на дне одной из ям и целыми клочьями рвала эту дурацкую траву... с грязью, камнями и остатками досок от гробов.

— Что ты сказал?

— Я говорю...

Но я уже лезу в ближайшую могилу, напряженно вглядываясь в светлеющий горизонт и понимая, что могу и не успеть.

— Эй, ты куда?

Плюх. Стою по колени в воде, наклоняюсь и судорожно вожу руками по дну. Есть! Пучок один есть. Дергаю его с такой силой, что едва сама не падаю следом. В руках остаются комья грязной травы вперемешку с глиной и еще какой-то мутью. Внимательно ее изучаю, щуря глаза и пытаюсь хоть что-то разглядеть. Нужен свет.

— Арчи, ты еще там?

— Тут, куда я денусь... с такими-то ногами.

— Посвети!

— Чего?

— Посвети мне, не могу цвет разглядеть.

— Вампир — ведьма? Круто. А ты в курсе, что мы кровные враги? Ты не смотри, что тебя Владлен пожалел. Просто не хотел добивать ведьму рядом с раненым братом. Мало ли что ты могла выкинуть напоследок. У вас, у ведьм, на случай смерти такие заклинания припасены... одна аж полгорода снесла, когда ее телегой задавило.

— Арчи, либо ты мне посветишь, либо я тут сдохну, и разнесет не то что город...

Над краем могилы свесились, держа в руках свечку и спички.

Это он все то время, пока болтал, полз сюда? Какой умница. Радостно на него смотрю.

— Ща. Как это зажигается-то?

Свечку с грехом пополам зажгли, траву рассмотрели. Бурая.

Ищу дальше, вырывая все, что найду, с корнем и запихивая в карманы. Свечку Арчи уронил... Ага, я еще и без света осталась. Потом уполз искать бревно, чтобы меня вытащить. Понятно, что сама я теперь выбраться не могла точно.

Сижу, вожу окоченевшими руками в воде, скользя обломками ногтей по грязи и погружая в нее пальцы. Гадость... Тут же кто-то лежал... гнил... Гадость.

Между пальцев скользнуло что-то холодное и тонкое. Взвизгнув, вырвала руку из воды и рухнула на пятую точку, тяжело дыша и пытаюсь перестать махать рукой. К ней словно что-то прилипло. Приглядевшись, поняла, что это что-то неживое, более того — металлическое.

— Ты там как? Я ща, почти нашел нужную палку.

— Нормально!

— Ага, а чего орала?

Не отвечаю, внимательно разглядывая странного вида кулон на цепочке. Выглядит как четырехлистный клевер, с каким-то кристаллом в центре. Симпатичный... мелкий. И, судя по всему, очень дорогой. Пролежав столько времени в могиле, остаться белоснежным — это надо уметь. Надеваю цепочку на шею и кое-как встаю на ноги. Клевер холодной льдинкой скользнул по коже, словно так и надо. Почему-то мне показалось это... очень правильным. Или просто мозги уже едут.

— Эй. Ну ты чего. Нашла траву? Я вот еще в соседней могиле нарвал. Вроде желтая.

Поднимаю голову и изучаю откровенно желтую, даже ярко-лимонную траву, которую эта зараза сжимает в руке. Вспоминаю, что маг говорил мне вслед: «И сорвать ту траву должна только ведьма. А иначе не подействует. Так что не вздумай ловить случайных прохожих и заставлять их вкалывать, поняла? А то я тебя знаю, даже ночью на кладбище наверняка кого-нибудь да встретишь».

Кое-как вылезаю из могилы, бреду к той, которую указал вампир, падаю внутрь и из последних сил срываю пучки мокрой, склизкой неподатливой травы.

Дальше... Я не помню толком, что было дальше.

Кажется, паренек меня вытащил. Матерясь и ругаясь, но вытащил. Потом, перекинув мою руку через плечо, довел до дома, поднял на чердак и сдал с рук на руки удивленному некроманту. Рядом с мой телом, почившим в уютных объятиях кресла, бросил на пол грязные пучки желтой травы. Сказал, что сорвала лично я, он просто донес. И смылся, чуть прихрамывая и послав напоследок мага в задницу. Тот опять с претензиями полез: какого хрена он его ведьму без него так уделал. Ну паренек сорвался. Ему тоже было не очень хорошо.

— Так... ну как я и предполагал, попутчика ты себе отыскала.

Лежу, не подавая признаков жизни и чувствуя, что даже сердце толком биться отказывается. Слишком много это требует сил.

— А зелье я варить должен? Хорошо лежать, давай вставай и тащи котел.

Нет, ну на то, чтобы показать ему два средних пальца, меня хватило. Маг с безразличием их изучил.

— Какой-то защитный знак?

Хрипло смеюсь и киваю.

— На меня не подействует, не забывай, я некромант.

— Иди в задницу.

— Опять?! Твой вампир меня туда послал, теперь ты. Обнаглели вконец, да?

Я сейчас отрубаясь. Так. А почему я лежу в кресле, а он на моей кровати? Еще и указывает. Пытаюсь подтянуть ноги к подбородку и укрываюсь сваленным рядом огромным пледом. Им раньше, кажется, рояль накрывали. Вот и супер. А то я вся мокрая и замерзшая. Авось... есть шанс согреться. Ну хоть немножко.

— Сиггун!

— Отвали.

— А если ночью зомби заявятся? Твой неземной принц подросткового возраста даже дверь за собой не закрыл.

— Отобьешься.

— Они меня не тронут, не забывай, я их хозяин.

— Отвали.

Маг тяжело дышал, понимая, что на провокации я не поддамся и его вредному характеру потакать не буду.

— Да я бы тебя не трогал, как ты не понимаешь, но ведь реально тебя утром сожрут!

— Отрежешь прядь волос и бросишь на меня... ежели дорога... и если хочешь, чтобы завтра сварила зелье, — хрипло сообщаю я очень и очень безразличным тоном.

— Опять? Не успел я воскреснуть, как уже все волосы...

Дальше я уснула. Мне было плевать на его бурчание, претензии, вопли и советы... Я спала. Организм был доволен, ему стало наплевать и на холод, и на боль, и даже на то, что я лежала в скрюченной ненормальной позе. Главное, что не двигалась, и главное, что лежала. Остальное мелочи, и о них можно будет подумать завтра.

— Вот ведь... и на что она мне. — Маг вздохнул и повернулся к окну, на котором стоял эльф и внимательно разглядывал ведьму. — Все собрал для ритуала?

— Почти...

— Хм... может, передумаешь? Она вряд ли обрадуется снова стать эльфийкой. Тараканом, к примеру, ей не понравилось. Хотя я в свое время...

— Ей понравится! Ведь я буду рядом.

Маг хмыкнул и попробовал встать с кровати, выходило с трудом... ноги все еще не держали и подгибались, сердце ухало в груди как ненормальное, а перед глазами шли кровавые круги.

— Эй, ты как?

— С каких это пор тебя волнует мое самочувствие? — тяжело дыша и вцепившись рукой в столбик кровати.

— С тех самых, как по двору ходят мертвецы без намордников, а моя девушка пока не может от них улететь.

Маг только вздохнул, не слушая больше излияния эльфа. Тот, конечно, умный малый. Недаром получился из крови иномирянки, но все равно дурачок тот еще. Ему кажется, что все проблемы решаются одним махом и огромным желанием. Ничего подобного. Проблемы... это проблемы.

Маг вздохнул и лег, аккуратно укладывая свое новое тело обратно на подушки. Смотрел он при этом на ведьму. Бледно-синяя, с темными кругами под глазами, она производила впечатление тяжелобольного человека, которого еще и вывалили в грязи. С концов волос на грязный пол стекали мелкие капли, оставляя коричневые разводы около накиданных кучек желтой травы. Маг усмехнулся и сощурился. Он не сказал ей, что мертвецы по-любому ее не тронули бы. Наложил он на нее одно заклинание... Только если сильно оголодают и потеряют всякий страх, вот тогда могут накинуться, но она вроде на рожон лезть не любит, скорее уж — рожон на нее. Ладно.

Закрыв глаза и переведя дух, маг тоже решил поспать. Сон для него сейчас был самым лучшим лекарством. А завтра снова трудный день. Надо будет послать ее за ингредиентами для себя любимого, попытаться научиться хотя бы ходить и организовать мертвецов для разборки завалов. Н-да... и в город ее послать. Обязательно. Ибо еды в доме — ни шиша. А есть хотелось страшно. Прямо-таки зверски. Даже та колбаса была ничего... если не обращать внимания на мелкие недостатки. Н-да.

Четверник

Время — интересная субстанция. И я ни за что не поверю, что постоянная. Оно то сжимается до невозможности, и часы проскакивают за минуты, то, напротив, растянется так, что каждая секунда будет бить по нервам острыми гранями.

Я не верю в то, что для всех оно одинаково. Видела людей, одновременно живших в разных временных смещениях. Бледно-синий человек стоял в больнице, не шевелясь, и ждал, когда закончится операция. Всего за час у него под глазами появились темные круги, он осунулся, словно уже сутки здесь находится. И для него именно так и было, он здесь давно... с тех пор, как меня забрали.

А рядом сидела девчужка. Веселая, смешливая. Она читала какую-то книжку и перелистывала страницы с невероятной скоростью. Я не думаю, что она быстро читала. Скорее, просто время сжималось вокруг нее, не давая отвлечься и подгоняя дочитать интересный момент... Где была я? За дверью. В операционной. Именно меня ждал тот парень. Кстати, не дождался. По ошибке ему сказали, что я почила с миром, перепутав родственников. Тогда две девчонки, одновременно угодив в аварию, попали в больницу... н-да.

Что с ним стало? Уехал. Сел и уехал. Очень быстро и очень далеко. Так как находился за рулем без прав, в пьяном виде и с наркотой в кармане...

Хорошо хоть сразу не удрал. Утешаю себя тем, что он переживал за меня. И в канаве не бросил опять же... Хотя никто бы не хватился.

— Ты спишь?

Опять маг. Вот лежит человек, думает о высоком. Нет, лезет. Небось придумал для меня дела на день, на ночь и еще на десять последующих лет моей крайне несчастной жизни.

— Сиггу-ун, — ласково, — ты спишь, котенок?

У меня аж правый глаз открылся. Это он сейчас кому?

— О, не спишь. Отлично. Слушай, а ты... помыться не хочешь? Мне сейчас зомби ванну принесут.

Сажусь, ойкаю и падаю обратно. За ночь мышцы свело так, что проще всю жизнь ходить скрюченной, чем взять и разогнуться.

Из штанины посыпался засохший ил пополам с песком и землей. Гадость какая... И все так чешется, особенно шея, спина и правое ухо.

— Смотрю, хочешь, тогда давай дуй на кухню, набирай воды и...

Короче, мне дали три часа на помывку. Я от удивления даже не стала толком спорить. Мыться хотелось до зубовного скрежета. Еще очень хотелось есть, но тут уж ничего не попишешь — кладовочка пустая. Всё сожрали, гады, и куда только влезает?

Иду на кухню, на шее болтается очередная прядь волос слегка полысевшего теперь мага, мертвые как раз тащат наверх ванну, поскальзываясь на ступенях и едва не падая.

Прижалась к стене, пропустила, они при этом на меня так жадно косились, что я почувствовала себя куском ростбифа на веревочке. Вкусный, но висит больно высоко. Зачем-то похихикала.

11:03

Ношу ведра с водой, развожу огонь, грею воду, тягая ведра наверх, заливаю в ванну.

Некромант благостно за всем наблюдает, делая вид, что не может пошевелить даже носом. А кто три минуты назад справлял нужду из окна? Я все видела.

11:34

И раз. И два. И три... Это не ступеньки, это катастрофа. Как меня достало тягать ведра! Просила мага заставить зомбиков кроме ванны еще и воду поносить. Маг сказал, что это очень сложно. Надо объяснять, как набирать воду, как пользоваться ведром... Да и вообще, у него вся магия на эту ванну ушла, так что я должна радоваться, а не претензии выставлять.

— Кстати, на помывку я даю тебе три часа. Не больше! А то знаю я вас, девушек, как залезете — фиг выковырнешь.

Я психанула и бросила в него ведром, полупустым, кстати. Я, когда психую, особо не разбираюсь, что там у меня в руках.

Ну, мокрый маг с перекошенным окровавленным лицом тоже очень емко послал меня куда подальше. Точнее, проорал. И пообещал непременно изувечить, едва сможет встать. К копытам добавит щупальца вместо рук.

Вздыхаю и иду за очередным ведром. Он сейчас что угодно наобещает. А потом сам будет переживать: как я этими щупальцами готовить стану.

12:32

Я уже не хочу мыться. Последние ведра, которые я затащила на чердак, упали вместе со мной на пороге. Споткнулась. Вода залила все, и меня в том числе. Мой вопль убедил мага в том, что я жива. А то он даже на секундочку волноваться начал: приподнялся, душевно так спросил, не померла ли.

Не померла.

Иду вниз. Ванна наполнена только наполовину. Надо согреть еще два ведра. И можно лезть.

12:42

Пока поднималась по лестнице, слышался странный плеск и стон... Задумчиво смотрю наверх, вся в тяжелых сомнениях. Да не, не может быть. Он и шевелился-то с трудом...

Бросаю ведра, несусь по ступеням, аки спринтер.

А на пороге меня встретила счастливая широкая улыбка мага, голышом лежащего в МОЕЙ ванне и активно намыливавшего себе подмышки. Застываю, открывая и закрывая рот и... просто не зная, что сказать.

— Я подумал, если скажу, что ванна для меня, ты так стараться не будешь, — смутился некромант, потирая подмышки, — но ты не переживай. Вот я домоюсь, и сможешь лезть ты! Тем более ты такая грязная, что тебе уже неважно, какая тут вода.

Сжимаю зубы, оглядываюсь по сторонам и едва не вою от бессилия.

В ногу что-то ткнулось.

— Привет, — сказал горшок.

— Отлично, — зверски улыбнулась я.

После чего взяла горшок, подошла к выпучившему глаза магу и уделала его! До бессознательного состояния. Получая небывалое наслаждение от каждого удара. Сёма орал что-то вроде: «Да!!!»

Сидим с горшком на кровати, смотрим, как маг плавает на поверхности воды... частично. Частично затонул. А он и впрямь худой. Кожа да кости. И лысоват. Короче, не мужчина — мечта... бультерьера. Сплошной суповой набор.

14:54

Стою на карачках, мою полы. Маг домылся и лежит на чистой постели со свежими простынями, одеялом, матрасом и подушками. Ничего не воняет, все хорошо пахнет. У окна стоит новое кресло из его бывших покоев, рядом диванчик из библиотеки. Я сначала мага хотела сбегрить на диванчик, но он такой худой, и его реально трясет от слабости... Ладно, что я, зверь, что ли? Пущай лежит.

Есть! Стелю ковер, пока мертвецы таскают мне ведра с горячей водой и аккуратно ставят их на порог спальни, не заходя.

— А как ты их подчинила?

Что, любопытство пересилило страшную обиду? Пол-лица опухло, двух зубов нет, а все туда же — скажи да покажи.

— Секрет, — мрачно, стоя к нему задом и домывая пяточок грязи. Вода в ведре даже не бурая, а черная. Н-да... пока мыла, едва сама не сдохла.

— А ты мыться будешь?

Он когда-нибудь затыкается? Ну хоть притих. Понял, какое грозное оружие — гнутый ночной горшок. Тот, кстати, лежит на подоконнике, не подавая признаков жизни. Я ему тоже устроила сотрясение... всего, что было.

— Буду.

— Ага.

Притих. Напряженно оглядываюсь, ловя странный взгляд, изучающий мою пятую точку, которой я только что неслабо виляла, домывая пол.

— Та-ак...

Пока распрямлялась, на лице мага промелькнули ужас, гнев и обреченность. А что он может без магии и без сил? Ни хрена. Вот и я о том же.

— Я не смотрел! — с отчаянием.

Беру горшок с подоконника, задумчиво им помахиваю.

— И не будешь, понял?

Маг зажмурился. Прикольный он, когда беспомощный. Вот бы он таким постоянно был. Авось я бы жить начала по-человечески.

Ладно, ванна. Пора и впрямь помыться, ибо самым грязным элементом в этой комнате была я.

Мага я накрыла одеялом и предупредила, что убью, ежели выглянет. Мне приглушенно пообещали не выглядывать и убедительно добавили, что на такое и смотреть-то не хочется.

Поражаюсь его храбрости, сжимая в руке гнутый горшок. Некромант тут же исправился:

— То есть хочется, но ты грязная. Вот будешь чистая — может, и погляжу.

Хмуро изучаю шевелящийся белый холмик на кровати. Юморист фигов.

Ладно, что-то я перенервничала. Ванна. Да, это то, что мне нужно.

15:34

Ка-айф... ммм...

Лежу, откинувшись назад и пытаюсь не стонать от удовольствия. Я уже второй раз ее наполнила. Первый вариант вынесли зомби, слив ее на улице и принеся обратно. Ведра они таскали постоянно. Как я их заставила? Да просто. Эльф притащил мне какое-то заклинание и попросил пока попользоваться им. Для самозащиты. А он полетел за каким-то там ингредиентом в какие-то там леса. Ну я не возражала. Прочла заклинание, и меня теперь слушаются, как родную маму. Оглядываюсь по сторонам, намыливая почти чистую после пятого споласкивания голову и улыбаясь во весь рот.

На кровати под одеялом видны два напряженных глаза, мерцающих в темноте. Удивленно в них смотрю, забыв опустить руки. Э-э... это чего такое? Одеяло мягко опустилось и застыло. Медленно поднимаюсь, нащупывая горшок на полу.

— Ла-анс, — мягко и очень ласково.

— Да? — из-под одеяла.

— Ты что, подглядывал?

— Не-эт, — с максимальной убедительностью и натужным смешком.

Переступаю через край ванны и шлепаю прямо к нему. Мои шлепки приближаются, как цунами к берегу океана.

— Я ничего не видел! Только пупок!

Застываю и чувствую, как краснею. Там даже пупок был виден? Я ж сидела.

— А выше ни-ни! — убеждало одеяло, дергаясь и нервничая все сильнее. — Да и зачем мне смотреть на твою маленькую грудь? Я такую на своем веку ви-и...

Он нарвался. Ну честно. Надеваю халат, зову мертвецов, и те, собрав одеяло в охапку, перенесли вопящий злобный сверток на диванчик.

Из него тут же показалась встрепанная мокрая голова с красным лицом и горящими глазами.

— Я тебе не кто-нибудь, а некромант! И это мои зомби!

— Еще один звук — и ночуешь с ними на улице! — рывкнула я, снова забираясь в ванну. — И накройся!

Маг зарычал и накрылся. Я же сняла халатик и плюхнулась обратно. Надо было смыть мыло и все-таки домыться.

16:12

Сижу на кровати, ванны нет. В комнате чисто, уютно... на окне — занавесочки в горошек.

Ланс (это я его решила так про себя называть) сидит на диване и все еще дуется, завернувшись в одеяло с головой. Говорит, что ему холодно.

— Я есть хочу.

— Вот и иди, сгоняй в город и раздобудь что-нибудь поесть.

— Не. Я тут не ориентируюсь. Меня любой прибьет... наверное.

Ланс вздохнул:

— Я до завтра без еды не доживу.

— Что будем делать?

17:32

Лучше бы я не спрашивала.

Одетый маг, в платочке, стоит на лестнице. (Сказал, что боится застудить голову — только воскрес и сразу помылся, а иммунитета-то никакого.) Его слегка покачивает, и вообще он еле стоит.

Я поднимаюсь, приготовив все для нашего торжественного выезда в город. Скелеты коней, найденные ржущими в конюшнях, дали впрячь себя в старую, истерзанную временем карету только с десятой попытки. И то только за счет того, что их держали мертвецы... сразу все. И

толкали в нужном направлении.

— Помоги, а.

На меня смотрят самые несчастные глаза в мире, гордые, но несчастные. Еще и этот платочек... Он в нем неотразим.

Подхожу и подставляю плечо, на которое радостно наваливаются всем телом.

— Тебе точно обязательно ехать? Может, я сама?

— Сама ж говорила, что тебя любой зашибет. Гном, к примеру, точно. Про тролля и подумать страшно. А ты еще и говорить не умеешь... несешь неуважительную околесицу.

Фыркаю и тащу его вниз. Маг еле успевает переставлять ноги, едва не падая.

— А ты типа меня защитишь?

— Меня тут каждая собака знает. Они ж не в курсе, что я без сил, да и в карманах кой чего есть... скляночки. Так что пробьемся.

Киваю и больше не спорю. Во-первых, он тяжелый, а во-вторых, и не хочется.

17:41

Сидим в карете. Я на козлах. Крыши нет, стены у кареты покоцанные... Н-да, зато я вижу мага, маг — меня.

Сказал: «Трогай!»

Ну, я и хлестнула по «лошадям» поводьями. Маг крикнул: «Что ты делаешь?!» Но нас уже несло с немислимой скоростью, швыряя на ухабах. Окружающее слилось в сплошное размытое пятно.

18:10

Доехали.

Меня стошнило. Маг лежит на дне кареты, постанывая и утверждая, что я его убила.

— Достань меня!

Ага. Щас. Самой бы встать. Где мы?

О, ворота. Стена. Две бледные рожи с усами. Вымученно улыбаюсь и делаю им ручкой. На меня не смотрят, смотрят на наших лошадок, то и дело встающих на дыбы.

— Это город? — булькнула я.

— Да, а ты...

— Моя ученица! — прорыдали из кареты. — Некромант я, не признали?

Парни тут же вытянулись в струнку и рванули отпирать ворота. Вот это я понимаю, сервис и уважение... мне бы так.

С ужасом смотрю на покосившиеся козлы. Последние километра два я на них висела, вцепившись руками и правой ногой. Поводья мы где-то потеряли... А, вот они. Я туда уже не хочу.

— Мы едем или нет? — Закачалась карета. Кажется, маг пытался сесть.

— Нет. Лично я — иду.

Поднимаю поводья, тяну за собой мотающие головой скелеты в город. Надеюсь... надеюсь, все будет нормально. Я впервые в незнакомом городе. Правда, уже не утро. Но все равно. Мало ли что там.

18:32

Там улицы. Грязные, вонючие. Нечистоты, стекающие по придорожным желобам в реку, и грязные волосатые личности, бредущие по своим делам. Бабы одеты без изысков: — серая юбка, простая кофта — суровый вид приличной женщины.

Разок, правда, мимо проскакало что-то воздушно-розоватое, но я рассмотреть не успела: баба это или мужик.

Прохожу сейчас мимо огромного кряжистого великана. Я ему как раз по пояс буду. А вроде не мелкая. На меня смотрят чуть туповато, поправляя на голове железный шлем и пережевывая что-то черное. Или это зубы? Неважно.

Опускаю голову, натягиваю сильнее капюшон и пытаюсь быть как можно незаметнее.

Где у них тут трактир?

Маг высунулся. Ткнул пальцем вбок, поправил платочек и скрылся обратно. Его, кажется, мутит. Или просто ему подурнело на свежем воздухе. Еще бы. Он стоять-то не может. А тут целое путешествие.

Послушно сворачиваю в неприметный переулок, закончившийся тупиком и вывеской с изображением разодранной курицы. Такое ощущение, что художник пытался показать, как вкусно у курицы внутри... ну там всякие органы (сердце сердечком изрядно позабавило).

— Помоги спуститься.

Оборачиваюсь и иду к дверце кареты. Она трясется, явно заклинило.

— Я не могу выбраться!

Тяну дверь на себя, упершись ногой в стенку кареты. Да, блин, ну что ж это такое?

18:44

Открыла. Маг упал на меня, не удержавшись. Сидим в грязи. Я понимаю, что зря сегодня

мылась. Маг сказал, что это ничего, сейчас нормально поедим — и домой снова мыться, благо зомби меня слушаются и еще воды натаскают.

Тоже мудро решила не нервничать, выковыривая постоянно падающего мага из грязи.

18:48

Заходим в трактир.

Все столы заняты. Народу — тьма... причем люди тут в явном меньшинстве. Изучаю стол с семью гномами плотной наружности и с жуткого вида включенными бородами. Громкий хохот над неприличным анекдотом и поедание мяса руками прочно убедили меня во мнении, что Белоснежке на редкость не повезло. Ну они там ее вроде вообще в гроб вогнали и похоронили. После того как сделали счастливой домохозяйкой в доме у семерых мужиков, которые баб не видели годами.

Бедняжка. Принц явно увез труп. Она просто не смогла очнуться.

— Мы идем или нет? Опять ты в облаках витаешь, — прошипел маг.

Поправляю его руку, перекинутую через мое плечо, и утаскиваю к единственному свободному угловому столу. Правда, на нем кто-то спал, откинувшись на стену и закрыв лицо шляпой. Но мне это сейчас глубоко параллельно.

Грязные, ободранные, усталые, ищем глазами разносчиц, ожидая, когда можно будет заказать поесть.

Маг так вообще едва ли не скулит от голода и так явно принюхивается к запахам, идущим с кухни, что это просто неприлично.

О, разносчица. Куда?!

Во зараза! Хоть бы подошла. Маг послал меня к стойке.

Я... пошла. Там сидела куча народу, и пробиться... не удалось. Докричаться тоже. Плюс меня еще и облапали по дороге, да так, что задница явно завтра покроется синяками. Вот она, суровая мужская приязнь. Здесь не говорят сопливое «нравишься», здесь бьют по заду так, что трещат кости, и грубо ржут, если орешь при этом.

— Не дают. Меня тут вообще не замечают! И как только узнали, что я баба?

— Ты на грудь себе смотрела? Я бы тоже не догадался, что мужик.

— Сам же сказал, что худосочная.

— Я соврал. Ты все-таки с горшком стояла.

Я только отмахнулась. Сидим, ждем, хмуримся. Прошел час.

19:30

— Заказывать че-нить будете? А то сидите, сидите. Че сидеть? Валите отсюда или заказывайте, это вам не дом терпимости.

Толстое наглое чмо женской наружности колыхалось прямо передо мной, слюнявя карандашик и пережевывая что-то вроде жвачки.

— Заказываем что есть? — Трясу мага.

Маг спал рядом, не выдержав нагрузки. У него еще и температура поднялась. Горячий, бредит. Говорит что-то о сосисках и колбасе...

— А че надо?

Понимаю, что начинаю заводиться. Я тут столько сидела, чтобы меня обхамили и ушли? Да, мы выглядим, как бомжи из леса. В рваной, грязной, мокрой одежде, вонючие, ибо вляпались не просто в грязь, а в особый вид навоза, когда падали из кареты, но это не повод хамить клиенту!

— Мясо надо! И салат неси. И воду!

Неприличный хохот дамы. Завороженно смотрю, как колышется огромный живот. А может, это не человек? Ну тоже какой-нибудь новый вид. Это я тут называю гномов гномами, эльфа эльфом и так далее. На самом-то деле мозг просто переводит все в нужные слова, и общаюсь я со всеми отнюдь не на русском. Н-да...

— Воды! Вода у лошадей в поилке, деточка. Вали отседа, неча место занимать.

И это чмо развернулось, задрало нос под дружный гогот окружающих и пошло обратно к барной стойке.

Сижу и смотрю ей вслед. Только что погибла моя мечта вкусно и сытно поесть. А я так хотела. Вот шла и думала, что поем. И запах мяса.

— Ммм... ну что, нам несут, да? — Маг привстал со стола и огляделся по сторонам. — Кушать скоро будем?

Красный, с температурой и очень уставший, он смотрел на меня с надеждой и пытался улыбнуться. Понимал, что слаб и зависит от моих капризов. Я же смотрела вслед удаляющемуся жирному заду и чувствовала, как в груди поднимается бешеная кипучая ненависть, кожу под рубашкой обожгло, амулет раскалился докрасна, отзываясь на мои эмоции.

В следующий момент между моих скрюченных пальцев, завывая вихрями воздуха, появился неслабый такой пульсар, сверкающий сотнями молний. Взвизгнул, вырываясь из ладоней, пролетел вперед и врезал в доски между ног бабищи так, что ударной волной ближайшие столы снесло назад вместе с посетителями, лавками и едой.

Сижу, сжав зубы, тяжело дыша и чувствуя, что меня шатает от оглушающего чувства пустоты внутри. Словно отдала все силы разом.

— Не зря я все-таки тебя учил.

Поворачиваю голову и смотрю на сидящего рядом мага. Упираясь в ладонь подбородком, он покачивался, мягко улыбался и явно пытался не упасть.

— Неплохою. Еще бы чуть выше... и от этой мадам ни хрена бы не осталось. Зато какой заход в город! Новая ученица мага, которой не подали бекон, за это она превратил в фарш разносчицу. Впечатляет. Думаю, даже король бы заинтересовался.

Слово «ученица» прошло по таверне из уст в уста. Народ смотрел на меня с благоговейным ужасом и запоздалым интересом.

Посреди, в полуметровой воронке, кверху пузом, задрав ноги, на обломках стола лежала дымящаяся разносчица, не подавая признаков жизни.

А, нет. Ногой дрыгнула. Живая, значит.

— Что угодно ценным клиентам?

— А? — Ошарашенно оглядываюсь на взявшегося непонятно откуда мужика в замызганном фартуке и с огромными усами.

— Баранина, курочка, индюшечка, картошечка, салатки. И лучшее в мире вино! Из моих личных запасов, — с пафосом изрек индивид.

Киваю. И стол тут же начинают уставлять снедью. Маг, все еще покачивающийся на своей руке, радостно за всем этим наблюдал, причмокивая от предвкушения.

— Эмм... спасибо.

Удивление мужика. Вспоминаю, что я тут страшно крутой ученик некроманта, которого обидели. Надо как-то пожестче, а то ведь денег на все это у нас точно нет.

— Пошел вон! Еще одна гнида мне тут скажет, что я неправа, — спалю всю таверну нах!

Страшный «нах» напугал всех особо. Кто-то даже шарахнулся к дверям, решив, что я уже колдую, засовывая в рот кусок курицы, обжигаясь и впиваясь зубами в мягкую плоть. Мне кланяются, клянутся, что больше никогда и ни за что, уходят.

— Ну и отлично. И пусть только попробуют содрать денег. Уроды.

Рядом чавкает маг, не отвлекаясь на минусы окружающей действительности.

21:14

Я так... ик!.. никогда еще не наедалась. Полулежу на лавке, упираясь в стену и подпирая плечом все еще спящего парня со шляпой на лице. Надо же, даже не проснулся, когда я тут пульсаром запулила.

Маг спит на столе, сжимая в руках огрызок крылышка и счастливо улыбаясь.

Оглядываюсь и подзываю мелкого пацаненка, бегающего между столами с кружками пива.

— Чего изволите, миледи?

О как. Сразу миледи. Это я вовремя пульсары метать научилась.

Договариваюсь с мальчонкой о поставках еды к нам домой. Паренек бледнеет и сомневается.

Обещаю щедрую награду в виде зелий, которые он сможет продать. Тот не растерялся и потребовал три приворотных и одно отворотное за первый месяц поставок. Плата вперед.

Соплю, но киваю. Без него мы загнемся, а к дому, полному мертвецов, мало кто вообще попрется. Еще и с едой.

Пообещала встретить его с тележкой завтра утром в условленном месте.

— И прислуга нужна — дом немножко подремонтировать. — Не кисло я приврала, да? Видел бы он дом... — Маг мертвецов построил, они теперь ручные, а на день загоняются в подвал. Есть кто на примете?

Грязную вшивую голову задумчиво почесали.

— Да есть, как не быть-то. Да только они не пойдут, ох не пойдут.

— Заплачу золотом. — Мысленно прикидываю, как буду грабить эльфа.

— По рукам! Когда приводить?

— Учти, сроки сжатые. Чтобы за месяц дворец был.

Огромные глаза перепуганного малыша. Сообразила, что шуток тут не понимают.

— Это я пошутила, понимаешь? Дворец не надо. Надо дом, хороший, добротный, с мебелью. А то мы его малость раскурочили, пока меня магии учили. У меня море сил, и я там случайно пару этажей подорвала.

Глаза еще сильнее выпучились. Мне страшно на него смотреть.

— Ладно, не психуй. Но учти: если что, иметь меня в друзьях страшно выгодно, а во врагах страшно...

— Я понял, — быстро. — Все будет, молодая госпожа.

Круто. Меня возвели из ранга миледи в более продвинутой. Я прямо чувствую, как задирается нос.

— И это, я на тебя навесила страшное заклятие... Где бы ты теперь ни был, найду в один миг. И... съем.

Перебор, он сейчас похож на человека, которого возвели на эшафот и заставили подписать собственный смертный приговор.

— Ну беги, короче.

Смылся вмиг. С сомнением смотрю вслед, искренне надеясь, что завтра он все-таки приедет.

— Вам поставщик хавки нужен?

Поднимаю глаза и смотрю на широкого кряжистого гнома с толстым носом, огромной, по самые глаза, бородой и в шлеме.

— А что? — осторожно.

— Дык... давай я, чего тебе этот малец? Не допрет много. А у меня ребята. И возьму немного.

— Сколько?

— Да пустяки. Безделицу... ну там зелье от геморроя, например... для мамы. — Со значением.

Стараюсь не улыбаться, пиная мага под столом.

— А? Что? — Голова в платочке поднялась со стола и сонно огляделась.

— У нас есть мазь от геморроя? — шепчу на ухо, дабы гном не услышал.

— До хрена. Я ею лет десять назад торговал, а потом помер... эх.

— А не испортилась?

— Такое не испортится. Ядреная вещь, — задумчиво. Осторожно устраивая голову обратно на столе.

— Ладно, мазь так мазь. По рукам.

И мы с гномом довольно пожали руки.

— Дык это... может, мы с ребятами и дом... отгрохаем? Тут у всех мамы... много чего надоть.

Пиная мага под столом.

— Все сделаю, — сообщили, не открывая глаз.

— Ну ладно, тогда завтра и приходите. Только часам к десяти. Как раз успею наших красавчиков в подвал загнать.

Гном кивнул, еще раз сжал руку и отошел.

Довольно смотрю ему вслед, улыбаясь. Кто бы мог подумать, что вот так запросто все уладится. Надо же. Неужели мне наконец-то начинает везти.

23:54

Н-да... везти...

Стоим с магом на пороге таверны. Позади нас веселье, крики и вино рекой. Маг висит на мне, его бьет жар. А кони... кони сбежали! Оставив обломки завалившейся набок кареты.

И мне как-то очень нехорошо по этому поводу.

Ветер задувает, дождь накрапывает. Задумчиво смотрю на карету... Похоже, там и заночуем. Блин, маг прямо горит весь. Что делать-то? Вдруг помрет? Ведь и впрямь только воскрес. Кто его знает, насколько он сейчас слаб. Домой надо. Срочно. А как?

Пятерница

00:17

Есть у нас конь. Один, и не шибко классный. Я с него еще и постоянно сползаю, но кое-как удерживаю мага перед собой. Трактирщик дал в обмен на золотой. Очень не хотел давать, но я, когда нервничаю, всегда злюсь. Побоялся, что и впрямь засвечу пульсаром во что-нибудь особо ценное, в него например... Так что дал. Самого облезлого и старого. Мне другого и не надо. Резвый бы без меня ускакал.

Стража выпустила, задумчиво глядя вслед. Выезжаем за городские ворота. Вокруг поля... Кромка леса вдаль, и где-то там наш домик с одной-единственной уцелевшей комнатой на чердаке. Там уютно... и ванна есть.

Тыкаю бока коня пятками, пытаюсь поторопить. Тупая скотина идет медленно, на понукания не реагирует. По-моему, для него передвигать ногами — уже подвиг. Мирового масштаба.

03:13

Мага вымыла, себя вымыла, вещи выкинула с лестницы, забираюсь рядом с ним в постель и укрываю обоих двумя одеялами. Вот черт, горячий... лихорадка, наверное. Обнимаю и кладу голову на плечо. Очень хочется, чтобы он вылез. Как я тут без него? Не смогу ведь. Точно не смогу. Я ничего и никого тут не знаю и до сих пор не могу прийти в себя от поворота в своей судьбе. В книжках я читала про попаданок, так им по жизни везло — сразу магическая сила огромная, артефакт мощный, пара-тройка принцев на белом коне, и все такие влюбленные в главную героиню, миссия — спасти мир, не меньше, хотя это мне точно не нужно. Это я про миссию спасти мир. А мне? Дом с мертвяками, ненормальный маг и размышления, что я здесь, собственно, забыла? Принцев не предвидится, магическая сила близится к нулю, домой вернуться фиговки. Эх, дом, милый дом с отвалившимися местами обоями и капающим краном, зато там тихо и уютно, нет мертвяков и мага, но есть занятная шоколадка... Домой хочу!

Амулет на груди немного нагрелся, тут же заболел недавний ожог, закрываю глаза и мысленно прошу вылечить мага. Не знаю, сработает ли. Ни антибиотиков, ничего. Ладно, ладно... спать.

08:06

Меня трясут за плечо, пытаюсь разбудить. Просят пить. Киваю, встаю, бреду в одной сорочке на кухню, беру чайник, шлепаю обратно. Все это почти не открывая глаз.

Маг попил, кивнул и отвернулся к стенке, снова засопев. Забираюсь обратно в тепло и уют, пытаюсь уснуть.

Гм, а продукты во сколько привезут? Я вчера мертвецов ведь так в подвал и не загнала... Еще свалят гномы, испугавшись, и не видать нам еды как своих ушей.

Надо вставать. Надо встать, встать, вста-а...

09:45

Вылетаю из дома, натягивая на ходу куртку и ругаясь сквозь зубы. Блин, лишь бы успеть!

09:54

Зомби загнала. Они сопротивлялись, но заклинание сильнее. На горизонте как раз показалось облако пыли, довольно скоро превратившееся в целый отряд гномов, скачущих с повозками к нам.

Оценив размер повозок и количество тюков, а также наличие дам в кавалькаде (тоже бородатых, но с грудью), поняла, что жить во время строительства эти «таджики» тоже будут у нас... А значит, строить будут долго и со вкусом.

Ругаюсь, сплевываю и иду открывать ворота. А что делать? Жить всем хочется. Надеюсь, маг меня не прибьет, когда очухается.

10:12

— Мы пожрать привезли. — Довольный гогот, сверкающие из-под шлема глаза, залихватский прыжок с седла.

Киваю, жму руку, оцениваю количество еды в повозках. Солидно... этого на всех хватит точно.

— Ежели не хватит, еще съездим, не бойсь, — успокоили меня.

— А вы...

— А это моя супружница Эсмеральда!

Мне показали что-то огромное и волосатое. С кислой миной жму руку.

— Мы тут поживем? — уточнила Эсмеральда таким тоном, что я кивнула чисто автоматически. — Отлично, дорогой, езжай за детьми.

— Ага. Ну вы тут разбирайтесь, знакомьтесь, я скоро. Ребята, мы тут поживем!

— Ура!!!

И мой тоненький писк отрицания, потонувший в общем гуле.

Эсмеральда меня развернула, мощной рукой прижала к себе и поволокла в дом.

— Ну показывай, где тут у вас чего... Небось не жрала еще толком.

Судорожно пытаюсь что-то сказать.

— Да ты не смущайся, мы ж теперь свои.

И мне широко и очень душевно улынулись.

Мама.

Во влипла!

Маг меня грохнет, это факт. Поднимет и еще раз грохнет, и вообще фантазия у него на это дело явно богатая. Так что я в него просто верю.

15:34

Стою у кровати мага, мнусь. На меня смотрят с видом умирающего человека, которому упорно не дают умереть спокойно.

— Чего еще? Ты... горшок принесла?

— Я тут, — из-под кровати.

— Мне ночной горшок нужен!

— Я тут, — увереннее.

— Мне... для личных нужд, — через силу.

— Э-э... меня тут нет.

Хмыкаю, подхожу к шкафу, вытаскиваю старый жуткий горшок и вручаю его чуть покрасневшему магу.

— Чего смотришь? Отвернись! Нет, выйди! И это... поесть... вот погоди!

Оборачиваюсь обратно, жду, пока маг чего-то там выкапывает из-под подушки. Он вчера мертвецами учился заново управлять. Туда же. Сил нет, а все лезет и лезет. Короче, они там чего-то ему принесли, и теперь это чего-то лежит в кровати, вспучиваясь буграми буквально везде. Лежать рядом невозможно, так что я спала на диванчике.

— Вот! На.

Тупо смотрю на огромную красочную книгу, с картинками, глянцевыми страницами и изящным шрифтом. Книга явно новая... в смысле ею никто никогда не пользовался. Страницы лишь слегка пожелтели. Удивленно принимаю дар, сжимая цепкими ручками.

— Это... короче, разберешься. Читать вроде умеешь.

Это да, крыс по ходу снабдил меня не только знанием местного языка, но и способностью видеть почти любой текст, словно бы он написан на русском, родном мне языке.

— Вот... ну открой, что ли? Чего застыла?

— Я... да так. — Смущенно улыбаюсь. Это первый подарок, который сделал мне маг.

— Будешь хорошей девочкой, еще чего-нибудь подарю, — пробурчал некромант и довольно заблестел глазками. Окопавшись среди подушек, в съехавшем набок платке, трех кофтах и страшно худой, он вызывал сплошное умиление и позитив. Ну это если рот не открывал. А вот когда открыва-ал...

Так. Ладно, книга.

Затаив дыхание, открываю, рассчитывая увидеть что-то вроде «однажды, давным-давно, жили Карик и Валик. И свили они...»

Тупо изучаю картинки с картошкой, зеленью, рыбой, ножами и специями. На полях пестрели циферки и слова: «ложки», «стакан», «перемешать». Кошусь на мага.

— А то ты готовишь преотвратно, — добродушно сообщил маг. — Я твоей яичницей, помню, травану-улся... а щас бы и вовсе помер. Так что читай, учись. Сегодня задаю несложное блюдо: жареная картошка с пармезаном, уткой и салатом «Фантазия». Надеюсь, справишься. Там все очень понятно нарисовано. Особо опасные моменты я там подчеркнул.

Перелистываю книгу на заложенную страницу, хмуро изучаю рисунок утки с яблоком в клюве и корявые надписи мага сбоку. Надписи были одна другой краше. Типа: «Дура! Не забудь соль! Она называется СОЛЬ! И стоит на полке справа. Рядом — мышьяк, МЫШЬЯК! Так и называется. Поняла? Идиотина». Или вот еще: «Утку, это... лучше вином не обливать. Так принеси — я сам оболью и подожгу. А то как представлю, что ты с углями ко мне завалишься... Сама сгоришь и меня прихватишь. Неси так! Сам все сделаю».

Молча изучаю мага. Надписи типа «Четыре вместо трех ложек сахара» и прочую мелочь я старалась не замечать.

— Это чего?

— Вали уж. Потом отблагодаришь! — добродушно махнули мне, поправляя платок и кашляя в кулак.

Щурю глаза и упираю руки в бока. Где-то тут... был горшок. Но прежде чем я совершила зверское убийство тупым предметом, в дверь ввалились аж пятеро гномов, которые заполнили маленькую комнатку и, сняв шапки, представились ошалевшему магу.

— Дык это... хозяин! Мы, значица, это... из клана Раскаленного металла!

— Я Бефур! — пискнул самый высокий бородач.

— Я Дэйн.

— Я...

— Заткнулись все!

Я аж подпрыгнула. В голосе мага не осталось и намека на добродушие. Там рокотал гром и... бронхит.

— Вы кто? Какого хрена? Давно тараканами не бегали?! Я вас сейчас всех...

Гномы побледнели и одновременно посмотрели на меня.

— Это я их привела. — Пытаюсь встать, но тут реально некуда. Плюхаюсь на мага, судя по звукам отдавив ему что-то очень нужное.

— Уй. Зачем?!

И тут меня разобрало. Не знаю, наверное, достал он меня этой своей книгой по кулинарии. Крепко так. Вот я и... немного загнула.

— Гарем мой! «Неделька» называется! С этим сплю в понедельник, с этим во вторник, с этим... — Дэйн выпучил глаза, изучая мой палец, я же изучала его крайне прыщавый нос, — ну если только по черным дням... не знаю.

— Что?! — Маг взревел и попытался встать. И ведь едва не вскочил.

Гномы вылетели пулей, чуть не снеся стену, торопясь избежать гнева увечного некроманта.

— Да успокойся ты!

— В моем доме! Бордель! Да я... да вы... всех околдую!

Он стоял посреди комнаты, сжимая старый горшок, выглядел действительно грозно. Даже я немножечко струхнула. В его глазах было такое... пламя, я даже восхитилась ненадолго.

— И кого?! Гномов! Нашла кого! Это ж надо! Я бы понял, если б еще эльфа притащила, но гномов! Сдурела, да? Ща всех в тараканов!

Маг решительно направился к лестнице. С улыбкой смотрю ему вслед. Ревнует... приятно.

Я из комнаты пока решила не выходить. Мага все равно надолго не хватит, а гномы ему ничего не сделают — побоятся.

16:20

С интересом выглядываю из комнаты, сжимая книгу под мышкой. Тихо как-то стало... Все живы? Или маг в порыве чувств призвал супермощное тараканье заклинание и сам почил от бессилия? Надеюсь, что нет.

Опа.

Маг стоял во дворе. Без платка. В штанах, рубахе и шубе. Шуба была потрепанная, черная, битая жизнью и молью. Некромант постоянно кашлял в кулак, но речь толкал. А перед ним в шеренгу, втянув пузо и выпятив грудь, стояли гномы.

— Итак! Вы — наемники.

— Так точно!

— Не «так точно», а «есть, сэр»!

— Есть, сэр!

Маг хищно усмехнулся и снова начал рассказывать вперед-назад.

— И вы будете строить этот дом.

— Есть, сэр!

Сижу, хихикаю в кулачок, наблюдаю. С подоконника открывается удивительный вид, да и сидеть здесь удобно.

— Отлично! А где вы будете жить?

— В доме, сэр!

— А вот и нет! — Некромант поднял вверх палец для большей убедительности. После чего медленно развернулся и указал им куда-то в сторону леса. Сощурившись, смотрю в заданном

направлении. Гномы тоже вытягивают шеи, им интересно, куда конкретно их послали.

— На погост?! — задохнулся Дэйн. — Да я...

— А ну цыц!

Все тут же заткнулись. Позже я узнала, что одного из них в таракана маг все же превратил. Правда, всего на три минуты, и едва не сдох после этого, но народ при виде одетого в доспехи и миниатюрный шлем таракашку впечатлил дальше некуда и тут же капитулировал. То, что таракан снова стал гномом, маг объяснил довольно просто: «Я сегодня добрый».

— Вот там ваше место! Земля — в пяти метрах правее от правой оградки. Видите?

Угрюмые кивки.

— Вот и замечательно. Ночью буду выпускать мертвецов, и ежели хоть одна живая душа будет тут бродить...

Еще более кислые мины гномов.

— Мы отказываемся.

Опять Дэйн. Он у них тут что, за старшего?

— Мы уходим. Ребята, поворачивай телеги. Что-то мне не нравится эта идея, — вкалывать на... — на землю сплюнули, демонстрируя храбрость, переходящую в безумие, — некромансера.

Ланцелот спокойно на него посмотрел:

— Хотите свалить? Вперед. Никто не держит.

Все радостно рванули к воротам, изо всех сил делая вид, что не спешат. Ибо после слов Дэйна сердце прихватило разом у всех гномов.

— Кстати, я говорил, что плачу по золотому в день?

Народ все еще бежал к воротам, но уже как-то вяло.

— Зельями, которые можно продать втридорога. Ибо никто, кроме меня, — гордость в глазах, — делать их не умеет.

У ворот все встали, задумчиво выглядывая наружу.

— Ну что ж. Всем пока. Просьба меня больше по пустякам не беспокоить. Тем более что я уже фэйри позвал.

Гномы ошарашенно обернулись, в глазах коротышек мелькнул злобный огонек. Фэйри они даже не ненавидели — это была междоусобная борьба до смерти.

Я прицокнула языком и мысленно ему заплотировала. Молодец... как грамотно все поставил. А главное, если не знать его так, как я, кажется, что ему и прям по барабану. Стоит весь такой равнодушный, краси... худощавый, на фоне ступеней. Шуба развеивается за спиной, рыжие волосы треплет ветер, а в глазах покой и мудрость многих прожитых веков... Ему, кстати,

тридцать четыре века, если кто не знал. Тут маги долго живут.

Гномы вернулись, поблагодарили за землю, составили и подписали контракт, ушли разбивать лагерь. Все довольны, все счастливы. Улыбаюсь, обнимая колени, ежась от задувающего в окно ветра. На подоконнике, как ни крути, прохладно.

Маг вошел в дом, огляделся и поднял голову вверх. Машу ему, радуясь, что пола нет и меня так хорошо видно.

— Ну и где мой обед? — сурово уточнила «гроза тараканов».

— Ща!

И я спрыгнула, едва сумев добраться до остатков пола второго этажа. Книга еще была зажата под мышкой, а в голове уже клубилось целое море идей, как можно вкусно и круто приготовить обед. В конце концов, давно хотела научиться готовить по-человечески, а то все салаты да яйца... Надоело.

16:56

Осматриваю кухню, засучивая рукава. Н-да, разруха и запустение. Дыра в стене, поломанная мебель, обвалившаяся штукатурка и покосившиеся шкафчики... Круто. Приступим. Где тут моя суперкнижка?

Первый блин комом... правило такое. Изучаю, что есть, поглядывая на тележку с продуктами, которую гномы прямо так в кухню и заволокли.

У нас есть сыр, птица, зелень, еще птица, снова птица... чья-то голова с выпученными и очень несчастными глазами. Еще птица... У меня тут что, птицеферма. Колбаса где?! А, вот она. Ничего себе... это куда нам столько? Ладно. Пока неважно, идем дальше.

17:12

Разгребаю плиту из-под завалов, соображая, где у меня спички. В итоге поймала пролетавшего мимо эльфа и попросила его зажечь плиту. Его пульсар меня впечатлил. Позже он объяснил, что ему было некогда. Ну да, ему некогда, а я потом месяц с обугленной челкой ходила.

17:34

Кипячу воду в огромной кастрюле, изучаю рецепт. Самое элементарное вечно упускают. К примеру, вот эта фраза: «После обваливания в муке посыпьте иссопом и вывалийте в соусе Пил-Пили». Соуса такого точно не знаю, но такое ощущение, что здесь он продается на каждом углу. Задумчиво смотрю вверх, прикидывая, стоит ли идти к магу. Он что-то раздухарился: выпил какого-то местного энергетика типа «Ред булла» и бегаёт, раздавая указания гномам. Вон мимо кухни уже второй раз прохромал, с фразой: «А вот тут у меня будут фонтаны со скульптурой писающего мальчика». Я обалдеваю. Какие статуи? Какие фонтаны? Тебе бы крышу починить. Эксплуататор.

Особенно позабавило лицо шедшего следом гнома, Тули, кажется. Он чесал затылок, поддакивал и пытался записывать за магом на бумажке карандашом. Видно было, что царские

замыслы мага его слегка пугают.

Итак! Начнем. Скородода, масло, мясо. Поехали.

18:45

Маг вошел... спокойный, вальяжный. Я встретила его на пороге, в тридцать второй раз проорав прямо ему в лицо: «Ты жрать-то идешь?!!»

— Иду, — поковырял в ухе маг, слегка шатаясь от ударной волны.

Закашлявшись, поняла, что осипла.

— Прости, не заметила, что ты уже тут.

— Бывает. — Кивок.

— Садись. — Ой, как голос-то сел... теперь даже на помощь позвать не смогу, если что. Правда, тут особо никто и не кинется, теряя тапки, гордость и честь, вытаскивать меня из очередной неприятности. Хмуро кошусь на мага, накладывая жаркое ему в тарелку.

Маг принялся.

— Все-таки добавила вино? Я ж говорил, не надо.

Я ничего не добавляла... в смысле добавила... но кое-что другое — в тележке были еще пузырьки не пойми с чем. Этим и баловалась, прихихиваясь и не рискуя попробовать, мало ли, вдруг это укус в сильной концентрации. Тем более запах сшибал на раз.

Перед магом рухнула тарелка, едва не расколовшись от удара о стол.

Маг скупно улыбнулся и достал из кармана вилочку. Удивленно на нее смотрю.

— Гм. Я знал, что ты не подумаешь о приборах, вот и...

Это он явно от гномов решил защищаться. Когда магия иссякла. Молодец. Маг нахмурился, наколот вилкой верхний красно-черный кусочек, внимательно изучая его.

— Это... мясо или картошка?

— Мясо.

— А чего красное такое?

— С кровью.

— Хм... в рецепте было сказано «поджарка».

— Я его улучшила.

Мой сип его явно напрягал, подумав, некромант самоотверженно сунул это себе в рот и застыл с умным видом.

Стою, жду, как дурак, когда похвалят.

— Ну как?

Чего-то он пятнами пошел. И в глазах столько слез. Острое, что ли? Маг судорожно сглотнул и начал шарить по столу. Каким-то образом догадалась, что он ищет воду. Набрала полный стакан и сунула ему в руку. Воду выпили, едва не закусив стаканом.

— Островато, да? — переживала я, прыгая рядом. — А я предупреждала!

— Еще! — со слезами на глазах. — Горю!!!

Сунула ему целое ведро, маг поставил его на колени и сначала зачерпывал воду стаканом, а после и вовсе опустил туда голову, булькая от боли и пытаясь пить.

Н-да... Задумчиво смотрю на тарелку, подцепляю кусочек и осторожно касаюсь его языком... Это химический ожог. Я его сразу узнала.

19:45

— Все. Ты меня достала! Я сам буду себе готовить!

Киваю, обмахивая его самодельным веером. Маг сидит на кровати с распухшими губами и узкими глазками на опухшем лице. Явный перебор со специями, просто явный.

— Чтоб ты знала! Тот красный бутылек... там капля на кастрюлю идет! А ты полбутылки вылила, грыгова дочь.

Киваю и смущенно улыбаюсь. Маг только вздохнул и прикрыл глаза.

— Ладно. Я, на твоё счастье, понял, что с тобой делать. Мне ж надо зелье варить, магию восстанавливать.

Поддакиваю, стараясь не нервировать.

— А то еще неделя, и расколдовать тебя обратно из копытного и хвостатого — вряд ли смогу.

Веер застывает, ошарашенно смотрю на мага.

— Н-да... да ладно, не психуй. Слово-то какое... от тебя набрался. Короче, пойдешь к дриадам за следующим ингредиентом. Запоминай. Нужен жёлудь прадуба — это прамать их леса. Запомнила? Повтори.

— Это я чего... всю жизнь с копытами? — сиплю, пытаюсь донести всю глубину моего гнева и отчаяния.

— Так. Повторяю еще раз. Жёлудь! Прадуба! Принесешь — сварим зелье, я восстановлю силы! Сделаю тебя человеком... полностью. Да и потом, дриады копытных любят. К тебе больше доверия будет.

Щурю глаза, сидя со зверским видом.

— Ты запомнила или нет?

— Запомнила! Только как я туда доберусь?

Тяжелая задумчивость мага.

— А ну покажи, где север.

Тычу пальцем наугад.

— Ну-у... почти, только правее... сильно.

Пожимаю плечами. Топографический кретинизм у меня с детства.

— Так, а что делать-то? Что делать...

— Я могу помочь. — Из-под кровати робко вылез сильно помятый... мною, между прочим, когда-то горшок.

Задумчиво на него смотрим.

— А что? Это мысль. Прицепишь его к поясу, и путешествуйте сколько влезет.

— А ты меня когда расколдуешь?

Маг запнулся и тяжело вздохнул:

— Говорил же — без магии я!

— А когда будет?

— Когда расколдую вон ее и отправлю вас обоих в... академию магии, там тебя и расколдуют. Эти... магаписовцы хреновы. Все им надо защищать природу от чистой магии, особенно некромантской. Так что тебя там встретят как героя, еще и медальку дадут за терпение и стойкость.

Сёма молчал, думая.

— Когда идти? — уточнила я.

— А вот щас и валите. Время пошло!

— Нет. С утра.

— Чего спрашивала? — пробурчал маг, следя, как я устраиваюсь на диване, взбиваю подушку, закутываюсь в одеяло.

— Так просто. Спокойной ночи.

— Я тебе тоже бы перец кое-куда засунул и пожелал бы сладких снов, — фыркнула эта зараза и вскоре засопела, отходя ко сну.

Я же смотрела на звезды, сиявшие за окном, и вспоминала о том, что так и не выпустила мертвецов на ночную прогулку.

Ну и ладно, мне не слишком-то уютно, когда такое ходит по дому.

10:41

Сижу на спине коня-призрака (у мага есть еще один, и тоже из костей), на поясе болтается горшок, из окна, утирая глаза платочком, машет маг, едва не вываливаясь наружу...

Ага, щас! Маг дрыхнет! Я его пыталась разбудить, попрощаться, выслушать последние наставления. Меня послали в грубой форме и попросили не будить некромантов, если жизнь дорога.

Ну... и хрен с ним, поехала. Я хоть с гномами попрощаюсь. Авось мне хоть кто помашет вслед.

Гномы смотрели со священным ужасом на костяк коня и седло, надетое сверху. Улыбаюсь, машу рукой, объявляю, что ненадолго. Мне покивали и разошлись, и так одиноко вдруг стало... Даже эльф со мной не полетел. Он вообще в последнее время постоянно где-то пропадает. Кровь попить прилетает только по ночам. Кусает и уматывает снова. Тоже мне... друг.

— Ну поехали, что ли? — уточнил горшок.

Киваю и трогаюсь с места, понукая коня волшебными словами: «Вперед!», «Стой!» и «Куда?!».

16:32

Писать не о чем. Лес кругом. Как горшок ориентируется — понятия не имею.

Попыталась петь, но моим сильным голосом сделать это нереально. Едем дальше.

19:10

Разбила лагерь. Жарю колбасу на палочках, в котелке булькает вода из местного ручья. Кто-то воеет неподалеку. Вспоминаю, что маг предупреждал гномов об оборотнях. Вроде как могут зайти, но ходят редко — мертвецов страсть как не любят, они так «благоухают», что у оборотней обоняние на пару недель пропадает... Но я-то живая. Оглядываюсь по сторонам и натываюсь взглядом на лошадь, точнее, на ее вполне себе живой труп. А что? Это мысль. Пока я с ней — ни одна зараза не подойдет.

Успокаиваюсь, ем. Надеюсь, маг не очень расстроился, что я стащила весь запас колбасы. Ну мне он нужнее.

20:34

Разглядываю звезды, сиплю горшку сказку. Сёма очень просил... Сказал, что уже лет десять ему никто сказок не рассказывал, а он еще маленький и вообще сказки очень любит.

— Жила была принцесса, — начинаю я. — И была она красивая-прекрасивая, солнце, играя в волосах, слепло от сияния ее волос. Луна путалась в ее ресницах, ветер оведал ее стройное тело, а юноши терялись перед красотой ее лица, стана и... всего остального.

— Круто... мне бы такую. И чтобы любила сильно. Я бы ее защищал. И дракона, йех!

— Мне дальше рассказывать или сам продолжишь? Мне, между прочим, трудно говорить.

Горшок понятиливо затих.

— Ну так вот. И однажды принцесса решила выйти замуж. Ей как раз исполнилось тридцать шесть.

Горшок закашлялся, его фантазии вяли на корню.

Хмуρο на него смотрю.

— Тебе чем-то не нравится возраст принцессы?

— Не-не, все отлично. — Он зашевелился и всем своим видом показал, что слушает и ему страшно интересно. «Страшно» тут ключевое слово.

— Гхм. Ну так вот, кинула она клич, и прибыли к ней лучшие принцы и королевичи, короли и императоры со всех земель. Ибо вести о ее красоте давно распространились через все границы.

— «Давным-давно, давным-давно, давным-давно...» — пропел горшок песенку, которую я недавно пела в замке мага.

— Так!

— Я молчу-молчу. И чего там? Сколько лет они бились за ее руку? — предельно вежливо.

— Нисколько.

— Сразу уехали, — сообразил горшок. — Ну оно и понятно.

— Слушай, ты! Маг сказал, что тебе бы сейчас исполнилось восемнадцать. Так что у тебя самого кое-что еще не обсохло.

— Ась? — в шоке.

— Ну молоко... на губах... сосунок!

— Я не сосунок, а горшок, — мрачно. — И просьба не издеваться, мне и так тяжело морально. Ладно, я готов. Принцесса была прекрасна в свои сорок пять. Что дальше?

— Тридцать шесть!

— Один хрен.

Соплю, пытаюсь не вывериться.

— Нет, ты скажи, с какого момента для тебя человек старый?

— С семнадцати. В шестнадцать еще можно жениться. Позже — ни-ни, изменят, убегут, поумнеют. Мороки не оберешься.

Удивленно на него смотрю.

— А что?

— Хм... глупый ты еще, не понимаешь, что именно шестнадцатилетние еще и неразумные.

— Зато красивые. А то эта в свои шестьдесят пять...

— ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ!!!

С ближайшего дерева слетела листва и пара птиц. Обе, оглушенные моим резко прорезавшимся голосом, вяло дрыгали лапками, пытаюсь прийти в себя.

— Ладно-ладно. Ну так чё дальше-то было?

У меня нет слов.

— А дальше они жили долго и счастливо!

— С кем? — ошарашенно.

— Со... со всеми! Со всеми, кто приехал! Ибо все влюбились, а отказывать она не умела! — Понимаю, что меня заносит.

— А, ну да... в ее-то годы. Лишний раз откажешь — и все, хана.

Убиваю горшок об дерево. Он меня заколебал.

Вторница

08:13

Меня разбудили муравьи... или местный их кусачий аналог. Они решили, что я труп и меня надо отнести в кладовку, желательно по кусочкам. Мелкие-то мелкие, а жала у них ой какие острые. С воплями бегаю между деревьев, отряхиваясь от паразитов.

08:30

Долго искала горшок. Звала. Не вылезает, зараза. Пообещала все простить и отпустить. Ноль внимания, фунт презрения. Гррр...

09:13

Нашла горшок. Он лежал между корнями деревьев, сплюснутый посередине. Признаков жизни не подавал. С жуткими угрызениями совести пытаюсь выпрямить его обратно ногой. Да что ж такое! Ну за что мне это наказание?! И чего я вчера так обозлилась? Не помню.

09:23

Еду наобум. Вчера вроде горшок говорил, что недалеко осталось. Конь-скелет-то магический, так что идет тайными тропами, срезая путь раз в пятнадцать. Я впечатлилась, как это круто.

09:34

Лошадь чего-то не едет. Орет, в смысле — ржет, встает на дыбы и не едет. Блин... я так не удер... Ай!

Куда, скотина! Стой!!!

А я? Я как обратно попаду? У-у... вот попала так попала. Ладно, с проблемами буду разбираться по мере поступления. А пока...

09:44

Изучаю дуб, который так напугал лошадь. Дуб как дуб. Здесь все деревья одинаковы. Вот я встать не могу, это да-а... ногу подвернула, кажется. Нужно что-то вроде костыля, а то только ползать теперь и могу. Как бы не перелом. Горшок очнулся. Высказывается. Да-да, я прекрасно знаю, кто я есть. Меня еще маг просветил, и неоднократно. Эпитеты, кстати, были красочнее, с другой стороны, он взрослее, у него опыта поболее будет.

10:15

Нет, так невозможно жить. Ни одной палки! Больно-то как... Горшок хоть заткнулся. Покачивается на поясе, уточняет, больно ли мне.

— Очень.

— Ну мне тоже. Ты меня так помяла. А вдруг я теперь таким сплюсненным и расколдуюсь?

— Зато в долгом путешествии к академии магии тебя больше никто не примет за ночной горшок. Круто, да? Скажу, что тебя заколдовали в сплюсненную вазу.

Горшок задумался, что-то прикидывая, потом робко уточнил, правда ли он похож на вазу. Критически изучая металлическую кастрюлю с выпирающей ручкой и выпуклым дном, киваю:

— А как же.

Горшок довольно засопел.

Так... да где ж тут палка! Вот... блин. Вот одну вижу. Но она на дереве и из него растет. И хрен достанешь в моем-то состоянии!.. Зато по длине и форме — вылитый костыль. Даже упираться вон в то разветвление ветвей удобно будет. Задумчиво приглядываюсь, балансируя на одной ноге.

— Ты чего задумала?

— Мне костыль нужен, отсюда, кстати, как далеко еще до леса дриад?

— Ну я так не могу сориентироваться. Вроде не очень, мне с коня лучше видно было.

— Могу подбросить.

— Ага, и застряну я в ветвях, и шиш ты меня достанешь. Нет уж, я тут повишу. Мне и здесь неплохо.

Пожимаю плечами и щурюсь, разглядывая желанную веточку. Как бы ее сбить...

поприцельней?

Амулет на груди призывно нагрелся... Хм.

10:37

Формирую мини-пульсар, мастерски закидываю его вверх. Первое попадание — гол!!!

Ветка летит вниз, прямо к моим ногам. Ошарашенно ее изучаю, еще не веря такому сумасшедшему везению, и протягиваю дрожащую руку к долгожданной награде.

— Воровка! Шшшшарлатанка! Нашшше дерево, шшшисни!

А? Оборачиваюсь. Вокруг на ветвях появилось как-то слишком много дриад. Это же они, кажется? Бледная кожа с зеленоватым отливом, желтые волосы с алыми прядками, желто-зеленые огромные, на пол-лица, сверкающие глаза, поминутно меняющие цвет... И красота запредельная, как сны об эльфах, и даже лучше.

Текучие, плавные, гибкие и изящные, они сражали наповал одним только взглядом. И они злились, очень сильно злились, глядя на меня.

— Привет. — Выпрямляюсь, поднимаю руки и скупно улыбаюсь, стараясь не шевелиться. — Я... ногу подвернула. Вот не думала, что этот дуб так для вас важен.

— Ворофффка. Шшшшшваль. Бандитка. Лесссоруб.

Последнее, кажется, взбесило их больше всего. Внезапно по спине что-то хлестнуло, заставив упасть на колени и застонать от боли. Оборачиваюсь и успеваю заметить, как длинная гибкая ветка вновь скрылась в кроне того самого дуба. Он что, живой, что ли? Только не говорите мне, что это — лес дриад... Мне не могло так фатально не повезти. Кошусь на ветку, на лицо сама собой вылезает горькая, полная иронии усмешка, а то как же... именно мне и могло. Только мне могло повезти срубить ветку у дуба дриад.

— Простите, не хотела! — Поднимаю голову и пытаюсь хотя бы выглядеть раскаявшейся. Хотя чувствую, что не простят, и от этого в груди поднимается злость и желание сопротивляться.

— Ты умрешшшь... — прошипели сразу трое. Они спрыгнули вниз, легко и плавно коснувшись изящными ножками травы, даже не примяв ее, и рванули ко мне, кружась и словно танцуя.

Нет, я понимаю, что не время, но реально же дух захватывает. Перед вами когда-нибудь танцевали дриады? Самые красивые существа из виденных мной. Длинноволосые, стройные, воздушные, с холодными, как сталь, глазами и ласковой улыбкой на бледно-зеленых лицах. А передо мной танцуют. Вот прямо сейчас, и как я ни злюсь, как мне ни страшно — хочется смотреть, стараясь не шевелиться и не дышать.

— Умри, — шепнули сверху. И сразу две зеленые сверкающие нити заклинания вонзились в мою грудь.

Было... больно, оно прошло насквозь, но не повредило тело. Словно туман или нечто неощутимое... Я так и не поняла, что это было, только амулет на груди раскалился сильно, и я закричала от боли.

Потом догнала боль от их заклинаний. Сильная, всепоглощающая, она разом высосала все

силы, понижая температуру до холода воды и сцепляя мышцы и связки воедино.

Покачнувшись, я упала, застонав и закатывая глаза.

Последнее, что запомнилось: надо мной склонились сразу три лесных красавицы. И это было нечто!

Я успела их увидеть, а они успели шепнуть:

— Странный человечек... должен был превратиться в дерево, которое повредил. Стать веткой, которую отломил, но не стал... Странный человечек.

После чего все поглотила тьма, отдающаяся болью в груди. Там, где пылал обозленный амулет, найденный мною в могиле на старом кладбище некроманта.

19:43

— Сиггун. Сиггу-ун. Ну проснись. Это я, горшок-Сёма. Сиггун.

Плохо. Очень плохо. И совсем не хочется жить.

Задумчиво смотрю на далекое-далекое небо, раскрашенное яркими искорками звезд. Стемнело... а я и не заметила. И тело такое легкое, воздушное. Только на душе тошно. Словно я умерла и этого не исправить.

— Сиг!

— А?

О, голос прорезался. Значит, я, паря где-то тут, могу разговаривать? Ну и хорошо, сообщу последнюю волю. Еще бы этих увидеть... глазастых. Уж больно красивые, сволочи. Аж сердце замирает.

— Сиг, ты жива? Кончай так смотреть вверх, мне страшно.

— Я умерла.

Тяжелое сопение.

— Н-да?

— Да и дух мой... он пока еще не покинул тело.

Горшок, кажется, икнул.

— Это я чего, буду первым в мире ночным горшком, обреченным всю вечность блуждать по лесу? А можно... ты потом как-нибудь умрешь, а?

— Нет. Это от меня не зависит. Дриады тут?

— Ушли. Тебя потрогали, еще немного поколдовали, удивились, чего это ты не зеленеешь и не превращаешься в палочку, и свалили. У них же ветер в голове, как у деревьев в кроне. Они быстро все забывают. Не то что русалки.

— А что русалки?

— Да помнят все, даже ежели сто лет прошло. Я как-то раз одной пообещал колечко золотое, так она потом даже в ванной вынырнула, с просьбой отдать кольцо. Это я пять лет не мылся, шараялся от всех луж и ненавидел воду... н-да.

— Отдал?

— А куда денешься. У них знаешь какая магия? Сожрут — и не заметишь. Что парня, что девку соблазнить — это они мастерицы, как запоют, не только колечко — все пообещаешь, лишь бы приласкала.

Угрюмое сопение обласканного горшка.

Хмурюсь и чешу нос. Комары тут разлетались, не дадут... спокойно остыть.

— Знаешь... если ты труп, то какой-то очень живой.

Вздыхаю и поворачиваю голову.

— Думаешь? Я вот точно помню, что меня убили и что было дико больно, а сейчас... легко так.

— Может, из-за дуба? Ты первые два часа лежала на этих корнях — они как-то подозрительно светились.

Сажусь и с интересом осматриваю корни. Вроде обычные корни, но даже спина не болит. Надо же... она всегда болит, если посплю не в той позе, сейчас волшебство какое-то.

— ОЧНУЛАСЬ? О, ДЕВА.

Икаю и медленно поднимаю взгляд, пытаюсь понять, откуда доносится столь мощный голос. Ветер взметнул волосы, из кроны прямо передо мной рухнули четыре огромные ветви и раскоряченными подобиями пальцев уперлись в грунт.

При этом земля аж подпрыгнула. Меня подбросило вверх и швырнуло назад. Ветер выли и сбивал с ног, не давая встать, а вокруг клубилось столько магии, что ее можно было черпать ложкой. Честно... я испугалась до икоты. Сердце металось, буквально долбя по ребрам, а ноги тряслись так, что встать я и не мечтала.

— НУ, ПОСМОТРИМ НА ТЕБЯ. ПОДНИМИ ГОЛОВУ!

Зажмуриваюсь и ору. На пределах легких... как маленькая девочка. Но... ветер начал потихоньку стихать, жуткий мощный глас больше не раздавался, а ветки, которые вонзились в землю, не шевелились.

Тяжело дышу, пытаюсь прийти в себя, ё-моё. Это чего было? Я... Мне надо идти.

Внезапно ближайшая ветка медленно поднялась вверх, растопырила гигантские пальцы и, резко схватив меня поперек талии, сжала и вздернула вверх, едва не сломав при этом шею.

Ох!.. Ну какого лешего я вечно попадаю... в такой ужас?!

Некромант!!!

— ДА НЕ ОРИ ТЫ. ЧЕГО ОРЕШЬ?

Меня трясет. Смотрю на такую далекую землю и пытаюсь не дрожать. Все... все нормально. Все хо-ро-шо... Говорящие деревья — подумаешь. Еще и не такое видали. Ай!

— ВИСИ СМИРНО! — Меня встряхнули, едва не поломав. Покорно затыкаюсь, вытаращив глаза и дыша как загнанный зверек. Теперь я понимаю, каково было той белочке, которую я как-то цапнула в руки, пока она беспечно грызла орехи. Правда, она хоть кусаться могла. Помню, вытаращенные глаза белочки и ее бешеное сердцебиение меня еще тогда позабавили.

— Ой, мама. Да не шатай же ты меня, зас...

— ХМ. Я ТЕБЯ НЕ ТАК ДЕРЖУ?

Меня перевернули вверх ногами. Мотаюсь над бездной, пытаюсь успокоиться и прекратить скатываться в неуправляемую истерику. Если я ему надоем — просто отпустит, и я уже никогда никуда не доберусь.

— Переверни.

— ЧТО?

— Переверни!

Меня перевернули и, пока я распутывала волосы, пытаюсь убрать их с лица, отвели второй мощной лапой край кроны, позволив разглядеть два здоровенных, но скособоченных глаза и узкую щель вертикального рта... с дуплом в центре.

— НЕ ПОНИМАЮ ВАС, ЛЮДЕЙ. И ЧЕГО БЫЛО ТАК ОРАТЬ?

Бледно улыбаюсь, вцепившись в деревянный палец. Ребра реально трещат, и мне очень больно, до слез.

— ЧЕГО РЕВЕШЬ?

— Больно.

— ЧЕГО «БОЛЬНО»?

— При... давил... больно.

Хватку ослабили, я хрипло задышала.

— ЭКИЕ ВЫ ХРУПКИЕ... ВОН МОИ ДРИАДЫ — СКОЛЬКО С НИМИ НИ ИГРАЙ — НЕ ЛОМАЮТСЯ.

Кашляю, свесившись вниз и судорожно хватая ртом воздух. Ага. Помню я их лица. Красивые, конечно, но вместо носа — только его обозначение без ноздрей. Или они настолько тонкие, что и не заметишь. Таким дышать особо не надо. Ладно, мне по фиг. Мне бы выжить.

— ТЫ ЛУЧШЕ СКАЖИ. ЗАЧЕМ МНЕ ПОБЕГ ОТЛОМАЛА? ЧЕМ ОН ТЕБЕ МЕШАЛ?

Так, надо как-то вывернуться, чтоб не убили.

— Я ногу повредила. Эту, — машу ногой, морщась от боли в груди, кстати, нога тоже болит. — Ну и хотела костыль. Опирайтесь чтобы! Боялась — не дойду и умру тут.

— А ЧЕГО НЕ ПОПРОСИЛА? ПОД ЗЕМЛЕЙ У МЕНЯ ЕСТЬ ОДИН ОЧЕНЬ СТАРЫЙ КОРЕНЬ. СДЕЛАЛ БЫ Я ТЕБЕ КОСТЫЛЬ, — недоуменно.

— Ну так... я только сейчас узнала, что деревья могут говорить.

Дерево удивленно застыло и медленно приблизило меня к себе. Кажется, мне заглянули в глаза. Или в душу — не знаю. Только стало вдруг так неудобно... А в общем, мне и так и так здесь не слишком весело.

— ХМ... ТАК ТЫ НЕ ИЗ НАШИХ. ОТТУДА, — разочарованно.

И деревянные пальцы разжались! Как успела ухватиться за ближайший палец — не помню, но вцепилась крепко: руками и ногами, зажмурившись, стараясь не смотреть вниз.

— ЭЙ. ТЫ ЧЕГО? А НУ ОТСТАНЬ.

Рукой-веткой замотали. Вспоминаю белочку, я вот точно так же мотала, пока она мне палец отгрызала. Прости меня, белочка, я была сильно неправа.

— А НУ...

— Меня некромант послал! Ланцелот! К тебе!

Рукой перестали размахивать. Едва дышу, впиваясь в кору даже не ногтями — зубами.

— ЛАНС? ТЕБЯ?!

Древо засмеялось, громыхая, шелестя листвой и подергивая корнями.

— Да, меня! Сказал, жёлудь нужен! Прародителя этого леса! Он помирает, плохо ему! А то бы сам пришел.

— ХМ... ПЛОХО? ЛАНС? НЕ БРЕШИ. ОН ПОСИЛЬНЕЙ МЕНЯ БУДЕТ. А ЭТО... ЗНАЧИТ, ЧТО ОН ОЧЕНЬ СИЛЬНЫЙ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧКА.

— Он воскрес! На это ушла вся магия!

Меня опустили, дали отдышаться. И пока я стояла с вытаращенными глазами, опираясь на ствол, пообещали подумать. Киваю, сползая вниз, ибо колени ходуном ходят.

В руку ткнулся гнутый горшок и шепотом спросил: как я? Всего одним жестом показываю как. Сёма почему-то сразу все понял.

21:34

Долго он... Я уже успокоилась, отошла подальше, даже дров для костра натаскала. Выбирала самые старые, а место для костра устроила на камне. А то мало ли... Могла бы — еще бы и траву не трогала, но летать пока не умею.

— Я РЕШИЛО!

Вскакиваю, стукнувшись головой о ветку и попав ногой в костер. Точнее, в угли. Но все же. И какого ляда я на ночь разувалась? С другой стороны, мои копыта редко какая обувь долго выдерживает. А прямо так ходить страшно — вдруг копыто сломаю, чего потом делать буду?

— Я ПОМОГУ И ДОБУДУ ТЕБЕ ЖЁЛУДЬ ПРАДЕРЕВА ЖИЗНИ... ДА.

Стою, внимаю, даже ручки за спиной сложила для большего уяснения ситуации. Ну а что... решил так решил. Отлично. Где жёлудь? Мне домой пора.

— Ну и... где? — спрашиваю, а то молчание уж больно затянулось.

— ЧТО?

— Жёлудь. — Начинаю закипать.

— У МЕНЯ.

И тишина-а... Может, ему время для ритуала нужно? Блин, хоть бы намекнул, сколько ждать.

— А когда отдашь? — Знаю, что наглею, но мне уже все равно. Мне жёлудь нужен.

— ЭТО ТЫ МНЕ СКАЖИ. — Смех меня добил.

— Сообщаю! Давай сейчас! — Требовательно протягиваю руку, чувствуя себя отчаянно храброй. Просто до неприличия. Видать, недавняя встряска мозги мне все-таки набекрень вывернула. Или повлияло то, что я далеко от него? Так дотянется же. Наверняка.

— СЛЕЗА.

— А?

— МНЕ НУЖНА СЛЕЗА, — объяснили мягко, как полудурку. — ТОЛЬКО ТОГДА ОТДАМ ТЕБЕ ЗОЛОТОЙ ЖЁЛУДЬ. Я ЗАСЫХАЮ... НЕТ СИЛ ИДТИ ДАЛЬШЕ. МНЕ НУЖНА СЛЕЗА.

Хмуро его изучаю.

— Я недавно целое море выплакала. Или тебе нужна какая-то особая... К примеру, слеза человека, находящегося в состоянии аффекта.

Представила, как с топором лечу на этот дуб. Н-да.

— ТО БЫЛИ СЛЕЗЫ ГРЯЗНЫЕ И ПОРОЧНЫЕ... МНЕ НЕ ПОНРАВИЛОСЬ.

Мне тоже.

— МНЕ НУЖНА СЛЕЗА ТОЙ, ЧТО НИКОГДА НЕ ЗНАЛА ГРЕХА.

Это мне что, за ангелами теперь лезть? А они тут бывают? А как?.. А они плачут? Расскажу историю своей жизни — обрвутся, факт. Это ж ангелы, они добрые... наверное.

— СЛЕЗА РУСАЛКИ. ДОСТАНЕШЬ ЕЕ — ПОЛУЧИШЬ ЖЁЛУДЬ. ПОНЯЛА?

Эмм... это русалки-то непорочные? А Сёма сказал, что они людей едят. С другой стороны, это, наверное, не со зла... Чего-то я уже ни хрена не понимаю.

— ИДИ. И БЕЗ СЛЕЗЫ НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ.

Ветер зашелестел в могучей кроне, голос прокатился по лесу, отдался эхом в самых потаенных уголках и затих.

Стою, переживаю. Внемлю... как момент-то портить не хочется.

— Кхм!

Тишина. Дуб все сказал, дуб замолк. Хорошо, если не на века.

— Я, конечно, страшно извиняюсь, но я тут немножко заблудилась... Точнее, вообще не понимаю, где я, кроме того, что нахожусь в лесу.

Нервно смеюсь. Крыша явно скоро будет мне махать платочком... Тишина.

— Мне бы направленьице... хоть веточкой покажи, что ли. А то так и буду плутать до самой смерти, и шиш тебе, а не слеза будет... Ду-уб, а дуб!

Все. Мы его теряем. Мы его потеряли. Большой не пробежал? Нет, он вылетел.

— Не трогай дуб.

Подскакиваю и резко разворачиваюсь. Ой, енотик. Нервно улыбаюсь, немного расслабляясь. Блин, вот была бы суперкрутой магичкой или воином со стажем — ничего бы не боялась, ходила бы вся такая наглая, поплеывая на окружающих. А тут — сплошные нервы! И никогда не знаешь, кто и за что тебя прибьет.

— Меня зовут Ена.

— Енот... — С интересом изучаю мелкого пушистого зверька, застывшего передо мной на задних лапках. На нем была расписная безрукавочка... черная с красным и расшитая бусинками и стеклышками. Красотень. Хочется такого погладить, потискать... потаскать.

— Меня нашли и попросили проводить тебя к русалкам. — Зверек откашлялся, оперся лапой на дерево и сверкнул глазками. — Но я надеюсь, ты понимаешь, что я тебя никуда не поведу?

— Почему?

— Сама дойдешь. Не маленькая, чтобы я с тобой нянчился. А мне еще доспать надо, поесть надо, то надо, сё надо. И вообще!

Сверху опустилась тонкая веточка и с размаху стегнула зверька по заду.

Визгу было...

Ена согласился вести к русалкам. Довольно киваю, поправляя мешок за спиной и подхватывая с земли горшок. Лично я — рада.

Средница

05:43

Я всю ночь шла по лесу. Я ничему не рада и ненавижу енотов. Он постоянно наращивает темп, всегда обходит корни и еще ни разу не вписался в дерево. Лично мое путешествие представляет собой ряд падений, ударов о ветки и стволы, проклятий, воплей.

Я не вижу в темноте! И ведь хотела переночевать. Так эта зараза сказала, что тогда уйдет без меня. Поймаю — придушу. Правда, его еще хрен поймаешь.

07:43

Все еще идем. Не спрашивайте. Поднимаю камень и прицеливаюсь в енота. На лице — оскал зверя, в глазах жажда отдохнуть... Ща... прицелились... Пуск!

Мимо.

Блин. Ну и чего вылупился? Оно само упало, так и знай.

О! Еще камушек. Мне сегодня сказочно везет.

07:56

Надоело. Он не хочет стоять спокойно и дать себя прибить. Все прыгает, передвигаться начал зигзагами, как чувствует, что я на него охочусь. Хотя... за последние полчаса мимо него пролетело штук двадцать камней. Надеюсь, он не злится.

Падаю вниз и закрываю глаза. Все. Здесь и хороните, мне все равно. Пусть уматывает, куда хочет... Блин, опять что-то хлюпает подо мной. Давно уже хлюпает. По камням передвигалась. Не лес, а... болото. Твою ж маху...

08:32

Носилась по округе, искала эту заразу. Ушел! Как и обещал — ждать не стал, а тут... тут везде топь! И самое поганое заключается в том, что я даже не помню, где зашла и куда выходить. Обидно до слез. Забираюсь на какое-то чахлое деревце, кое-как устраиваюсь на ветке и тяжело оглядываюсь по сторонам. Н-да... ваше дело труба, поручик.

08:55

Из воды начали вылезать какие-то головы. Хихикают, перешептываются. Чувствую себя суперзвездой на выезде. Всем интересна, все хотят потрогать. Беру горшок за ручку и как можно более угрожающе начинаю им размахивать.

Шепот стал восхищенным. Кто-то пискнул: «Да это ж девка!» Мне радостно заулыбались. Я так поняла, девки слаще? Видели бы вы их зубы — иглы, а не зубы, буду отбиваться до последнего. Пока есть силы... Которых очень мало.

09:43

Ветка обломилась. Тону, захлебываясь жижей. Отовсюду тянутся бледно-синие когтистые руки. Живой не дамся. Пытаюсь отбиваться, сжав зубы и пытаюсь хотя бы не наглотаться ряски.

Бесполезно... как много их. Вот, блин, если б знала, что закончу свою жизнь в болоте, разорванная стаей голодных кикимор, никогда в жизни не сказала бы, что моя прошлая жизнь не стоит и ломаной копейки...

Мама.

10:00

Странно... Меня резко оставили в покое, кое-как хватаюсь за ветку над головой и на пределе сил взбираюсь обратно, перекидываясь через нее и вытягивая ноги. Хорошо, тут трясины нет, просто утонула бы — одежда тяжелая. Сапог у меня больше нет. И черт с ними. Вот с копытами лазать по деревьям — это то еще удовольствие.

С трудом переводя дух, оглядываюсь по сторонам. Кикимор нет. Ни одной. Все куда-то подевались. Нырнули, что ли? Это я их так напугала? А чем?

Недоуменно разглядываю окровавленные руки и живот. Да нет... вроде начинали они очень даже живенько.

Рев едва не скинул меня с ветки. От неожиданности дернулась и едва не рухнула обратно в топь.

Это еще что? Местный монстр? У меня полоса невезения на сегодня вообще когда-нибудь закончится? Или, шагая по полосатой зебре, я таки добралась до финиша?

Вытаскиваю из-за пояса небольшой складной нож — единственное сокровище, которое смогла притащить с родины. Берегла. Прятала. Жаль... маленькое лезвие, всего с ладонь, зато острое.

Судорожно оглядываюсь по сторонам, одновременно с этим вытирая грязь с лица трясущейся рукой, пытаюсь хоть что-то разглядеть сквозь небольшой туман, устилающий топь. Тут и там к поверхности поднимаются пузыри. Я... я понятия не имею, после какого из них меня сожрут.

10:34

Курлыканье.

Я так замерзла, что пошли глюки. Прижимаюсь спиной к стволу, чувствуя, что копыта в очередной раз соскальзывают с ветки. Меня трясет. Рука с ножом онемела, и я сунула ее под мышку, едва не пропоров себя лезвием. Мама... как же х-холодно, губы трясутся... Опять курлыканье. Тихое такое, нежное. Ласковое.

Щурюсь, вглядываясь в заметно уплотнившийся за последние полчаса туман, пытаюсь хоть что-то рассмотреть. Видимость нулевая.

Вроде день уже. Чего ж так темно-то?..

— Грррр-курл...

Улыбаюсь и прикрываю глаза. Хочется согреться.

10:45

Из воды на меня смотрит нечто. Чтобы это осознать, мне пришлось вглядываться в это нечто минут пять. Глаза покраснели, их щиплет. Что это в воде было-то? Нос не дышит, горло словно раздрает изнутри. Трясет... меня трясет. А оно смотрит.

— Курррл. — Словно мурлычет ласково так... У меня в детстве попугайчик был редкой породы, с ладонь размером... Он вот точно так же курлыкал, когда подлизывался ко мне.

— Привет? — Из легких вылетает хриплый шепот.

Сколько я тут уже сижу? А сколько еще сидеть? Маг... Вернусь — убью гниду. Хоть бы заклинание какое в дорогу дал. Отправил, гад...

— Ку-урррл...

10:57

Она вылезла. Почему «она»? Глаза бы вы ее видели. Большие-пребольшие и желтые-желтые. На круглой симпатичной морде выглядят в самый раз. Смешная она, курлыка эта. Я ее так и назвала: курлыка. Стоит, опираясь передними лапами на ствол моего дерева, пытается обнюхать протянутую к ней руку. А мне так хочется ее погладить. Я даже свистела, чтоб она не боялась. Вроде и не боится. Улыбаюсь и натужно кашляю, понимая, что пневмония мне обеспечена. Меня всю трясет и лихорадит. А еще очень холодно. Я уже это говорила? Я еще раз сто повторю. Я много буду повторять... чтобы не уснуть.

Курлыка осторожно обнюхала руку, приподнялась чуть выше, медленно открыла огромную, наполненную частокотом акульих зубов пасть и резко ее захлопнула, дернувшись вперед. Толстое вытянутое тельце рвануло вверх, короткие лапки крепко впились когтями в ствол прогнувшегося дерева.

Как ведьма успела отдернуть руку — не знала даже она сама. Рухнув в воду, девушка подняла кучу брызг и с криком ушла под воду. Скварга, она же сквалыга, с любопытством проследила за падением, зарычала и резко рванула вперед, с треском ломая тонкий ствол и мгновенно уходя под воду.

Кикиморки жались на берегу, попрятавшись в единственную на все болото избушку. Когда-то давным-давно здесь жил охотник, он-то ее и выстроил. Потом куда-то запропал, а они обжили... И теперь прятались в те моменты, когда сквалыга выходила на охоту. Как только в болоте раздавалось первое курлыкание, значит, проголодалась. И кто из воды не вылез — тот труп. А трупом быть... ну очень не хотелось.

Они внимательно следили зелеными глазами за рябью на том месте, где затонули девушка и чудовище. Ждали, когда появится кровь. Тогда можно будет спокойно заходить в болото и еще неделю ничего не бояться. Жаль, что... такой лакомый кусок достался сквалыге. С другой стороны, никто из них самих не пострадал.

Рябь усилилась, к поверхности поднялось целое облако пузырей, и вода забурлила, словно закипая на огне. Кикиморы, недоуменно переглядываясь, жались друг к другу: такого еще ни разу не было — тварь всегда просто съедала жертву, и все. Пузыри же все не убывали. Словно чудовище орало.

Потом сверкнул зеленый свет, такой яркий, что виден был даже отсюда. До берега начали доходить мелкие волны. Нечисть полезла в дом, вереща от ужаса. И вовремя: вода в болоте вспучилась огромным уродливым бугром и встала стеной. Словно кто-то огромный и странный резко поднялся на поверхность, протолкнув перед собой целую тонну воды.

Домик едва не смыло, все окрестные деревья залило. Верещавшие кикиморки сидели внутри избышки, прильнув к окну и наглухо закрыв дверь.

Минуты две ничего не происходило. Вода успокоилась, отхлынув назад. Пузыри кончились, только с ветвей деревьев все еще градом лились капли, словно дождь стеной проходил над болотцем.

Но только они решили приоткрыть дверь, как из озера медленно всплыла сквалыга и застыла в центре. Всплыла кверху брюхом, с огромной раной на нем.

За рану держались цепкие бледные пальцы. Они пошевелились, напряглись, и рядом показалась голова кашляющей, захлебывающейся жертвы сквалыги... Девчонка была не просто жива — у нее даже руки и ноги были целы.

Кикиморки ошарашенно наблюдали, все еще не решаясь выйти.

— А ты: съесть, съесть... Вона как. Сама сожрет, — прошептала самая старая кикимора товарке.

— Дык а я че. Я ниче. Кушать хочется. А так я ниче.

Все зашебуршились, заспорили. Но тут девчонка побледнела, закрыла глаза и медленно сползла обратно в болото. Бульк, и все. Тело ее скрылось под водой.

Кикиморки переглянулись и ломанулись наружу. Мигом залезли в воду и поплыли туда, где видели девчонку. Надо было успеть, так как, по поверью, ежели тот, кто победил сквалыгу, тут же и затонет, — хана болоту. По крайней мере, именно так гласила одна из древних легенд. А легенды кикиморы чтити и все помнили наизусть...

18:32

Лежу в избышке. Вонь стоит страшная. Меня укрыли кучей всяких тряпок, часть из которых, судя по всему, осталась от прежних хозяев, когда-то решивших пересечь болотце.

Кашляю, поднимаюсь и нащупываю валяющийся неподалеку нож. По рукоять в крови, причем кровь уже запеклась. С сожалением смотрю на хорошее лезвие. Чистить придется, разбирать. Смогу ли?

Рядом кто-то пошевелился. Резко оглядываюсь, вытянув грязную руку с ножом и щуря глаза, чтоб разглядеть хоть что-то.

Кикимора. Сидит, шипит, но не приближается.

Так, Сиг, давай мыслить логически... Тебя не убили, напротив — заботливо укрыли, явно жрать пока не хотят. Так? Не так. Хрен его знает, чего у них на уме.

— Че надо?! А ну пшла отсюда!

Кажись, я ее напугала. Шарахнулась так, словно это сказал не немощный человек, у которого даже руки трясутся, а мощный бугай, только что уничтоживший... монстра.

Задумалась, пытаюсь собрать воедино мелькающие в голове фрагменты картинки.

Что-то курлыкало... так жалобно. Точно помню. И взгляд такой пронзительный, словно я пнула собаку, которая верила... Ничего не понимаю. А, голова... раскалывается, вашу маха. Ладно, все потом.

Но «потом» не вышло. Нахлынуло разом все. И то, как я тонула, и огромное тело с охрененными зубами, и нож, который я умудрилась воткнуть прямо в брюхо, и он там, скотина, застрял. Кислород кончался, я была в панике, монстр визжал, извиваясь, а я не могла отцепиться и подняться наверх, чтобы глотнуть воздуха. Бросить нож... Да без него — я точно не жилец. А тут был шанс. Дура, одним словом. Но нож удержала, еще и пропоролла им брюхо этой страшиле с наивными глазами... проделав огромную рваную рану.

Помню еще, как чудище извернулось и едва не оттяпало мне голову, но тут амулет на груди раскалится так, что волна жара едва не вскипятила болото... Или мне так показалось? Его грохнуло нехило. Я рванула наверх, пытаюсь понять, где этот верх есть. Кажется... кажется, тело начало всплывать, и я уцепилась за рану монстра, надеясь, что всплывет на поверхность. Последнее, что помню, — его глаза, желтые, большие, полные боли и тупого непонимания, за что я его так. Словно ребенка обидела, хотя... мне тогда было все равно.

Сижу, скулю, сжимая голову обеими руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Надо же... надо же, как это хреново — убить кого-то в первый раз. Еще реветь не хватало. Спокойно! Ты девочка сильная, все потянешь, все сможешь... Даже невозможное.

Оглядываюсь, едва не задыхаясь от вони, вытираю лицо рукавом. В окно заглядывают зеленые рожи, изучая меня, словно зверя в зоопарке.

— Чего вылупились?!

Рожи пропали, послышался плеск воды.

Кое-как успокаиваюсь и встаю, кстати... они ж меня, кажется, и вытащили... н-да. Непонятно. То сожрать пытались, то вытащили, спасли. Небось впечатлились от вида порешенного мною монстра и решили, что я их и мертвая уделаю... ага. Наверняка. Или благодарны? Не. На этих рожах крупными буквами написано: «Не знаю, что такое „спасибо“»...

Хихикаю и выхожу наружу, занимая голову всякой ерундой. Отвлечься мне надо, а то с ума сойду.

Ну... да. Они уже в воде, только головы наружу торчат, и все, как одна, смотрят в мою сторону. Задумчиво изучаю их рожи.

— Привет, братва!

Молчание. Хмыкаю и оглядываюсь по сторонам. Выходить надо, пока не сдохла тут.

Одна из кикимор подплыла поближе и очень осторожно, без резких движений, вытащила из воды мой рюкзак и прицепленный к нему горшок.

— Сиггун, ты жива! — Горшок аж дернулся от счастья.

Перепуганная кикимора тут же его бросила, нырнув в глубину. Едва успела поймать. А то так бы и остался Сёма на дне болота. Удовольствие то еще, по сравнению с таким и жизнь у Ланса раем покажется.

— Тьфу. Спасибо. Я чуть сознание не потерял.

— А горшки его теряют?

— Не знаю. Помню, что после ритуала на какое-то время потерял, да и когда ты меня об мага чуть не сломала. Слушай, а где та жуть, которая нас чуть не сожрала? Последнее, что помню, ты к этой хищнице руку тянешь, а она шею вытягивает. Дальше вроде было падение и... все. Ты где-то там осталась.

— Нет жути. Вся вышла.

Удивленное молчание.

— Убежала? От тебя, что ли?

Кикиморы зашебуршились, поднялся гул.

Морщусь и поворачиваюсь к ним:

— А ну-ка ша! Молчать всем! Чего расшумелись?

— Сиг, это кикиморы, они долго молчать не умеют... по определению, — прошептал горшок. — И я бы на твоём месте на них так не орал. Бабы не слабые, питаются опять же человечинкой.

Пожимаю плечами, чувствую, что мне временно море по колено. После того ужаса, который я испытала в воде, сражаясь с этим чудовищем, — кучка напуганных кикимор казалась чем-то несерьезным.

Одна из них опять осторожно подплыла ко мне, что-то быстро пролопотала и положила к моим ногам довольно тяжелую на вид цепь из чистого золота... с большой такой жемчужиной. У меня аж дар речи пропал, а рука сама собой потянулась вниз.

— Не тронь!

Вопль горшка заставил замереть на полпути. Кикиморы напряженно за мной наблюдали. Хмуро кощусь на консервную банку, злая, что меня опять отвлекают по пустякам.

— Ну что еще? Что опять не так? Я убила монстра, мне дали награду.

— Ты убила монстра?! Он упал на твой нож? Или запутался в тине? Промахнулся мимо тебя и разбил голову об дно?

— Так, хорош юморить, Петросян нашелся. Не смешно ни разу. Лучше поясни, какого льда мне

нельзя это брать. Да нет, брать-то как раз можно, — довольно оборачиваюсь к цепочке.

— Если хочешь сама стать кикиморой. Тут такие чары... Надев ее раз — уже не снимешь.

Отдергиваю руку, с ужасом смотрю на дорогую безделушку.

— О как!

— А ты что хотела? Та, кто убила монстра, — сильный боец. Была б мужиком — все равно б убили. А так... почет тебе и уважение. Еще цвет кожи тебе подправить, жабры там, ласты, бородавочки — и вполне за свою сойдешь. Поверь, тебя тут будут любить.

Выпрямляюсь и мрачно оглядываю зароптавших кикимор.

— Хм... и чего делать? Судя по всему, так просто они меня не отпустят и платочком вслед не помашут.

— Меня спусти, горе луковое. Помогу, так и быть.

Удивленно кошусь на Сёму.

— Уверен? В прошлый раз тебя очень даже испугались.

— Ничего. Привыкнут. Зато я авторитетно выгляжу: меня и не сожрешь, и не утопишь. Так что... волшебная вещь и волшебное существо завсегда найдут общий язык.

Пожимаю плечами и спускаю его на землю. Да пожалуйста. Хуже мне вряд ли будет.

19:08

Сёма что-то там доказывает. Сажу у крыльца, смотрю на туман. Он тут всегда? Ночь уже... Переночую я в домике, это понятно, и переодеться надо.

От одной мысли, что придется влезать в вещи утопленников, да еще такие вонючие, мне сразу стало нехорошо. Но сидеть в мокром до рассвета тоже не вариант — поясница уже болит... горло отказывается сглатывать, и грудь раздирает кашель. Голова опять же. Короче, я уже инвалид со стажем и усугублять это не хочу.

Мне бы щас тот дуб... было бы здорово. Если б он меня опять полечил. Мне понравилось.

19:23

Горшок договорился. Попрыгал ко мне и объявил, что меня, так и быть, в кикиморы не примут, ибо я хиловата, слабовата, да и рожей не вышла.

Уж кто бы говорил. Но... даже злиться лениво.

Мне сказали, что вместо цепочки дадут проводника, и он доведет меня до русалочьего озера.

Спросила: что за проводник? Горшок как-то нехорошо захихикал и ответил, что утром узнаю. Ну... ладно, утром так утром.

Пошла переодеваться в дом, выставив сунувшийся было следом горшок на улицу. Я все еще

помню, что в прошлом — он парень, да еще и подросток. Так что не хрен подглядывать. Наглядится еще за свою жизнь.

20:34

Ура! У меня есть костер. Развела у ступеней дома. Кикиморы где-то нашли сухих веток и притащили их мне. Вытаскиваю местную зажигалку из кармана сумки: кремний и огниво. Щелкаю, высекая искры. Разгорелось только спустя час. Зато согрелась чуть-чуть, да и одежда не так уж и воняет.

Развешиваю свое шмотье вокруг костра, следя за тем, как грязные струйки воды стекают на землю и уползают обратно к болоту. Кикиморки расползлись по своим норам. Мне разрешили переночевать в доме одной, хотя и не поняли, чем он лучше норы под водою. Ну... для меня лучше — факт.

Сиж у огня — есть охота, но котелок-то посеяла. Оглядываюсь и... принимаю решение: приготовлю похлебку в горшке.

Горшок сначала ни в какую не хотел лезть в огонь, но я убедила... хорошим пинком. Сейчас вроде ничего так. Ему даже нравится. Говорит, что пузырьки закипающей воды приятно щекочут стенки. Киваю, помешивая будущую похлебку и вдыхая самый приятный аромат из всех, что я нюхала за последние дни. Ммм... еда... Так есть хочется, аж жрать охота.

21:43

Соорудив постель из огромных сетей и остатков одежды, окопалась в избушке. Рядом лежит горшок, устраиваясь поуютнее. На болоте орет выпь... или какая-то другая птица. Изредка залетают насекомые, больно жалясь и заставляя чесаться. Хорошо, сетка есть, сквозь нее далеко не каждый пролетит, мелкодырчатая больно, и кого на нее только тут ловили? Не знаю.

Глаза слипаются, нога и бок болят, кашляю так, что самой тошно. И засыпаю, наконец-то засыпаю, погружаясь в уютный сон без сновидений.

Четверник

10:32

Меня разбудили, подняли, показали взъерошенного озлобленного енота в грязной безрукавке и сообщили, что это — мой сбежавший проводник. Беру сеть и начинаю плести поводок с намордником.

Знаю я этого проводника. Уматает при первой же возможности.

11:36

Намордник надевали все вместе, кикиморы держали, я надевала. Было страшно. Он орал, что за такое проклянет всех и навсегда, что он тут какой-то могущественный дух и вообще мы перед ним ползать обязаны.

Ничего не знаю, у меня поганое настроение. Намордник затянула, ошейник застегнула.

Вперед, родной. А для скорости могу еще и пинка дать.

17:43

Какой уже час идем по топи. По колено в жиже. Проводник и вовсе плывет впереди. Дышит часто, высунув розовый язык и облизывая им нос. Пасть толком открыть не может. Вот и хорошо.

19:39

Выбрались из болота. Сёма решил меня подбодрить и рассказал сказку. В его исполнении это звучало так: он всех спас, победил мировое зло и потряс основы мироздания. Киваю, отодвигая ветви от лица и крепко держа поводок с енотом.

22:34

Легли спать. Енот грызет веревки... Грызутся с трудом. Ну пусть пытается. Они вроде из лески, да и плела добротнo. Это ему занятие как раз на всю ночь. Мне вот интересно, как он потом из защитного круга выберется, в который я его посадила. Невидимый, но действенный. Маг научил.

Кх-кх.

Пятерница

07:43

Визг заставил вскочить и подойти к дереву. Енот дует на обожженную лапку, сидя в центре круга. Ну-ну, объясняю, что пока к русалкам не доставит — не отпущу. Дерется, кусается... Еще и новый намордник плести. Хорошо, обрезки сети захватила.

12:43

Устала.

15:45

Достало. Всё достало. Комары эти... пьют в три раза больше, чем наши. Тоже небось манну запасают для свершения колдовства великого. Гады.

Енот как-то сник. Мне даже стало его жалко на секунду.

Вспоминаю, как он бросил меня погибать в болоте. Жалость испаряется мгновенно, еще туже затягиваю намордник. Енот явно «рад». А мне по барабану.

18:43

— Еще долго?

Взгляд черных глаз. Розовый язык облизал нос и снова скрылся в пасти.

— Я спросила — долго еще?

Отрицательно качнул головой. Показал вперед.

— Сколько? Два часа? Три? Четыре?

Идет дальше, скрипнув зубами, шагаю следом. Горшок пытается рассказать еще одну сказку. Не сейчас, у меня температура, меня бьет озноб, болит голова и жуткая слабость. Мне вот только сказок и не хватало. И ведь если рухну — эта зараза точно сбежит... Могла бы его в круг поместить, но жалко... ежели не очнусь — на редкость мучительная смерть будет у зверька. Хотя...

21:43

Озеро какое-то. Это мираж или глюки? В принципе — все равно. Попить бы.

Енот что-то требует. Показывает на озеро и на намордник.

— Отстань, — хриплю, падая на колени, пригоршнями зачерпывая холодную воду.

Ммм... вкусно. Аж зубы сводит. Так вкусно.

— Привет.

Поворачиваю голову и разглядываю красивое личико с любопытными глазками. Волосы рекой ниспадают на плечи, золотом покрывая бледную кожу.

— Русалка?

Удивление и улыбка, обнажающая острые, как у кикимор, зубки. Ну да, плотоядное ж.

— Я от некроманта Ланселота. Мне твоя слеза нужна, чтобы обменять ее на жёлудь. Дашь?

Улыбка померкла, глаза сощурились. Ну некроманта она знает — это уже хорошо.

— А сам он прийти уже не может. Гордость душит?

— Да, гордый некромант остался дома. Он три дня назад воскрес, теперь вот лежит весь такой загадочный. Помирает.

Удивление в ее глазах. Н-да... слышала я, что они красивы настолько, что даже ангелы спускаются вниз, дабы взглянуть в глаза их зеленые, но фэйри всё же краше.

Потом я уснула, прямо там, легла на траву и уснула, облегченно закрывая глаза.

23:32

Горшок растолкал. Сказал, что негоже дрыхнуть на холодной земле. И так вся красная. Мне указали на дом невдалеке, темный какой-то. Покорно встаю и бреду к нему. Надо так надо...

Какой маленький и ветхий. Рядом вроде речка, наверное, впадает в озеро. Из темноты вырисовывалось что-то огромное, круглое и скрипучее. Один край его был опущен в воду, а само оно крепилось к стене дома... Колесо, что ли? Мельница... вроде.

Не знаю, захожу в дом, махнув на все рукой.

Тут тихо, темно. Лавка, печка. Огонь горит. Я хрипло покликала, нет ли хозяина, но никто почему-то не откликнулся. Ну и ладно, лавка — это хорошо, печка тем более. На печке я и распласталась, постанывая от удовольствия и чувствуя, как тепло входит в тело, согревая озябшие внутренности.

Субботница

06:43

Опять этот звук. Словно кто-то бежит по полу, мелкий такой, но шустрый. Открываю один глаз и смотрю вниз. Никого. Но я ведь точно слышала.

— Горшок. Сёма!

— У? — недовольно посапывая рядом с моей ногою.

— Ты ничего не слышал?

— Нет.

— Гм... кто-то вроде бегал.

— Мыши, наверное, отстань. Тут так тепло.

Хмурюсь, пожимаю плечами и снова закрываю глаза. Рано еще.

08:34

Вдыхаю аромат свежее испеченного хлеба. Снаружи доносится скрежет и плеск. Принюхиваюсь, улыбаясь и не желая просыпаться. Зачем? Лучше еще понюхать. Авось во сне еще и накормят... хлебушком.

За ногу цепко схватили и стащили вниз. От неожиданности крепко навернулась, едва не расшибив лоб.

— Эй!

И снова никого.

— И нечего тут спать! Солнце давно встало. Лежебока.

— Я? Да ты... А где ты? Блин, горшок, ты слышал?

С печки доносился мерный переливчатый храп. Предатель.

— Я тут. Ну куда уставилась? Глазенки-то свои бесстыжие опусти. И где ж это видано, чтобы девка — и в штанах ходила. Видел бы тебя мой дед.

Опускаю голову и удивленно разглядываю мелкого старичка, ростом мне по локоть. Маленький, толстенький, в добротном кафтане, лысоват... глаза темно-синие и нос картошкой, забавный такой. Протягиваю руку, чтоб потрогать. Мне по этой руке вполне чувствительно дали, чуть палец не сломали. Уй.

— Ну чего уставилась? Пришла, не разделась, не представилась, мне не поклонилась, разрешения не спросила. И на печку сразу полезла! Тебя кто учил? Кто родители, спрашиваю?!

— Я сирота. — Испуганно отползаю от разозлившегося старичка. Еще набросится... кто их, этих местных, знает.

Мужичок напротив как-то притих, правда, все еще хмурил кустистые брови, поглаживая белую пушистую бородку.

— Сирота... гм. Ну я так и понял. Дикая больно, да и болеет. Тебе как, легче?

Киваю, неуверенно улыбаясь:

— Гораздо.

Он вздохнул и пошел к столу, возвышавшемуся над ним, как Эверест над холмом.

— Садись, что ли, пропадающая ты наша. Ешь.

— Какая? — Поднимаюсь с пола и покорно иду к столу.

— Пропадающая. Небось уже и не узнала тут ничего. Эх, и кто ж вас ворует, горемык.

Я слабо поняла, о чем он, но тут на столе появилась целая тарелка блинов, кружка чая и ведерко варенья... Я чуть слюной не захлебнулась, стараясь не суетиться и есть хоть немного поприличнее, чем получалось. Старичок уже сидел на краю стола, болтал ножками и строго за мной наблюдал.

— Ешь, ешь... вона какая худая. Одни копыта да хвост остались. Н-да.

09:12

Домовой — а это был именно он — оказался словоохотливым. Поведал мне о своем житье-бытье. Получалось, что с тех пор, как хозяева бросили мельницу, а было это аж лет пятьдесят назад, он тут жил один. Ждал их да за хозяйством приглядывал. В минуты тоски и отчаяния — дрессировал мух и пауков, строя рядами тараканов, играл в великого полководца. Потом всех выгонял, ибо не фиг. На мой вопрос: а откуда мука на блины? — ответил, что давно берег... сам питается росой да улитками, а муку берег. Ну вот и пригодилась. С подозрением оглядываю блин пятидесятилетней выдержки. Я точно выживу?

— Да ты не переживай. Я муку каждый месяц пересыпал и всякую гадость выбрасывал.

Это, конечно, утешает.

— Куда путь-то держишь, потеряшка?

— Я не потеряшка. Просто слегка заблудилась.

— Ага. То тут поживешь, то в другом мире, знаю я вас.

У меня аж блин с вилки соскользнул, упав на стол. А этот знай себе сидит да глазками сверкает.

— Э... мм... откуда ты про миры-то знаешь?

— Мне, почитай, уже триста годков. Я много чего знаю, да ты ешь, ешь. Не русалкам же отдавать.

Ем. Медленно и со вкусом. Первый голод давно прошел, но мне сейчас точно не до еды.

— А как вернуться обратно, знаешь? — с отчаянной такой надеждой.

— А зачем тебе назад? Ты ж только вернулась. Негоже постоянно где-то шастать, где родился, там и пригодился.

— Но я-то родилась там.

— Ну-ну, а я султан Алих-башмед, сто ящериц мне на обед.

— Да нет, ты не понимаешь.

— Я-то все понимаю. Поела?

— Э-э... да.

— Ну и иди! Ходят тут всякие. Едят за здорово живешь, ни спасибо, ни здравствуйте, ни до свиданьяца.

— Спасибо. — Отпрыгиваю, так как мужичок резко начал убирать со стола, едва не выдирая тарелку. Чего это он?

— Пожалуйста! Давай-давай, иди, за чем шла. Все равно ведь не останешься. — Тут он остановился, уныло посмотрел на тарелку и тяжело вздохнул. Мне стало его искренне жалко. Полвека, считай, один... без друзей и родни. С русалками, судя по всему, общение тоже не задалось...

— А ты тут обязан жить?

— А где мне еще жить-то? — с вызовом, шваркая тряпкой по столу. — На улице? На сырой травке косточки студить? Ну уж нет. Печка — она завсегда печка.

— А в город?

— Ополоумела?! Какой город! Я пока туда дойду через топи, лесные буераки да степи... — Домовой застыл, посмотрел в окно и высморкался в платочек, который достал из кармана. Платочек, к слову, был чуть ли не больше его самого.

— Гм... да нет, я просто.

— Иди-иди. Не задерживай людей. У меня тут... уборка еще намечается. Всю ночь планировал. Так что давай. Поела, поспала — и в путь. Ну чего стоишь?

— А к нам не хочешь? — выпалила и застыла в ожидании ответа. Эмм... хоть бы не обиделся.

Домовой замер и удивленно обернулся:

— Куда — к вам? Ты ж потеряшка бездомная.

— Я не бездомная. Я у некроманта живу.

Домовой поморщился, сплюнул и снова завозил тряпкой по столу с таким видом, словно это было делом его жизни.

— Но мы... это... немного не рассчитали и разрушили весь дом! Остался только чердак и кусок кухни... ну и стены... кое-где.

— Хех!

Угу. Тоже умная нашлась. Ну куда я его зову? Здесь у него все свое, все свои. А там?

— Но маг сейчас гномов нанял, они все отстроят быстро... заново. А хозяина в доме-то и нету.

— У некроманта-то? Даже удивительно, — высокомерно сплевывая и заботливо стирая плевок тряпкой.

— Ну я тоже там живу, так что... пока все на мне.

— Ужас.

Выпрямившись, он придирчиво изучил стол и, кажется, остался доволен. Миг, и он уж на полу, побежал за веником. Шустрый.

— Слушай, ну тебе же здесь одиноко. А там куча народу. Я, маг, гномы, еще кто-нибудь придет. На всех готовить надо, обо всех заботиться... — Что-то я куда-то не туда веду. Кто ж поедет на каторгу? Описала так, словно заботиться надо о целой роте мужчин, а лично мне — лень.

— Ну вот ты и заботься, — подметая так, что пыль резко начала подниматься в воздух.

Я огляделась, чихнула, что-то буркнула и выбежала из дома. Ладно, он прав. И чего я к нему прицепилась? Забавно было бы, конечно, иметь своего домового, но, видать, не судьба...

А посреди избушки застыл мелкий домовенок и испуганно смотрел на дверь.

— Эй! — крикнул он. Но никто не откликнулся. — Так я это... согласен я, — тихо прошептал он, посмотрел на метлу и бросил на пол. Вся беда домовых в том, что сами покинуть дом, да даже открыть окно или дверь, они не могут.

Бреду к пруду. Смотри-ка, и впрямь речка, не широкая, но купаться можно, а мне искупаться — самое оно. Чувствую я себя получше. Видать, амулет всю ночь лечил, правда, уже неплохой такой волдырь вздулся в районе грудины. Ну и ладно, это ничего, лишь бы копыта не отбросить.

09:43

С разбега прыгаю в воду, взвизгнув и радостно улыбаясь, холодная — жуть, зато чистая настолько, что видно каждый камушек. От меня тут же пошли черные круги по воде. Сжимаю в руке мыло, извлеченное из сумки, и первым делом намыливаю голову. Волосы, конечно, жаль, но шампуней тут отродясь не было. Голова чешется невыносимо. Как бы кто не завелся. Ну и ладно, обреюсь наголо, вряд ли маг испугается. С копытами, кстати, не поплаваешь. Н-да.

10:00

Русалки злятся. В речку не лезут, но из пруда очень даже повыныривали, кричат, чтоб прекращала воду баламутить да загрязнять всякой дрянью. Усмехаюсь и продолжаю плескаться. Кричите-кричите, мне еще вещи стирать. А те... те в ужасном состоянии.

10:34

Стираю вещи. Визг русалок режет уши. Они, правда, сначала петь пытались, и выходило у них, к слову, недурно. Но... в детстве мне медведь на ухо наступил, по уверениям бабушки. А в школе по музыке я получила трояк после первого же своего сольного выступления. И последнего, собственно. Трясущаяся учительница сказала, что сделает что угодно, лишь бы я больше не пела. Выпросила у нее трояк, сломив барьер угрозами приходиться каждый день и исправлять двойку. Н-да.

Замерзла... на печку бы, к домовому. Но вроде как уже ушла. Вряд ли он мне сильно обрадуется.

Кое-как развела костер, сижу, греюсь.

В следующий раз я буду умнее и разведу его до купания. Честно-честно.

12:09

Русалки сказали, что хрен мне, а не слеза. Кашляют, чихают, лезут на причал, сверкая на солнце разноцветной чешуей. И злые-презлые при этом. Улыбаюсь и очень прошу подумать еще раз, а то я не абы кто, а ученица великого и ужасного некроманта Ланселота. Народ притих, пристально меня разглядывает. Сказали, что непохожа, и попросили чего-нибудь наколдовать.

Хм... выдала единственное, что умела, — запустила пульсар в воду. А это ж молнии, электричество. Коротнуло их... конкретно. Некоторые секунд пять сверкали, топором идя ко дну.

Гм... это я как-то не подумала. Зато эффектно. Вон всего одна русалка и спаслась — на причале сидит, подобрал хвост и с ужасом меня разглядывая.

— Еще чего-нибудь показать? — Стою мрачная, очень боюсь, что меня сейчас некрасиво пошлют.

— Ах ты... проклятие нашего рода будет вечно...

Но тут зашевелились окружающие рыбки, медленно приходя в себя, на причале ж сидели. Только хвост в воде и торчал. Вроде никого не убила. Уф. Я рада.

14:52

Они страшно много говорят. Ругаются еще дольше. И ведь каждой надо высказаться. Стою со вторым пульсаром, чувствуя, что силы не просто на исходе. Их нет. Еле стою. Но злая настолько, что по глазам видят — убью.

Сидят, трогательно свернув хвосты, на причале, с ужасом за мной наблюдают. Ну хоть заткнулись.

— Последний раз спрашиваю: слеза у меня будет или дальше доказывать, кто я есть? Только учтите, теперь я весь пруд испарю к чертям собачьим.

Мне закричали, что слеза будет, хоть ведерко. Только бы я успокоилась и пульсар погасила, что ли.

Я погасила. Сил его держать уже не было.

15:23

Иду к дому. Эти сволочи слезу так и не дали, сказали, что так просто русалки никогда ничего не дают. Жаловались на домового. Сказали, чтобы тот шлюз спустил, а то они в этом озере отрезаны буквально ото всего, — тоже мне интернет-канал перекрыли. Но слезы мне уже показали и пообещали выдавить еще прямо при мне. Ладно, попробую поговорить со старичком. Авось что и выгорит. Да и неохота с ними ссориться в таком состоянии.

Вхожу в дом, предварительно постучавшись и даже вытерев копыта о половичок. Кто его знает, что его опять обидит.

Домовой сидел на полу в центре комнаты, прижав к себе небольшой ларец и о чем-то задумавшись. При виде меня вскочил и радостно мне улыбнулся:

— Вернулась, что ли? А я это... согласен. Думаю, чего они там пропадать-то будут. Ага. Вот, вещи собрал и жду.

Взгляд полон надежды и радости, что я снова зашла.

— Э... мм... ну... я рада. — Пытаюсь пожать протянутую ручку, но мне вместо этого пихают в руки ларец.

— На-ка вот, я без него, знаешь ли, из дома никуда, чей ларец — тот и хозяин. Стало быть, ты. Стало быть, как выйдешь, и я за тобой. Ага.

Киваю, изучая небольшую шкатулку, внутри которой словно желтая лампочка горит. Невидимая. Круто.

— Я это... еще попросить хотела.

— Некогда, девонька, некогда. Мне еще печь погасить, угли сосчитать, добро спрятать... Все-то не унесу. Что мог, в шкатулку попрятал, да не все, вишь.

Удивленно разглядываю небольшую коробочку, как раз размером с кулак здорового мужика будет. Тяжелая, правда, хоть и маленькая, килограмм на пять.

— Там русалки... шлюз опустить просили.

— Шлюз? Ах да, шлюз... а и хрен с ним, опускай. Там снаружи ручку такую черную потянешь, колесо провернется, шлюз-то и откроется. Ну иди, чего встала? Шкатулку не забудь! Я пока тут... это... я сейчас.

Киваю и выхожу. Дедок сильно взволнован, суетится, оглядывается по сторонам и явно не знает, как он это все вдруг возьмет да и бросит. Я слышала, что пожилым людям нелегко бросать нажитое имущество. Интересно, сколько живут домовые? Он достаточно бойкий для своего возраста. Бегает так, что я и заметить-то не успеваю.

15:28

Шлюз открыла. Русалки рады. Полчаса стояла рядом с силившейся разрыдаться русалкой. Мы ее и щипали, и за волосы тянули, и коровой я ее обозвала — потом долго объясняла, что это за зверь. Ничего не помогало — не ревет, и все тут. Плюнула, села рассказывать, как к кикиморам ходила. Слушают с интересом, держатся на расстоянии. Меня тут временно боятся и сильно уважают.

Сказали, что кикимора бы из меня получилась очень даже. На русалку вот явно не тяну. Обозлилась и грозно что-то прошептала, поводя руками и пугая выражением скособоченного лица. Н-да, это я умею. Все смотрят на товарку, над которой, собственно, руками и поводила. Ждут, чего шас случится. Я заявила, что хана ей — теперь станет кикиморой, примерно... через час. Через пять минут позеленеет. Видели бы вы ее глаза.

Набрала слез полную баночку. Достала из сумки склянку, удивившись, как она только не разбилась. На ней был приклеен листик с изображением кривой стрелочки и чего-то отдаленно напоминавшего слезу. Я так поняла, маг пытался намекнуть, что ценный препарат лить надо сюда, ну надеюсь, семи слезинок ему хватит.

Подхватываю вещи, натягиваю капюшон и линяю к дому, пока они не поняли, как мощно я их надурила. Сожрут ведь.

15:45

Домовой вышел, стоит на пороге какой-то весь потерянный. Ветер раздувает белую бородку. Оделся зато так, словно на Северный полюс отправляется. В трех тулупах, шубе, шапке, валенках и с мешком за спиной. Стоит, смотрит на меня, ждет, пока подойду. Сзади доносятся крики удивления, переходящие в злобу. Краем уха слышу: «Надурила!» И ничего не надурила. Просто помогла отдать мне то, что обещали.

Орут, что сожрут и что я... Ну вы поняли, кто я есть.

— Тебе помочь спуститься? — На руки его, что ли, взять...

— Давай руку. Сам я с крыльца не сойду. Магия не пустит.

Палец сжали мелкие, но очень сильные пальчики. Домовой медленно и боязливо сошел вниз и ступил валенками на зеленую траву. Замер. Огляделся по сторонам и огладил бороду.

— Н-да... как тут много всего, надо же. Ну веди, хозяйюшка. Куда нам?

Блин, а где енот-то?

17:34

Енот нашелся в кустах. Горшок был там же. Он его привязал к себе, енот побежал, горшок застрял между деревьев. На этом всё. Оба смотрят на меня, оба глубоко несчастны.

— Ты ж дух. Чего не освободился?

Енот заскулил и облизнул мокрый нос. От былой красоты безрукавки не осталось и следа. Жалко его... честно, жалко.

— И чего ж ты животину-то так мучаешь?

— Э, стой! Это наш единственный проводник! Я понятия не имею, куда идти.

Меня не слушали, выпутывая енота из сети и снимая с него ошейник. Класс. И как мы теперь домой доберемся?

19:56

Енот нас все-таки повел. Еще и дедка на спине везет. Я в ступоре, ничего не понимаю и пытаюсь прислушаться к их разговору. Но они говорят как-то непонятно. О судьбе мира, параллельных мирах, потоках времени и золоте ветряных крыльев, которые всех спасут лет эдак через тыщу. Ладно, мне в принципе все равно, лишь бы вели. Горшок все еще намекает, что ему скучно болтаться у меня на поясе. Поговорить с ним, что ли? Не хочу. Хочу просто идти и идти. И прийти к дубу. А потом домой. Вон енот явно тропы какие-то тайные знает. Уж на что я профан в ориентации на местности, но то, что лес иногда меняется ну просто кардинально, даже я заметила.

21:43

Дошли до дуба. Я в шоке от того, как быстро это можно было сделать, вот если бы этот енот еще и по дороге к русалкам не выкобенивался...

Пока домовой стирает в ручейке безрукавку проводника — общаюсь с дубом на предмет получения жёлудя. Меня попросили полить его кровью, двумя слезинками и отдать остальное ему. Полила, дала, жду.

Довольный дуб шелестит листвой, покачиваясь из стороны в сторону. Надеюсь, я ему не наркоту всучила. Тогда точно без жёлудя останусь.

Жёлудь! Мой жёлудь! Золотой! Тонкая ветка спустилась сверху и осторожно мне его передала. Ну точнее, он на ней висел, а я сорвала. Дуб ойкнул и замолк. Кланяюсь, благодарю, сматываюсь. Дедок, увидев, что уходим, в мгновение ока свернул постирушки и побежал следом. Кстати, безрукавка стала как новая. Мокрая, но новая. У енота в глазах столько счастья, словно ему вернули самое драгоценное, что было. Домовой велел пока не надевать — сначала пусть просохнет. Енот на радостях пообещал проводить его прямо до дома мага. Меня, я так поняла, взяли чисто случайно, да и то я следом бежала, никак отвязаться не хотела.

Дом! Милый дом! Выхожу из леса и падаю на землю, подняв столб пыли и опавших листьев. Дыхание из груди вырывается с хрипом. Я эти три дня почти не спала, питалась — откусывая колбасу на бегу, и пила хрен знает откуда, а что делать: енот пообещал бросить, ежели отстану. На полном серьезе причем. И ларец как-то неожиданно тоже оказался у него на спине.

Хорошо хоть, копыта, как оказалось, неплохо приспособлены к бегу. Да и вообще, ноги у меня явно стали сильнее. Раньше я и пяти минут пробежать не могла, а тут летала часами. Правда, падала, влетала в деревья и кустарники и едва не сломала себе пару костей, но ведь вставала и бежала дальше, а это подвиг, я считаю.

— Это и есть твой дом? — уточнил домовой, распрощавшись перед этим с енотом, который слинял в лес — только его и видели.

Со мной, понятно, никто прощаться не собирался.

— Не нравится?

— Хм... ну не все так плохо, как я предполагал. Только... такими хоромами я еще никогда не заведовал, и дед мой тоже. И прадед...

Поднимаю голову и щурюсь, разглядывая то, что сделали гномы за каких-то полторы недели из нашего бывшего дома. А мы точно туда вышли? Хм... Вон и кладбище, и лагерь гномов по соседству. Не должны были промазать. Да-а... зашибись. И это все за средство от геморроя?

Посреди поля высилось оно. Строение. Замок, я бы сказала, но уж больно вычурный. Хм, а я еще смеялась над идеями мага о фонтанах с мальчиками. Зря ржала. Маг — мужик деловой и своего не упустит. Получил гномов на халяву — выжал из них все. Получил ведьму на халяву — она его и воскресила, и оживила, и накормила, и за ингредиентами бегаёт. Ему все на халяву досталось, а ведьма еще и виноватой себя ощущает. Да если со стороны взглянуть, то я просто поражаюсь его наглости и скупердяйству. Это ж надо.

Итак, первый этаж достроен полностью, второй — наполовину. Строили гномы из гранита, причем не какого-нибудь, а из того же самого, что и стены города. Камни, конечно, таскали мертвецы, подчиняясь приказам гномов. Им-то что, сил много, не устают, а заклинание, которым можно ими управлять, маг и сам смог сочинить. Недаром даже среди некромантов его гением прозвали.

Дом стал в полтора раза больше. Стены отодвинули, расширив внутренний двор. Одновременно копался широкий глубокий ров, через который маг планировал перекинуть мост. Во рву будут плавать выжившие жертвы неудачных экспериментов, пожирая друг друга и пугая прохожих до икоты. И магу убивать какого-нибудь плотоядного монстрика, получившегося вместо банального кактуса, больше не придется.

Сам замок даже сейчас, недостроенный и немного половинчатый, выглядел внушающе. Непрístupный, черный, мощный и пугающий, он одним своим видом подавлял психику окружающих. Что там маг прицепил к стенам, чтобы добиться такого эффекта, — не знал никто, но даже гномам было не очень уютно работать рядом с таким творением. С другой

стороны, они уже гордились им безмерно, ибо прославит оно их в веках — это факт. Даже предложили магу построить первый в мире небоскреб, этажей так на десять. Ну напились — с кем не бывает. Маг загорелся, посчитал, сколько времени займет постройка, понял, что лет десять, не меньше, а так как мертвецы столько не сдюжат, а живые не потянут — махнул рукой. Три этажа, две башни, ров и стены — и все в обмен на пять тысяч доз средства от запоров, три тысячи мазей от прыщей, ведра мази от геморроя и любовного зелья... пять бутылочек. На том и порешили.

— Кошмар! И чего он только понастроил? Это ж жуть. Хоть бы стены белыми сделал. Ну кто так строит? Цитадель зла, мать его. Ты идешь?

Домовой оглаживал бородку, внимательно изучая свой будущий дом.

На секунду испугалась, что он развернется и попросит проводить его обратно. А я столько не протяну. Я прямо тут упаду и сдохну.

— Бывало и хуже. Зато хоромы. А то, что всякая гадость повешана, так это ничего. Род Кузьмы никогда работы не боялся. В том числе и грязной.

— Так ты остаешься? — Чувствую такое облегчение, словно из шарика, который был в груди, выпустили воздух.

— А как же. Ты ж теперича моя хозяйшкa. Так что и не надейся, не брошу. Ну пошли, что ли? — закидывая мешок за спину, глядя на меня черными глазками.

Киваю и спускаюсь вниз с холма. Меня все еще шатает от усталости, но уже более или менее отдышалась. Да и еще кусок колбасы в кармане завалился. Живем. Кусаю огрызок и кошусь на старичка, бодро шагающего к новому дому. Взгляд его был суров, он явно обдумывал, как будет обустраиваться на новом месте.

— А тебя как зовут-то хоть? — Запоздало вспоминаю, что об этом в суматохе я спросить как-то и забыла.

— А как назовешь, так звать и будут. Имя-то хозяин дает. Да.

— Ну а как раньше звали?

— Что раньше было, того ныне нет, — упорствовал старичок.

Сложно с ним, я еще и не знаю, может, у них тут старыми именами зваться нельзя — проклятие какое случится или прыщ вскочит. Блин, и какое ему имя подобрать?

— Нафаня... Давай ты будешь Нафаня? — Все ж таки любимый мультик в детстве был про домового Кузьму и его нелепые приключения. Нафаня, кажется, его всегда выручал. А этот удивительно на него похож. Тоже с бородкой, тоже все умными словами говорит. Енота вон приручил, домовитый опять же.

— Хм... На-фа-ня, — попробовал на вкус имя старичок. — Хорошее имя. А как узнала?

— Чего узнала?

— Ну что деда моего звали Нафаня?

— Э-э... догадалась. Случайно.

Мне погрозили пальцем и поправили рюкзак за спиной.

— Вот всегда с вами так, с потеряшками. Ничегошеньки не помните и только все озарениями-то сыплете и сыплете. Прямо как ты.

— Да?

— Да. А... мертвецы тут... это нормально?

Нам как раз дорогу загородил поломанный такой зомби. Явно шел на кладбище — помирать окончательно, то ли глыбой его пришибло, то ли телега переехала, только вид у бедолаги был не очень.

— Ага. Маг обещал потом их упокоить. А пока ты их не бойся. Есть одно заклинание...

— А я и не боюсь! — И, задрав нос, домовый по широкой такой дуге обогнул бредущего к погосту мертвеца. Забавный он. Видно же, что боится, но вот шиш признается.

Бегу следом. А то ведь убежит без меня, и надо еще как-то магу объяснить, откуда он взялся. Н-да-а... маг меня убьет — факт. Ну и ладно, зато теперь у нас будет свой личный домовый. Ему поваренную книгу пусть и дарит. А то нашел прислугу. Н-да.

За такими приятными мыслями мы и дошли до ворот замка, где уже стоял некромант и довольно бодро и громко всеми и разом командовал. В глазах его сверкала жизненная сила, на коже появился загар, и сразу стало понятно, что она вовсе не желтая, а просто немного смуглая. Рыжие волосы трепал ветер, и в его осанке читалась сила, мощь и энергия. Я даже залюбовалась им на миг.

А потом он повернулся, увидел меня и... скорчил такую мину, словно я вот только что испортила ему буквально все! Или собираюсь испортить.

— Вернулась? — угрюмо спросил этот гад.

— Да, — не менее жизнерадостно.

— Принесла?

Он же щас заплачет, козел. Ну что я ему такого сделала? Небось ждал, что я в болоте сгину. У-у... я ему устрою.

— Да.

— Молодец! А чешую?

— А?

— Мне нужны были жёлудь и чешуйка с правого плавника седьмой дочери водяного. Я ж тебе записку написал. Ты ее при мне в сумку сунула.

Ошарашенно на него смотрю, потеряв дар речи. Да мало ли что я куда совала!

— Так. Чешуйки нет — вали обратно.

И от меня отвернулись, радостно приветствуя гномов, подъезжающих к воротам на телеге.

— Маг... — У меня аж горло перехватило от злости. — А ты уверен, что мне надо назад?

— Ага. Иди, иди. У тебя еще неделя есть, — радостно. Не оглядываясь.

И в тот момент у меня впервые в жизни получилось самостоятельно сделать фаербол... Он-то и настиг бегущего к телеге мага, с визгом врезался в него, охватив жарким огнем и разлетаясь рыжими искрами...

Вопль мага описывать не буду. Добавлю только, что на него кроме собственно лестницы, упали ведра с водой, которые гном как раз поднимал на второй этаж. Вода, конечно, огонь потушила, но ожогов было много, очень много... Короче, когда он встал, похожий на обгоревшую головешку, и обернулся, прожигая меня взглядом, я поняла, что мне и вправду пора. Поставила на подоконник ларец, подхватила на руки домового и посадила рядом, помахала всем ручкой и на всех парах бросилась в лес. Маг, кажись, бежал следом. Не знаю. Знаю только, что, когда я обернулась, домового в окне и след простыл.

Часть пятая

КНОП, СИГГУН И ДРУГИЕ

Дневник вошел в режим автопилота.

Запись ведется... Запись ведется...

Вторница

19:43

Пока ведьма бежала к лесу, напуганная магом, маленький эльф колдовал, сидя в новой лаборатории, оборудованной на первом этаже, там маг целыми днями варил зелья для уплаты гномам за постройку. Он расчистил пол, насколько смог, поместил туда зелья, начертил кусочком мела символы в углах пентаграммы и осторожно вошел внутрь, сжимая в руках потрепанный листочек. Вокруг царил сумрак. Антимагическое покрытие на стенах отражало заклинания, не давая им разрушить лабораторию, — наученный горьким опытом, маг перестраховался, и теперь, что бы откуда бы ни вылезло, из лаборатории это не выйдет. В случае взрыва подорвется все, кроме стен, ибо магия опять же срикошетит внутрь, за это заклинание маг отдал чуть ли не все золото из сокровищницы. Может, конечно, малек и переплатил, но такая защита стояла теперь только в двух местах: в академии магии при императорском дворе и в скромном домике некроманта.

Эльф повернулся строго на север и начал медленно и вдумчиво читать слова заклинания. Голос его срывался, он очень боялся где-нибудь что-нибудь перепутать. Тонкие крылышки едва заметно подрагивали от страха. Если, как и при заклинании мага, из пола вылезет что-то страшное — он точно не справится. Просто точно не справится. А помощи ждать неоткуда. Маг его за это заклинание убьет, а Сиг расстроится, ведь он намеревался разорвать их кровную связь... Достав из кармана амулет, который дал маг, он крепко сжимал его одной рукой и старался не сбиваться.

После того как Сиггун перестанет быть кровно связана с ним — он сможет сделать ее своей эльфой.

Тихие слова наполнили воздух. Отражаясь от стен, они не угасали, а все множились и множились, превращаясь в целое море шепота, окружившего Кнопа. Он заговорил чуть громче, боясь, что его не услышат. Но его слышали. Все всё слышали и откликались на его зов, как море откликается на зов русалок.

— Эспериалитум Сэнторе Авантис!

Он перевел дух и замолк. Листочек вспыхнул ярким светом и сгорел прямо в его руке. Ойкнув, эльф потряс обожженными пальцами и сунул пару себе в рот. Огляделся. Ничего. Тихо, спокойно, никого нет. Никто не спешит его ругать, съесть или делать еще что-то столь же страшное и ужасное.

— А может, все... ну так и надо? — Эльф приободрился, услышав свой собственный голос. — И незачем было так волноваться.

А с этим что делать? Он задумчиво посмотрел на небольшой бутылек с раствором, ингредиенты для которого искал последние недели две — с тех самых пор, как маг воскрес, — уже тогда он знал, что свершит этот ритуал. Ну... ингредиенты он достал, обряд свершился. А это... выпить надо, наверное. Эльфенок принюхался и сморщился. Пахло не очень.

— Кто звал?

Мелкий аж подпрыгнул с перепугу. Голос словно сформировался из шепота, который уже шелестел и накатывал как лавина, не в силах выбраться из комнаты.

— Я.

— Кто — я? Не вижу. — Тихий, спокойный и гулкий, он слегка пришептывал и доносился, словно из глубокой-глубокой дыры. Хотя дыр тут никаких и не было.

— Эльф. Я эльф Кнопопупс! Кровный эльф ведьмы Сиггун! Требую разрыва связи!

— ...Требуется он. Забавно. Мелкий, а туда же. Требуется.

— Нельзя? — расстроился эльф.

— Почему нельзя. Можно. А что взамен?

— У меня амулет есть. Красивый. С камушком.

— Покажи.

Эльф поднял амулет повыше.

— Ты забыл. Я тебя не вижу. Наверняка пентаграмма мешает. Вечно все скрываются.

Эльф взял кулон за цепочку и осторожно качнул им в воздухе — так, чтобы камень на секунду покинул пределы круга, сверкнул в воздухе, отразив свет понатыканных тут и там свечей, и снова скрылся в гранях пентаграммы.

— О какой ка-амень! — удовлетворенно прошипел дух. — Давно такой хотел. Да все возможность никак не представлялась... Ну чего ты там хочешь? Говори скорей, некогда мне тут. У меня дел много. Жизни высосать, болезни навести. Деток много, работаю много.

Эльф побледнел, чувствуя, как трясутся колени. Дело было не в том, что дух говорил, а в том, как он это делал. Словно эта была рутина, грязная и давно надоевшая рутина.

— А ты кто? Как зовут-то?

Бурчание смолкло, но шепот упорно усиливался, перерастая в грохот, еще немного — и Кноп опасался, что он оглохнет. А еще ему упорно казалось, что шепот ищет его — летает по помещению все быстрее и быстрее, пытаюсь наткнуться на него.

— Так ты еще и не знаешь, кого вызвал?

— Знаю, но... вот имя... Должно же у тебя быть истинное имя, неведомое людям.

— А с чего ты взял, что тебе я его раскрою?

— У меня есть право. — Эльфенок крепче сжал обожженный кулак, в котором сгорело заклинание. — У меня есть право. Я читал.

Голос забурчал, зарокотал. В комнате поднялся легкий ветерок, который следовал вслед за шепотом, все усиливаясь и усиливаясь.

— Ты думаешь, я тебя не найду, малявка?

— Я не малявка. Я очень большой... тролль.

Тихий смех.

— Тролля я бы нашел, не шепот, так ветер бы помог. Где же ты?

— Имя назови!

— Где же... имя... где? Где?!

Эльф зажмурился и присел. Вокруг гулял уже целый ураган. Шипение с треском рассыпалось на звуки, ударяясь о стены. Было полное ощущение того, что еще немного — и мир рухнет, его достанут, найдут, съедят.

— МОЕ ИМЯ — СМЕРТЬ! Я ЕЕ СЫН. МЛАДШИЙ. ТРЕТИЙ. ТРЕТИЙ СЫН СМЕРТИ.

Эльф кивнул, зажав руками уши, но все равно прекрасно слыша каждое слово:

— Теперь ты скажи свое!

— Кнопопупс.

— ЧТО?!

— Кнопопупс!

И ветер стих, шепот начал ослабевать, а вскоре в комнате и вовсе воцарилась гробовая тишина. Эльфенок встал, волосы его стояли дыбом, его трясло, и он не понимал, закончилось ли уже все или еще нет.

— Тебя нет в моем списке, — хмуро прошептали из угла. — Я проверил трижды. Ты сегодня не

умрешь.

— Да? — радостно.

— Да, но можно очень сильно досадить и другими методами.

Эльф приуныл. Он уже не дрожал, весь страх словно высосало тем ураганом. И хоть ноги все еще тряслись, но он решил идти до конца.

— Мне нужно заклинание, мне очень нужно, чтобы ты разорвал связь между мной и ведьмой Сиггун.

— Не могу.

— Почему?

— А ты не того призвал. Я же смерть, а не жрец. Жрецы — они да, ходят с косами, все всем разъединяют. Но я другой. Я не умею. Убить могу, прочее — не для меня. Ты никого убить не хочешь?

— Нет... — растерянно.

— Жаль. Красивый больно у тебя амулет. В принципе он мне не нужен, но вот буквально вчера сынишка такой попросил.

— А что это? — разглядывая поблескивающий камень и вытирая пыль с лица. Ветер немало ее накидал.

— Это? Да так. Оптимизатор, кажется. Кто их поймет, с их новыми игрушками. Вот в мое время украсть косу жреца, стать видимым и пройти среди людей — было верхом храбрости и отваги... меня даже кто-то прямо так и нарисовал: скелет в черном, с косой, сеющий смерть. Мне очень понравилось... да.

— А что такое «оптимизатор»? Что он оптимизирует?

— Как что? Настроение. Оптимизм! Есть такое слово. Вот и придумали пессимизатор и оптимизатор. Тьфу ты, язык сломаешь. Весело ему будет, понимаешь? А сын маленький, и у него день рождения. Вот я и искал. Тебе точно никого убить не надо?

Эльф вспомнил некроманта и то, с какой готовностью он отдал этот кристалл...

— А почему у меня не вышло вызвать жреца? Я же его просил.

— Гм. Ты еще и глуповат. Да, жаль, но так даже лучше.

— Ты должен мне ответить! — Эльф почувствовал, что плачет. Слезы полились как-то сами по себе, его снова затрясло. Просто... он за последние две недели столько пережил, чтобы это зелье сварить. Один коготь мантикоры чего стоил. Она его чуть не убила, увидев, как эльф старается отрезать коготок у детеныша. Детеныш его при этом активно облизывал и радостно прижимал к себе пушистыми лапами, вот только его лапы и спасли, мать не смогла ударить по сыну. А он вовремя смылся. Ну почти. На крылышке все еще осталась зазубринка — рваная ранка с обтрепанными краями. Он с тех пор гораздо хуже летать стал. Больше ходит.

— А чего тут отвечать... Ты не то заклинание прочитал, и всего делов-то.

— Как это? Я точно то...

— То, да не то. Я заметил. По пеплу... не тот лист. Но чары на нем были. С амулета и перекинулись. Они немного исказили текст, и появился я, тебе еще повезло. Вообще никто не должен был появиться. Исказившееся заклинание обычно приносит либо разрушения, либо не срабатывает вообще. Вот у тебя сработало. Молодец.

Чары с амулета? Ну, маг.

— Есть! Есть для тебя работа!

— Да? И амулет отдашь? — с интересом.

— И амулет отдам. Только убей эту заразу... можно не до смерти, а то потом опять воскрешать замучаемся.

— ВОСКРЕШАТЬ?!!

Эльфа сдуло из пентаграммы, к нему тут же рванули черные игольчатые щупальца, как успел заползти обратно — сам не помнит, на ноге остался глубокий порез, а в глазах ужас, переходящий в панику.

— Это тот некромант, что сбежал из моих списков трижды?

Эльф тяжело дышал, не реагируя.

— Сначала он не умер, потом он воскрес. А сегодня снова едва не попал, но выкрутился. Никому не позволено сбежать из списка. Это мой список! И каждый, кто в него попал, — мой. Где он?

Эльф ткнул пальцем в дверь, все еще тяжело дыша.

В дверь грохнуло с такой силой, что в ней образовалась глубокая такая вмятина с очертаниями зверски перекошенного от ярости лица.

— Открой!

Эльф вздрогнул, удары в дверь продолжались, били сильно и мощно. Долго она не продержится, это факт. Со всей своей неприкосновенностью из антимагического состава.

— Открой!!!

— Сначала желание! Разорви связь!

— Гррр...

Эльфенок всхлипнул и сел на пол. Посмотрел на бутылек с варевом, открыл его и, вздохнув, выпил. Зачем? Чтобы хоть так... две недели! Едва не погиб, очень устал, бросил Сиггун. И все зря. Она ему никогда и ни за что этого не простит.

— Эй-эй, а ну стой.

Эльф остановился, посмотрев на пустую колбочку и вопросительно на дверь. Больше смотреть как-то было и не на что — его гость был невидимкой.

— Это чего у тебя?

Эльф рассказал, грустно шевеля ушами и сидя на полу.

— Там хоть капелька осталась?

Кноп пристально посмотрел на сосуд, поместил его напротив пламени свечи. Была капля... даже три. И все.

— Три капли.

— Три! Капли... кидай сюда.

— Зачем? Я же почти все выпил.

— Не спорь со смертью, кидай сюда, кому говорю. А то я списки-то подкорректирую.

Кноп пожал плечами и кинул колбу в дверь. Стекляшка сверкнула в свете огня и застыла, так и не упав на пол. Потом медленно поднялась выше и осторожно опрокинулась, теряя капли, которые исчезали, не долетая до пола.

— Мм... Отличный состав, такой только жрецы и пьют. А еще есть?

— Да целый котел. Я немного налил, но там у меня...

— Неси.

— Зачем?

— А затем. Принесешь котел, и я не только вашу связь разделю, о чем ты просишь, но и выполню любое твоё желание.

— Ага. Я выйду, а на меня опять набросятся эти щупальца. Не пойду.

— Ну не будешь же ты сидеть тут вечно. Ну хочешь, два желания? Тебе вообще-то зачем связь разрывать? Ты же от одной только капли ее крови можешь столько силы получить, сколько потом и за всю жизнь не соберешь.

— Знаю, — тихо.

— Тогда зачем? Накопишь сил, превратишься в куколку.

— Нет! Я только с ней. Без куколок.

— Мелкий ты еще, а она небось дева романтичная. Вот и ты плоть от плоти ее — мечтаешь о большой любви и не доверяешь никому, кроме нее. — Голос постепенно затих, словно говоривший что-то вспоминал.

— Я не мелкий и не мечтатель. Я согласен! Принесу котел... Только дай слово, что не тронешь.

— Хм, да чего бояться. Говорю же, нет тебя в списках. Иди... иди.

И эльф пошел. Сначала постоял немного, зажмурившись, немного почитал защитные заклинания и пошел.

Ему не препятствовали. Рядом шипело, выло, дрожал воздух, и свечи казались чем-то извилистым и едва тлеющим. Хотя когда он был в круге, все светили нормально.

— Скорей.

Он кивнул, приоткрыл дверь и пулей вылетел наружу, стараясь даже не оборачиваться. Ни в коем случае. Потому что на миг показалось, что смерть проявилась и ухмыляется ему вслед беззубым ртом.

20:02

Котел, который оказался ковшиком с ручками, с натугой заволокли в комнату. Причем толкали впереди себя, чтобы даже на секундочку не коснуться пола лаборатории. Едва ковш пересек невидимую границу, как его тут же отобрали, подняли в воздух и с восторгом выпили. Отдельные капли падали на пол, но в основном жидкость исчезала в чьей-то утробе. И вряд ли это была утроба скелета.

— А-а... — прошептал невидимый гость довольно. — Вкуснее я еще не пробовал. Очень вкусно. И даже глаза бабочки. Все на месте.

— Я старался, — буркнул эльф и отважно шагнул в комнату.

Дверь за его спиной с тяжелым скрипом закрылась, отрезая его от остального дома.

— Ну... что хочешь? Пока я добрый. Да брось ты эту пентаграмму. Я добрый. Мне хорошо.

— Связь!

— Далась же тебе эта связь. А если она не захочет быть эльфом? Что делать будешь?

— Я ее очарую, — мрачно сопя. — Она сама говорила, что я очень красивый.

— Ну да, девушки все так говорят, когда спрашиваешь, если у них есть совесть, конечно, если нет — говорят как есть. — Вздох.

— А как тогда? Только так и можно. Я ведь... я ведь маленький, и она на меня смотрит как на игрушку.

— А ты стань человеком.

— А?

— Ну. Большим и сильным. И ей не придется превращаться в мелкое беззащитное не пойми что. И тебе хорошо, ведь если ты ждешь, что она оставит ради тебя все, неужели сам не готов на большее?

— А так можно? — Ушки разошлись в сторону, встав параллельно земле. Вид у мелкого был презабавный, такой растерянный.

— Можно. Ты меня таким варевом угостил. Я теперь лет сто могу никого не убивать и все равно в семью много буду добычи приносить.

— Как это?

— Не твоего умишка дело. Так... значит, парнем.

— Эй-эй. Погоди. Я... я не давал разрешение!

— Ты вне круга. Мне разрешение больше не нужно. И вообще я тут по доброй воле. Стоит мне тебя убить — и все, я свободен. Кстати, давай сюда амулет. Тебе он не нужен, а мне пригодится.

Амулет нагло выдернули из кулачка, и он исчез где-то там под потолком.

— Эй!

— Тихо-тихо. Ну что, давай свое желание. Первое, кстати, я сейчас уже выполнил... — Послышался удар, вопль и громкий надсадный крик.

22:35

Мне очень больно, вот шла-шла, как вдруг так по руке резануло, словно ее напрочь отрубили. Сижу, скуля, под деревом, пытаюсь не заорать во весь голос. Тут такие жути в лесу бродят, слопают и не подавятся. А лошади-скелета для отпугивания со мной нет. Колдовать не могу — пробовала, да и вообще заблудилась я.

Ой, что ж так больно?

Зажмуриваюсь и вою сквозь стиснутые зубы. Словно вырывают что-то изнутри, с мясом и нервами.

Все-таки не выдержала — заорала. Мне вторил чей-то вой, подхваченный многими голосами по всему лесу. Ну вот, еще чуть-чуть — и сюда сбегутся все. Надо... залезть на дерево...

23:45

Смогла взобраться на ветку, кое-как ползу на вторую. Рука уже не так болит, только пульсирует и слушаться отказывается. Что характерно, рука правая, а пульсирует рядом с сердцем. Я заболела? Фиг его знает, что тут можно было подцепить. А еще в ушах звон такой, словно далеко-далеко кто-то очень громко шепчет, но здесь в лесу почти не слышно.

О, волчара. Небось оборотень, вон как глаза сверкают. Ползу выше и два раза чуть не падаю, оскальзываясь копытами на мокрой после дождя коре. Не-эт... я тут лучше посижу. Тут две ветки рядом срослись, сидеть удобно, ноги вытянуть можно. Очень надеюсь, что волки по деревьям не лазают.

Средница

00:13

А волки все не уходи-или.
Стояли, глядя на меня,
И молодого генерала

Травили вовсе не шутя.
И молодо-ого генера-ала
Просили с ветки снять меня.

Сижу, пою, поглядывая вниз и изучая матерого черного волка, вокруг которого собралась вся стая. Волки рычали, прыгали, подбадривали его. «Генерал», как я его окрестила, рыл когтями землю и оценивающе смотрел на дерево. Я в курсе, что меня сегодня сожрут. Вот только... так помирать не хочется. Казалось бы, ну чего я так за эту жизнь цепляюсь? Сижу с копытами, с хвостом, а не доставлю магу за неделю эту чешую — всю жизнь такая ходить и буду. И ведь все равно жить хочется, как ни крути, а хочется. И видеть, как на моем боку смыкаются огромные острые клыки, прогрызающие на раз кожу, разрывающие плоть, — не хочется этого мне. Ой как не хочется. Я лучше с голоду вот тут помру.

— Спус-кай-ся.

Голос, больше похожий на лай, заставил перегнуться вниз и поискать источник звука.

— Кто это сказал?

На меня рыкнули, и я посмотрела в желтые глаза «генерала».

— Ты говорящий?

— Спус-кай-ся!

Показываю шиш и отворачиваюсь. Слышен рык, лай, и пара тел врезалась в дерево, пытаюсь меня стряхнуть. Фигушки. Я тут неплохо устроилась, до завтрашнего вечера дотяну точно — со мной мой рюкзак с остатками колбасы и сосуд с водой. Так что не пропаду, ребята.

— Спус-кай-ся!

Он другие слова знает? Или верит в силу своего убеждения? Типа, чем больше раз повторю, тем быстрее поверит, что оно мне надо.

— Отстань. Дай поспать. И без тебя тошно...

Хорошо хоть, что шмотья я на себя после русалочьего озера нацепила столько, что на три жизни хватит... Тепло. Мне и вправду тепло, да и амулет все-таки вылечил, правда, теперь, как я его ни тыркаю, висит бесполезной игрушкой. Но хоть не кашляю, голова не болит и горло не раздрает от боли.

Снизу зарычали и бросились на дерево.

Недолет. Два метра недолет. Но прыгнул высоко, уважаю. Висела бы чуть ниже — точно бы перепугалась.

04:34

Меня разбудил дружный тяжелый вой. Сонно оглядываюсь, пытаюсь понять, где я. Чуть не навернулась. Ой, а тело-то как боли-ит. Кошмар! Я, наверное, теперь на всю жизнь такой скрюченной и останусь, особенно шея.

Волки сидят внизу и воют на полную луну. Она, кстати, убывает, а полоска горизонта медленно

бледнеет. Вот бы чары спадали по утрам, и вместо кучи зверей как по мановению лучика оказывалась куча голых мужиков... Хорошо бы красивых.

И благородных! Ну а что? Оборотни покусали, к примеру, отряд паладинов. Я слышала — они тут шибко честные и помешаны на добродетели. Во-от. Ну паладины не поняли, что произошло, а через месяц в полнолуние обратились в волков. Сейчас придут в себя и...

Волки удивленно изучают ведьму, весело хихикающую на ветке. Было полное ощущение, что она сошла с ума. Впрочем, если бы они знали, в скольких передрягах она уже побывала и как ее недавно турнул из замка некромант, они бы так не удивлялись. Тут нервы выдержат не у каждой.

05:54

Рассвет.

Солнце медленно окрасило мир в разные цвета, забрав серый — подарила зеленый, синий, красный, желтый...

Смотрю вниз, ожидая, когда начнут превращаться. Нет, я понимаю, что все, что нафантазировала я себе, слегка нереально. Но хоть что-то сбыться должно. Генерал, к примеру, оборотень точно. Говорил же. Пусть и всего одно словно. Так что...

Хм... Руку перестало дергать. Задумчиво шевелю ею, разглядывая на свет, пробивающийся сквозь чахлую крону.

Странно. Ощущение потери. Причем большой такой потери... Невосполнимой. Вроде одна была, одна и осталась. С магом что-то? Не. Вряд ли. Я так тонко чувствую этого изверга, что точно знаю — он живее всех живых, зараза. Тогда что?

Ладно, неважно. Вон вожак начал крутиться, его явно выламывает, шерсть клочьями осыпается.

Хе-хе, один голый мужичок у меня сегодня все-таки будет.

05:54

Эльф медленно приходил в себя, лежа на каменном полу. Тишина. Никого нет. Последнее, что помнит, — очень сильная боль, словно его разрывало на много маленьких кусочков, и так плохо было, так плохо.

— Да, недооценил я узы кровников. Ты ж не воздушный и не земляной. И даже не огненный. Ты кровник. Прости.

Эльф привстал и огляделся. Перед глазами все плыло в алом тумане. Очень хотелось пить.

— Ну чего, жив? Жив. В списке тебя не было, значит, жив. По-другому и быть не могло.

— Смерть?

— Не называй меня так часто. Не кличь беду на свою голову. А то буквы проявятся, и заберу

тебя. Придется. Хоть и не хочу теперь работать... много.

— Что... что произошло?

— А ты не помнишь? Ты все кричал, чтобы я связь разрубил, а того не знаешь, что связь та кровная. Между душами... Все равно что влюбленный попросил бы заставить не любить. Больно это, трудно, но ты так просил, а я не хотел отказывать.

— Связь?..

— Цела.

Эльф поморщился и кое-как встал. Его шатало, вскоре он уже снова сидел на полу, тяжело переводя дух.

— Да не переживай ты. Ну подумаешь, останешься таким. Все равно она бы тебя не полюбила.

Алые глазки яростно сверкнули, эльф зашипел сквозь сжатые зубы.

— Да не злись, не злись. Я просто вижу, где может быть любовь, а где нет. Но вам, живым, это рассказывать бесполезно. — Третий сын смерти вздохнул и завозился в углу. — Ладно. Пора мне. Благодарствую за оптимизатор и зелье. Но вишь как... никак.

— Ты у меня в долгу, — тихо.

— А?

— Ты у меня в долгу. Я, может, и маленький, но договор читал. Он был мелким шрифтом набит. Ты в долгу! И долг отдашь тотчас, как я захочу.

Его горло сжали ледяные щупальца, а кожу проткнули острые иглы, высасывающие жизнь.

— Ты еще маленький. Многого не понимаешь. Много не знаешь. Не тебе, вышедшему из защитного круга, что-то от меня требовать.

— Это пентаграмма... — прохрипел Кноп, пытаясь расцепить захват.

Тихий смех был ему ответом:

— Даже это сделал неверно.

Потом его отпустили, он упал, закашлявшись и едва не теряя сознание от боли, его трясло и внутри словно ледышку положили.

— Так и быть, Кноп. Я верну тебе твоё желание. Но смотри, не перегни палку.

Шепот отдавался в ушах, нарастая, взвиваясь воздушными вихрями и заставляя кричать, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

А потом все прошло. Резко так. Все исчезло. Лаборатория больше не была зловещей. Вокруг не царил туман. Свечи давно погасли, а маленький эльф упал на пол, застонал, свернувшись в клубочек, и в который уже раз потерял сознание.

06:00

Сижу на дереве, смотрю вниз. Н-да-а... я его себе как-то по-другому представляла. Косматее, что ли. Взгляд такой волевой должен быть. А то что это... Волки вон тоже все в недоумении, ходят кругами вокруг свернувшегося в позе эмбриона тела, нюхают, рычат, пытаются сообразить, что с ним дальше делать.

06:12

Он проснулся! Как раз когда ближайший волк раззявил пасть, чтобы куснуть кусочек. Есть-то хочется, голод не тетка, а тут, нате вам, все готовенькое. Теплое, еще дышит и не сопротивляется. Ну почти. Глотку он ему пережал мощно. А когда я увидела бугры мышц, перекачивающиеся под кожей, мне и вовсе стало интересно.

Волк хрипит, стая рычит. А этот медленно сел, ощерился и та-ак рывкнул. Я сама чуть с ветки не упала. Зато эффект — мгновенный. Волки, поджав хвосты, отступили на шаг. Радостно машу ему ручкой, пытаюсь привлечь к себе внимание, главное, чтоб копыта раньше времени не заметил, а то мало ли как местные оборотни на нечисть реагируют. Доказывай потом, что ты случайно некроманту под горячую руку попала.

Хм. А он на меня и не смотрит. Ну зыркнул разок, и все на этом. Хмуро его разглядываю, понимая, что обиделась. Мечта о прекрасном спасителе улетучилась как дым. Эх, зато у него виски седые. Немного. И он страшно мускулист. От него за версту разит этим самым... животным магнетизмом, так что временно прощаю мужику все. Да и потом, он занят, вокруг него стая волков, которые вот-вот придут в себя и сообразят, что их больше.

06:34

Мужик эффектно всех раскидал. Подхватил ближайшее поленце и так всех... Ух! Только челюсти да ребра трещали. Сижу, ерзаю, болею за наших. Наши побеждают!

06:44

Все. Последний волк ушел. Мужик бросил поленце, огляделся, пожал плечами и куда-то пошел.

— Эй, а я?

Вот так мы и познакомились. И встреча эта будет описана в веках...

06:45

Пронзительный взгляд, он повел плечом и пошел дальше.

— Оборотень, генерал! Постой! — Лезу вниз, ломая ветки. — Э, да погоди!

Догоняю, запыхавшись, иду рядом, с интересом его разглядывая. Он, кстати, ничего такой... симпатичный даже, черты лица правильные, глаза карие, седина на висках... я повторяюсь? Но это мой пункт. Так что сорри.

— Я Сиггун. А тебя как звать?

Тишина.

— Слышь, ты, я Сиггун. А как тебя звать?

Тишина.

— Я ГОВОРЮ... — точнее, ору уже.

— Я охотник.

Отпрыгиваю. Не люблю, когда на меня орут... Он всегда так с девушками общается?

— Ага. А я Сиггун.

Злобный недовольный взгляд.

— Тебе не дуется? Ну вот так, в чем мать родила, бегать.

Ноль эмоций.

— У меня двое штанов. Обе пары мужские. Хочешь, одну пожертвую?

Останавливается, смотрит. Я так поняла, это предложение снимать штаны. Ну не знаю, все так неожиданно. Взгляд стал угрожающим. Ладно-ладно. Не нервничай только.

06:56

Мои штаны ему сильно малы. На бедрах только ничего так... словно я их сняла с широкополого коротышки, честное слово. Ну и ладно, авось он теперь расслабится.

— И куда идем?

— Я — туда. Ты — в другую сторону.

О, я ж говорю — расслабился, стал болтливее, что ли.

— А туда — это куда?

— К озеру русалок. — Таким тоном, словно пугает. Предполагается, что после этого заявления я должна с ужасом убежать, вопя и рыдая? Ну-ну. У меня только глазки заблестели.

— Тайными тропами, — угрожающе добавил оборотень.

Мои глаза запольхали надеждой.

— Вот ты-то мне и нужен! Какое счастье, что я тебя нашла!

Висну на нем, впиваясь как клещ. И хрен ты меня теперь скинешь. Охотник, не замедляя шаг, тяжело вздохнул и сплюнул на траву. Я так поняла, это значит согласен.

Надо будет еще с ним поболтать через часик. А пока пусть привыкает к мысли о том, как много счастья ему привалило зараз.

08:32

Идем, идем... Куда идем? Мне скучно. Активно на это намекаю, предлагая сделать привал.

Мужик молчит, рассекая по лесу в моих штанах. На всякий случай подергала его за рукав — ноль эмоций. Жаль...

09:34

Я есть хочу-у, я пи-ить хочу-у-у-у...

Блин.

12:45

Вы говорите с трупом. Труп готов к общению, внешне мил, идет, цепляясь за руку мощного мужчины с редким, я бы сказала, врожденным заболеванием «отсутствие мозга», и как ты его ни пинай, как ни тереби-и...

Н-да. Зато дождя нет. Собственно, это все плюсы.

15:45

Ой, цветет калина-а в поле у ручья-а-а...
Парня молодого-ого повстреча-ала я-а-а...
Парня полюби-ила, на свою беду-у-у,
И в лесу уби-ила, чтоб не сдать врагу-у-у...

На меня косятся, нервно дергают рукой, на которой я вишу шестой час подряд. Иногда поджимаю ноги, тогда можно не идти, но очень устают руки... Пробовала перекинуть через руку кусок веревки, но эта зараза стряхивает мои чудо-петли.

Как бы мне... О, придумала!

Лезу ему на спину, обхватывая ногами. Это его проняло. Остановился, обернулся и рявкнул: «Че те надо?»

— Лечь, — со слезами на глазах. — Поесть. Пить хочу-у. И это... мне бы до кустиков, уже часа три терплю, сил моих больше нет терпе-э-эть.

Удивление в глазах оборотня просто зашкаливает. Я судорожно всхлипываю, изображая из себя полную дуру. Большим тупым мужикам что-то там внутри не позволяет бросить таких, а вот если буду качать права или замолчу... трындец. В первом случае пошлет, во втором — забудет.

— Иди.

— Куда?

— В кусты.

— А ты не уйдешь без меня... я же заблужусь. — Изю всех сил распахиваю глаза, приближаясь к его волосатой груди и состроив ну до того несчастную рожу, что сама бы купилась. Угу. Есть реакция. Слышу скрип зубов.

— Не уйду! Иди.

— А ты чего делать будешь?

Мужчина покраснел. Я сообразила, что общаться с девушками ему приходилось редко, если вообще не первый раз в жизни, и свалила в кусты. Ну а что, он сказал — подождет.

16:02

Стою у дерева, радостно обозревая наш лагерь. Таскает дрова, нашел ручей, достал из моей сумки котелок... Какая прелесть. Сползаю на землю и вытягиваю гудящие ноги. Какая... прелесть.

Там и уснула.

16:34

Меня подняли, куда-то отнесли и положили на что-то колючее, но теплое, особенно по сравнению с землей, на которой я лежала. Довольно соплю, чувствуя, что сверху тоже бросили пару веток.

Сплю дальше.

19:43

Сонно смотрю на костер, весело потрескивающий поленьями, симпатичный такой получился — уютный. И оборотень рядом сидит. Весь мощный, бугристый, грудь в шрамах, глаза чуть сощурены. Красив... красив, но не так, как хотелось бы, я предпочитаю субтильных мужчин, накачавших не мышцы, а мозг. Н-да, только таких мужчин мало — чтоб и красив, и с мозгами, и все тридцать три удовольствия в одном. Э-эх.

— Проснулась?

Высовываю нос из-за громадной разлапистой ветки. Где он ее только оторвал? Вся в иголках и явно не на земле валялась.

— Да. Спасибо, что не ушел.

— Я обещал?

На меня смотрят так, что понимаю — надо срочно кивнуть. Осторожно киваю.

— Я обещал — я сделал. По-другому не умею.

Верю. Тут две извилины нужны.

— На. — Мне протягивают миску, в которой что-то плавает. Принимаю и понимаю, что

мясо. Лезу за тарелкой, как кошка за валерьянкой. В глазах жуткий голод, желудок с рычанием набрасывается на ребра.

20:01

Сижу. Мне тепло, хорошо, я сыта. Чтоб маг со своими мозгами когда б такое устроил... вечно рядом с ним во что-то да влипала. Смотрю на охотника другими глазами — сытыми и счастливыми, а ведь в таких, как он, что-то есть. Шарм какой-то... Ладно, хватит стебаться. Надо решать, что дальше делать. А то шутки шутками, а к русалкам мне позарез надо. Да и обратно тоже.

— Расскажи о себе.

— Зачем?

— Ну... я хочу знать, с кем иду.

— Меня зовут Гран. Я охотник.

Круто. Все?

— Это все?

— Все.

— А возраст?

— Девяносто три...

— Что?!

— Девяносто три месяца как я здесь сижу.

— Где? В болоте?

— Тут лес. — Начиная закипать.

Интересно, а можно выдавать больше одной фразы за один раз?

— Тут лес. Там болото. Живу на болоте.

— С кикиморами?

— Нет.

Я его придушу или сделаю пульсар и подорву все на хрен! И ведь сидит с таким видом, словно и не издевается вовсе.

— Ты же сказал, что живешь на болоте.

— Я там жил.

Так. Спокойно, Сиггун. Он там жил. Говорят же тебе.

— А потом? — намекаяще.

— Ушел.

Твою мать! Понятно, что не улетел. Так... так... как бы вопрос задать, чтоб не отвертелся?

— А куда ты ушел?

— К русалочьему озеру.

— А зачем?

Я думала, ответит: «жить» или «захотелось», — но он ответил иначе. Внезапно даже смутился и голос понизил, словно я его о чем-то неприличном спросила.

— Девушка у меня там. Красивая. Я ее увидел и ушел. Кикиморы... они некрасивые.

Я поражена. Такая длинная фраза — и почти без запинок. Видать, девчонка и впрямь зацепила. Только там же никто, кроме русалок, не жил. Ну домовой еще, но так это ж нереально.

Представляю себе Нафаню в кружевном переднике, в кокошнике, с косой до пола, бегающего в хозяйственных хлопотах по дому или с умилением наблюдающего, как оборотень поглощает суп в огромных объемах. Иногда по губам Нафани проскальзывает застенчивая улыбка, охотник, глядя на него, каждый раз краснеет...

Н-да... Надо что-то делать с фантазией. Не приведи духи, он узнает, о чем я тут подумала.

— Там же одни русалки.

— Да.

— И?

— Что?

— Так. Ты, блин, можешь говорить по-человечески?! Что ты из себя идиота строишь?! КТО ЭТА ДЕВУШКА?!!

Я думала — убьет. Ну или встанет и уйдет. Вместо этого он запустил пальцы в волосы, отбросил челку назад и неуверенно улыбнулся.

— Так после того, как оборотнем стал, трудно так сразу начать соображать, как человек. Мне даже говорить... сложно. Жрать хочу и выть. Русалка она и есть девушка. Русалка.

Перевожу дух, тяжело дыша и пытаюсь прийти в себя. Так. Есть! Это победа. Он не тупой, просто только что бегал на четырех лапах и выл на луну. Ну и съесть меня хотел. Отлично! Значит, все не так безнадежно.

Так, погодите. Русалка? Ланс же говорил, что они своих жертв съедают либо сразу, либо когда она доберется до воды. Не, это Сёма говорил, которого я, кстати, обронила где-то у замка мага, и он меня не догнал.

— Они же едят своих жертв. Ты что, совсем к воде не подходил?

— Подходил. — Вздох. Молчание.

Махнув рукой, снова забираюсь в еловую постель. Да ну его, слова не вытянешь. Хорошо хоть, нормальный парень оказался. Накормил, уложил, не тронул, не укусил. Так что, думаю, доведет.

— А тебе чего у русалок надо?

— Чешуйку. С хвоста.

— Чьего?

Ишь ты. Разговорился.

— Да так. Седьмая дочь водяного, кажется.

Молчание.

Закрываю глаза и с удовольствием погружаюсь в сон. Хорошо.

Четверник

05:34

Меня бесцеремонно разбудили и заставили встать. Я пихалась, сопротивлялась, что-то там бурчала, но в итоге была подхвачена на руки и дальше передвигалась, уткнувшись носом в плечо охотника. Он пах псиной. И потом...

В общем, не очень весело. Зато тепло.

07:45

Все еще куда-то идем. Так уютно покачивает. Так бы и лежала, но нельзя. Зеваю и открываю глаза, стараясь не потягиваться, а то в глаз заеду.

Надо же. Лес сильно изменился. Я узнаю эти деревья. Хотя узнаю — это, конечно, сильно сказано, но места знакомые. Стволы в пять человеческих обхватов, травы почти нет и сыро. Очень сыро тут внизу.

— Мы где? — Говорю на всякий случай шепотом, с любопытством оглядываясь. — Ты тащить меня не устал?

— Нет.

Какой мужчина. Вот с таким не пропадешь. Отовсюду унесет.

12:34

Слезла с его шеи. Иду сама, внимательно смотрю под ноги. Иногда тропинка словно исчезает. Порой все подергивается дымкой и будто пропадает, тогда он берет меня за руку и ведет за собой. Ноги вязнут в чем-то липком и холодном, но, присмотревшись, вижу все ту же траву,

пусть и серую, бесцветную какую-то. Охотник сказал, что это тайные тропы, чем потряс меня до глубины души. Я все время забываю, что он оборотень.

14:43

Прошли дуб. Ничего себе скорость. На мой вопрос: когда мы доберемся до озера — сказал, что к вечеру.

Дальше я выражала собственные эмоции на повышенных тонах, повиснув у него на шее, потом ныла, чтобы он проводил меня обратно. На меня не реагировали, шли себе и шли, изредка беря меня за руку. Это успокаивало.

18:45

Болото!

Кикиморы бросились с криками и визгами, но не ко мне, а к охотнику, как выяснилось, оказывается, это действительно его домик тут стоит. Зашли, осмотрелись. Охотник сплюнул и вышел.

Я его понимаю. Эти лягушки всё, что могли, тиной заляпали, стекла выбили, стены измазали чем-то очень вонючим. Не дом, а иллюстрация к фильму ужасов.

21:45

Идем по лесу. Ключу носом, зевая и периодически перепрыгивая через ветки.

Когда споткнулась об очередную и едва не рухнула — меня снова взяли на руки и понесли. Я не возражала. От него жар идет, как от печки. И чего эта русалка выкаблучивается? Хороший мужик. Брала бы и радовалась.

23:04

Дошли до поляны, он ее пересек и снова пошел в лес. На мой вопрос: «А мы куда?» — ответил скупо: «Спи».

Хм.

23:34

Тут еще один домик есть, небольшой, но с камином и целым морем шкур. Они тут повсюду! Даже на потолке в четыре слоя. Меня положили на пушистую возвышенность и пошли разжигать огонь в печи. Закутываюсь в пахучие мягкие шубки и дрожу от холода... Вот щас согреюсь и... плевать на все. Засну и буду радоваться.

Когда охотник вернулся с двумя ведрами воды — я уже спала, уютно устроившись в коконе из меха. Он осторожно поставил ведра на пол и вышел наружу, прикрыв за собой дверь.

Пятерница

07:15

Знаете поговорку «Как волка ни корми, он все равно в лес смотрит»? Ну так вот, смотрит. Только не в лес, а в воду.

Стою у дерева, вглядываясь в гладь пруда. Спокойно вроде все. Тихо. Я чего вышла-то. Мыши! В моем коконе оказались мыши. Не знаю, откуда они там взялись, но выметалась я быстро и глуша грызунов сапогом. Не задавила ни одну, но хоть душу отвела. Кошмар. Я понимаю еще — тараканы, но мыши!!! Он еще бы слона завел.

О. Что-то происходит. Из воды показалась девушка. Русалка которая. Блондиночка. С тонкими чертами лица, с мощной нижней челюстью, что ей почему-то шло, и с удивительно бирюзовыми глазами — без белков, без зрачков. Такого чистого цвета я не видела еще никогда. В них еще и искорки зажигаются, то лукавые, то веселые. Вздыхаю и смотрю на охотника. Н-да. Мужика, конечно, жаль.

Смотрит так, словно готов нырнуть следом хоть сейчас. Жадно, ласково и с такой болью, что хочется подойти, прижать их друг к другу и попросить жить счастливо.

— Мне пора. — Серебряный голосок хрустальными волнами прошелся по нервам, по-другому и не описать.

Парень аж завибрировал, как струна, от этих слов. На его лице отразилась такая мука, он дернулся, отстранился и криво усмехнулся.

— Когда еще свидимся? — хрипло, стараясь побороть желание и не схватить ее за волосы да не выволочь на берег, чтобы уже никогда и никуда не уплывала.

— Завтра. Ночью. Придешь?

— Куда ж я денусь.

Кашляю и выхожу из-за дерева. Оба одновременно поворачиваются ко мне, причем с одинаковыми лицами. Слово застукала их за преступлением века, и вот-вот небо рухнет на наши головы.

— Здравствуйте. Вы русалка?

Глаза златовласки расширились. Меня точно узнали.

— Ты?!

Мягкие губы разошлись, обнажая частокол острых, как шипы, зубов. Задумчиво на нее смотрю, понимая, что чешуйку добыть мне будет очень и очень непросто.

— Привет. А тебя тоже тогда... зацепило.

Как она прыгнула — я так и не поняла, но отпрянула назад, споткнулась и рухнула на землю. А бешеная фурия, рассекая воздух гибким, хищным хвостом, била им по земле, лежа в каких-то сантиметрах от меня и не в силах дотянуться. Отползаю, перевожу дух и пытаюсь собраться с мыслями.

— Что она сделала?

Хриплю, почувствовав, как на горле сошлись мощные пальцы. Когда он успел? Блин, зря я так неосторожно вылезла. Зря вообще сюда вышла вместе с ним. Я-то думала: повезло. Ну да, мне всегда везет, а потом этим же везением по мозгам и шарахает.

— Она подожгла воду молнией! Отец чуть не погиб! Икринки все погибли!!!

Хватаю ртом воздух, дрыгая ногами над землей. Блин, ну вы меня еще из-за икры прибейте.

— Убей ее!

Охотник задумчиво на меня посмотрел.

— Это... была... само-обо-рона, — хриплю на пределе возможностей, отчаянно цепляясь за его руку.

Внезапно меня отпустили и позволили свалиться на землю. Судорожно глотаю воздух огромными глотками, отползая от охотника на подгибающихся руках.

— Зачем ты ее отпустил?! — Русалка ощерилась и выпустила когти. От недавнего ангела ничего не осталось, зато была фурия — неземной, правда, красоты.

— Не могу, — хмуро. — У оборотней так... Если убью человека всего через сутки после полнолуния — не выдержу и стану волком навсегда.

Какое счастье.

— И что?

Удивленный взгляд и крепко сжатые кулаки.

— Но как же? Я тогда тебя видеть не смогу.

— Сможешь. Я — рыба. Ты — волк. Почему ты не сможешь меня видеть?

Поворачиваюсь и изучаю эту заразу. Она уже сидит, погрузив коготки в грязь, выпрямившись, как царица, и изгибая изящный сверкающий хвост.

— А ты вообще кто такая?

На меня смотрят как на грязь, не стоящую даже упоминания. Жаль только, что «грязь» разумная. Сплюываю, начиная закипать. Терпеть не могу таких — высокомерных и красивых, как ангел.

— Я младшая дочь водяного.

— Э-э... а какая дочь по счету?

— Седьмая, — ответил охотник и нахмурился.

Дальше случилось то, что я и по сей день объяснить не могу. Я рванула вперед, запустила в охотника жалкое подобие наспех сооруженного пульсара, угодила в когтисто-зубастые объятия, отодрала ногтями ряд чешуек с правого плавника и откатилась назад, выдираясь из рук визжащей русалки и зажимая рваную рану на плече. Она хотела укусить меня за горло, но не сориентировалась и вцепилась куда смогла.

Есть! Чешуя есть! Надо бежать.

Но тут меня снова схватил охотник и мощно врезал в челюсть, после чего я вырубилась, успев, правда, сунуть драгоценные чешуйки в карман штанов и застегнуть их на молнию. Хорошо, что штаны так и не сняла и что на них молнии есть.

19:43

Меня несут. Покачивая из стороны в сторону и подкидывая, если я сползаю со спины. В голове гудит так, что хочется выть. От каждого движения будто сверхновая бомба разрывается перед глазами. И тошнит... Меня сейчас стошнит.

Булькаю.

Сгрузили вниз, держат за шкурку над кустом. Меня трясет, хочется вырваться, убежать, но ноги не держат.

Несут дальше. Псиной-то как воняет.

21:34

— Охотник. Охотник. Охот...

— Что?

— Куда ты меня несешь?

— Домой. К магу. Ты взяла, что хотела?

— Да. А почему?

Молчание. Он не в настроении разговаривать, но, когда мне плохо, становится как-то плевать на внутреннее состояние других людей.

— Я думала, ты меня ей отдашь и она меня скушает.

Тихо хихикаю и тут же затыкаюсь, пытаюсь сдержать долгий протяжный стон. Моя голова... Это вообще пройдет или теперь это навсегда?

— Она отпустила.

— Да?

— Если бы она попросила, я бы тебя убил.

Тихо, ровно, без эмоций. И как-то сразу верится. Вот верится, и всё тут.

— А чего не убил? Не попросила? Вроде я ее сильно достала.

— Она тебя узнала.

— Ну да, я же вчера заходила. Нет. Не вчера. Дня четыре назад. Все так смутно помнится. Болото, монстр, русалки, маг...

Молчит. Идет и молчит, сцепил руки в замок за спиной. На этом замке и сижу.

— Охотник. Меня снова тошнит.

Он кивнул и повернул к кусту, после чего опустил меня на землю. Благодарно киваю, булькая и пытаюсь думать о чем-то хорошем.

22:45

— Мне легче.

Тишина.

— А хочешь, я вам любовное зелье сделаю? Ну ты ее опоишь — и она твоя.

— Нет.

— Ты не думай, я халтуру не подсуну. Я ученица некроманта Ланселота. Слышал о таком? Так что все будет на высшем уровне.

— Нет.

— Почему?

— Она и так меня любит. Мне не нужно зелье.

— Хм. И как вам быть вместе?

— Мы вместе. Пока могу — я рядом с ней. Больше мне не надо.

— Врешь. — Задумываюсь, уткнувшись в спину охотника. На нем безрукавка из шкур, теплая, кстати, мне б такую, а то я мерзну постоянно.

— Если б она могла, стала бы человеком, — так тихо, что я еле услышала.

— А она может?

— Папа не пускает.

— Дура, да? — Я в шоке от того, что он мне рассказал.

— Она русалка. У нее хвост, просто так взять и стать человеком... — такое только в сказках малым детям рассказывают, чтоб спали крепче.

Оборотень угрюмо насупился.

Судя по тому, как подо мной перекачиваются его мышцы, я задела охотника за живое. И крепко так задела. Душевно, я бы сказала.

— А маг может. Я уверена. Маг все сможет. Пошли со мной в замок, а?

Он молчал так долго, что я снова уснула. Ну как уснула — так, погрузилась в полусон-полуявь, покачиваясь на плече и пытаюсь не сползти вниз.

Мимо мелькали ветви деревьев, некоторые скользили по голове, если он не уворачивался, некоторые отгибались его мощным телом и вибрировали, распрямившись после.

Влажно, сыро, тепло, уютно. Хороший я транспорт нашла. Душевный.

— Думаешь, он поможет?

— Уверена. Он мне должен.

— Некромант? Тебе? — скептически.

— Да. Я его недавно воскресила. И он мне должен, — твердо.

— ...Хорошо. Я пойду с тобой.

Парень остановился, развернулся на сто двадцать градусов и пошел совсем в другую сторону.

— Э... Не поняла. Ты что-то забыл в избушке?

— Нет.

— Хочешь посоветоваться с русалкой?

— Нет.

— А какого лешего мы возвращаемся?

— Я несу тебя домой.

Долго, мучительно соображаю.

— А до этого ты меня куда нес?

— В лес. Ордетта попросила тебя убить. Ты уничтожила всю икру, которую берегли русалки в озере. Ты даже не представляешь, как сильна ненависть к тебе водяного и всех его дочерей.

Гм... А когда уходила, вроде ничего так было... Или они тогда еще не поняли, что произошло?

— И что мне теперь делать?

— Не знаю. Меня твои дела не волнуют, ведьма, у меня свои есть.

— Н-да? А если я не отдам тебе зелье, когда придем в замок? Как тогда запоешь?

— Тогда я не отдам тебе чешую.

А? Что? Какого?..

Судорожно лезу в карман, пытаюсь нащупать то, что с таким трудом добыла. Плечо отозвалось мучительной болью, мстя сразу и за все. Блин, ничего нет! А, нет, одна чешуйка осталась. У меня в кармане дырка, она в нее и провалилась. Так. Надо спрятать поглубже. И изобразить ярость, а то еще штаны снимет и обыщет, зараза.

— Либо ты сейчас вернешь мне чешую, либо я тебя убью. Сильно и кроваво, — шиплю сквозь зубы, стараясь звучать громко и мысленно улыбаясь.

Охотник остановился, снял меня со спины, обернулся и... врезал в челюсть — сильно, и вырубив с первого же раза.

И на мир опустилась тьма.

Время — не знаю. Место — не знаю, темно тут, спокойно и не дует. Может, я умерла? Кто знает. Тогда загробная жизнь темная, мрачная и скучная. Так как здесь ничего нет. Здесь даже меня нет.

И меня неудержимо тянет куда-то в сторону. Так что, наверное, я все же лечу. В этой темноте. Без тела — один сплошной разум без оболочки. Забавно.

А вообще грустно как-то обрывать историю прямо так. На середине. Или в начале? У меня же все только-только начало налаживаться. Я почти освоилась, вырисовывались перспективы в виде избавления от копыт и обучения в академии магии и волшебства. Я о таком только в книжках читала. Страшно интересно, на что бы это было похоже.

И маг оказался довольно забавным персонажем. Помню, когда увидела его, в первый момент было полное ощущение того, что я попала в дурку и поселилась в ней надолго. Настолько реалистично и настолько по-кэрролловски. Его Алиса тоже пошла за кроликом, я же пошла за крысой. И был у меня и безумный шляпник, и веселый башмачник, и даже чеширский кот в виде эльфа. Все было... Умирать не хочется. Вот так всегда. Раньше переживала, что хочу назад. Давила в себе эти мысли, страдала. Чувствовала, что живу, словно задержав дыхание. Словно в омут с головой, набрав полные легкие кислорода, и задержка. Все. Точка. Сколько протянешь? Я протянула досюда, не сорвалась, не истерила и даже адекватно реагировала на все. Думаю, это все из-за событий. Постоянно куда-то бежать, что-то делать. А вот если передышка — пипец. Я бы долго не протянула. На меня бы навалилось сразу все. Я бы глотала слезы, ушла в черную депрессию, закатила бы истерику магу и ходила бы по замку... в виде небольшого такого привидения — белого, копытистого и хвостатого. Потом, наверное, сошла бы с ума. Однажды бы проснулась зареванная и просто не поверила во все это — слишком нереально. Слишком страшно поверить, что живые мертвецы, говорящие крысы, русалки и эльфы — реальность. Моя реальность. Я бы сошла с ума.

Гм.

Но проблема решена. Темно тут... пусто. Тихо. Хоть сто раз сходи с ума, вешайся, истери — всем все равно. Скорей всего, так и будет — чокнусь. Буду петь песни, зависать в темноте. Увижу яркий свет и нафантазирую себе еще одну реальность...

Хочу... хочу жить.

Не хочу висеть в этой темноте. Тут страшно. Плохо и одиноко.

Мама, вот ты мне говорила, что я непутевая. Ты не знала — насколько. Ты даже не представляла — насколько, мама. Жаль, что потом ты не могла меня остановить, накричать, дать подзатыльник и направить в нужное русло. И была бы я умной-благоразумной, с друзьями, мужем и детьми... И все было бы хорошо.

Пусть это все закончится. Надоело висеть в темноте. Накатывают волны холода и одиночества. Мне так страшно, что хочется кричать, но я даже голоса своего не слышу. Я обратно хочу. Выпустите меня, пожалуйста. Я на все согласна. Не буду ругаться с некромантом, попрошу прощения у русалок, пойду в школу — только верните меня домой. Но не в первый дом —

одиноким и пустой, лучше во второй, к некроманту. Он единственный, кому я хоть немножко нужна. А иначе давно бы от меня избавился. Я в это верю.

Страх сковал и не дает думать. Мне так холодно и жутко. Ведь я не одна. Я точно не одна. Здесь кто-то есть. И этот кто-то мне очень не нравится. Что сделать, чтобы очнуться? Я на все согласна. Мне там нравилось! Некромант, горшок, эльф... Ну пожалуйста, ну хоть кто-нибудь! Я не буду больше ныть, только хочу домой, хочу домой, хочу домой, хочу домой, хочу домой, хочу домой, хочу домой, хочу домой, хочу домой, хочу домой, хочу домой, хочу домой...

Субботница

20:43

— А с чего ты взял, что она мне нужна?

Тяжело дышу, схватив край одеяла и до хруста сжав кулак. Лежу на кровати. Все еще боюсь открыть глаза. Вынырнула рывком, мгновенно и резко. Пот скатывается со лба, щекочет кожу, а нос улавливает тысячи запахов. Я жива, да? Я жива! Блин... это здорово, это просто чудесно. Я жива!!!

— Она дорога тебе. Я вижу это по твоим глазам. Не отпирайся.

— Ты вошел в мой дом, принес мою ведьму, угрожаешь мне не отдать мою чешуйку и что-то требуешь?

— Мне терять нечего, либо так — либо никак.

— Значит, никак, — сухо. — Ты хоть понял, с кем связался, щенок?

Тихое утробное рычание, от которого волосы встали дыбом.

— Пасть закрой, — тихо.

Рычание оборвалось. Так резко, словно оборотень что-то увидел.

— Еще раз повторяю. Ты принес мне МОЮ ведьму и предлагаешь купить МОЮ чешуйку. Я все правильно понял?

— Да, — глухо.

— И это притом, что еще сутки назад русалки приказали ее убить, а ты вызвался добровольцем. — Сухой смешок.

— Откуда...

— И снова ошибка. Ты так и не понял, кто стоит перед тобой.

Удар, грохот, визг.

Вскакиваю и бегу к двери, но тут по ногам проходит волна дрожи, каменный пол словно встает на дыбы, сбивая с ног и отбрасывая меня в угол.

— Не надо! — В голосе оборотня ужас.

Да что там происходит? Я такого ужасающего голоса, ледящего душу и заставляющего стыннуть кровь в жилах, никогда у некроманта не слышала. Чего это он взбеленился? Чешуя есть. Зелье будет. Даже оборотня привела. Ну и сама жива, если это ему интересно. Подумаешь, поторговались с ним, эка цаца...

— Тогда отвечай прямо, потому что мое терпение на исходе. — Лед и спокойствие в голосе.

Поднимаюсь и на карачках ползу к двери, морщась от боли. Пол застыл горбиками, став будто в складочку. Ну и хрен с ним, я уже привыкла ничему тут не удивляться.

Дверь немного приоткрыта. Смотрю во все глаза на мага, пока в голове мечется всякий бред. Высокий, худой, спокойный — он молча стоит перед оборотнем. Только вот даже улыбаться не тянет. В глазах такой холод и ужас, словно смотришь в глубины ада. Я не шучу. Я никогда не умела красиво выражаться, еще реже пыталась. Но тут... Я как-то была в психушке — решила попробовать хоть там устроиться на работу, и это оказалось единственное место, откуда сбежала я сама. Был там один парень буйный. А по виду и не скажешь. Брюнет с черными глазами и с обгрызенными в кровь, скрученными за спиной руками. Он сначала мне улыбался, принимал еду, пытался говорить, боялся обидеть... Я даже удивилась, зачем его там держат. Убегать не хотел, говорил: «Тут спокойно». А потом как-то у меня заболела бабушка, и я не пришла. Сильно она тогда захворала, недолго ей оставалась. На следующий день я увидела его сидящим в другой камере, на цепи, словно собака, в смиренной рубашке и точно с такими же глазами, нечеловеческими — с дикой, непреодолимой ненавистью внутри. Он смотрел так на всех. Санитары говорили, что одного из них едва не убил стулом — пытался размозжить голову. Хорошо, на успокоительных лекарствах сидел — скрутили. Не без жертв, правда, кому-то руку сломал, кому-то ухо откусил. Его, понятно, тоже уделали так, что мама не горюй. Сидел, кашлял кровью и смотрел... в один угол. Изредка по его телу проходила дрожь, словно что-то снова ломалось внутри.

— Как ты ушла — таким стал. — Охранник подошел так тихо, что я подпрыгнула от неожиданности. — Зря мы тебя взяли. И впрямь невезучая. Да только не сама, а окружающие.

— Чего это? — Я тогда мелкая была, толком выразаться не умела, и мне вечно влетало за все подряд. Потому сначала зубки скалила, а потом уже слушала.

— А сама погляди.

Дверь отперли, резко распахнули и рывком закинули меня внутрь.

Я ничего такого не ожидала, ввалилась с вытаращенными глазами, едва не влетев ему в живот. Благо стены мягкие, пол и потолок.

— Одному санитару он ухо откусил да все тебя требовал. Вот посидите да поворкуйте с полчаса. Потом выпущу.

И, несмотря на мой вопль, этот жирный гад ушел, даже не обернувшись.

Никогда не забуду глаз того парня. Зрачки то расширились, то стягивались в точку. Дышал напряженно, с хрипами. Не шевелился. Я знала, что длина цепи позволит ему приблизиться ко мне, куда бы я ни забралась. Но окончательно добило меня то, что случилось потом.

Разбитыми в кровь губами, с выбитыми зубами... улыбнулся и кивнул мне.

— Привет. Куда же ты... кх-кх... пропала? Я вчера ждал.

— Бабушка... заболела, — сползая по стене на пол и стараясь не реветь.

— Заболела... это плохо. Бабушки не должны болеть.

Киваю, не зная, что сказать и сделать, чтоб не тронул.

— А я звал-звал... Они привели какую-то старуху. Противная ужасно. И еду принесла гадкую, — откидываясь назад. По лицу блуждала полубезумная улыбка. — Ты теперь останешься?

— Нет.

Он поднял голову и очень внимательно на меня посмотрел. И не было в этих глазах ни боли, ни отголосков той наркоты, которой его накачали. Там был разум, понимание и покой. Словно он уже все решил, но прежде хочет пообщаться.

— Молодец. Честно отвечаешь. Этим ты мне и нравишься. — Усмешка и плевок на пол. Алый, как и его губы, по которым стекает кровь. — Мне ребра переломали... больно очень, долго не протяну. А лечить не будут.

— Я могу...

— Нет. Ты не можешь, — почти ласково, не поднимая головы.

И так больно было сидеть и смотреть на эту изломанную, измученную фигуру маньяка, который почему-то привязался ко мне.

— Я попрошу их отвезти тебя в больницу! Они не посмеют не отвезти.

— В морг... Мне теперь туда. А можно... Ты расскажешь еще одну сказку?

Всхлипываю. Нервы ни к черту. Всю ночь сидела у постели бабушки, теперь еще это. Мне страшно, плохо, и я на пределе. Какая, на хрен, сказка?

Но он смотрит. Черные глаза смотрят. Внимательно и очень спокойно, и это спокойствие каким-то невероятным образом передается мне.

— Можно. — Урчу, вытягивая ноги и разглядывая драную подошву сапога. Подумав, я их стянула, оставшись в одних носках. Он усмехнулся, как всегда, по-волчьи, и попытался сесть так, чтоб не травмировать поломанные ребра.

— Жила-была девочка... И сшила ей однажды мама алую шапочку...

Сказка была его любимой. Он всегда засыпал под нее. Вот и сейчас уже минут через пять начал клевать носом. Еще бы — в крови его было столько снотворного, плюс он не спал со вчерашнего дня. Я удивляюсь, как он вообще еще держался.

Вытираю рукавом сопли и слезы, продолжаю рассказывать сказку дальше, сама себя представляя бредущей по сказочному лесу, несущей далекой бабушке много-много вкусных пирогов.

Когда зашли охранники — он спал, положив голову мне на ноги. Дыхание его вырывалось с

хрипом, булькало и клокотало в груди, он был бледный до синевы и постоянно кашлял, сплевывая алую кровь на пол, не приходя в себя.

Охрана вытащила меня силком, я не хотела уходить. Потом его забрали и увезли на «скорой», больше я его не видела. Даже попрощаться не успела.

Сижу, тяжело дыша, постепенно выныривая из воспоминаний.

И сейчас у мага глаза того самого парня. И он так же спокоен. Руки в карманах штанов, на лице волчья усмешка. И ничего от прежнего — придурковатого — некроманта словно и не осталось. Прямо как тот... он тоже рядом со мной сильно менялся. Неужели некромант...

— Я все сделаю, — прохрипел волк, извиваясь и корчась на полу непонятно от чего. — Вот чешу-я-а-а-а...

Хрип оборвался, перешел в бульканье.

— Маг!

Он дернулся и обернулся. На миг меня обожгло таким холодом и ненавистью, что захотелось заползти в самый дальний угол и зажмуриться.

Потом взгляд его остановился, маг замер, вспоминая, кто я есть, и уже через секунду смотрел совсем по-другому, по-прежнему, с усмешкой и легкой издевкой, что ли.

— А, спящая красавица проснулась, — хрипло усмехнулся маг.

— Да! Ты чего с оборотнем творишь. Отпусти! Он же меня сюда принес!

— А до этого чуть не убил, — пожал плечами.

— Ну и что? Можно подумать, ты по мне рыдать бы стал.

— Может, и стал бы, — таким тоном, что непонятно — то ли шутит, то ли издевается, но он продолжил очень серьезно и без тени сарказма: — А вот только те, кто поднимают лапу на то, что принадлежит мне, долго не живут, поверь.

— Э... мм... я принадлежу тебе? — ошарашенно.

— Да, — самодовольно. — С потрохами. Ты рада? — С интересом наблюдая смену эмоций на моем лице.

— Да щас!!!

— Другого я и не ожидал, и этот... гад!

Рычу и пытаюсь открыть дверь. Вот если я выйду отсюда...

— Давай чешую.

Волк, все еще не веря, что его отпустили, судорожно выгреб из кармана небольшой кулек из листьев и передал его магу. Маг открыл, посмотрел, пересчитал.

— У меня еще одна есть, — брякнула я. Ну да, мы же честные и молчать не любим.

Оборотень ошарашенно на меня уставился, не понимая, а чего он тогда тут погибал.

— А нечего обворовывать! — Показываю язык.

— Давай сюда, — нахмурился маг и подошел к двери.

Фыркаю и роюсь в кармане, нащупывая заветную дырочку. А, вот она.

— На.

Чешуйку внимательно осмотрели и утвердительно кивнули.

— Так. Ладно. Ты, — в меня ткнули пальцем, — сиди тут, а ты, — оборотень шарахнулся, словно его этим пальцем вообще испепелить пытались, — пойдешь со мной.

— Я без нее никуда не пойду.

— Да! — поддерживаю я, прекрасно понимая, с чего волк так решил. Мало ли — только я скроюсь из глаз, и маг снова превратится в маньяка-извращенца. У меня был свой мотив — ежели не выйду сейчас, то вряд ли меня выпустят вообще.

Маг зарычал, что-то прошипел, пол просел, снова становясь гладким, а я ойкнула, получив дверь по лбу и рухнув на спину.

— Идете? — поворачиваясь спиной и уже удаляясь по коридору.

— Козел, — сообщила я, вставая.

— Я все слышу! — просветили меня.

— Дегенерат! Урод! Некромант недоделанный! Придурок! — добавила я для красочности, радуясь, что ни одно слово не пропадет.

Проходя мимо волка, я заметила ошарашенно выпученные глаза и трясущиеся губы.

— Ну чего?

— Ты с ума сошла — так с НИМ разговаривать?

— Хм?

— Почему не сказала, что этот некромант рыжий?!

В голосе оборотня было столько боли, что я поняла: была и впрямь неправа. Сказала бы — волк бы по-тихому прибил меня и не мучился. А так страдай тут от истерик заново воскресшего мага и его несчастной ученицы.

— А что бы это изменило?

Волк нервно усмехнулся и кое-как встал, оттолкнув мою протянутую руку.

— Ты даже не знаешь, кто такой этот рыжий некромант. А то, что его боится даже королева

фэйри, его имя боятся произнести люди, и даже вампиры никогда не суются в его логово, — тебе это ни о чем не говорит?

— Нет, — отрезала я. Надоело. Чего он заладил: рыжий, рыжий... Ну и что? — Гномы, к примеру, не боятся.

— На гномов магия не действует. Только в виде зелий. — Волк сплюнул выбитый зуб и пошел вперед. — Сочувствую тебе, девочка. Ты даже не представляешь, во что ты вляпалась.

— Сама разберусь, — буркнула я, мысленно сетуя, как же мне везет на придурков.

21:07

Маг повел себя странно. Он не только больше не угрожал оборотню, но и с энтузиазмом рассказал о том, что давно хотел опробовать на русалках зелье человеческих рук. Результат стопроцентный он гарантирует. Волк помялся, но пузырек взял, еще и «спасибо» буркнул.

Потом маг протащил ошарашенного оборотня по этажам, показывал балки, перекрытия, каменные своды и наметки балкона. Я везде таскалась следом, ибо на меня бросали до того несчастные взгляды, что оставлять его не хотелось совершенно.

— А это главный зал! Первый этаж, фонтан, тут будут «писающие мальчики».

— Ммм... писающие? — Ошарашенно.

— Это модерн, — подсказала я.

— А? — Волк явно не рубил в моде.

— «Писающие мальчики» — это последний писк сезона! — выверился маг, обнимая волка за плечи и таская на буксире вокруг фонтана. — Вот ты представь. Ты идешь... а они журчат. А ты идешь, а они...

— Я понял концепцию, — криво улыбнулся волк.

— О! Хорошее слово. Где научился?

— Да с вашей ведьмой побродишь, еще и не то заучишь, — растерянно.

— Ага. Ну что ж, ладно. Как тебе мой... дворец?

— Отлично. Мрачновато, но вам идет.

— Я тоже так подумал.

— Мне не нравится, — высказалась я.

На меня почему-то не обратили ни малейшего внимания.

— Ладно, беги к своей ненаглядной. Но помни: в это надо добавить каплю ее крови и вылить в озеро до того, как пройдет полнолуние.

— Я запомнил. Честно.

— Отлично, тогда не задерживай нас. Вперед.

И волк ушел. Растерянно оглядываясь и явно не решаясь о чем-то спросить.

— Думаешь, клюнул? — Маг стоял рядом со мной, сложив руки на груди, и внимательно смотрел вслед парню.

— Ну похоже на то. А что конкретно ты ему дал?

— Как и просил — ногорост. Теперь у русалочки будут ноги и всё, что полагается женщине.

— Гм. Тогда почему у тебя такой вид.

— Какой?

— Словно ты только что свершил вселенскую гадость и едва сдерживаешь довольный хищный оскал.

— Гм... это ты хорошо сказала. Оскал. Н-да. Ну в чем-то ты права. — Ланс развернулся и пошел к лестнице.

Гномов не было, все ушли в лагерь после заката. Мертвецы вповалку валялись в подвале, умаявшись за день. Надо было починить кости, вправить суставы, перевязать мышцы. Гномы впахивали на них, как в последний раз.

— Эй! Так что ты сделал? Ланс!

Бегу следом, цокая копытами и скрипя зубами от любопытства. Вот ведь не расскажет. Стопудово не расскажет, зараза такая. Знаю я его.

— Хм... а если скажу — поцелуешь?

Ошарашенно смотрю в прищур золотистых глаз.

— Тебе зачем? — подозрительно. — Съел что-то не то, теперь не знаешь, как избавиться от рези в желудке?

— Думай, что хочешь, но иначе не скажу.

И такое самодовольное лицо, и столько издевательства в глазах. Угу. Поняла. Он просто нашел еще один способ меня помучить.

— Ладно, чмокну. Не думай, что я трусиха!

Ланс фыркнул и снова начал подниматься по ступеням.

— Полнолуние.

— А?

— Он смешает это с кровью дочери водяного в полнолуние, выльет в озеро, и с этих пор проклятие ляжет на него и весь его род. Да и русалки тоже внакладе не останутся. Кстати, ты знала, что именно этот водяной — родоначальник всех русалок?

— А?!

— Н-да... какое трагическое совпадение.

— Но погоди, а что за проклятие? Что ты ему всунул?

— Хм. Да все довольно просто. Она станет человеком. И любая другая русалка может стать человеком, если захочет... Всего на три часа в полнолуние.

— О...

— Н-да. Но только если влюбится в оборотня.

— А? — В шоке разглядываю самодовольную спину. Вы спрашиваете, может ли быть спина самодовольной? Эта была.

— Да-да. Ну? Как тебе? Уверен, когда водяной узнает, от кого теперь его дочери будут метать икру, — взбесится.

Послышался тихий довольный смех. После чего маг скрылся в спальне и захлопнул за собой дверь. Остановившись снаружи и в шоке разглядываю ручку двери.

Это ж надо. Столько коварства, замыслов, волшебства. И все только для того, чтобы отомстить русалке, которая решила тронуть его игрушку. Он точно ненормальный.

Дверь снова отворилась резко и без предупреждения, едва не сбив меня с ног.

— Да, кстати. — Маг оперлся локтем о косяк и стоял в такой позе, что, будь он чуть более здоровым, решила б, что он меня совращает. Хотя такой скелет с впалыми щеками и кругами под глазами мог соблазнить разве что слепую старуху, которой уже не на что надеяться. А тут какой-никакой вариант.

— Ты ведь обещала меня поцеловать. Нехорошо не выполнять обещанное.

Он сделал шаг вперед и резко откинул рыжие волосы со лба.

— Э... мм... Ну ладно, только закрой глаза.

Маг закрыл, не спорил, не прикалывался. Просто закрыл и вытянул губы трубочкой. Кашляю в кулак, чувствуя, что еще немного — и сорвусь. Так. Ладно. Спокойствие, только спокойствие.

Подхожу, осторожно останавливаюсь напротив, приподнимаюсь на цыпочках. Так, что его дыхание касается моих щек, быстро, пока не передумала, целую его в щечку и отпрыгиваю назад, ожидая чего-то страшного.

— Это все? — уточнил маг, не открывая глаз. — Ключула и ушла? Ты уверена, что не невинна? Симптомы больно похожи.

— Прости, что не подгадала. Но... я обещала — я сделала. С минимальным удовольствием для тебя.

— Ах вот оно что! Что ж, в следующий раз загадаю «французский...».

И пока я соображала, откуда Ланс знает об этом типе поцелуев, некромант снова скрылся в

комнате и тяжело хлопнул за собой дверью.

Седмица

03:23

Единственное, что не изменилось в доме, — это чердак. Все такой же уютный, немного ветхий, с малочисленной мебелью и занавесками на окнах — он навевал покой и умиротворение.

Устало плюхаюсь на кровать и зеваю, скидывая с ног давно прохудившиеся сапоги.

Что ж, утро вечера мудренее, авось что и надумаю. А пока спать.

И да, вот что странно.оборотня и русалок мне почему-то вообще ни капельки не было жалко. Напротив. Вечно холодные русалки-людоеды и горячие оборотни... чем-то неуловимо притягивались друг к другу. Словно недостатки одного продолжались в достоинствах другого.

Так я думала ровно до тех пор, пока не вспомнила, что оборотни в полнолуние, по крайней мере первый час, ходят только в шкуре волка. И тут мне реально стало дурно. Только вот... сделать уже ничего было нельзя. Не побегу же я ночью за оборотнем, а мага мне не переубедить.

Так. Ладно, если оборотень не совсем дурак — этот напиток он своей русалке не даст ни за что.

Только вот... где вы видели влюбленных гениев? Эх...

В окно светил серп убывающей луны, где-то в лесу раздавался вой вечно голодных волков. А одна мелкая усталая ведьма тихо посапывала, лежа на кровати поверх одеяла и улыбаясь во сне.

05:13

— Ты был прав. Она здесь. — Вымазанный в грязи эльф с трудом забрался на подоконник и устало на него сел.

Горшок вошел через порог, постукивая при прыжках. Сильно помятый и уже далеко не новый, он радостно изучал лежащую на кровати ведьму, едва не пускаясь в пляс от восторга.

— А я что говорил! Я видел, как она входила в замок. А ты все: пошли да пошли в лес.

— Так. Ладно, надо умыться и выспаться. А то уже светает.

— Еще нет. Но скоро да, — забираясь под кровать и там устраиваясь.

Кноп подумал, плюнул на помывку и перелетел на подушку, уютно на ней устраиваясь и тут же пачкая ее грязью. Он все еще не очень хорошо летал.

— Спокойной ночи, — прогудели из-под кровати, довольно ворочаясь.

— Ага. И тебе того же, — устало закрывая глаза.

— ...слушай, Кноп, а Кноп...

— Что? — сонно.

— А это правда, что ты чуть не разорвал вашу связь сам?

Белые зубки скрипнули. Сёма понятливо замолк.

— Не говори чепухи. Этого никогда не произойдет. Мы с ней связаны навечно.

— А-а... тогда ладно.

Под кроватью снова завозились.

— Слушай, чего ты там все крутишься? Спать же мешаешь.

— Прости. Тут просто... колетса что-то.

— Забудь.

— Я пытаюсь.

— Вот и забудь!

Горшок помолчал и неохотно протянул:

— Ла-адно.

После чего комната окончательно погрузилась в тишину и покой.

Первинник

10:51

Утро... Открываю глаза и смотрю на солнечный лучик, скользящий по стене. Наконец-то никуда не надо бежать, хватать, кричать, спасать и спасаться, можно просто лежать в чистой кровати, на чистых простынях, в одних трусах и футболке, и... радоваться, что вчера сумела переодеться хотя бы в это.

Уткнулась носом в уютно свернутое одеяло. Рядом похрапывает эльф, устроившийся в центре подушки. Я сплю, понятно, с краешка, ибо он всю ночь пихался и кололся, чтобы я подвинулась. Под кроватью посапывает горшок. С улицы, сквозь закрытые ставни, пробиваются звуки стройки. Гномы с шести утра на ногах, такой уж народ — все с утра да с утра. Рано ложатся, но и рано встают. У них это уже в геноме сидит. В некоторых шахтах так темно, что только солнце и способно ненадолго осветить стены, разломы и прочую жуть, которая совершенно случайно может попасться под ноги. А факел... может погаснуть, зрение не сработать... И еще куча неожиданностей ждет тех, кто пренебрег пользой солнечного света.

— Сиггун. — В дверь стучат, предположительно носком сапога. И я прекрасно знаю, кто это.

Расстроено смотрю на стену, понимая, что вставать придется. А так не хочется! Почесываю ногу копытом и упрямо закрываю глаза. Не хочу. Спать буду, и все тут.

— Ты спишь?

— Да!

— Гм. Тогда я войду. Раз все равно не спишь.

Дверь открыли, разломив нехилую такую щеколдочку. Очень расстроено на нее смотрю. А я ее полчаса прибывала. Пока молоток найдешь, пока то, пока сё.

На пороге стоял маг. В заляпанном краской плаще и с любопытством в медовых глазах. Рыжая шевелюра встрепана, кожа уже не синяя с желтизной, а немного смуглая, как и велено от рождения, а сам он больше не был похож на умирающего лебедя.

— Привет. — Некромант вошел, прикрыл дверь и долго и упорно вытирал ноги о коврик у двери.

Удивленно за ним наблюдаю. Чего это он? Раньше Ланс такими мелочами не озадачивался. А тут внезапно культурным стал, у меня плохое предчувствие.

— Так, вроде все. — Заметив мой напряженный взгляд, он объяснил: — Да понимаешь, зелье одно пролил, осталось на подошвах, страшно ядовитое, прожигает кожу насквозь и сжигает человека за считанные часы. Вот... не хочу разнести заразу — долго искал, где бы ноги вытереть.

— Ага. И нашел МОЙ коврик!

— Так, ща сапоги стяну. Угу. Коврик, кстати, советую выкинуть.

Изучаю скукоживающийся прямо на глазах дымящийся кусок ткани, который еще вчера вечером был любовно брошен мною у двери. Кажется, я стащила его из кухни.

— Ну. Ты как? Нормально? — На постель нагло сели. Пытаюсь спихнуть его ногами, но он тяжелый.

— Нет! Я болею.

Окапываюсь в одеяле. Пискнувший эльф улетел, получив хвостом по ноге.

— Чем? — заинтересованно.

— Всем! — вдохновенно. — Грипп, ангина, скарлатина, булимия, болезнь Франкенштейна и судороги Мнемюса котамиуса.

— Я судорог не вижу, — хмуро.

— Они периодически возникают. Если, к примеру, проголодаюсь или встану рано утром.

— Десять часов уже.

— Мне плевать. Это рано.

— Хм... Ну ладно, тогда лежи, тем более что я все равно шел тебе кое-что сказать. А так даже надежнее — не сбежишь.

Киваю, натягивая одеяло до подбородка и жмурясь от ощущения тепла и уюта.

— Помнишь, я говорил насчет академии магии?

— Да, ты еще Сёму хочешь туда отдать, чтобы чары сняли.

— Ну да. Ну так вот, совсем забыл сказать, что перед этим придется поучиться в местной школе магии и волшебства.

— ...А?

— В академию, даже с моими рекомендациями, — куда уж круче, рекомендации ожившего трупа — это вообще нереально и сногшибательно, — тебя не возьмут. Так как туда надо сдавать вступительный экзамен, а ты вообще не умеешь колдовать.

— Умею. Пульсар умею... иногда.

— Решила расстрелять комиссию? Уверяю, она и не такое видела — отобьется.

— Да нет, просто... гм. А в школе учатся дети, да?

— Да.

— Маленькие?

— Да.

— И как ты себе представляешь: я, такая большая, среди сопливых детей.

— Пойдешь лаборанткой. Я уже договорился с директором.

У меня возникло мощное ощущение дежавю. Где-то я это уже слышала.

— Лаборанткой?!

— Да не ори ты. Сядь. Чего с кровати-то встала? Болеет она. Как же!

Мрачно заползаю обратно в кровать. Одеяло больше не греет.

— Лаборанткой, но только на время, на годик. Ежели проявишь хоть какие-то способности — возьмут как ученицу.

— Класс! Мне охренеть как повезло.

— Между прочим, да, только за счет своих связей я смог выбить тебе это место. В школу магии просто так никого не берут. Туда записываются еще до того, как ребенок вообще зачат. Пары подбираются столь тщательно, что даже если будущая мать будет замужем — родит она только от того, на кого ей укажет директор.

А я думала, у нас в школе был перебор в управлении. Представляю, как лысеющий Сан Саныч тычет пальчиком в русичку и гневно орет: «А я сказал, переспшишь с физруком! Ибо одаренные дети получатся!» И физрук рядом — мрачный, торжественный, так сказать, готов помочь на благо родины.

— И что, все соглашаются?

— Да кто как... Но в основном, конечно, да. Иметь в семье ребенка-мага — это очень и очень престижно. Семья автоматически перестает нуждаться в лечении, ибо оно становится бесплатным. Снимаются все налоги, ну и прочее, и прочее. Надбавки там какие-то... Кстати, у нас с тобой вышел бы страшно одаренный сын, — задумчиво.

Как засветила пяткой в челюсть — не помню. На автомате, наверное.

Ругался он долго. О-о-чень долго.

11:19

— Ну так чего? Насчет школы.

Сажу на кухне рядом с магом, прикладывая лед к носу и покачивающимся из стороны в сторону от боли. Мне его причитания давно надоели, и я его заткнула всего одной фразой: «Нюют только девчонки». Почему-то проняло. Замолк. Но все еще страшно обижен. А не хрен такое молотить!

— Ланс. Да ладно тебе — сам виноват.

— Я некромант. Меня боятся даже короли и вампиры... меня слушаются мертвые и почитают живые. А ты пяткой, — тоскливо. — И чего я тебя терплю?.. Превратил бы в козу, хоть молока бы давала.

На мою грудь сурово посмотрели. Нервно запахиваюсь в куртку, пытаюсь не реагировать бурно. А то он совсем взбеленится.

— Ладно, пойдешь в школу. Чем-то ты мне нравишься. Наверное, копытами.

— Кстати насчет копыт. А ты когда мне... ну облик вернешь?

— А зачем тебе? И так все отлично, — с таким удивлением, что удержать себя в руках оказалось крайне тяжело.

— Да понимаешь... — Я пару раз чуть не умерла ради него, жертвовала, можно сказать, жизнью и все такое, а он дурака валяет?! — Не мог бы ты, если, конечно, жить хочешь, — тихо и зловеще, — вернуть мне ступни и убрать эти копыта?

Маг нервно заерзал и уставился в окно.

— Могу. Ладно. Все равно зелье силы и мне нужно. Завтра едем в город на сбор этих идиотов.

— А? — теряя мысль и все еще радуясь слову «ладно».

— Ты совсем глухая? Завтра. Будет съезд лучших магов страны. В столице. Во дворце. Повтори.

— Завтра будет пьянка старичков. И чего?

Ланс захихикал, одобрительно кивнул. Довольно улыбаюсь в ответ — я теперь лапа. Пока он зелье не сварит, так точно.

— Там я с директором окончательно и договорюсь насчет тебя. Ну и силы понадобятся, чтобы

они меня не поубивали скопом. У нас, у магов, судьба тяжелая. Чуть нашелся кто слабый неподалеку — срочно надо добить, пока не убили тебя. Так, глядишь, один и останешься, тогда можно не переживать.

— Ага. Помнится, в науке все то же самое — все всех топят, пробиваясь за счет странных статей о работе синхрофазотронного реактора. Кто это и что это — никто не знает, никто не видел, но оно работает, и все бурно становятся кандидатами и докторами.

— Вот-вот, так что... поедешь со мной. Должен же я показать — кого пихаю в школу. А то мало ли — забудет на следующее утро свои обещания, и шиш ты лаборанткой станешь.

Некромант тяжело вздохнул, увидел, как мимо окна вальяжно прошел гном, несший кастрюлю с чем-то вкусно пахнущим, вскочил и рванул наружу — разбираться.

Я так поняла, что до обеденного перерыва еще далеко, а эти уже халтурят. Ну-ну, у некроманта не похалтуришь... даже посмертно. Это факт!

Зеваю и оглядываюсь по сторонам. Кухня стала гораздо лучше, но все еще страшная. Грязно тут и пыльно. А так всюду облицовка из белого камня, смятые тряпки вместо ковров на полу, плита новая, шкафы... все, как положено.

— Нафаня... Нафань! Ты тут?

Мимо меня кто-то пробежал так быстро, что только ветерок и успела ощутить, и исчез в углу.

Чешу голову и зову громче. Мне есть очень хочется, готовить лень. Сильно. Авось домовой чем-нибудь угостить сподобится.

11:35

Нафаня откликнулся только после третьего зова. Я уже и просила, и кланялась, и даже крошки стряхнула со стола на пол — авось голодный. Потом просто заорала: «На-фа-а-ня», и он тут же передо мной и появился. Воинственно оперев руки в бока и внимательно на меня глядя.

— Да?!

— Это... мне бы поесть, — садясь и молитвенно складывая руки перед собой.

— Наследила, нагрязнила, войдя в дом, мне «здравствуй» не сказала, еще и есть просишь?! — В глазах домового зажегся очень нехороший огонек.

— Я ж потеряшка, — улыбнувшись и пожав плечами. — Я не знаю, как надо. Ну здравствуй.

— Еще и издевается! — фыркнул старичок и исчез.

11:48

Лезу на полку, изучая ассортимент. Н-да. Сковородка... одна. Домовой мне явно готовить не будет, он в стрессе от нового места и полного одиночества. Я вот тоже пришла — не поздоровалась. Короче, одни обиды и сплошное непонимание, так что готовить буду сама.

12:10

Раскаленная сковорода дымится на магическом огне. Гномы установили новые магокамни, которые зажигаются от волшебного слова, накорябанного на плите. Пока поняла, что его надо произнести, чтобы огонь зажегся, — чуть не поседела. Это ж надо... а нельзя было стрелочку пририсовать и картинку с человечком, открывающим рот?

12:32

Вылила на сковородку масло. Кажется.

Оно резко вскипело и теперь высоко взлетает раскаленными каплями над сковородой. Едва успела отскочить, а то бы и меня нехило так задело. Блин, какая это мука — готовить! Кстати, за мной явно подсматривают из-за двери. Я просто уверена, видела клок белой бороды.

Ну-ну, задрал нос, делаю вид, как будто все так и должно быть. По периметру кухни иду к кладовке, в которой теперь хранятся мясо и прочие вкусности.

12:45

Вытащила шмат мяса побольше, прицеливаюсь, сидя на столе. Если попасть точно в плиту — меня не зальет маслом. Подойти все еще не получается.

Бросок! Есть! Сковорода и мясо летят на пол, опрокидываясь и заливая пол.

Гм. Первый блин комом, попробуем еще раз.

Тем более что застонавшая от жадности дверь все еще не явила мне будущего шеф-повара этого замка.

13:32

Я теперь умнее. Я умею убавлять огонь. Масло не взлетает, а тихо себе шипит, булькая. Долго мыла мясо под струей из крана, очищая от грязи.

Так... теперь в сковородку.

!!!

Забыла, что кипящее масло и вода — смесь взрывоопасная. Дернувшись от ожога, навернула сковородку, и мясо повторно прокатилось по кухне, собирая с пола всю грязь на ходу.

Хмуро подхожу и пытаюсь его пнуть, но копыто подскальзывается на толстом слое масла, и я лечу на пол, растянувшись во весь свой рост.

У-у-уй... блин. Больно.

14:23

Мы не сдаемся, нам трудности в кайф!
Бьем вместе монстров огромной толпой.

В этой толпе просыпается драйв!
Может, погибну, но этих — урою!

Напевая, бегаю по кухне, а точнее, улетно скольжу по маслу, хорошо, что на коньках кататься умею. Другой бы растерялся, а я ничего так. Копыта еще и поустойчивее коньков будут. Так. Мясо... Гм. Мне нужен новый кусок. Этот уже ни на что не годится. Кладу на окно, прекрасно зная, что оно исчезнет уже через секунду, — ни зомбики, ни гномы не имели привычки проходить мимо съедобных и нужных вещей.

Иду в кладовку, пока сковорода в третий раз разогревается на огне. Масло пока не добавляла — рано.

Так... мясо. Большой такой шмат, ибо я зверски голодна. Сковородка. Масло. Приступим...

— Погоди!

На столе материализовалось встрепанное нечто с выпученными глазами.

— Ты чего делаешь-то? Ты ж... всю кухню! Это ж разве хозяйка?

Оборачиваюсь к домовому, скользнув по маслу и довольно улыбаясь.

— Ты ж готовить отказался — терпи. Не захотел сам быть хозяином кухни.

— Я... хозяин кухни? — ошарашенно.

Так. Я опять чего-то пропустила? И, судя по всему, что-то важное, ибо до сих пор стою голодная и с квакающими звуками в животе.

— Ну... а тебе особое предложение нужно?

— Хозяйка дома, внесшая в него ларец с домовым, — должна сама лично, в торжественной обстановке, налив в плошку молока и разломив свежую булку хлеба, сказать домовому, где он может жить и что он может делать.

Удивленно смотрю на торжественного домового, застывшего посереде стола. Это чего ж получается: он на кухне не прибирал и не готовил, так как думал, что он тут временно и не имеет права ничего касаться?

— Хм, так. Погоди. Ща.

Внимательно оглядываюсь по сторонам. Беру сковороду, ухожу в кладовку.

Булькающие звуки. Звук удара, ругани и навернувшейся полки.

Выхожу из кладовки. Нафаня, нервничая, переминается с ноги на ногу.

Я торжественно поставила на стол сковородку с плескавшимся в ней мутным молоком... с масляными пятнами, плавающими по поверхности. Потом взяла большую старую корку хлеба и в тишине преломила ее о колено, крикнув от натуги. Колено, к счастью, не сломала.

Домовой ошарашенно за мной наблюдал.

— Сим нарекаю тебя домовым Нафаном! Сокращенно — Нафаня. И отдаю в твои вечные владения вот эту кухню, с условием, что живущих в этом замке и одобренных мною людей... и нелюдей ты будешь привечать, кормить и на глаза не показываться никому, акромья меня. Уф. Все. Ну как?

На всякий случай вручила притихшему домовому половник. Вот странно. Тарелок тут нет, а половник нашелся.

— Спасибо, — тихо. — Я... — Сжав половник. — Ну... да.

И он исчез.

Растрепанно оглядываюсь по сторонам, почесывая затылок масляными пальцами.

А дальше начались чудеса. По полу сама собой начала ходить тряпка, из кухни утопали два ведра. Потом вернулись с колодезной водой, и одно тут же встало на плиту, а во второе начала макаться тряпка, продолжая ответственное дело по мытью полов.

Плита зажглась сама собой (слово вроде никто не произнес, точно помню). Оставшиеся тряпки разлетелись с пола и, поочередно окунаясь в ведро, начали мыть окна и стены... ну ставни там и прочее. Вниз посыпалась паутина, всякие жучки, паучки и прочая гадость, а из кладовки торжественно выплыло мясо, прямо в воздухе порезалось на тончайшие кусочки и, окунаясь в масло, начало быстро выкладываться на сковороду, шипя и исходя восхитительным ароматом.

Следом приплыли четыре яйца, почистился картофель или что-то сильно на него похожее. Короче... сижу на столе, болтаю ногами и с удовольствием оглядываюсь по сторонам.

Вот всегда об этом мечтала: сидеть в центре комнаты и чтобы все убиралось, мылось и готовилось за меня. Красота.

15:29

Завтрак. Ну... и тадакимас, как говорят японцы! То есть приятного мне аппетита.

Сижу, сжимая в одной руке горячую кружку чая, во второй — вилку, и поедаю яйца с беконом, вкусно — не то слово. Даже маг забежал, потребовав свою порцию. Взмыленный, уставший, он успевал командовать стройкой, готовить зелье силы и искать меня, ибо все грязное и кто-то же все это убирать должен.

Соврала, что убрала кухню. Маг оценил, поскользнувшись на масле и пролетев ее насквозь, как раз в кладовке и затормозил.

— А ты ему про меня не расскажешь? — напряженно засопели под столом.

— А надо?

— Надо. Он же тоже хозяин дома, да?

— Ну... да, немножко, — поедая бекон и щурясь от удовольствия.

— Как это?

Но тут некромант вылез из кладовки, и закончить я не успела.

— Кто масло разлил?!

— Какая-то сволочь, — решительно и резко, кивнув для убедительности.

У мага не нашлось контраргументов, а потому он тоже сел за стол и подгреб к себе сковородку с остатками завтрака. Жую, задумчиво за ним наблюдая.

— Вкусно?

Маг как раз подозрительно обнюхивал содержимое, рискнув макнуть палец в яйцо и осторожно коснуться им языка.

Кашляю, запивая смех чаем и понимая, что просто должна досмотреть представление до конца.

— Хм... пахнет неплохо. Как ни странно. Н-да. — Палец довольно облизали и отобрали у меня вилку.

Мне в принципе все равно — я уже наелась.

— Хм... это и вправду ты приготовила?! — быстро орудуя вилкой и ножом.

— Да, — чувствуя обиженный тычок в колено. — Почти!

— Хм, а кто еще? — зарываясь в сковородку и довольно мыча.

— Да так... у тебя тут теперь... домовый живет. Нафаня. Ну собственно, вот он.

Маг замер и покосился вниз. С пола ему робко махал половником домовый. Маг ошарашенно на него уставился.

— Здравствуйте, — отважился первым пойти на контакт Нафаня. — Очень, значица, приятно. Это я готовил. Мне... кухню выдали... Остаться можно? — И такой напряг в глазах.

— Можно, — кивнул некромант и продолжил есть.

Под столом сопят от счастья.

Ну и... хорошо, а то я тоже уже переживать начала, что его опять что-то не устроит. Кто их знает, некромантов этих. Может ведь домовых и на дух не переносить. С другой стороны, возможность хорошо питаться дорогого стоит.

18:34

Стою с тряпкой на балконе, только-только установленном на втором этаже, мою полы. Мне жарко и плохо, гномы внизу свистят, следя за движениями попы. Уф. Ну некромант. Это я-то должна отработать свое проживание здесь? Это ты мне по гроб жизни обязан!

Оглядываюсь по сторонам и вспоминаю слова этого маньяка.

«Все вымыть, убрать, накрыть полы коврами, стены — гобеленами. И не отлынивать! А то так и

будешь с копытами ходить или еще с чем похуже. Фантазия у меня богатая».

Гад.

Вот выучусь в академии, приеду вся такая крутая... И хрен тебе, а не копыта, сам станешь мелким, безруким, безногим, круглым и пушистым... с выпученными глазами. Да, передвигаться будешь прыжками... и ничего сделать не сможешь.

Злобно хихикаю, выворачивая тряпку над ведром до треска.

21:34

Зашла к некроманту — выяснить, когда будет готов отвар и чего в столицу не едем.

Маг сказал, что все перепутал и поездка через неделю, так что я могу расслабиться. Мой вопрос насчет копыт остался без ответа: у него как раз там что-то закипело и ему стало некогда.

Гррр... вот не уйду отсюда.

21:55

Все равно не уйду, несмотря на личный кризис мага: потерял соплю барсука или еще какую муть. Ищет среди склянок, умоляя меня не приближаться и вообще не дышать, раз уж уйти не желаю.

А вот и не желаю! Шиш тебе, а не спокойное колдовство у плиты. Либо я останусь сегодня без копыт, либо этот замок рухнет во второй раз. Это я гарантирую.

22:32

Есть! Он равномерно зеленого цвета. Маг сказал, что это хороший знак. Не возражаю, переминаясь с копыта на копыто рядом и нервно теребя хвост.

— Можешь выпить первой, — расщедрился маг, зачерпывая варево трясущейся рукой.

— Ну... спасибо, конечно, но давай лучше ты, а?

— Что так? Это вкусно, поверь. Я же готовил. — Мне широко улыбаются, покачивая ложкой у самого носа. — Через пять минут это будет несъедобно, так что или пей сейчас, или так и ходи.

— А ты?

— Я залпом.

— Кипяток? — ужаснувшись.

— Да, я крепкий... и вообще мужчина. Пей, зараза!

Ложку буквально сунули в рот, едва не выбив зубы, мычу, сглатываю, воплю от боли в обожженном горле. У-у... садист.

Садист напряженно за мной наблюдает, сжимая ложку в руке.

— Неужели правильно сварил? Хм... странно. А я думал... с пропорциями напутал.

— А? — выпучив глаза и сглатывая слезы.

Ноги гнулись и менялись, пятая точка болела немилосердно, ибо отвалился хвост, и вообще мне было как-то не по себе.

А этот гад все изучал симптомы.

— Так... нос не позеленел. Зрачки... — В глаз чем-то посветили. — Зрачки расширены до предела. Так... пульс. — Руку сжали холодными пальцами. — Есть. Ну что ж, поздравляю, сейчас ты примешь свой истинный облик, который и должен у тебя быть от рождения.

Я, кажется, села куда-то, вытянув дергающиеся ступни и стискивая зубы, маг, булькая, спешил выпить раствор, пока тот не потерял свои свойства. Флаг ему в руки.

22:45

— Ну как?

Ноги. У меня есть ноги! Сползаю на пол с табуретки, опираясь на него всеми четырьмя конечностями и едва не плача от облегчения.

— Ну. Я же говорил. А ты не верила.

— Спасибо, — хрипло. — А ты сам-то как?

По темной лаборатории просвистел пульсар и вдребезги разнес стену.

— Отлично, — отряхиваясь от каменной крошки и кашляя. — Не задел?

— Кх-кх. Нет. Поздравляю.

— Спасибо, — довольно.

Меня обняли.

Замираю, ошарашенно на эту руку глядя.

— Э-э... Ланс?

— А?

— Ты чего обниматься лезешь? Забыл, что утром было, или все еще мечтаешь о совместном ребенке — будущей грозе магической академии и причине инфаркта короля?

— Да нет. Просто... замерз. Эта магия страшно много тепла отнимает.

Только сейчас чувствую, какой он холодный... ледяной просто.

Рычу, распахиваю куртку и позволяю обнять себя.

Так. Теперь дрожу уже я.

— Спасибо, — тихо.

— Не за что, — под нос.

Вот так мы и сидели, обнявшись и как дети радуясь, что колдовство удалось.

Часть шестая

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Субботница (неделю спустя)

12:41

Ланс бегают по дому — собирается. Он страшно силен, но хочет произвести впечатление на совет магов еще и самим фактом своего появления. Типа как войдет — все так и лягут, узрев ужас и страх этого города. Темный плащ с алой подкладкой развевается на ветру, глаза горят... в руках посох с бриллиантом и рубинами...

Только вот плащ сгорел, посох завален камнями и погребен где-то там, под руинами того, что осталось от бывшего замка. Кстати, мертвецы все кончились. Последнего прибило балконом дней пять назад. Он отвалился, а зомбик как раз проползал с тяжелой тачкой, груженной камнями, мимо. По-моему, он был даже рад умереть, ибо нагружали его гномы немилосердно.

— Где мой плащ? Это что?

Смотрю на мага, застывшего в рубашке и пижамных штанах на верхней ступени лестницы, — встрепан, небрит, в чем-то вымазался и сжимает в руках страшную черную тряпку с дыркой посередине. Я так поняла, это и есть тот самый, навевающий ужас на массы, плащ.

Стою, ржу.

— И чего тут смешного?! Как я это надену? Ты об этом подумала?!

Пожимаю плечами и тыкаю пальцем в свисающие с потолка тяжелые черные шторы. Они, по замыслу, закрывают узкие окна замка. Кстати, настолько узкие, что я вообще не понимаю — зачем они нужны. Гномы говорят: стрелять из луков и метать копья. Ну-ну, только этим тут и занимаются.

— С ума сошла! Я эти шторы три дня назад купил. Торговец два зелья для увеличения мужской силы взял. Нет!

— Тогда иди так.

Ланс засопел и ушел, шарахнув дверью так, что посыпалась штукатурка. Ну-ну, а шторы ведь все равно резать придется. Еще бы окна расширить...

14:51

Сидим, режем шторы. Точнее, я режу, а домовый бегают с мелком и проставляет пунктирные

линии. Это, кажется, выкройкой называется.

Маг нервно ходит вокруг, требуя плащ подлиннее и с наворотами. Терпим, продолжая издеваться над тканью.

15:32

О! А что... круто. Он весь черный. Мы даже капюшон сделали. Правда, он кривой и закрыл половину лица, но ему идет.

— Ну... как? — Вытираю пот со лба, сидя среди обрезков.

Маг прошел к зеркалу, которое притащил недавно, хмуро в него посмотрел правым глазом.

— Как-то он... длинноват.

Изучаю волочащийся за некромантом шлейф из черной ткани.

— Ты ж хотел подлиннее.

— И подкладка не алая. Нет. Мне не нравится! Хочу красивый плащ, а не этот перекошенный ужас. У меня в капюшоне лица не видно!

— Только половины.

Плащ сняли и хмуро посмотрели на домового.

— Сможешь сшить приличный костюм за два часа?

— Ну... смочь-то смогу. А только не мое энто дело, — спокойно и деловито. Пытаюсь отпихнуться от меня.

Я как раз хотела чуть подрезать его бородку. Ну... больно длинная. Вполовину укоротить, и будет куда лучше.

— Я заплачу любые деньги.

Ошарашенно смотрим на мага. Я даже случайно ножницами щелкнула... часть бороды красиво опала вниз. Рев домового едва не вынес мне барабанные перепонки. Ой, чего ж так орать-то?!

— Так, спокойно!

У мага просто магическая способность всех успокаивать. Тяжело дышу, отпихиваясь от домового.

— Я выращу тебе новую бороду! Да хоть две! Есть одна мазь... но только сделаешь костюм, понял?

Домовой хмуро кивает. Ножницы медленно убирают от моего горла.

— Спасибо, — хрипло.

— Ой, помолчи. Ну так как? Сколько времени надо?

— Ну... я не портной, — рассматривая в зеркале криво обрезанную бороду, — но, если надо, значит, сделаю. За два часа. Говори, какой костюм хочешь.

Удаляюсь, оставляя этих двоих наедине друг с другом и радуясь, что можно свалить. Мне, в конце концов, тоже надо подобрать приличную одежду. Ну... или неприличную... да хоть какую-нибудь одежду...

Проходя мимо зеркала, бросаю в него мимолетный взгляд. Все еще не могу привыкнуть к своей внешности. Маг сказал — это пройдет. Ну... ладно. Я еще не писала, что то заклинание, которое я загадала насчет внешности, сработало немного не так... А точнее, конечно, сработало правильно, но изменились не только копыта, но и я вся. Несильно. Внешность претерпела минимальные изменения. Просто нос стал чуть прямее, губы чуть пухлее, глаза чуть больше и... волосы выпали. Хожу теперь с черным ежиком на голове, надеюсь, что года через два отрастут хотя бы до ушей. Или маг чего нахимичит и поможет. Гм.

Еще разок смотрюсь в зеркало.

В принципе... я стала красивее. Даже сама себе в кои-то веки нравлюсь. Ну не как кукла Барби и даже не как обычная кукла, но что-то в этом есть. Мне бы еще пирсинг в нос, пару колец в губы и наколки по рукам... было бы самое то.

Кстати... маг, как только разглядел, сказал, что лысая я даже как-то краше стала. Это мы потом поняли, что внешность другая, а там, впопыхах да на эмоциях, было не до того.

Н-да. Так что комплексы ушли в прошлое, как еще одна не очень важная часть моей биографии.

17:21

Ланс получил свой гардербчик, теперь упрашиваю Нафаню сшить и мне что-нибудь, пока он там перед зеркалом крутится. Домовой отказался в категоричной форме, продемонстрировав клочок отстриженной бороды.

Тискаю его, чмокаю в макушку, сообщаю, что он самый умный, красивый, домовитый и вообще самый-самый. Нафаня притих, слушает, тает. Даже покраснел, когда еще разок в лобик чмокнула. Пробурчал, что чего-нибудь, может, и сообразит. За что я с писком поцеловала его в нос, добившись в ответ невнятного «Ну не надо».

Маг прыгает у зеркала, изучая обновку. Нет, ну не то чтобы прыгает, просто уже полчаса принимает различные внушительные и импозантные позы, огонь в глазах, и зловеще усмехается встрепанному нервному отражению, которое вообще не в курсе, что его заставят показать через секунду.

— Слушай, а я думала, маги — крутые ребята, вечно думающие о высоких материях и вечном двигателе.

— Отстань. Если я их не впечатлю — они меня скопом завалят.

Маг сощурился, оскалился в кривой усмешке, натянул ниже капюшон и изящно положил кисть с длинными тонкими пальцами на пояс, слегка оттопырив вбок бедро.

— Ну? — не разжимая губ. — Как я?

— Отпад, — зевая. — Ты неотразим.

Отражение явно тоже так считало. Нафаня крутился вокруг меня, снимая мерки.

— Так, ладно, все надоело. Я могуч и силен. Это они пусть перед зеркалом крутятся, тренируя жуткие позы, — пробурчал маг, отворачиваясь от зеркала и направляясь к лестнице.

Представляю себе сердитых магистров, в жутких позах застывших перед зеркалом. Н-да. Некоторые вещи лучше не знать.

Кстати, если кому интересно: на маге красуется черная рубашка с воротником-стойкой, а также черные штаны и плащ с синей подкладкой. Какого цвета плащ, думаю, уточнять не стоит. Ну а я... тоже буду в черном. У нас тупо нет другой ткани, даже синяя вся ушла на подкладку.

18:30

Изучаю свое отражение в зеркале. В нем — невысокая девушка, стройная в меру сил и возможностей, в черной куртке с капюшоном, надвинутым до самых бровей, и в штанах с целым морем карманов. В серых глазах сталь.

Домовой был шикарен. Он выполнял все, что я ему скажу. И вообще, похоже, в меня влюбился как в хозяйку.

Это хорошо, ибо выгляжу я круче некуда. А, да, на спине вышит белый дракон. Он продавался вместе со шторами, то есть уже был вышит в уголке каждой, так что мне повезло чисто случайно. Но это не умаляет моих писклов и радости по поводу находки.

Нафаня прибрался и умотал готовить ужин на дорожку. Маг бегаёт по второму этажу, путаясь среди строительных лесов и ругаясь на гномов, разбросавших доски и камни как попало. Опять что-то ищет, кажется, запасной посох или заклинание по его призыву. Не знаю, не в курсе. И вообще иду на кухню — посмотреть, что там приготовит домовый.

19:00

Выходим из дому. Маг нашел посох. У крыльца бьют копытом два конных скелета, запряженные в черное подобие кареты. То ли маг ее купил, то ли гномы сделали — не знаю, но мы залезли внутрь и устроились на жестких лавках, приготовившись к путешествию.

Сидим. Смотрим друг на друга, ждем.

— Гм. Тебе не кажется, что сама собой она никуда не поедет, а?

— Не знаю, у вас, у магов, все возможно.

— Не язви и лезь на козлы.

Выпученные глаза.

— Я?!

— Ну не я же! Поверь, отдать тебе управление — все равно что прыгнуть ночью с обрыва в море. То ли разобьешься, то ли выживешь, но вдвое менее вероятно. Так что, будь добра, управляй осторожнее.

— Вот и не доверяй. Сам правь...

— Да не могу я! По статусу не положено.

Гррр... Ругаясь, лезу из кареты и перебираюсь на козлы.

Вот гад. По статусу, вишь, ему не положено. Ща я тебе устрою статус. Ты у меня в таком состоянии на встречу явишься, мама не горюй.

С этими мыслями я изо всех сил огрела плетью коней.

Вопли, ржание и резкий, неконтролируемый рывок вперед и вбок были последним разумным воспоминанием. Дальше я пыталась выжить и не вылететь на полном ходу с козел, вцепившись в них буквально мертвой хваткой.

19:15

Маг летает, ударяясь о стенки кареты, пару раз прогнул чем-то потолок, судя по треску — сломал скамейку, и продолжил летать. Неудивительно. Дорога-то ухабистая, там та-акие ямы. А мы несемся со скоростью под сто двадцать километров. Это... не хухры-мухры, скажу я вам.

Чего я так спокойно мысли излагаю? А мы приехали. Стоим перед воротами. Стражники распластались, с ужасом заглядывая в такие близкие глазницы черепов коней. Их едва не раздавило всей этой грудой костей, дерева и металла.

— Ланс. — Пытаюсь отцепить пальцы от спинки козел, но те держатся намертво, так же как и ноги, обнимающие сиденье. — Ты там как?

Внутри царила таинственная тишина. Видать, сознание потерял. Лишь бы не помер. А то там пентаграмму нарисовать фига с два получится. В полете-то.

— Маг, ты живой?

И снова тишина.

— Ребят, отцепите меня отсюда. Ну пожа-алуйста.

Народ стоит и ошарашенно на меня смотрит. Кое-как выползли, поправили шлемы, с трудом, но стащили меня с козел.

— Уф. Спасибо... Еще бы мага достать. А то если прямо так до дворца доведу — боюсь, не оценит. Он полдня репетировал эффектный выход из кареты. А в итоге — выпадет.

Пока я болтала, карету открыли, изучили содержимое, там было... пусто! Маг вывалился где-то по дороге.

Лезу между ними, тоже изучаю карету, кусаю ногти, понимая, что это очень и очень плохо.

Гм... придется вернуться и посмотреть каждый участок пути. Каждую выбоину, каждую лужу...

Это плохо.

Бородач слева от меня тыкает рукой вверх и довольно дыбится, явно пытаюсь что-то этим сказать. Поднимаю голову и вижу мага. Отломанной скамейкой его крепко зафиксировало в правом верхнем углу повозки. Он свесился с доски и пребывает в отключке. На затылке, кстати, уже набухает нехилая такая шишка.

Сидим в таверне, маг уже почти пришел в себя, выпил кувшин вина и теперь смотрит куда-то вдаль, сурово сдвинув брови.

— Ты как? — Я это спросила раз в пятитысячный, не меньше, но эта зараза все время молчит. Словно язык прикусил.

— Нормально... теперь нормально.

— Я рада. — Облегченно выдыхаю и радостно ему улыбаюсь.

— Еще вина закажи.

— А?

— Я говорю: еще вина закажи, — с нажимом.

Оглядываюсь, пытаюсь понять, где в переполненной таверне найти разносчицу.

— Эмм... ладно. Только не волнуйся.

Маг откинулся на стену, сложил руки на груди и прикрыл глаза. Я, кстати, только что поняла, почему он молчит — да чтобы не сказать что-нибудь такое, что гарантированно превратит меня снова в таракана или еще в какую гадость.

Разносчицу нашла, вина заказала. Пока шла к стойке и обратно — меня раз пять хлопнули по мягкому месту.

— Держи. — Ставлю кувшин перед ним, плюхаюсь рядом. Кувшин взяли, даже не кивнув в знак благодарности. — У тебя во сколько эта встреча... ну слет магов?

— А-а-а-а! — Мимо пролетел гном, вышиб собой окно и исчез снаружи. Дружный хохот общественности подсказал, что такое тут бывает часто. Огромный зеленый тролль самодовольно потирал руки, поставив лавку на место.

— В девять вечера. Это ночное мероприятие. Я же говорил.

Дверь таверны открыли мощным ударом ноги, на пороге застыл злой встрепанный гном с товарищами, где он нашел еще троих — не знаю. Но те явно рвались отомстить за этого конкретного гнома и всю гномью расу в частности. Тролль почесал затылок и потянулся за лавкой, с которой тут же шустро сползла пара фэйри. Скамейку гордо подняли над головой.

— Слушай, а может, пойдём отсюда? Тут вроде драка намечается.

Некромант открыл глаза, сурово посмотрел на вбегающих в двери гномов, щелкнул пальцами, и три пульсара взрывной волной снесли гномов обратно на улицу. Дверь таверны и часть стены

украсили контуры вылетевших тел. Тролль как стоял со скамейкой над головой, так и застыл, выпучив глаза, разинув рот и изучая дыры в стене.

Вся таверна с интересом посмотрела на мага. Тот невозмутимо пил эль, не обращая ни на кого внимания, мне было дико завидно. Тоже так хочу. Как засветила бы тут кое-кому пульсаром — больше ни одна рука не потянулась бы куда не надо, а то весь зад отбили своими ручищами.

— И если еще кто-нибудь попробует вот ему помешать, — говорю громко и внятно, тыча пальцем в некроманта и стараясь выглядеть мегасерьезно, — таверна и все, кто в ней, исчезнут с лица земли! Ибо это сам некромант Ланселот!

Все устали на меня. Море уважения в глазах посетителей, слабонервные тут же потянулись к выходу. Гордо оглядываюсь, ерзая на стуле и радуясь произведенному эффекту. Одна из разнощиц принесла еще два кувшина лучшего, по ее словам, эля — подарок хозяина. Таверна притихла.

— Гм. Мне кажется, они все поняли, и прекрати тыкать в меня пальцем с настолько довольным видом.

Хмуро на него смотрю, но палец опускаю.

Маг отпил еще вина и задумчиво огляделся.

— Сколько времени?

— Скоро восемь.

— Хм... ладно, пошли. Пора... Кстати, эль тут неплохой, особенно эти последние кувшины.

Пожимаю плечами и вываливаю на деревянный стол горсть медяков. Я эль не пью, побочным действием заклинания возвращения моей внешности оказалась моя гиперовосприимчивость к алкоголю. Маг сказал, что стоит мне выпить немного — и остановиться я уже не смогу. Так что пока не пью, терплю и соображаю, надолго ли меня хватит.

19:54

Пробираемся к выходу из таверны, к магу подкатил какой-то фэйри, уточняет: не мог бы такой великий и могучий некромант за каких-то сто золотых осмотреть леди наверху. Маг при упоминании суммы вознаграждения приосанился, напустил на себя умный вид и попросил меня подождать снаружи (швырнул в меня плащом и пальцем указал на дверь).

Ну... и ладно, пошла ждать.

20:18

Рядом ошиваются какие-то странные личности в темных плащах. Попросили закурить, уточнили, давно ли я в городе? Вру, что с рождения, и пытаюсь войти обратно в таверну. Но оттуда как раз вылетел еще один гном (я так поняла: как только маг ушел — веселье пошло по новому кругу).

20:23

У меня красивые глаза (в темноте-то), шикарные волосы (черный ежик) и необыкновенный голос. Это я узнала от тех четверых, что стоят вокруг и внимательно меня разглядывают. Пытаюсь объяснить, что я — ученица страшно грозного и могучего мага и что он всех порвет, ежели с его любимой ученицей что-то случится. Народ ехидно улыбнулся и вежливо взял меня на ручки, увлакивая куда-то вниз по грязному вонючему переулку. Никакие мои вопли, крики и попытки вырваться не помогли. Мне показали большой такой тесачок и тихо попросили не рыпаться, если и дальше хочу общаться посредством речи, а не учить язык жестов в срочном порядке, ибо говорить будет просто нечем. А я... как-то уже привыкла говорить. Да и чувствую, что вот так язык потерять будет немножечко больно.

20:45

Опа... как все хреново-то.

А тут есть улица красных фонарей! Так поэтично называют бордели в Голландии. Или не там... не суть.

Короче, я стою у резных дверей высокого красивого дома, хозяйка которого общается с моими похитителями. Меня осмотрели, проверили зубы, пощупали грудь. Я взвыла и оцарапала тете щеку. У меня, кстати, и ногти теперь не чета прежним ногтям: ровные, прочные и не слоятся, не загибаются от влажности — красота. Всегда о таких мечтала. Гм.

Меня взяли. А этим отсыпали шесть серебряных монет. Интересно, это дорого или нет? Я еще не разобралась в денежной системе. Странно, истерики нет. Наблюдаю как бы все со стороны.

20:55

Стою посреди большой комнаты, вокруг прыгают полуголые юноши и девушки. Все в париках, пудре, косметике и в чулках. Даже юноши.

Изредка в дверь заходят угрюмые личности в плащах с капюшонами, с тихими неприветливыми голосами. К ним бросаются, их обнимают, чуть ли не облизывают и провожают наверх. Вскоре сверху начинают доноситься интенсивные стоны, крики и визги, а позже спускаются все те же таинственные гости и вываливаются встрепанные, едва стоящие на ногах, девушки... или юноши.

— Хм... раздевайся.

Злобно смотрю на хозяйку — высокая, моложавая, лет под сорок, и с родинкой над губой, когда-то она, без сомнения, была красавицей, но тяжелый труд, куча клиентов и тонны косметики изуродуют кого угодно. Ей, впрочем, почти удалось сохранить прежний шарм.

— А то что?

Дама щелкнула пальцами, и из-за кружевной занавески вынырнули двое зелененьких шкафоподобных молодцев. Они шли ссутулившись, чтобы не задевать потолок, и были ну очень зелеными и страшно злыми — то ли тренировались в своей каморке, то ли родились с такими физиономиями.

— А то тебя разденут. Быстро и болезненно.

— Я сама.

Начинаю стягивать куртку, с ненавистью оглядываясь по сторонам.

— Может, все-таки зайдём в комнату? Не хочу раздеваться у всех на виду.

— Ты невинна?

Что за мир-то такой, у всех один и тот же вопрос. Достали.

— Нет!

— Тогда не ерепенесь и снимай все. Мне надо посмотреть товар.

Хмуро на нее смотрю и демонстративно подтягиваю джинсы. Майку и штаны не сниму, и точка. Более того, хоть один пульсар, но сотворить я все же сумею.

— Хм...

Хозяйка с интересом рассматривает товар (меня то есть). Меня просят широко улыбнуться и прогнуться в спине. Одновременно. А кадрили вам не станцевать? Отказываюсь вставать на мостик, сообщив про больную спину и страшно хрупкий позвоночник.

Хозяйка что-то крикнула, подошел хмурый детина и рывком перегнул меня через колено так, что макушка врезалась в доски пола. Было больно, в позвоночнике реально что-то хрустнуло.

Блин.

21:32

Зубы в норме. Тело... ну сойдет. Грудь подкачала, но мне сказали, что это ничего, для извращенца — самое то. Вроде и не парень, и не девка. Кисло улыбаюсь, мечтаю о том, чтобы меня наконец-то спас маг. Наверняка уже нервничает, бегаёт, небось ищет...

А того не знает, что его ученицу единственную в бордель уволокли... Вот бы поржал... н-да. Нет, лучше пусть не узнает. Авось и так сбегу. Из окна да по крышам — невелика наука, надеюсь.

Щупают грудь, еще кто-то сзади... Рефлексы — страшная вещь. Ноги согнула. Локтем назад врезала так, что стон перешел в визг. Попала, значит, по мужскому достоинству. Медленно выпрямляюсь, злобно оглядываясь по сторонам. Кто там еще чего мне пощупать хочет.

Желающих... много.

21:40

— Я возьму ее.

Бархатный голос донесся у меня из-за спины. Я аж вздрогнула, совсем забыв о посетителях. Оборачиваюсь и внимательно его разглядываю. Сильно мешает плащ и капюшон. Все, что могу разглядеть: высок, худ, тонкие губы постоянно складываются в подобие саркастической усмешки. На пальце сверкают перстни с драгоценными камнями. И куда ему столько колец?

— О, ваше... вы понимаете, она свежий товар... и пока еще не обучена. — Хозяйка разве что по полу не растеклась, приседая перед подошедшим посетителем, который, в свою очередь, разглядывал только меня.

— Не страшно. Мне нравятся строптивицы.

Мне улыбнулись. Угу. Ты еще не знаешь, насколько я строптива. Ты у меня на всю жизнь мысли о деторождении оставишь и каждый раз в туалете будешь плакать кровавыми слезами.

— Она прекрасна. Дикий гордый взгляд, королевская осанка, сжатые кулаки — не хочу упустить возможность сломать ее лично, как знать, возможно, она станет моей новой любимицей.

— Но си... наш дорогой гость, Марлена уже заждалась и полностью готова, она всю неделю ждала только вас.

К нам подбежала высокая черноглазая девушка с темной кожей и пухлыми губами. Грудь колыхалась при каждом шаге так, что я смотрела на нее как загипнотизированная. Это какой размер, двенадцатый, что ли? Круто. И при этом она еще умудряется выгибать спину, как кошка.

Посетитель посмотрел в полные надежды глаза Марлены, губы незнакомца скривились в презрительной усмешке.

— Ты мне надоела, — спокойно и холодно.

На девчонку было больно смотреть. Вспыхнула, побледнела, насколько это возможно с такой темной кожей, и куда-то ушла, бросив на меня полный убийственной ненависти взгляд. Я-то тут при чем?

— Пойдем. — Мне протянули холеную руку с тонкими длинными пальцами. — Я покажу тебе рай.

Ага. А я покажу тебе ад, но давай как-нибудь потом, милый.

— Я ученица мага Ланселота! И он придет за мной, уж будьте в этом уверены.

Мне улыбнулись, схватили за руку и потащили наверх.

— У Ланселота нет учеников. А если и были, каждый из них заканчивал свою участь или табуреткой, или горшком. Так что не нужно врать, тем более если не умеешь.

21:45

Бегаю по этажам — очень занятно, убежать пока не получается, зато по люстрам и занавескам прыгать уже научилась. Бежишь на второй этаж, отталкиваешься ногой от перил, хватаешься за люстру и с визгом пролетаешь над этими придурками, потом на занавеску — вниз, по лестнице вверх и снова на люстру, и ребятки следом скачут. Только до люстры не допрыгивают — так сигают, самоотверженно, с огнем в глазах и с обещанием страшной расправы, ежели догонят. Ну-ну, вы сначала догоните.

О, дверь! Дверь открылась!

Сметаю с ног молодого величественного господина, медленно и вальяжно входящего в уголок разврата. На лице его белая изящная маска, и тонкие усики едва заметно шевелятся над губой. Все это я заметила за ту секунду до того, как налетела на него, после чего господина снесло назад, скинуло со ступеней, ударило о тротуар, погрузило худое тело в грязную, плохо пахнущую лужу и, взметнув веер брызг, пронесло до кареты, об которую мы и затормозили.

Кое-как встаю, суматошно извиняюсь. У господина больше нет масочки, глаза вытаращены и разбито в кровь лицо. Гм. Отдав ему ногой явно что-то важное, отскакиваю, встаю и разворачиваюсь, чтобы врезаться в грудь выбежавшему вслед амбалу.

В ногу сзади вцепились, крепко так, я бы сказала даже... насмерть.

— Пусти!

Отбиваюсь от амбала. Абсолютно случайно заехала сапогом в лицо господину, который пытался то ли подползти, то ли встать.

Со ступеней бежит хозяйка, бледно-синяя, глаза вытаращены, орет: «Ваше сиятельство!» — еще немного, и у нее случится удар.

Господин булькает в луже, погрузившись туда с головой. Ну хоть от ноги отцепился. Меня держит какой-то зеленый гоблин. Ну то есть тролль (кажется, так была названа эта раса в книге, которую выдал мне Ланс). Держит на вытянутых руках и смотрит на госпожу. Я, понятное дело, брыкаюсь.

— Ты хоть понимаешь, кого ты убила?! — На меня смотрят так, словно я это сделала преднамеренно и с немыслимой жестокостью.

— Нет, — гордо. Бабушка учила не врать.

— Ты убила его высочество, принца!

На нее все зашикали. Хозяйка двумя руками зажала себе рот. С интересом смотрю на принца, повиснув в руках тролля. Так вот они какие, принцы... Ну бледноват, не на коне и хилват, конечно. Хотя с другой стороны, маг тоже не всегда успевает реагировать на мое «везение» и местами бывает сильно побит, отравлен или покалечен. Хорошо, регенерировать умеет.

— Да ты... ты будешь вздернута на виселице, четвертована, сожжена и посажена на кол! — заорали мне в лицо, бешено вращая глазами и пытаясь придушить.

Представляю себе обгоревший труп, сидящий на колу и морально готовый к четвертованию. Да пожалуйста. Меня маг спасет. Блин, ну не могу я все это всерьез воспринимать. Так не бывает. Это все сон, это просто дурной сон. Так что в том, что я ей сейчас широко и нежно улыбаюсь, я не виновата.

Тетка взбесилась.

— Сиггун! Сиг! Ты где?

Маг стоял у дверей таверны «Три пьянчужки», подбрасывая в руке увесистый кошель и задумчиво оглядываясь по сторонам.

— Предупреждаю. Если не выйдешь сейчас — уйду без тебя, и домой добираться как хочешь.

Тишина. Ветер завывает между крыш домов, мелко накрапывает дождь.

Маг нахмурился и сунул кошель в карман. Огляделся. И, накинув капюшон на голову, пошел прочь от таверны.

— Господин!

Маг остановился и посмотрел на приближающегося к нему нищего. Их всегда полно в городах. Этот, как и прочие, был вонюч, небрит и покрыт то ли язвами, то ли нарывами. Сжимая в руке резной костыль, он держал во второй некое подобие шляпы и крайне доверчиво заглядывал в глаза магу.

— Чего тебе?

— Господин хочет знать, куда увели девушку с черным ершиком? Лари знает. Лари все видел!

Только сейчас маг заметил, что один глаз у нищего был стеклянный. Такие производили гномы. Маги делали их мягкими и удобными, но страшно дорогими. Этот нищий либо подворовывал, либо действительно зачастую владел ценной информацией.

— Я и без тебя ее найду.

— Но со мной быстрее. — Грязная рука схватила за край плаща, а единственный глаз нищего масляно заблестел. — Ее ведь отвели в дом терпимости для нелюдей, господин.

Маг задумчиво его изучал, что-то прикидывая в уме. Потом взглянул на часы, расположенные на самой высокой башне в городе и видимые с каждой из его улиц благодаря магии зеркал, расположенных на крышах домов.

— У меня есть еще десять минут. Ладно. Веди.

— Да, господин, но оплата...

В руке мага вспыхнул пульсар, белый, извивающийся и наполненный силой тысячи молний, он так и притягивал к себе взгляд. Нищий заметно побледнел, отстраняясь на шаг.

— Ты, видимо, не понял, с кем говоришь. Намекаю. — Пульсар вспыхнул так, что озарил половину улицы и двух крыс, копошившихся в подворотне. Крысы с визгом бросились прочь.

— О, я все понял, я все понял! Конечно, господин, сюда, господин, за мной. Лари покажет, Лари все покажет, не извольте беспокоиться, господин...

Маг, сжав в руке пульсар и погасив его, разом, зашагал вслед за прихрамывающим нищим, опираясь край черного, с синей подкладкой, плаща.

22:20

Сижу в каком-то чулане. Меня сюда зашвырнули, как куль с мукой. Хотели руки-ноги пообломать, но хозяйка запретила «портить товарный вид». Сказала, что так просто она мне отделаться не даст. Ну-ну. Да и потом, в самый ответственный момент принц, отчаявшись дожидаться, что кто-то вытащит его из лужи (на него пару раз наступили в суматохе — я сама видела), булькнул, вылез сам и что-то выкрикнул на каком-то там странном языке. Вопли, визги, слезы, уверения. Меня швырнули в чулан и оставили тролля сторожить у дверей. Принц,

перед тем как меня совсем унесли, пообещал лично научить меня почету и уважению.

Жду не дождусь. А вот и фигушки. Сажусь в угол, подтягивая к себе пару мешков с мукой, которых тут до фи́га, и, сложив руки на груди, угрюмо смотрю на полоску света под дверь. Окон нет. Других ходов нет. Все, что могу, — сидеть и смотреть на дверь... Что ж делать-то?

23:14

У меня гениальная идея.

Надо соблазнить тролля. А то маг что-то запаздывает. Наверняка рушит город, выясняя, где я есть. Н-да.

Я даже замечталась на секундочку, плюхнувшись обратно на мешки с мукой и стягивая сапог с застрявшими камушками.

Вот он врывается внутрь — злой, страшный, встрепанный и с пульсаром в каждой руке...

— Где она?!

Маг сурово огляделся. В глазах его пылало пламя самого ада.

— Ты опоздал! — Хозяйка, истерично хохоча, спускается со второго этажа, улыбаясь, как змея.

Н-да, а как это она улыбается, хохоча? Ладно, будем считать, что тетю на почве эмоций слегка перекосило... пожизненно так.

— Ты хоть понимаешь, на кого пошла? — Голос мага похож на сталь, холод заставляет женщину остановиться и пошатнуться от ужаса... и упасть. Ибо сердце разорвалось, не выдержав того кошмара, что полыхал в глазах некроманта...

Но она тут же встала, так как некромант простер над ней свои руки и произнес жуткую формулу воскрешения. И она встала. Н-да.

— Отвечай хозяину, женщина.

— Да, господин, — улыбаясь и склоняясь в низком поклоне.

— Где та, о которой я думал всю свою жизнь...

Так. Как он мог думать всю свою жизнь, если я недавно... С другой стороны, он и воскрес недавно, так что сойдет.

— ...Всю свою новую жизнь...

— Здесь.

И женщина указала на дверь подвала. Маг рванул туда, вышиб дверь, взревел раненым зверем, а там... на обрывках мешков, окровавленная и растерзанная, лежала она (ну то есть я), и из глаз ее медленно скатывались по щекам хрустальные слезы.

— Сиггун!

А слезы все катились и катились... миллионы слезинок. Водопады просто. Ибо хотела она выплакать все то, что творили с ней здесь.

И возрыдал маг! И упал на колени! И бережно поднял... ее.

Ой, аж мурашки по коже. Как представлю мага на коленях, прижимающего меня к груди и рыдающего от горя, становится так приятно. Ну и потом...

Он прошептал, что больше никогда не оставит ее, что воскресит, дождетя полнолуния — и сделает ее снова живой! И она улыбнулась, поднесла к его губам дрожащие пальчики...

Хмуро изучаю черные грязные пальцы, которыми недавно проехала по луже, пытаюсь начистить морду одному троллю... н-да. Вытираю их о мешок картошки. Ладно.

Там было темно... И маг не понял, что она поднесла к его губам, но поцеловал, не глядя.

Сижу, ржу, представляя, что еще могла бы поднести к его губам для поцелуя... н-да... Ну ладно, я ж все-таки умираю. Кхм.

— Держись, — шепнул он и медленно встал.

Глаза его сузились, плащ взметнулся, а на руках покачивалась прекрасная черноволосая... чернобровая... грязная дева, короче. В драной куртке и в одном сапоге. Но маг бережно нес ее наружу! Привычно выбил дверь. Ее кто-то снова там поставил, а он выбил! И вынес ее наружу. А там все рыдают... и принц в первых рядах. Все просят прощения.

Но он не смотрит на них. Принц орет, что подарит магу тысячу таких, как она, лишь бы тот не сходил с ума и не уничтожал мир. А маг сказал...

— Такой больше нет... другой такой — нет.

И прошел мимо, темнея на глазах. В смысле депрессуя.

На улице лил дождь... Лето. Гроза, молнии... Снег, град... мага завалило... нет. Ладно, он остался внутри и начал ее оживлять...

— Эй, ты чего притихла? Эй, ты живая?

Хмуро смотрю на дверь. Сижу себе, никого не трогаю, прижимаю к груди колени, загадочно улыбаясь, мечтаю о прекрасном. Чего им еще от меня надо? Чтобы буйствовала? Фигу. Надоело. Меня маг спасет.

Дверь медленно открылась, и внутрь пролезла зеленая голова с ушами. Большая такая. Хмуро ее изучаю, мечтаю пнуть. Но для этого надо встать, подойти и замахнуться. А мне сейчас хорошо, уютно, и вообще я жду героя.

— О, привет.

— Что надо?

— Ага. Живая, значит.

— А с чего я помирать должна?

— Ну... и я о том же. Ладно, седи.

И дверь снова захлопнули. Спрашивается: чего заходил?

Эх, мужики. Мечтать расхотелось, уже не цепляло. И сердце не замирает при мысли о маге, волокущем через буран и метель мое окровавленное тельце. Куда он его поволочет-то, глупости.

Встаю, отряхиваюсь и задумчиво смотрю на дверь. Что ж, пока он там идет — попробую выбраться сама. И как говорится, соблазнять так соблазнять.

— Тролль... — хрипло, царапая носком сапога о дверь.

— Че?

— А я тебе нравлюсь? — тяжело дыша и добавив хрипотцы в голос.

— У тебя чего там, приступ? Задыхаешься вроде, — задумчиво.

— Да иди ты... сюда. Я тебе покажу рай!

— А чего это? Корчма, что ли?

— Круче. Гм... я тебя поцелую... иди... сюда-а... — эротично постанывая и снова тяжело дыша.

— Да ну, заразишь еще.

— Чем? — ошарашенно.

— У тебя ж голос охрип, да и дышишь еле-еле, явно помираешь. Не, не пойду.

Сплюнула, решила зайти с другого бока.

— Тролль, денег хочешь?

— О, выздоровела. Быстро ты.

— И не говори. Короче, тут два мешка с золотом. Я отрыла. Но одна не утяну.

За дверью засопели. Тролли по свой натуре туповаты — где-то я это слышала. Ну по крайней мере этот точно туповат — это ясно написано на его «мужественной» роже отъявленного бандита.

— Целых два?

— Три даже. — Берем быка за рога, а тролля за мозги. — Три сундука. Большой, какой... ух ты... золото и драгоценные камни.

Дверь снесло. Если б стояла не у косяка — меня точно бы убило. В комнату ввалилось тяжело дышащее нечто и начало расшвыривать мешки, разыскивая золото. На цыпочках выхожу наружу, все еще бледная от осознания того, что еще чуть-чуть — и была бы я лепешкой.

— Куда?!

Ой. Ну почему она?! Почему сейчас?!

Стою перед хозяйкой, рядом с которой возвышаются два амбала. Троль и мужик какой-то одноглазый, с виду — форменный бандит. Мой маг рядом с ним форменным интеллигентом бы выглядел... если в глаза не заглядывать. Глаза у некрманта всегда с какой-то безуминкой в глубине. Знаю, что нет такого слова, но по-другому здесь не скажешь.

— Да я тут... это.

— Где мое золото?!

Из моей бывшей камеры вылетел белый, обвешанный обрывками мешков из-под муки троль. Молча на него смотрим.

— У вас охранник ненормальный. Выставил меня из камеры и начал в муке бриллианты искать, — тихо поведала я с заговорщицким видом.

Хозяйка поджала губы и велела меня увести и подготовить. Я так и не поняла, к чему подготовить, но тот, который одноглазый, молча схватил за плечо и потащил за собой, причем такой хваткой... фиг вырвешься. Пришлось бежать, морщась и ругаясь от боли, зато хорошо была слышна разборка с унылым троллем, который уже догадывался, как подло его развели.

Седмица

00:55

Стою в ванной и терплю, пока мне намыливают голову. Вокруг суетятся девушки, девочки и женщины всех возрастов и калибров. Ну вы поняли.

Короче, на окнах — решетка, за дверью одноглазый, а внутри эта свора. И хрен ты куда денешься.

Мне взбудораженно объясняют, что принц очнулся и требует новенькую. То есть меня. Я уже пыталась объяснить, что я не новенькая и вообще проездом. Мне не верят, улыбаются, кивают, сообщают, что принц в постели — это нечто. Ни одна до утра не выдерживала, все теряли сознание от восторга.

Угу. Их послушать, так сознание они теряли, уже когда принц снимал рубашку. Дальше бедолага имел дело с бесчувственным полутрупом, ибо красоту его неопишущую выдержать не могла ни одна женщина.

Похихикав, позволила себя вымыть, вытереть, сполоснуть, надушить так, что из глаз полились слезы, нарумянить, наманикюрить, нацепить блондинистый парик, который магоклеем прирос к волосам насмерть часа на два. Ну и... из зеркала на меня глянула перепуганная лань с огромными серыми глазами, шикарными (до пола) волосами и сногсшибательным телом, затянутым в корсет и кучу прозрачных тканей. Покачиваюсь на каблуках, изучая грудь и зад. Неплохо... зря я комплексовала. Губы благодаря помаде увеличились раза в два, став пухлыми и чуть приоткрытыми (как осы покусали, честное слово). Голова чешется, дышать не могу — корсет мешает, каблук явно превысили все мыслимые нормы — сантиметров пятнадцать высотой. Хорошо хоть, сами туфли на платформе. Зато шпильки острые... такой наступишь — пробьешь и ногу, и сапог, и доски пола. Гарантия вечная, блин. Заточка наша.

— Ты только не волнуйся. Смотри на него сквозь щелочку между пальцами.

Это они мне советы дают. Все скопом. Бледно им улыбаюсь, пытаюсь научиться дышать во всем этом. Я знаю, чего они сознание теряли! И дело тут не в рубашке. У меня вот тоже уже перед глазами все плывет.

— Если заговорит — молчи. Покажешься таинственной.

— И не смейся! Он очень гордый.

Вспоминаю, как размазывала эту гордость по мостовой, а потом еще и сапогом наступила. Ну да, похихикать вслед — уже не смертельно.

— Как рубашку расстегнет — зажмурься. Там такое тело... если на ощупь, может, и дотянешь до поцелуя, — тяжело дыша.

Все застонали. Моя улыбка как-то сразу померкла.

— И... когда поцелует... — дыхание окружающих стало надсадным, — ты запомни... как оно. Потом расскажешь.

— И покажешь, — простонали слева.

Ошарашенно кошусь на толстуху, лежащую на спинке кровати и тискающую мою подушку. Я ей... покажу? Ага. Бегу и падаю. Они тут все ненормальные.

— Все вон! — Хозяйка заглянула всего на секунду и тут же снова захлопнула дверь. Но девчата засуетились, забегали, занервничали, и уже минут через пять в комнате остались только я... кровать и куча подушек, раскиданных в самых неожиданных местах. Разноцветные, пушистые и не очень, с вышивкой и без — они усеяли все. С другой стороны, удобно, если надо закрыть бардак. Когда тут полы мыли или вообще убирались, уже хрен поймешь.

Сижу, жду свое чудо (мага я жду, мага!) и одновременно пытаюсь ногтями поддеть застёжки корсета на спине. Да, жаль, маг меня так не вовремя расколдовал. А то хожу вся такая беззащитная. Тащат все куда ни попадя, а мне даже защититься нечем. Уй. Навернулась на пол, дернув за завязку. Больно... Хорошо, подушки есть.

01:34

Однако этот принц не торопится, то ли стоит у двери — ждет, когда засну, то ли ждет, когда задохнусь. Тут воняет, корсет еще этот... как смирительная рубашка без рукавов. Стою у окна, судорожно глотаю маленькими порциями воздух, цепляясь за решетку на окне.

Ну и мага выглядываю. Нету. Все еще нету. И это очень и очень грустно.

01:36

— Сиг!

— Кноп?

— Си-и-иг!!!

— Э-э... а ты откуда?

— Да помоги ты. Тяжелый же.

— Сёма?! А ты... как вообще здесь оказался? Кноп, как ты его донес?

— Не спрашивай. Ты можешь помочь или так и будешь стоять, как дура?

Вытягиваю руку и принимаю из рук надрывающегося эльфа сплющенный горшок. Эльф ввалился внутрь, упал на подушки и, хрипло дыша, застонал от счастья.

— Я смог!

— Спасибо, — буркнул горшок и попросил его отпустить.

Отпустила. Он шмякнулся на пол, затерявшись между пуфиков.

— Кноп, — хриплю, оседая вниз. — Помоги.

— Чего еще? — Мелкий сел и крайне хмуро на меня посмотрел.

— Корсет... душит... не могу.

— Хм, а ты синяя. Вот, блин.

За спину полезли, трепыхая крылышками и попросив не шевелиться. Киваю, упираясь руками в пол и радуясь, что эта попытка скоро закончится. Постепенно в крови понижался уровень кислорода... Короче, не могу больше дышать нормально. Душно — жуть.

Что-то щелкнуло, треснуло, и эта жуть рухнула вниз, освободив мои сплющенные ребра и легкие. С шумом вдыхаю воздух, захлебываясь с не привычки.

— Спасибо. — Сесть, закрыть глаза и дыша-ать. Нет, не оттого, что принц снимал рубашку, все падали в обморок. Зато для имиджа полезно. Типа загнуть так в компании: «Я вошел, расстегнул первую пуговицу — побледнела, расстегнул вторую — глаза закатила, третью... готова. Лежит у моих ног...» А они ж еще волновались. Н-да.

Натягиваю корсет обратно, довольно мыча что-то под нос.

— Э. Ты чего? А зачем я его снимал?

— Я ж не застегиваю. Зажму под мышками — пусть думает, что я в нем. Авось повеселимся.

Эльф хмыкнул, но только махнул рукой. Дескать, делай что хочешь.

— А вы чего тут делаете? — удивленно спрашиваю, придя в себя после попытки корсетом.

— Да все он! — В горшок недовольно ткнули пальцем. Тот смущенно завозился и отвернулся, попрыгал к кровати и шустро там скрылся. — Горшок обыкновенный — подкроватный. Это он уже привык там жить. Под кроватями. А ежели расколдуем, что делать?

— Переучиваться придется, — вздыхаю.

— Говорит, что на собрании соберутся лучшие маги. И понадеялся, что и его расколдуют. Представляешь?

Растерянно пожимаю плечами и киваю.

— Ну так вот, а мне сказал, что если донесу — потом отдаст одну штуку... Ну это неважно. Короче, я еле допер!

— Я в шоке. Не думала, что ты такой сильный.

— А у меня это... магия чего-то пошла. Я тут внезапно смог создать пульсар.

Мне довольно показывают вспыхнувший на золотистой ладошке немаленький такой голубой огонек.

Хмуро его изучаю. Мне на это понадобилось две недели и помощь кулона. И то до сих пор толком не умею. А этот запросто. Хотя...

Вспоминаю крыса, его алые глазки и привычку курить. Я ведь, кажется, его кровь взяла для заклинания. Крыс сильный колдун. Маг и то его побоялся и мстить не стал, когда тот его наколол со мной... небось в него эльф и пошел силой. Теперь чудить еще начнет.

— Еще чего умеешь? — Стараюсь говорить осторожно, а самой страшно интересно.

— Еще? Ну... не знаю, а чего ты хочешь? — Перелетев ко мне на колено и с удобством на нем устраиваясь.

— Яблоко... ну или воду. Пить хочу.

Эльф задумался, пошевелил ушами и вытянул руку вперед. Осторожно пальчиком повернула его так, чтобы его рука не была направлена на меня.

Через минуту

— Ну что? Не получается? — хмуро.

Руку опустили. Смотрю на стенку, в которую он до сих пор тыкал пальцем и что-то там шептал. Стене было фиолетово. Вздыхаю и перебираюсь на кровать, утягивая эльфа за собой.

Ладно, поспать надо. Принц что-то не торопится. С магией не задалось, а утро не за горами. Маг опять же... зараза — не торопится спасать. Ну и ладно.

— И все равно я очень сильный, — сообщили мне, возмущенно глядя на стену.

Киваю и закрываю глаза. Кто бы спорил.

01:56

Дверь скрипнула, медленно открываясь.

Неохотно открываю правый глаз, изучая ее. Я сплю чутко, а тут — тем более.

В комнату вошел принц. Голова в бинтах, хромает, рука на перевязи. Орел, короче.

— Ты спишь? — Его шепот меня позабавил.

Ответил эльф, успевший нырнуть под кровать к горшку.

— Нет! — натужным шепотом.

Хмуρο кощусь на пол. Зараза мелкая.

— Гм. — Принц застыл, теряясь. — А чего делаешь?

Хрюкаю, стараясь делать это в подушку.

— Жду тебя, — удивленно ответили из-под кровати.

— А. Ну да.

Еще шаг вперед.

— Ну короче... ты теперь моя жертва. — Тихий смешок и довольная улыбка.

Я так поняла: хромой, однорукий и с травмой между ног — он был чуть менее храбрым, чем три часа назад, когда орал, что убьет меня.

— Ага. Вся горю! Возьми меня! — Эльф закашлялся, сорвавшись.

Принц затормозил, пугаясь.

— Ты хочешь... быть со мной? Ты не... испугана?

— Нет, горю. Иди сюда и познай разврат и ужас!

Принц кашлянул в кулак, продолжая мяться у стенки.

— А почему — ужас?

— Я до ужаса хочу быть твоей. И прямо сейчас, с разбегу, запрыгивай в кровать и поцелуй же меня, пока я еще могу сдерживаться.

Глаза принца расширились. Я четко слышу, как ржет горшок. Эльф, весь из себя довольный, высунул голову из-под кровати, осмотрелся и снова спрятался.

— Я слышал — ты чародейка. Ученица некроманта, — уточнил принц, начавший движение вдоль стены в обход кровати. Лежу, наблюдаю, жалею, что нет попкорна.

— Могу превратить в мертвеца в самый ответственный момент или в жабу. Ты любишь жаб?

— Нет, — с ужасом.

— Я тоже. Тараканы... они как-то милее... домашние такие.

Движение вдоль стены теперь шло в обратном направлении. Принц хромал обратно к двери.

— Куда же ты?! А ночь любви? Ласки, стоны, а ужас моей страсти?! — Это уже горшок. Эльф не может говорить, попискивая от хохота, катаясь по полу.

— Чего у тебя голос так изменился? — Принц затормозил, понимая, что в чем-то его дурят.

— От страсти, — выдохнул горшок и тоже засмеялся в полный голос.

Принц остановился, хмуро обернувшись и глядя под кровать.

— И кто у тебя там?

— Я, на кровати — моя проекция... ну иллюзия.

Меня пристально рассматривают. Пытаюсь вспомнить, когда успела научить эльфа таким словечкам. Вспомнила, что он говорил что-то о чудесах. Видать, одним из них стало пробуждение моей памяти или памяти крыса. Вместе с лексиконом, юмором и прочими прелестями цивилизации.

— А зачем под кровать забралась? — Принц подумал и сел. Вытянув больную ногу на подушках и с удобством опираясь спиной о косяк двери. Дверь была приоткрыта, так что, если что, сбежит быстро и без позора. Вздыхаю и жалею, что не могу повернуться на другой бок. Хрен его знает. Может, иллюзии тут двигаться не должны. А ломать кайф эльфу не хочется. Малыш всю неделю вкалывал на мага — таскал донесения от него в город и обратно. В итоге маг теперь постоянно в он-лайн-режиме в курсе относительно цен на материалы для замка, стоимости продуктов на рынке и происшествий в городе. Я даже эльфа предложила переименовать в «яндекс» или «гугл». Эльф поморщился и послал меня куда подальше.

— Под кровать? Ну... я тебя боюсь.

— Это правильно, — поправляя гипс на руке. — Я страшный в гневе. А так — мирный.

Молчим. Эльф явно пытается придумать, как бы еще поразвлечься.

— А ты вообще когда-нибудь целовалась?

— Много раз! — гордо ответили из-под кровати. — Со всеми! С быками, коровами, овцами... Я, кстати, на ферме выросла.

— А... — немного ошарашенно.

— Потом перешла, конечно, на мужчин. Ты, кстати, знаешь, что такое «французский поцелуй»? Меня один бык научил — страшная вещь. Один поцелуй, и девушка твоя навеки.

Принц покраснел так, что даже в темноте видно. Прикрыл дверь рукой, откашлялся.

— Э... мм... ну и... как? — стараясь выглядеть беззаботно.

Бедняга. У него еще и с девушками сложности. В принципе вблизи он не кажется таким уж взрослым. Ему больше семнадцати-то и не дашь. Н-да. Верно, что у страха глаза велики.

— Подходишь. Взгляд в упор. Смотри в ее глаза так, словно это последнее, что ты видишь.

— С ужасом? — очень несчастным голосом.

— Почему с ужасом? — растерялись внизу.

— Ну... перед смертью видишь то, что тебя убьет. Я бы испугался.

— Идиот. Тогда первое!

— Как на маму?

Под кроватью грязно выругались. Половину ругательств я не знаю, либо на рынке понабрался, либо и впрямь кровь крыса просыпается.

— Да! Смотри как на маму. С нежностью.

— Мама старая.

— Ты меня достал. Короче, смотришь в глаза, подходишь, этак презрительно улыбаешься.

— Смотреть с нежностью, а улыбаться презрительно, — бормотал принц, запоминая.

— Да не мешай. И... хватаешь ее за талию!

— А если убежит?

— Куда?

— Ну мест много. Как даст мне туда... и убежит.

— Крепче держи, ты ж мужик.

— Платье порву.

Судя по звукам — эльф бьется лбом об горшок. Тот только вздыхает.

— Итак! Она с тобой. Ты смотришь на нее, она на тебя...

— А...

— Тихо!

Принц заткнулся.

— Ме-эдленно наклоняешь ее назад.

— Насколько?

— Чего «насколько»? Насколько медленно? Ну... километр в час.

Смеюсь в подушку, всхлипывая от раздирающего меня хохота.

— Нет. Насколько наклонять?

— Пока ноги не подкосятся.

— Я же упаду.

— Принц, ты всегда такой тупой? Или только сегодня головой сильно ударился?

У меня перед глазами прочно завис образ оскалившегося принца, хватающего вырывающихся дам и падающего с ними на пол. Все это сопровождается вытаращенными глазами и визгами убегающих дам. Некоторые убегают без одежды, ибо только так вырваться и смогли...

А вот интересно, как он смог остаться таким невинным, если в борделе его за постоянного клиента считают.

Хм... вспоминаю разговоры девушек. Ну... они ж все сознание теряли от недостатка кислорода и избытка чувств. Так что парень... спал с безжизненными телами, страшась хоть раз взглянуть женщине в глаза. Бедняга... в смысле — во козел!

— Я не тупой, — хмуро. — А будешь обзывать — как встану, как дам!

— Испугал, — пробурчали снизу. — Блин, ну ладно, короче, она перед тобой — целуешь ее и суешь язык... — Многозначительная пауза.

— Я туда не дотянусь, — тихо прошептал принц, краснея еще сильнее.

Занавес.

02:32

Принц ушел. Обиделся и ушел. Не, ну для начала мне пообещали жуткие муки, кары и т. д. Но я села, сверкнула глазами и проявила почти настоящий пульсар в руке. В темноте, освещенная синим светом свернутых в клубок молний и с водопадом белых волос, рассыпанных по плечам, я произвела неизгладимое впечатление. И принц тут же свалил.

Горшок и эльф вылезли из-под кровати и перебрались ко мне, с уважением глядя на подделку.

— Научилась, — улыбнулся Кноп, восхищенно глядя на пульсар. — А я боялся, что ты неумеха.

Развеиваю мираж и неуверенно киваю. Страшно не хочется признаваться, что все еще неспособна колдовать.

— А весело мы его, — порадовался горшок.

Я рухнула на спину и потянулась. Снаружи доносилась какая-то возня. Чувствую, с минуты на минуту за мной придут и потребуют объясниться. За принца точно прибьют. А жаль.

— А ты кто такой? — Голос тролля. Стоит у дверей, а голос доносится аж до второго этажа.

Встаю, подхожу к окну и сажусь на подоконник, прижимаясь рукой к холодной решетке. Мокро. Дождь прошел. Эльф забрался на колени и сложил за спиной прозрачные крылья, с интересом разглядывая то, что происходит внизу. А там принц как раз вывалился из дверей, отбиваясь от причитающей мадам.

— Но, ваше высочество. Ну куда же вы? А девочки? Они вас месяц ждали!

— И еще подождут. Почему эта в сознании была?! Она меня чуть не убила! Еще и гадостей наговорила. Тьфу. — Высочество полезло в карету.

Не сразу заметила, что рядом с крыльцом стоит высокая фигура в плаще и капюшоне. А этот чего здесь делает? Тоже небось инкогнито пришел.

— Ваше высочество! Но как же... ну давайте другую.

— Издеваетесь! — захлопывая дверь кареты и злобно выглядывая из окна. — Она мне

наступила в самое главное место! Я просто хотел поквитаться и порезать ей личико. А она в сознании была. Да еще и оказалась ученицей некроманта.

Черная фигура внимательно посмотрела на принца:

— Чья, говоришь, она ученица?

Дама и парень обернулись к незнакомцу.

— А ты кто такой? — брезгливо уточнил принц.

— Неважно, отвечай.

— Да кто ты такой, чтобы мне указывать?

Из капюшона появилась бледная рука с тонкими пальцами и слегка их сжала.

Принц отчего-то захрипел, хватаясь за горло, побледнев, как простыня.

— Высочество, что с вами? — заволновалась мадам, ничего не понимая.

— Как Шредер в «Звездных войнах», да? — восхищенно прошептал эльф. — На звезде смерти, помнишь, да?

Киваю, уткнувшись лицом в решетку и внимательно наблюдая.

— Спрошу еще раз. Где именно ты видел ученицу некроманта?

— Кх-кх, — хватаясь за горло, захлебываясь воздухом и пытаюсь надыхаться. Я так поняла — его отпустило. — Да там она, там! На втором этаже. Вон выглядывает. — Капюшон обернулся, и я почувствовала направленный на меня взгляд — по коже словно холодом прошлись. Ежусь и показываю язык. Я вас не знаю, ну на фиг мне еще такие знакомства.

— Спускайся.

Показываю пальчиком вниз, на тролля.

— А вы кто такой? Это моя территория и это, — в меня ткнули наманикюренным ноготком, — моя девочка. А я хозяйка Де-Ритуа.

— И что?

Мужчина даже не обернулся.

— Как что? Думаешь, сможешь вот так прийти и увести одну из моих девочек? Я тоже знакома с магией, и, поверь...

Пальцы на руке чуть сжали. Совсем чуть-чуть, но она посинела, царапая горло, падая на колени. На шее женщины проявились отпечатки пальцев, хотя он даже не обернулся к ней, все еще глядя на меня.

— Спускайся. Или спущу.

Вздыхаю, встаю и иду к двери.

— Уверена? — Эльфенок перелетел на подоконник и крайне хмуро смотрел вниз. — Я могу в него пульсаром запулить. Или двумя. Могу и четыре. Хочешь?

Мучаюсь от зависти, глядя на маленького героя, стоящего на подоконнике в свете полной луны. Грудь вперед, рука на поясе, алые глазки сощурены. Красавец. Только мелкий. И пульсара уже четыре сделать может. А я... у-у-у...

— Не, спасибо, Кноп. Но я думаю — стоит внизу разобраться, что это за смерть без косы и чего ему надо. Тем более что тут меня прибьют, не забывай. — Кноп, откроешь дверь?

В коридоре меня остановил одноглазый детина и, после пары секунд бурного выяснения ситуации, лично повел меня вниз, пытаясь нацепить разодранную повязку обратно на глаз.

Ну хоть сам меня не ударил. Уже хорошо. Горшок покачивался в руке, симулируя предмет обстановки.

— А горшок тебе зачем? — Едва не скинув с лестницы и довольно грубо утаскивая за собой вниз.

— Самооборона, — мрачно.

Мужик поморщился, но промолчал. Ибо горшком ему я тоже успела заехать прямо по лбу. Жаль, ему это хоть бы хны.

02:45

Стою, смотрю на гостя, за руку все еще держит одноглазый.

— Она стоит сто монет, — мрачно сообщила хозяйка.

— Медных? — задумчиво.

— Золотых! Она мне всех клиентов распугала, оскорбила его высочество, принца, разорвала сто мешков с мукой и разгромила второй этаж.

Врет и не краснеет.

— Я ее забираю. Отпусти. — Это он одноглазому.

Тот только усмехнулся, дернул меня к себе за спину и достал два длинных кривых ножа. Что-то будет. Мнусь меж двух троллей, молча ждущих приказов хозяйки. Кстати, дамочка все еще потирает шею. А вот принц успел свалить. Кареты нет.

— Ты, видимо, меня не услышал. Сто золотых. — На меня взглянули так... что впервые за вечер по позвоночнику прошла волна холода и страха. Пытаюсь задрать нос, но получается почему-то слабо.

Мужик поднял руки, бледные пальцы коснулись краев капюшона и медленно откинули его назад. Он поднял лицо и уставился мне прямо в глаза. И холод ужаса, до этого гулявший по позвоночнику, сменился радостью, переходящей в восторг.

— Ланс!

— Я его сразу узнал, — шепнул эльф, сев на плечо.

Ну-ну.

— Привет! А я тут...

Но на меня больше не смотрели. Взгляд медовых глаз уперся в хозяйку. А та как-то резко побледнела.

— Рыжий... некромант.

Миг — и все вокруг меня преклонили колена, опускаясь вниз и склонив головы.

— Прошу прощения, — шепнула хозяйка, сжимая кулаки.

Ошарашенно оглядываюсь, ничего не понимая.

— Иди сюда.

Мне протянули руку. Осторожно выхожу из-за спины одноглазого и иду к нему.

— Чего это с ними? — шепотом уточняю я.

Но меня уже схватили, привлекли к себе и поставили за спину, велев взглядом там и оставаться.

— Я разочарован. — Смотрю на его затылок, приходя в себя, а его голос снова холоден и режет тишину, словно сталь. Народ явно нервничает. — Вы приняли мою ученицу... за шлюху.

Женщина вздрогнула и смиренно спросила, сможет ли она чем-нибудь исправить эту страшную ошибку.

— Пятьдесят золотых. И я забуду этот инцидент. Может быть.

Радостно смеюсь, хлопая его по плечу и сотрясаясь всем телом. Молодец. Умеет разрядить обстановку.

Минуту спустя

Все еще посмеиваюсь, но уже тихо и неуверенно.

Все. Я заткнулась. И мой одинокий смех застыл в напряженном молчании улицы.

— Прошу прощения, но пятьдесят золотых...

В руке мага сверкнуло что-то красно-синее, я не разглядела — больно яркая вспышка была, да и стояла я все еще у него за спиной.

— ...это слишком мало! Прошу... прошу, примите сто, — поднимая голову и смотря в глаза так умоляюще, что даже мне стало ее жалко.

То, что сверкало в руке мага, медленно погасло.

— Что ж...

03:04

Маг взял деньги и ушел, волоча меня за собой. Меня снова тащат за руку, не особо спрашивая мое мнение. Ну и ладно. Удивленно оглядываюсь на закрывшиеся за спиной хозяйки и ее подручных двери дома удовольствий. Надо же... а я...

Вспоминаю, как именно хотела, чтобы маг меня спас. Н-да. Все вышло как-то прозаичнее.

— Спасибо.

— За что? — Маг продолжал идти вниз, сжимая мою кисть так, что еще немного — и она переломится.

Шиплю, вырываясь. Некромант удивленно на меня посмотрел, но руку отпустил.

— Как за что? За спасение. Спасибо, что спас.

— А... ты про это.

Он подкинул увесистый кошель в руке и задумчиво на него посмотрел.

— Не за что. — После чего развернулся и пошел дальше, нисколько не заботясь тем, иду я следом или нет.

Пыхчу, чувствуя, что еще немного — и взорвусь. А где чувства?! А где слезы?! А где вопрос: «Они тебя не обидели?» И массовое убийство после?

Гад. Эгоист. Козел. Зараза!

Иду следом, стиснув зубы и угрюмо разглядывая его затылок.

Не удержалась — врезала по нему горшком.

Уж больно радостно он сказал:

— А ведь так и дальше можно на тебе зарабатывать. Предлагаю в следующий раз, когда кончатся деньги...

Вот и пусть полежит в грязи и обдумает свой гениальный план.

Сажусь на ступени какого-то дома неподалеку и хмуро за ним наблюдаю.

И это он еще легко отделался. Да.

03:30

Я уже всю попу отморозила. Ступеньки холодные, земля грязная. Маг лежит в луже и не шевелится. Блеск. Его как раз осматривают эльф и горшок, пока я, нервничая, хожу рядом.

— Как он? — Горшок подпрыгнул, чтобы было лучше видно.

— Пульса... нет, — приложив ухо к макушке, сосредоточенно глядя куда-то вдаль.

— Совсем? — убито. — А как я теперь расколдуюсь?

— Не знаю, отойди.

— Куда?

— Не знаю, куда-нибудь отойди. Я его воскрешать буду! — закатывая рукава и прохаживаясь по спине «пациента».

Горшок ахнул и бодро пополз ко мне, стою под балконом и хмуро на них смотрю. Представляю, что со мной сделает Ланс, когда очнется. Даже отсюда видно огромную шишку, которая все еще растет. Н-да... а ему еще впечатление на магов производить. Не знаю, как маги, но я бы впечатлилась, увидев грязного, ободранного, побитого некроманта, утверждающего, что он воскрес из мертвых.

— Так достаточно далеко? — утыкаясь покореженным боком мне в ногу.

— Да, тихо!

Горшок замолчал, ерзая и нервничая. Изучаю спину мага, раскинутые ноги, разбросанные руки... и волосы, закрывшие лицо.

Эльфенок вытянулся в струнку, поднял руки, что-то грозно пропищал и, вспыхнув ярким синим светом, обрушил что-то сверкающее и извивающееся на спину некроманта. После чего резко взлетел вверх и бросился ко мне.

Сжимаю в объятиях трепыхающегося Кнопа, дрожащего и никак не решающегося обернуться. Меня спрашивают: «Ну, чего там?» Изучаю подергивающегося некроманта, не зная, как описать словами конвульсии.

— Ну его словно током бьет. Постоянно.

— А глаза, глаза открыл?

— Не видно. Волосы мешают. А, нет. Открыл! Я бы даже сказала: выпучил.

— И? — испуганно.

— Смотрит на тебя, явно хочет убить.

Эльфенок резко обернулся и уставился на мага. Тот подергивался, но никуда при этом не смотрел. Волосы все еще скрывали лицо.

— Эй. Ты чего врешь? — с крайней степенью обиженности.

— Я... АЙ!

Мелкий укусил за руку и теперь мстительно пил кровь, неплохо пополняя силы.

— Я пошутила. О. Дергаться прекратил. Видать, электрический угорь был слабоват?

— Кто? — уточнили снизу. Горшок никогда не слышал об угрях и электричестве, а потому ничего не понимал.

— Магия такая. — Эльф вытер рот рукавом. — Древняя и странная. Электричество называется. Но я и впрямь слабовато врезал. Надо сильнее.

— Уверен? — Горшок был весь в сомнениях. — А мне кажется, что ему хватит. Он даже дымился слегка, видели, да?

Эльф фыркнул и полетел назад. В животе его булькала кровь ведьмы, а в глазах горел азарт испытателя, которому разрешили сунуть палец в розетку.

4:05

Эльфенок долго летал, подготавливался, проверял направление ветра и постоянно шикал на нас. Сижу на ступенях, натянув куртку на колени, и хмуро смотрю на его приготовления. Горшок, холодный и металлический, все пытается приткнуться сбоку. Низ отмерз, и болит поясница — куртка-то короткая, а сев — я и вовсе оголила спину. В итоге ветер мне напоминает о почках и просит накрыться хоть чем-нибудь. Может... плащ с мага снять? Ему явно без надобности, а я замерзла.

4:12

Сижу, закутавшись в плащ до самого носа и довольно улыбаясь. Еще теплый... Кайф.

— Это все? — ядовито уточнил эльф. — Мне можно продолжать колдовать?

Киваю, жестом показывая, что маг полностью в его распоряжении. Да и будить его давно пора. Что-нибудь себе отморозит и будет скрюченный между магами ходить. Представляю, как они порадуются.

— Я заклинаю!.. — Голос эльфа звучал напряженно и возвышенно. — Ветром и Землей! Луной и водой! Огнем и... Солнцем! — Дальше пошла абракадабра.

Зеваю, надеясь, что на этот раз он его разбудит. А то я тут усну.

Кноп выкрикнул последние слова, с его рук скользнул небольшой разряд, который сначала упал вниз, а затем, отскочив от мага, рванул вверх и пропал где-то там в облаках. Сидим, задрав головы, и смотрим наверх.

— Куда это он? — растерялся эльф.

— Высоко-о, — пропела я строчку нелюбимой песни.

— Я так понял, маг не очнется, — влез с гениальным выводом Сёма.

Переглядываемся с эльфом. Тот устало пожал плечами и полетел ко мне. Вымотанный и несчастный, Кноп не скоро еще сможет колдовать.

— Давай просто посидим? — предложила я ему, подставляя колено. Тот уныло кивнул и сел на него, натягивая край плаща на голову и закутываясь до бровей.

Сидим, смотрим на мага. Ждем.

Начал накрапывать мелкий дождь, уже через минуту перешедший в настоящий ливень. На ступеньке было относительно сухо. В плаще — тепло.

И только маг лежал в быстро увеличивающейся луже, не подавая признаков жизни.

— Вы бы его хоть сюда затащили, что ли, — предложил горшок. — Утонет ведь.

Хмуρο изучаем мага, прикидывая, как будем его сюда тащить. Внезапно в мага ударила молния, заставив того на секунду вспыхнуть ярким синеватым светом и осветить все вокруг.

Миг — и молния исчезла. Еще через полминуты перестал лить дождь. Сидим молча, смотрим на дымящееся тело, Кноп — икает.

Стучу пальчиком ему по спине.

— Ик... Ты не поняла, — свистящим шепотом. — Ик, это я! Ик-ик. Я вызвал молнию... Ик. Вверх пошла, помнишь?

Вспоминаю его неудавшееся заклинание.

— Хочешь сказать, это ты вызвал дождь и убил мага? — уточнила я.

— Ик. Я нечаянно.

Чешу голову, вздыхаю. Кто бы сомневался.

— Он шевелится, — свистящим шепотом сообщил горшок.

Изучаем подергивающийся труп. Хм... он и встать пытается. Что-то ищет... Меня, точно, смотрит на меня.

— Привет. — Истерично хихикаю и машу ему ручкой. — А мы тебя ждем-ждем, а ты все лежишь... Ты как?

Ланс рычит и пытается подползти, но падает на полпути и снова теряет сознание.

— Фух, пронесло! — выдыхает эльф. — Я уж боялся, что он поймет, кто его уделал. Ан нет. Не понял.

— В смысле? — Встаю и, приподняв полы плаща, осторожно спускаюсь вниз по лестнице.

— Подумал, что это ты его так приложила. Главное — не выдавай меня, — довольно.

Я восхитилась его искренностью и наглостью. Мне б так уметь.

04:38

Трогаю мага ножкой — руками я к нему не прикоснусь. Слишком от него паленым воняет... и мясом горелым. Фу.

В ногу вцепились и прохрипели, что убьют. С визгом отбиваюсь второй, упав в грязь.

04:49

Это не маг сгорел, а его одежда и волосы, запах мяса мне показался — сидит вполне себе целый и здоровый, ест. У них, у магов, как — пока не поешь, силы не восстановишь. Вот и

восстанавливает, бедолага. Уже вторую курицу ест.

— Ты как?

Жуткий взгляд в ответ.

— Да ты кушай, кушай. А я это... Еще чего-нибудь заказать? А то бледненький... под грязью... наверное.

— Ванну, — хрипло. Голос так и не восстановился — теперь каркает, как ворон на ветвях, от каждого слова вздрагиваю.

— Ага. Милейший... милейши-ий! — Ноль внимания, фунт презрения. Злобно смотрю на толстый зад хозяина, шаря рукой по столу. До смерти хочется запустить в него чем-нибудь тяжелым. Кноп заботливо что-то сунул в ладонь. Благодарно кивнув, запустила этим в трактирщика.

Мм... что-то сегодня больно много молний было. Пульсар трактирщик не перенес — рухнул вместе со столом в образовавшуюся под ногами воронку. Вылез, не вру, зато ванну, ужин в номер нам организовали быстро и абсолютно бесплатно.

Пока шли наверх (маг шел по стеночке, цеплялся за перила, тяжело дышал и вообще вел себя странно), попыталась объяснить, что он неправ. Кноп только улыбался и сверкал алыми глазками — бедокурить ему явно нравилось больше, чем творить добро и сеять справедливость. Весь в папашу, блин. Сёма, смотря на все это, только тихонько хихикал, боясь, что когда Ланс очухается, то все всем припомнит.

05:14

Маг упал на постель и заснул, прежде чем голова коснулась подушки. Изучаю ванну, раздумываю, стоит ли мне самой ее принять сейчас или все же разбудить мага. Все ж таки просил он...

05:32

Выхожу из воды, как дриада из дерева. Ну или русалка из вод озера... прекрасная, в одной рубашке на голое тело и с водопадом коротких волос, кучерявящихся на затылке. Водопад... не получился, но мне понравилось ощущение. Парик я где-то по дороге потеряла.

Маг храпит вовсю. То ли притворяясь, то ли и вправду устав за этот день. Ну и пусть выспится. Нам уже через три часа надо собираться потихоньку, дабы успеть на эту его церемонию, а то ведь он меня живьем съест.

Грустно вздыхаю, сажусь рядом и поправляю ему одеяло. Какой же он... грязный. Надо еще об одной ванне часа через два распорядиться. А то... нехорошо, что мой маг будет хуже всех выглядеть. Он же и в самом деле там самым крутым будет, я в этом уверена.

Глаза слипаются. Спать охота... ложусь рядом с магом, не обращая внимания на вонь и наказывая горшку разбудить через два часа. На вопрос: а как я узнаю, что прошло два часа, — ответить не успела, провалившись в сонное царство.

08:23

Открываю глаза, нежась в объятиях мага.

Хорошо. Солнце уже встало, на улице гудит народ, спешащий по своим делам, на подоконнике сидит какая-то птичка и удивленно на нас смотрит. Мило ей улыбаюсь. Хорошо.

— Мм... не хочу вас отвлекать, но уже, наверное, прошло два часа.

— А?

— Ну ты просила разбудить.

Вздыхаю и не хочу вставать — так хорошо и уютно лежать на груди мага.

С улицы донесся бой часов на городской ратуше.

Ой, мамочка, восемь тридцать!

Черт. Чтоб не сказать крепче. Ланс меня теперь точно убьет.

08:45

Он вымылся в ледяной воде, в которой вчера купалась я. Одежда за пять минут и голодный, но чисто выбритый, выбежал в окно, эффектно приземлившись между свиньями, перемахнув через забор и исчезнув в свете дня.

Бегу по лестнице, ору, чтоб подождат. Я ж понятия не имею, где у них тут это собрание магов. Тоже мне устроили. Нет чтобы, как все приличные ведьмы, собраться на лысой горе, долететь на метлах и ступах, да потусить при свете звезд. Не-эт. Все не как у людей. Даже на сходку, как на работу. Ну где этот маг?

Остановливаюсь посреди улицы, растерянно оглядываясь по сторонам. А народу-то... И куда идти?

— Чего встала? Вперед!

— Я не знаю, куда идти.

— Я знаю, — теребя меня за ухо и подпрыгивая на плече. — Вперед!

— Меня подождите! — На подоконнике застыл горшок, тихо что-то прошептал и с визгом рухнул вниз. Еле успела отскочить. После чего подняла его, прицепила на пояс и рванула вперед. Эльф сказал: если не будем бежать — не успеем. Ладно, бежать так бежать. Только бы маг меня снаружи не забыл. Жуть как хочется посмотреть на это их собрание магов. Горшок опять же расстроится. Он уже совсем мятый стал.

09:02

Стоим с задыхающимся магом перед дверьми в тронный зал. Хорошо, что до дворца бежать недалеко. У самого забора я догнала некроманта. Он крикнул: «Это со мной» — и пробежал

внутри. Так что и меня пропустили к дворцовым стенам, а оттуда и в сам дворец.

— Ну... как... уф... я вы-ыгляжу?

С бледного лица градом катится пот. Рыжие всклооченные волосы прилипли ко лбу и щекам, одежда в беспорядке, стоит, согнувшись чуть ли не пополам, держась рукой за стену.

— Сногшибательно, — хватая ртом кислород и пытаюсь надышаться.

— Отлично! Маг... должен, уф-уф... слегка опаздывать.

Киваю, плюхаясь на пол и вытягивая гудящие ноги. Мне б попить.

— А я знаю «заклинание приведения внешности в порядок», — пискнули на моем плече.

Недоверчиво смотрим на Кнопа.

— Давай. Только сначала испытай на ней.

— А чего сразу я? — вспоминая молнии и пульсары накануне.

Эльф что-то сказал, затем сверкнуло перед глазами, все поплыло и... резко прояснилось. Сижу, чувствуя, что уже не задыхаюсь, мне не жарко и вообще я не устала ни на грамм.

— А неплохо! — Голос мага полон энтузиазма. — Надолго?

— На два часа.

— Мне хватит. Колдуй.

— Только... могут быть побочные... эффекты, — замялся мелкий.

— Колдуй, я сказал! Как я с фингалом, с расцарапанной щекой и в драном костюме войду? Мокрый. Зря в костюме мылся.

— Да, пожалуй.

Еще одна вспышка.

Поднимаю лицо и смотрю на мага. Высокий, загадочный и красивый, с идеальной укладкой и без признаков побоев на лице, он стоит передо мной и поправляет завязки плаща.

— А от тебя и польза есть. Иногда... — хмыкнул он, изучая отражение в мраморной стене.

Восхищенно разглядывая некроманта, протягиваю к нему руку. Надо же... а он даже в чем-то хорош, правда, худой больно, но это поправимо.

Руку пристально осмотрели.

— Чего надо? — грубо.

— Помоги встать. — Наваждение таяло. Не такой уж он и красивый.

— Сама встанешь, — сообщила эта «редиска» и, поправив волосы, распахнула двери тронного зала. Ногой. И пульсаром. Маленьким, но я заметила. Как раз хватило, чтобы высокие, под

потолок, двери не приоткрылись, а именно распахнулись, с грохотом врезав о стены и расплющив какого-то не сильно шустрого мага.

Некромант едва заметно усмехнулся и спокойно вошел в зал. Едва успела вбежать за ним, а иначе с неменьшим грохотом закрывшиеся двери вряд ли пустили бы меня внутрь.

09:23

Стоим. Оглядываемся, смотрим. Это я о себе и Кнопе. Маг не оглядывается. Он стоит в центре и напоминает бомбу с часовым механизмом, которую только что нашли. До взрыва остались считанные секунды. Смотреться никто не успеет.

— Маг Ланселот... — прошептал кто-то, выходя вперед и глядя прямо в глаза.

Некромант не ответил. Он бы, наверное, сейчас не ответил даже королю. Он просто стоял и наслаждался тем, что вернулся и снова стоит в этом зале среди самых сильных и великих магов этого мира.

Отхожу к окну, стараясь не привлекать лишнего внимания, впрочем, даже если бы я сейчас уронила вазу или с визгом выбила ногой окно — на меня вряд ли кто-либо взглянул. Все смотрели только на одного человека, готовясь то ли защищаться, то ли обороняться в ответ.

Осторожно ставлю горшок на подоконник и забираюсь с ногами рядом. Эльф ерзал на плече, изучая контингент. Сказал, что никогда не видел, чтобы столько силы сразу было.

— А ты что, ее еще и видишь?

— Ага. Ауры. А ты нет?

— Нет.

— Странно. Ты же моя создательница. А слабее меня.

— Моя сила нестабильна, — выдаю мудреную фразу, краснея от стыда и стараясь казаться умнее.

— Угу. Ну ладно. Тот, что заговорил с некромантом, — самый сильный. Его аура ярче всех.

— А какого она цвета?

— Алая.

— А у некроманта?

— Черная. Это ж очевидно.

Ну, кому как.

— А... у меня?

— У тебя ее нет, — безапелляционно.

— Как это? — с ужасом.

— Понятия не имею. То ли ты настолько сильна, что умеешь ее прятать, то ли и вовсе не ведьма.

— А кто тебя создал?!

На нас покосились. Тут же затыкаюсь. Не хватало еще, чтобы меня за шум в лягушку превратили, чтоб не мешала, или вон — в горшок. И будем тут вдвоем с Сёмой куковать годы напролет. Ну уж нет.

Так. А где некромант? А, вон он. Заговорил наконец. Это правильно.

— Кто ты такой, чтобы учить меня. — Голос был слышен так отчетливо, словно на мир рухнула абсолютная тишина. Магия? Наверное, магия.

— Тебе напомнить? — Маг с алой аурой был на голову ниже Ланселота и раза в два шире. А то и в три. — Я Амодеус! Придворный маг императора. — Шутливый поклон, на который некромант не повел и бровью.

Амодеус поджал губы и выпрямился, мрачней на глазах.

— А твои манеры, как я погляжу, совсем не изменились. Все такой же надменный и дикий.

Некромант молчал.

— Ну хорошо, — отступая на шаг и мягко улыбаясь. — Сегодня праздник. Сбор всех магов. И ты... ты ведь не был приглашен, не так ли?

Молчание.

— А наши правила ты знаешь. Тот, кто не приглашен, — не должен находиться в священном зале.

Как-то похолодало вокруг. Ежусь, упираясь спиной в стекло окна и обняв руками колени.

— Он его специально доводит! — с восхищением комментировал эльф, сидящий как раз на левой коленке. — Сейчас он разозлится, и — бац, всем сразу станет «весело».

Сумрачно смотрю на счастливого эльфа, явно вспомнившего все те боевики, что я когда-то смотрела. Там сюжет всегда один и тот же: один очень мрачный и битый жизнью герой восстает против зла, убивает тьму народа, взрывает на нервах полгорода и долго и вдохновенно дубасит главного обидчика всеми попадающимися под руку предметами. Для пущего эффекта даже дает пару раз себе врезать и прибить доковылявшую до финала главную героиню, которая уже и сама не вполне понимает, чего так вцепилась в этого героя.

— Итак... — Злобные взгляды кучи самых сильнейших магов и звенящий голос Амодеуса в центре событий. — Ты сам покинешь этот зал или... тебе помочь?

Смотрю на Ланса. Ну и... он так радовался, столько переживал, так стремился сюда попасть. Неужели уйдет? Или начнет бойню? Вряд ли справится со всеми магами, раз уж тут действительно собрались сильнейшие. Но в гневе он и впрямь страшен. Ему как-то домовый приготовил курицу вместо омлета, так он ее оживил и заставил три часа (!) бегать за домовым, чтобы тот сам ее съел. Домовой смылся. Не сразу, но смылся. Курица еще долго носилась по замку, пугая обитателей. Ее, кажется, потом какой-то гном поймал и съел... полуживую, еще

дергающуюся, но с хрустящей корочкой и чесноком в брюхе. Жуть!

— У меня есть приглашение.

Фраза века. Дружный вздох, прошедший по залу, едва меня не сдул.

— И... где оно? — слегка растерянно.

Маг медленно и спокойно, как за гранатой, полез в карман. Все напряглись. Эльф привстал, пытаясь все разглядеть. Подлетать ближе он не рисковал. Тут столько магов... крылья не соберешь.

Маг достал что-то мелкое и скомканное, медленно развернул и показал Амодеусу. Тот изо всех сил вглядывался, не рискуя брать лист в руки.

— Это что? — брезгливо.

— Приглашение, — холодно.

— Не может быть. Я лично подписывал все приглашения. Что ж, если на этом есть моя подпись и оно действует, то при соприкосновении с моим кольцом оно должно... развеяться в прах.

Приглашение взяли. Поднесли к кольцу и скептически в него ткнули. Вспышка света, жар огня и... пепел, осыпающийся с почерневших пальцев.

— Круто! — впечатлился Кноп. — Я тоже так хочу.

— А мне не видно, — прогудели откуда-то из-под плаща.

О... горшок. Пришлось вытащить его и — за неимением лучшего — надеть на голову. Горшок поблагодарил и с интересом завертел ручкой по сторонам. Ближайшие маги с ужасом меня разглядывали, отодвигаясь. Я услышала слово: «Ненормальная». Кто бы говорил. Как хочу, так и сижу. Сами идиоты.

— Так. Приглашение... действительно. Но... я не понимаю. Я ведь подписывал каждое лично.

— Позвольте, я объясню. — Вперед вышел худой старичок с длинной, завитой кольцами бородой и в обвислой шляпе. Плащ, куртку, штаны и прочее описывать не буду. Хотя звездочка на спине мне понравилась — корявая, зато яркая. Явно сам вышивал.

— Что ж, маг Люциус. Прошу вас.

— Этому приглашению уже... лет сорок. Почитай как. Н-да?

Некромант не ответил. Он стоял, как скала посреди моря. И смотрел так, что хотелось отвернуться или улыбнуться, изображая дружелюбие.

— Сорок лет?! Но... Да, последнее собрание было именно сорок лет назад. Но как?!

— Видимо, приглашение было выслано его отцу, но перешло по наследству к сыну. Потому и действовало до этих пор.

Амодеус поджал губы и смерил некроманта еще более презрительным взглядом.

— По наследству. Н-да. Ну и наследство... н-да.

— Знаешь, а ведь он сильно рискует, — прошептал Кноп, сощурившись.

— Чем это?

— Аура некроманта... она только что увеличилась втрое, и в ней появились разрезы... как глаза. Белые такие, с вертикальными зрачками, и все смотрят на Амодеуса. Не хотел бы я, чтобы «это» смотрело на меня.

Щурюсь, пытаюсь разглядеть хоть что-то, на миг... я вроде бы действительно увидела что-то черное, большое и полупрозрачное, колеблющееся вокруг мага. Но оно тут же пропало, так что не знаю, может, и показалось.

— Уменьшается. Они спорят, а оно уменьшается. И глаза закрываются. Надо же... я тоже так хочу.

— Обойдешься.

— А мне не видно, — пробурчал горшок.

— Мне тоже. Успокойся.

— А когда можно будет попросить о снятии чар? Сиг, я ж не просто так здесь. Ну помоги, а?

На голове занервничали, ерзая и едва не свалившись вниз. Снимаю горшок и вздыхаю.

— Подожди, ладно? Не сейчас, они все нервные, только-только начали приходить в себя, а тут я с ночным горшком. Психанут еще. Пусть успокоятся.

— Тебе легко говорить. А я уже знаешь сколько так ползаю? Мрак!

— Вот и поползаешь еще пару часиков — не развалишься.

Горшок что-то пробурчал, но я не расслышала, так как в этот момент к нам подошел некромант и встал рядом, повернувшись ко мне спиной. Выглядываю из-за нее, переползая на другой край подоконника.

— Привет.

Ноль внимания, фунт презрения.

— Молодец! Отбил свое.

На меня даже не покосились. И стало так обидно... Столько нервов потратила, пока волокла его сюда, переживала, воскрешала, а он... Короче, я его пнула. Некромант пролетел вперед и врезался в какого-то мага. Маг психанул и выпустил аж шесть молний. Пошла цепная реакция... Великие маги, забившиеся в небольшой, в сущности, тронный зал, защищались как могли. Кто-то ставил радужную защиту и отражал молнии в других. Кто-то выпускал свои, лихо сбивая снаряды и поражая соседей. Кто-то колдовал что-то несусветное, то ли пытаюсь превратиться во что-то сам, то ли преобразуя окружающее. В итоге в воздухе запахло гарью, взорвалась пара колонн и вверх выстрелило три гейзера с кислотой.

Приходили в себя долго. Аж полчаса. Лечились, значит. Ну и приводили в порядок зал. А то

король не поймет, если при попытке взойти на трон — утонет у его подножия. Как-то... несолидно.

Некромант, кстати, вернулся. Я чудом избежала затрешины, доставшейся в итоге горшку. Мне же пригрозили обещанием вечных мук. По его уверениям, я месяц буду драить в замке все этажи до блеска.

Ну-ну, бегу и падаю. Н-да.

09:45

Началась церемония посвящения. В смысле — выявление, кто тут самый сильный маг из всех. На некроманта косились все меньше, народ обуял азарт. Каждый тихо бубнил под нос слова собственного заклинания, пока кто-то один взбирался на возвышение рядом с тронном и показывал то, что он умел делать лучше всех. Пару ярких случаев я решила запомнить. А вообще... мы с горшком и эльфом сидели, как дети, в первый раз попавшие на представление в цирке. Открыв рот и восхищенно ахая и охая, мы явно были самой благодарной публикой. Некромант стоял рядом, ко мне спиной, и, если я хлопала в ладоши, показывал кулак. Я ойкала и убирала руки в карманы. Но некоторые вещи просто стоили всех тех мучений, которые привели меня сюда сегодня. Я про улицу красных фонарей и все, что было после.

Что запомнилось... Итак, по пунктам.

1. Маг с желтой (по уверениям эльфа) аурой создал огненную деву из пламени свечей. С роскошными волосами, с длинными трепещущими ресницами и высокой упругой грудью, она была настолько... женственна, что вздохнула от восхищения не только я. Самое веселое: смотри, а прикоснуться ни-ни — обожжешься. Но как она улыбалась пухлыми, капризными губами, как покачивала бедрами при ходьбе. Впервые в жизни я пережила острый, ничем не мотивированный приступ зависти и твердо решила научиться так ходить. Чтоб каждый шаг вызывал стон окружающих. Один некромант остался спокоен и непоколебим... то есть непоколебим. Она даже подошла к нему, но, взглянув в прищур рыжих глаз, мигнула и отошла назад, как-то вдруг растеряв всю свою уверенность. Вспоминая, с каким презрением умеет смотреть некромант, девушку мне стало жаль.

2. Низенький пузатенький волшебник с синей аурой создал из ведра воды снежинки. Они разом взлетели в воздух, закружившись вокруг, то склеиваясь друг с другом, то разлетаясь вновь, начали с немыслимой быстротой рисовать фигуры, картины, пейзажи, лица... Мы то оказывались среди сугробов в небольшой деревеньке, полностью занесенной снегом, то вдруг нас окружала белая пустыня с барханами песка, пальмами и оазисом, а то вокруг нас закружил космос. Пол, стены и окна исчезли, потолок почернел — и в полной темноте зажглись планеты и созвездия. Все мерцает, перемигивается, завораживает. От этого зрелища захватывает дух. Хочется сжаться в комочек и не шевелиться, так как кажется — одно неверное движение, и ты провалишься в пустоту.

3. Маг с зеленой аурой вытащил из рукава небольшое семечко и бросил на пол. Оно проросло, появились ростки. Но... за какие-то пять минут, если не меньше, весь тронный зал превратился в джунгли. Колонны ломались от изобилия сочных спелых плодов. У моих ног рычала зеленая пантера, будто сотканная из листьев лиан, а где-то там, под потолком, с визгом и криком с ветки на ветку перелетали макаки, бросаясь в собравшихся пригоршнями семян какого-то растения. Я знаю, что ни пантеры, ни макаки нет и быть не может. Но это круто. Мне понравилось.

4. Худой, как скелет, волшебник с серовато-синей аурой взошел на ступени. Гордо и спокойно снял куртку, потом рубашку, потом штаны — народ завозмущался, кого-то затошнило. Изучаю крайнюю степень дистрофии, не обращая внимания на попытки мага загородить мне обзор. Далее началось волшебство. Оставшись в одних трусах, волшебник что-то простонал, согнул руку, напрягая... ну кости, наверное. Рука напряглась и с тихим шипением начала надуваться. Сначала бицепс, потом трицепс, потом он напряг правую ногу, раздувая ее. Мышцы рук и ног бугрились, покрываясь сетью вен и вздуваясь так, что лично мне стало страшно. За полминуты парень накачал руки, ноги, пресс, грудь — и вдруг... с тихим пфуком взлетели ягодичы, надувая трусы. Ошарашенно на него смотрим. К нам, снова повернулись лицом и улыбнулись, обнажая желтые кариозные зубы. Он сказал, что это еще не все, и надул что-то там еще, но маг в этот момент сместился на шаг влево, а потому я ничего не увидела. Зато услышала дружный вздох магов и шипение сдувающихся мышц.

Когда выбралась из-за спины мага — парень был уже прежним, а трон стоял как-то боком.

— Чего это с троном?

— Он передвинул, — пояснил эльф.

— А ты откуда знаешь?

— Я, в отличие от некоторых, самое интересное не пропускаю.

— Так чего он там надул-то? Маг заслонил, я не увидела.

Эльф задумался, покраснел и сказал, что не знает. Если это то, о чем я подумала, — стесняться, право, нечего.

5. Следующий претендент долго летал по залу, паря в невесомости. Его все ловили, подбрасывали, радовались. Он объяснял, что летать — несложно, если ты умный. Но кто-то задулил в него фаером, и ему пришлось резко возвращать вес, дабы добраться до ведра с водой, оставшегося после одного из фокусов...

6. Больше всего мне понравилось такое вот выступление. До сих пор вспоминаю и улыбаюсь, как ребенок, которому подарили долгожданную игрушку.

На ступеньки взошел невысокий хрупкий паренек и сказал, что может превратиться в дракона! Обожаю драконов. Всегда любила все огромное и клыкастое. Видать, потому мага и терплю. Была произнесена некая формула. В гробовом молчании прошел небольшой ритуал: вспышка, дым, от которого закашлялись все близстоящие, — и из его клубов медленно и вальяжно вышел дракончик... с кулак размером, с огромными блестящими глазками на мордочке и с трепещущими крылышками за спиной.

Я, пискнув от счастья, полезла хватать эту прелесть. Маг едва успел поймать меня за плечо (когда мне надо, я очень быстрая и юркая). Взять на руки не дал. Ну... через минуту я уже и сама не рвалась. Первому же попытавшемуся погладить эту прелесть — под дружный гогот собравшихся дракон выпустил в лицо такую струю огня, словно был не мелким и прикольным, а огромным и бронебойным. Струя достигла потолка и подожгла четверть всех магов. Дракошу зауважали, правда, рванули в стороны, едва не затоптав друг друга. А этот... чешуйник... довольно муркнул, широко зевнул и свернулся в клубочек. В парня обратно он так и не превратился, видно, сил много на это требовалось. Его потом Амодеус забрал.

7. Ну и следующим был некромант. Его имя назвали — все расступились, давая ему дорогу, и

он медленно пошел вперед, даже не оглянувшись напоследок. Сжав кулаки, смотрела ему вслед, страдая душой и переживая за него. Наверняка ведь волнуется, хоть и выглядит так, словно ему все в этой жизни по барабану.

Взоры всех были направлены на него. Разговоры стихли, кто-то отошел к дверям, кто-то храбро полез в первые ряды. Амодеус стоял у трона и почесывал шейку лежащего на руках дракоши. Позже я узнала, что это не парень превратился в дракона, а дракон превратился ненадолго в парня. И трюк был магией самого Амодеуса, выведшего эту смертоносную зверушку в стенах своей лаборатории.

Некромант взошел на помост и огляделся (я даже поежилась от его взгляда — было ощущение, словно ножом провел по толпе. Очень надеюсь, что на меня он никогда так смотреть не будет).

— А теперь можно? — На голове больно подпрыгнули.

— Чего?

— Расколдоваться! Уже даже он пошел. А я когда? Они же разойдутся! — Горшок нервничал все сильнее.

— Потерпи.

— Сколько?!

— Щас один пойдешь вымалывать пощады. Тебя превратят в таракана и милосердно раздавят, если не прекратишь ныть.

Горшок притих, а я спустила его на подоконник, поставив рядом. Теперь и так все видно. Столько магов полегло... столько вынесли из зала, остались только самые живучие и сильные. Тоже своего рода естественный отбор.

Ланс поднял руки и закрыл глаза. Лицо его стало спокойным, и первые ряды немного отступили назад. Я встала на подоконнике, чтобы лучше видеть. Горшок — держала в руке, эльф сидел на плече.

— Щас начнется, — прошептали на ухо.

Киваю и стараюсь не мигать, чтоб не пропустить ничего.

Глаза некроманта медленно открылись, он вытянул вперед правую руку, что-то тихо сказал и разжал кулак, высыпав на пол целую горсть серого пепла. И где только взял?

И все. Пепел разнесло по залу невидимым ветром. Все напряглись, ожидая чего-то сумасшедшего, но... больше ничего не происходило.

Минуты две ждали, а после начались первые смешки. Через пять минут смеялись все. Истериически так. А некромант, спокойный и гордый, все еще стоял на помосте и смотрел в зал невидящими глазами.

— Как в нирване, — прошептала я.

— Не видишь, у человека кризис. Ничего не получилось, — отмахнулся эльф. — Я бы тоже

расстроился.

— Вы некроманта не знаете. Это он не расстроен. Это он чего-то ждет, — пояснил горшок.

— Чего?

— Откуда я знаю? Вот расколдуешь — скажу. А так...

— Кажется, пол дернулся. Никто не заметил? — пискнула я, разглядывая ноги.

— Тогда уж весь дворец. Мы ж на подоконнике, — пожал плечами эльф.

— Ага. Дворец... Ничего себе.

Снова что-то ударило снизу. Смех замер, все посмотрели вниз, прислушиваясь к ощущениям.

— У меня такое чувство... Пол качнулся или это я качнулся, коллеги? — уточнил голос справа.

— Мне тоже показалось, — сообщил голос слева.

— Да грыга он, а не маг! — рявкнули спереди. — Шарлата...

Пол пошел трещинами, удары начали учащаться. Что-то огромное и жуткое все лезло и лезло наверх, упрямо разбивая камень и «заклинания сцепки», поставленные еще гномами, с ними никакой цемент не нужен. Мне стало жутко. Смотрю на некроманта, но тот абсолютно спокоен и даже смотрит на меня, чуть сощурившись и с интересом.

Это как-то успокоило. Я решила никуда не бежать и остаться на месте. Если у него все под контролем, чего я должна психовать?

В центре зала разверзлась огромная жуткая трещина, камень веером разлетелся в стороны, отлетая от щитов магов и врезаясь в стены и потолок. На минуту все стихло. Пыль медленно опустилась вниз, и все увидели огромную черную дыру, из которой поднимался такой смрад, что многих затошнило.

— Что это, некромант? — не выдержал кто-то. — Отвечай!

Ланс ничего не ответил, только улыбнулся так, что сердце перевернулось в груди. Так улыбаются покойникам за миг до их смерти.

А дальше начался ад.

Из дыры с ревом и визгом вылезло огромное каменное чудовище, покрытое слизью и щепнем. Оно выпустило многочисленные склизкие щупальца, начало хватать магов и засовывать в свой рот. Пара щупалец рванула ко мне, но маг что-то сказал (я заметила — его губы шевельнулись), и щупальца сменили траекторию, схватив тех, кто был рядом.

Вакханалия длилась около десяти минут. А казалось, что прошла вечность. Крики стихли. Маги больше не бегали по залу, не отбивались мощными заклинаниями, не пытались забраться на подоконник. Все стихло. И маг медленно и спокойно спустился вниз, прошел ко мне и протянул мне руку:

— Спускайся.

Смотрю на него расширенными глазами, прижимаясь плечом к стене, отрицательно мотаю головой.

— Спускайся, — жестче, сощурив глаза.

Цепляюсь за его руку и покорно спрыгиваю вниз. Не знаю почему... он меня пугает, до дрожи, до ужаса. Но не подчиниться не могу, даже мысли сбежать не было. Просто жутко. Быть с ним сейчас рядом.

— Они все погибли? — пискнул эльф, прячась у меня в капюшоне.

— Нет.

Молча смотрю на него.

— Тебе не понравилось, — улыбнулся он.

По коже прошел озноб. Видел бы он свои глаза. Отрицательно мотаю головой, цепляясь за теплую руку.

— А мне понравилось. Вряд ли они еще хоть раз посмеют думать, что могут выгнать меня или насмеяться надо мной.

Чудовище утробно взвыло, вываливаясь на пол полностью.

Смотрю на него, делая шаг назад и инстинктивно прячась за спину мага.

— Ладно. — Он вздохнул, перевел взгляд на чудовище и поднял руку перед собой. — Достаточно.

Щелчок пальцами. Тихий шелест вокруг и громкий визг извивающейся в судорогах твари.

— Пойдем.

Ничего не понимаю, а меня уже тянут к выходу, переступая через дергающиеся щупальца и куски камня.

Оглядываюсь, нарастает скрежет. Тварь медленно раскалывалась пополам, опадая на пол склизкими осколками, а из ее вонючего нутра начали появляться искаженные ужасом и животным страхом лица магов. Живых магов! Они вылезали, отплевывались, приходили в себя и отползали прочь от жуткого зверя.

— Ты победил.

У самых дверей останавливаемся. Маг обернулся и посмотрел на Амодеуса. Тот все так же стоял у трона — единственный, кто не пострадал в этом аду.

— Я знаю, — произнес маг и потянул меня дальше.

Амодеус больше ничего не сказал, молча глядя нам вслед.

11:01

Одежда мага начала сморщиваться, пошла дырами, кое-где обуглившись, и приняла свой изначальный грязный и весьма потрепанный вид.

— Меня не расколдовали! — рыдал горшок в руке. — Давайте вернемся. Ну пожалуйста! Ну а вдруг, если попросить!

— Тихо.

Услышав голос мага, горшок мгновенно заткнулся.

— Эти дилетанты ни за что не смогли бы снять заклятие. Так что хватить ныть.

Всхлипывания горшка. Бегу вслед за магом, временно молчаливая и довольно слабо соображающая. Если б он отпустил мою руку — точно где-нибудь сползла бы по стеночке и часа два сидела бы и приходила в себя.

— А как же я? — продолжал ныть горшок.

— Поедешь с ней в академию магии, — в меня больно ткнули пальцем, — там тебя и расколдуют.

Горшок заревел в голос. Эльф в капюшоне что-то пробурчал и притих. Он вообще особо не вякал при маге, тоже находясь под впечатлением увиденного.

— А теперь... куда? — сумела выговорить я, ежась и оглядываясь по сторонам. Надо же. Уже день в разгаре. Народу много. Солнце светит ярко.

— Домой! — жестко обрубил маг. — Я хочу помыться и поспать. И где моя карета?!

Пожимаю плечами и иду за ним следом.

Домой так домой. Я бы тоже поспала охотно.

Средница (неделю спустя)

01:28

Соплю в постели, накрывшись одеялом. Уютно. Тихо. Слышно, как тикают ходики на стене. Ходики, кстати, вырезал Нафаня, я как-то пришла на кухню, а они уже там и висят, забавные такие, резные, с чем-то непонятным (этакая пародия на птичку), вылезавшим из маленьких дверок каждый час и молча прячущимся обратно. То, что молча, — это плюс, если бы меня каждый час будили, я бы озверела, а так... да пусть вылезает, это даже забавно.

— Мне не спится.

Смотрю на эльфа, усевшегося на подушку и едва заметно шевелящего кончиками длинных ушей. Края серебристых крылышек лежали на наволочке и отливали синевой, в свете заглядывающей в окно луны это было особенно сказочно.

— А ты ляг и уснешь, — со вздохом.

Маг слово сдержал. Я сегодня мыла два этажа... чуть концы не отдала прямо на лестнице, ибо воду каждый раз приходилось таскать с кухни, хорошо хоть, не из колодца.

— Мне скучно, — капризно. — И с Сёмой толком не поговоришь.

— Чего так?

— Он до сих пор страдает, что с него чары не сняли. Любой разговор перетекает в русло: «Ах, какой я несчастный, теперь на всю жизнь горшком останусь, меня осталось только использовать по назначению».

Задумчиво кошусь на пол, но из-за подушки горшка не видно.

— Сём.

Под кроватью звякнуло.

— Сё-ома.

— Чего? — мрачно.

— Ты все еще там?

— А где мне еще быть. Ты знаешь, сколько здесь гномов? Приспичит по нужде, а я как раз мимо пробежать буду.

— Я поняла. Слушай, а хочешь, я тебя попробую прямо сейчас расколдовать?

— Не хочу, — испуганно.

— Почему?

— Если у тебя и получится что-то, в чем лично я очень сомневаюсь, — быть тем, в кого ты меня превратишь, — не хочу. Сейчас я хоть металлический и с ногами, и привык как-то, да и сломать меня достаточно проблематично. А ты сейчас как намагичишь, вообще никто и никогда не расколдует. Я тебя знаю — магичка ты никакая, это факт.

— Да ладно тебе, вылазь, говорю, хватит там сидеть. Паутиной покроешься.

— Отстань, старушка. Я в печали.

Вздыхаю. От меня выраженьиц понабрался.

— Уже неделя прошла, а ты все еще переживаешь.

— Отстань!!!

— Все-все, не трогаю. Не хочешь — не надо.

Закрываю глаза и накрываюсь одеялом с головой. Эльф прав. С ним говорить бесполезно.

Со двора донесся шум: заржали кони, заорали гномы, под одеяло проник неяркий, но вполне себе реальный свет.

— Эй. Что это?

— Откуда я знаю? Кто-то приехал.

— Приехал? К нам? Ночью? И чего дома-то не спится?!

Выбираюсь из-под одеяла. Эльф перелетел на подоконник, иду следом, шлепая босыми ногами по холодному полу. С интересом выглядываю из окна.

Надо же... и впрямь кто-то приехал. Карета, лошади, свита на десяти лошадях.

Раздается мощный возглас:

— Ланселот! Старая сволочь! Выходи, гад!

У нас с эльфом отвалились челюсти. Под кроватью тяжело вздохнули.

— Ты кто и чего тебе надо? — подозрительно спросил маг, стоя на пороге и не спеша бежать к карете с распростертыми объятиями и фанатично-радостным блеском в глазах.

— Ты меня еще и не признал? Зазнался!

Дверь кареты распахнулась. Маг дернулся назад, но за дверь мужественно не спрятался. Я его, кстати, понимала. Имидж — это наше все. А тут полно народу, второй час ночи, еще и карета такая, что черт его знает, какая важная персона сидит внутри, а с ними шутки плохи. Чуть что не так — в кандалы с амареем и в казематы или вообще на шахты, там больше трех лет только гномы живут (они привыкшие), остальным — вечная, так сказать, память.

Появилась первая нога, огромная, как кувалда, за ней вторая, потом краешек живота, и вот на землю прыгнул он. Огромный человек (или не человек) с маленькой седой бородкой и огромной улыбкой на красном от напряжения лице.

— Ты! — ахнул маг и прекратил увеличивать фаербол в размерах.

Вовремя, а то свита уже волноваться начала, что проявилось в ее массовом отступлении назад к каменным стенам. Гостя защищать не бросился ни один.

— Рикас! Старый разбойник, ты ли это! — искренне радуясь. Я его таким счастливым никогда не видела. Образ загадочного супермена, сложившийся после событий недельной давности, испарился на глазах.

— А ты чего это в трусах?

— Так спать собирался...

— Ага. А это кто?

Оба задрали голову и внимательно посмотрели на меня. Магу, кажется, стало дурно. Изучаю полосатые труселя до колен, поражаясь, что не нашла их раньше (столько раз в его комнате убиралась и не нашла) — шикарная ж половая тряпка вышла бы.

— Пошли в дом, свиту отошли обратно. Пускай с утра за тобой возвращаются, — прошипел сквозь зубы маг, выпрямил костлявую спину и гордо прошествовал в дом.

Эльф тихонечко хихикал.

Я только тяжело вздохнула и тоже пошла одеваться. Хотя я и устала, но пропустить такое просто не могла. Завтра днем куда-нибудь занучусь и отосплюсь. Гномы как раз рассказали,

где тут потайные ходы, причем мне рассказали об одиннадцати, а Лансу только о восьми. Ну это правильно. Я ж их подкармливаю втихаря, каждый вечер приходя к кострам и палаткам у кладбища с огромными сумками.

— А я... Меня возьми.

Останавливаюсь на пороге и оглядываюсь. Из-под края одеяла, свесившегося до самого пола, застенчиво выглядывал Сёма.

— Тебя? Зачем?!

— Как зачем? Это же... это же лэрд Рикас! Директор школы магов! Может, расколдует. — Последнее горшок сказал очень тихо и почти безнадежно.

Вздыхаю, хватаю его и бегу вниз. Надо и впрямь его будет расколдовать побыстрее. А то как-то несолидно мне все время с таким «аксессуаром» бегать.

01:54

Мужчины сидели в кабинете мага. Там я как раз только сегодня все убрала, отмыла, отдраила — гномы перенесли огромный черный стол, стул и пару кресел. На одном сидел маг, на втором этот самый директор.

Стою под дверью, подслушивая и подглядывая в щелочку и стараясь не обращать на себя внимания, а то мало ли какие они секреты сейчас обсуждать будут, увидят меня, и в доме на один горшок больше будет.

— Давай рассказывай. Как? Чего? Какими судьбами воскрес?

Маг, уже одетый в белую рубаху и темно-синие штаны, задумчиво смотрел на друга.

— А ты что же, в меня не верил?

— Отчего ж, верил.

— Давайте зайдем, — тихонько проныл горшок, пытаюсь разглядеть, что происходит в комнате.

— Девку-то свою впустишь али так и будет у дверей мяться?

— Я надеялся, что она сама зайдет.

— Ну-ну, — снова засмеялся маг, сидя на продавленном кресле.

Открываю дверь, вхожу, закрываю дверь. Всем... здрасте.

02:05

Меня берут в школу магии! Круто, да? Лаборанткой! За-ши-бись! Мои вежливые извинения и предположения о том, что такая честь не для меня, — никто всерьез так и не воспринял.

Рикас расщедрился и сделал меня вообще единственной лаборанткой всей школы. Раньше студенты сами за собой убирали.

— Зарплату тебе дам... ммм... Серебряная монета в месяц!

От такой неслыханной щедрости едва сдерживаюсь, стараясь подавить возгласы «счастья».

— А не маловато? — нахмурился маг. — Что делать-то будет?

— Ну как... мыть посуду после опытов, ухаживать за подопытными образцами, мыть полы, окна и стены, доску опять же... приносить мел...

Директор явно входил во вкус. Смотрю на него крайне мрачно. Очень хочется отказаться.

— То есть ты решил за медяшки нанять штат уборщиц в одном ее лице?

— Ты ничего не понимаешь! Это стимул изучать магию! Освоит магию уборки, щелкнет пальцами и...

— И полшколы нет. Я ж тебе говорил, какой именно у нее дар.

— Да ты не переживай. Если она мне полшколы снесет, я-то ее отстрою, но вот какой потом у меня будет рейтинг... Никчемная лаборантка и та щелчком пальцев сносит стены и перекрытия. Народ валом повалит. А уж сколько она отрабатывать будет...

— Ну да, ну да. Так, значит...

— Я не пойду! Это каторга...

Так. А где мой голос? Почему я не могу говорить? Зло смотрю на мага, тот полностью игнорирует меня, только вот его лицо... Сыпь у него, что ли? Весь в прыщиках, причем так быстро появляются. Интересно, это не заразно?

— Это... чего это у тебя с лицом-то? — тоже заинтересовался директор.

Маг ощупал себя, глаза широко открылись, смотрит почему-то на эльфа.

— Я предупреждал, — пискнул тот. — Побочное действие от «заклинания изменения внешности» в лучшую сторону.

— Через неделю?! — прошипел некромант.

Кноп полез ко мне в капюшон.

— Я предупреждал! Вы согласились...

Осторожно трогаю свое лицо. Мама дорогая. Я... я не хочу вот так.

02:12

Директор попытался свести эту красоту, но сделал только хуже. Маг теперь еще и чешется, причем сильно так чешется. Я, к счастью, магического лечения избежала.

— Ладно! Беру ее лаборанткой, а чтобы она не возражала, позволю ей, — в меня ткнули пальцем, — пользоваться школьной библиотекой по ночам.

Класс! Ночью я вообще-то сплю.

— Ты даже меня туда не пускал, когда я там учился.

— Только тебя что-то это не сильно останавливало. Тебя там сколько раз ловили? Причем в самом запретном отделе! Восемь? Или восемнадцать раз?

— Двадцать два, — вздохнув и расчесывая ухо.

— А ее даже наказывать не стану! Так что пусть учится, готовится к экзаменам и если через два месяца мне его сдаст... возьму в ученицы, и даже ученические буду выплачивать.

Маг фыркнул и прикрыл глаза.

— Она и за тысячу лет ничему сама не научится. Ее учить надо, причем с ножом у горла. Для мотивации.

— Не сдаст — еще полгода лаборанткой будет, чем тебе не мотивация.

А я, как назло, не могу высказаться! Ну я тебе устрою! Погоди у меня.

— Хм. И когда она спать будет? Если днем работать, а по ночам учиться?

— Зачем ей много спать? — удивленно.

На меня посмотрели. Крайне злобно смотрю в ответ.

— Вон какая крепенькая, молодая, шустрая. Пары часиков хватит, зато времени на дурь не будет оставаться.

Красота-а.

Ланселот фыркнул и щелкнул пальцами. У моих ног тут же образовался небольшой смерч и появился Нафаня.

— Три чашки горячего чая, булки, можно с вареньем, — велел маг.

Нафаня поклонился и исчез, а между креслами возник небольшой столик с тремя чашками на нем. Пока пустыми.

Завистливо вздыхаю. Мне бы так. Меня он не слушает. Быстро сообразил, что хозяин тут маг... н-да. Ну хоть кормит, когда забегаю на кухню.

— Кх-кх. Извините!

Полы моей накидки зашевелились. Разговорившиеся маги удивленно обернулись, обрывая диалог. Поднимаю полу и хмуро смотрю на погнутый несчастный горшок, робко выглядывающий из-за ноги.

— Извините! Здравствуйте! А вы... вы меня не помните?

Директор склонил голову набок, поднял горшок, показавшийся хрупким стаканом в его ручище, и внимательно осмотрел со всех сторон.

— Ксериус. Ты, что ли?

— Я! — так радостно, что у меня в правом ухе зазвенело.

— Лэрд Рикас, расколдуйте меня, пожа-алуйста-а-а... — Горшок заревел навзрыд, не уронив при этом ни одной слезинки.

— Да чего там. Да тихо ты. Погоди. Хм. Хитра на тебе вязь, хитра.

Сёму завертели, внимательно разглядывая. Тот перестал всхлипывать и старался не мешать. На столе появилась целая гора булочек, а чашки медленно наполнились ароматным чаем.

— Н-да. Нет, не могу. Тебя расколдует только тот, кто наложил чары, или его ученик.

Некромант задумчиво посмотрел на меня. Горшок скулил в голос, уговаривая директора передумать. Мне же стало как-то страшно и пусто внутри. Такая ответственность. Маг ведь и впрямь его сам не расколдует и мне не позволит. Так это что... он теперь с меня живой не слезет? Ничего себе стимуляция на будущее — выучить магию, чтобы расколдовать ночной горшок, дабы он от меня отвязался. Н-да.

— Не ори!

Сёма тут же заткнулся, а директор вернул его мне, поставив на колени, задумчиво смотря на меня.

— И чем она только тебе приглянулась? Не красавица, и я не чувствую в ней магического дара. Это, конечно, еще надо на артефакте Лямуса проверить, но все же? Чем?

Заинтересованно смотрю на мага. Мне тоже страшно интересно.

— И немая к тому же...

— Голос я забрал. Временно. Уж больно болтлива.

Директор понимающе усмехнулся.

— А внешность... — Некромант взял со стола свою чашку и плюшку, после чего откинулся назад на спинку кресла и усмехнулся, в упор глядя на меня. — Поверь мне, внешность — это не главное. Я этот урок усвоил раз и навсегда.

Директор понимающе хмыкнул и тоже потянулся к плюшкам, подхватывая чашку с горячим чаем. Тоже мне... великие вершители судеб. Вот возьму и поступлю в эту школу! И освою магию! Стану великой магинею! И тогда этот некромант будет драить все три этажа! А я буду ходить и тыкать его носом в пропущенные углы... Эх! Мечты-мечты...

Некромант и директор разговорились о формулах заклинаний и общих знакомых, на каком-то моменте я зевнула и, подумав, ушла спать, оставив Сёму и Кнопа там. Они спать не хотели, им было интересно, а мне нет. Мне бы... в кроватку. Тем более что вскоре выспаться станет недостижимой мечтой. Уже на пороге своей комнаты посмотрелась в стоящее у стены зеркало, ужаснулась своему отражению и пошла к кровати, стараясь не упасть раньше.

Плюх. Ка-айф. Все-таки как хорошо, когда хочется спать, а рядом стоит мягкая уютная кроватка с чистым, недавно выстиранным бельем, — последнее не так важно, но тоже радует.

Все. Меня нет. И чтобы никто утром не буди... и-и... хр-р-р.

Сквозь сон слышу грохот, вопли и крики гномов. Кажется, директор уезжает. Приоткрываю один глаз. Темень-то какая. Значит, еще не рассвело. Ну и ладно. Закрываю глаз и засыпаю снова. Спа-ать...

Н-да... Два месяца пролетели как-то незаметно. Я даже дневник перестала вести. А чего его вести? Только и записи что «Поела, улылась...».

Вкалывала целыми днями: мытье полов, ссоры с домовым, прием продуктов, заказ мебели, расстановка мебели, мытье окон, развешивание картин и штор, запуск фонтана...

Поела.

И снова за работу.

Сюда еще вписываются периодические ссоры с магом. Он как приехал из города — снова превратился в тирана-самодура. Ходит, командует, приказывает и влезает во все подряд. Ему не просто нужно знать, где гномы возводят очередной балкон, ему нужно при этом быть, участвовать, командовать, ругать, орать и лично контролировать процесс. При этом он успеваешь забежать на кухню — уточнить, что на ужин, дать мне по шее за то, что опять сижу без дела. Угу, сижу. Лежу! А рядом тряпка и ведро с черной водой. Гррр... ненавижу.

Параллельно он пытался учить меня магии, рассказывал о пользе того или иного заклинания, заставил учиться телепатии — через голодовку. Маг сказал, что не поем, пока мысленно не попрошу. Я подкралась и врезала ему по башке сковородкой. Ментальная атака срубилась его часа на два. Мы с гномами успели поесть и перевести дух, но потом он восстал, аки Кощей Бессмертный, и дал всем по шее... Мне тоже, причем той же самой сковородкой.

Короче, некромант жег и пепелил, а я на всю жизнь зареклась когда-либо связываться с уборкой. Не мое это. Не мое.

Но... Замок потихоньку достраивался. Вчера вон возвели ворота.

22:05

— Ну, ты как? Готова к завтрашнему? — На подоконник сел эльф, задумчиво почесывая шевелюру. Некромант и его припахал. Он теперь работает курьером по срочным донесениям. Где какие цены на рынке, кому какой товар нужен, где и какой стройматериал можно раньше и дешевле всех купить — все это Кноп узнает. После чего со всеми договаривается и ночью прилетает никакущий, тут же падает в постель, вырубаясь. И только попробуй тронь до утра — покусает.

— Меня не забудь. — В ногу ткнулись металлической ручкой. — Я тебе пригожусь.

— В устах ночного горшка это звучит особенно впечатляюще.

— Не язви. Ты же знаешь, о чем я.

Изучаю старый, помятый и погнутый горшок. Н-да... Такой и по назначению не больно-то используешь.

— Только не пались там, а то мало ли... Н-да. Кстати, маг сказал, что дети там учатся как раз с пятнадцати лет. Три года в школе — и в академию магии. Так что есть шанс, что не такой уж и

белой вороной буду выглядеть.

— Так тебе страшно или нет? — Эльф недовольно отодвинулся, когда я подняла горшок и поставила его рядом на подоконник.

— Страшно. Я не знаю, что там, а здесь... привыкла уже, что ли. Не хочу уезжать. Это уже дом.

Странно, и когда я стала так считать?

— Но мы же с тобой, — влез Кноп. — Только не вздумай меня здесь оставлять — маг из меня душу вынет, эксплуататор чертов.

Киваю, вспоминая, сколько учила мелкого этому страшному слову.

— А я там был.

Изучаю горшок, припоминая, что тот раньше был человеком, да еще и учеником мага. А ведь и впрямь вполне мог учиться в столичной школе.

— И как там?

— Трудно. Пока поступал — чуть не умер от пары заклинаний, которые сам же и сотворил. — Горшок вздохнул. — Приемная комиссия там уж очень строгая. Мы приходим-то неучами, а они сразу требуют полноценное волшебство.

— А чего ты сотворил?

— Ну я ж был выдающимся... потому сюда и попал, — мрачно.

Молчу, жду. Сёма явно переживает не лучшие моменты своего прошлого.

— Короче, сотворил я два пульсара, действующие в противопололе. Они, когда поворачивались одной стороной, — отталкивались, когда второй — притягивались. Ну и раскрутил их так, что едва ли не фейерверк получился. Кто ж знал, что срикошетят они в область наименьшего сопротивления. А я тогда такой защитой, которая у комиссии была, не обладал. Еле выжил.

— Хм. Ну это мне не страшно. Ты лучше расскажи: дальше-то что? Как сам процесс обучения проходит?

— Ну-у... школа закрытая, хоть и стоит в центре города. Окружена высокой каменной стеной, в которой есть пара секретных лазов. Я их тебе потом покажу.

Киваю, требуя продолжения. Горшок раздухарился, едва ли не впервые попав в центр всеобщего внимания.

— Внутри стен школы есть конюшня, общежитие. Пруд имеется небольшой... Конечно, есть сторожка, там живет охранник, большой такой седой гном. Говорят, на нем одном весь защитный купол школы и держится. И если бы не он — вся та магия, что творится в школе на уроках, давно подорвала бы город. Ну или натворила бы немало бед.

— Да ладно. — Кноп сверкнул рубиновыми глазками и сложил когтистые ручки на груди. — Не может этого быть. Наверняка заслон ставили лучшие маги! Чтобы безопасность столицы зависела всего лишь от одного сторожа, да еще и гнома, — не, не поверю.

— Не веришь — и не верь. — Горшок фыркнул и повернулся ручкой ко мне. — А только это не простой гном. Говорят, он пережил последнюю битву! И сам, лично, сражался с рыжим некромантом, сеявшим в то время смерть и ужас.

— Кх-кх. — Я закашлялась, представляя, как мой личный кошмар становится всеобщим. Он что, всех подряд заставлял полы мыть? Н-да.

— Ничего смешного. Это ты такая дурная, что сразу ему поверила и доверилась. А ведь недаром его боится сам король. Да что там король... Император давно убил бы некроманта, если б мог. Но... не может.

— Ну и ладно. Последнюю войну, великого Ланселота и прочее — это мы оставим на потом. Тогда зачем пошел к нему служить, раз так его боишься?

— Ты с ума сошла? А распределение! После окончания школы либо ты идешь в академию, если деньги есть и оценки высокие, либо в услужение на пять лет, копить на учебу. И тут уж кому как повезет. Мне вот... не повезло.

Поглаживаю горшок по ручке, утешая.

Мы притихли, задумчиво сидя на подоконнике и глядя на перемигивающиеся за стеной костры гномов.

— А ты учебники собрала? Ну там тетради и прочую ерунду? — встрепенулся Кноп.

— Сбирать-то мне особо и нечего. Да и потом, я же не ученица, я лаборантка, — с отвращением и тоской в голосе.

— А-а. Ну да, ну да.

Помолчали.

— А хотите, спую? — Сама не знаю, зачем брякнула. Сижу, забравшись с ногами на подоконник, ежусь от ветра, и вишь — петь собралась. Н-да. В этом вся я.

— Пой, — кивнул эльф, перебираясь ко мне на колени и зевая. Блеснули белые иглы клыков, рот закрылся, и он комфортно устроился на моем бедре, помахивая ножкой.

Сёма тоже пододвинулся ближе, утыкаясь в ногу холодной ручкой в поисках человеческого тепла и понимания. Хмыкнула, откинулась назад так, что затылок уперся в раму окна. И запела. Тихо-тихо, чтобы гномы не услышали и маг не узнал. Просто так. Для себя.

Я пела про море, про вздымающиеся волны, потом про степи и ветер, гулявший среди трав. Пела про небо, другие миры и страны. Пела обо всем и ни о чем. Слова рождались сами собой и далеко не всегда были в рифму, иногда выпадали, порой песня останавливалась, а я просто мурлыкала себе под нос, но становилось не так тоскливо и страшно.

— Хорош петь. Спать надо. Завтра рано вставать. Я тебя на рассвете подниму, — тихо сказал маг и вышел.

— Он давно подслушивал! — авторитетно заявил Кноп. — С самого начала почти. Я его в щелочку видел.

— А почему не сказал? — возмутилась я.

— А зачем? Ты бы тогда петь не стала. А так неплохо получилось. Только... без обид, но певица из тебя, равно как и бард...

— Я поняла.

Спрыгиваю с подоконника, подхватываю этих двоих, иду к постели. Та уже расправлена и манит своими теплыми объятиями. Мелькнула мысль взять с собой одеяло. Но, вспомнив, как маг все утро орал, — передумала и рухнула на кровать, едва не придавив эльфа, зато придавив горшок... грудью, кажется.

Кое-как его вытаскиваю и извиняюсь, ставя на пол.

— Да ладно... было даже приятно, — буркнули мне и уползли под кровать.

Извращенец.

Горшок-извращенец. Н-да. И это моя компания на ближайшие три года. Мрак.

02:50

Кхм... прошу прощения за вторжение. Напоминаю, вы держите в руках не просто дневник, а разумную версию, созданную агентством «Ведьмы и Ко», возглавляемым магом Антониусом Первым и великим.

Запись ведется... продолжаю функционировать в режиме автопилота...

02:57

Лежу и размышляю, о том, как резко поменялась моя жизнь за столь непродолжительное время. У меня до сих пор ощущение того, что все это нереально и происходит не со мной, что я сейчас проснусь и окажусь дома, в своей квартирке с полуотвалившимися обоями и проблемами с сантехникой. Что это все сон, вызванный перееданием сладкого и обилием прочитанного фэнтези на ночь. Н-да. Щиплю себя за руку. Уй! Больно же. Ничего не изменилось. Эльф по-прежнему сладко сопит на подушке, трогательно подложив крохотный кулачок под щечку, а из-под кровати раздается тихое звяканье. В очередной раз переживаю все произошедшее со мной. А завтра... завтра моя жизнь снова сделает крутой поворот. Завтра я еду работать (вкалывать!) в школу для магически одаренных детей. Что меня ждет там — неизвестно, но я обещала себе никогда не унывать и не сдаваться. Как говорила Скарлетт О'Хара: «Я подумаю об этом завтра!» С этой мыслью я проваливаюсь в глубокий сон без сновидений.

День отъезда

7:35

Выхожу из замка, оглядываюсь по сторонам. Все мои вещи уместились в походной суме. Мне, лично, маг выделил кривого полуслеплого отощавшего коня с проплешинами на боках. И где он только такого откопал?

— Давай садись.

Маг даже спуститься не соизволил, стоит на балконе, запахнутый в парчовый халат. Вызывающе показываю ему средний палец. Маг буреет, уже зная, что именно означает этот древний каббалистический знак.

— Дура!

— Сам дурак.

С этой, полной печали, фразой я и полезла на коня, едва не рухнувшего под моим весом.

— Признайся, — кричу магу, хмуро изучая его гордый профиль, — ты его оживил, но за воротами он снова сдохнет?

— Не сдохнет, не надейся. До школы точно довезет. И учти! Чтобы там у меня...

Я не стала слушать. Он мне все утро за завтраком на повышенных тонах объяснял, как именно я должна учиться, работать, чтобы у директора не было никаких претензий. И как мне в целом повезло.

Еду через двор к воротам, покачиваясь на доходяге, называемой конем, сопровождаемая взглядом сощуренных медовых глаз мага. Он наверняка будет скучать, ведь так?

Я все-таки обернулась, чтобы уточнить это лично.

Но тут ворота так резко открылись внутрь, что коняга от неожиданности встал на дыбы, и я навернулась в лужу, забрызгав грязью относительно новые куртку со штанами.

Ругаясь по-черному, кое-как встаю на четвереньки и пытаюсь рассмотреть, кто там у нас такой наглый.

В ворота медленно и вальяжно кто-то въехал, отражая свет солнца и слепя до рези в глазах.

Когда фигура закрыла собой свет, проезжая мимо, я наконец-то ее рассмотрела. И вмиг потеряла дар речи, сев обратно в лужу и так и замерев с открытым ртом.

А-а-ачуметь. Они существуют... принцы...

Окруженный ореолом солнечного света, один в один похожий на красавца, что создал демон при воскрешении мага... он был прекрасен. Просто прекрасен. Я никогда не видела никого подобного ему. Изящный нос, сильный подбородок, горькая усмешка в уголках тонко очерченных губ. Сапфиры, спрятанные в глубине его глаз, прикрытые золотом ресниц... У меня аж сердце вразнос пошло, а слюна затопила рот.

Судорожно сглотнув, я безуспешно пыталась встать.

— Отродье Тьмы... Где мой отец? — раздался бархатный голос, который настолько очаровал меня, что я не сразу сообразила, к кому он обращается.

— А?..

— Отец. Черный маг. Некромант. — Лицо моего личного идола обрело выражение величайшего презрения, он вздохнул и огляделся. Взгляд его уперся в балкон, на котором стоял резко

погрустневший маг.

— Отец... — тихо и почтительно.

Маг сплюнул и ушел в свои апартаменты, грохнув дверью.

Но перед этим успел крикнуть:

— Выгонят из школы — сюда можешь не возвращаться. На порог не пущу!

Показываю язык, ибо это все, что я могу. И снова смотрю на блондинистую прелесть. Хоть бы руку подал, что ли. А то сижу тут в луже, слюнки глотаю.

Но принц уже ехал дальше, гордый и фантастично красивый.

— А как тебя звать-то? — кричу в спину, чувствуя себя деревенщиной, уточняющей титул у князя.

Князь остановился, обернулся и презрительно усмехнулся в ответ.

Сердце стукнуло и с грохотом обвалилось в желудок, так там и оставшись. У него ямочки-и!!!

— Прозерпин, паладин богини Бердеи, — сказал он и пустил коня рысью в конюшню, более не обращая на меня никакого внимания.

Кое-как встаю, поправляю куртку, с трудом залезаю на шарахнувшуюся лошадь, тяжело вздыхая и выливая воду из нового сапога.

— Надо ж, Прозерпин... Имя-то какое... интересное.

— Ага. На слабительное похоже, — усмехнулся эльф, вылезая из-за воротника.

— Или на проказу, — поделился мнением притороченный к седлу горшок.

Фыркаю и пускаю коня в ворота, подгоняя его голыми пятками. Сапоги висят, привязанные к одной из седельных сумок, — в мокрые как-то влезать неохота, да и целее будут.

— Ничего вы не понимаете в принцах! — улыбаюсь я.

Друзья не ответили, споря между собой об именах и их значениях.

А я, направляя коня по узкой извилистой дорожке, ведущей из замка, мечтательно смотрела вперед, радуясь рассвету и улыбаясь своим мыслям. Я впервые, за все время нахождения в этом мире, покидала замок некроманта, вступая в новую полосу своего ненормального будущего... Что меня там ждет?